

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1980



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов,**
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. М. Дробижева, Г. Е. Марков, Л. Ф. Моногарова,
А. П. Окладников, Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Н. С. Полищук
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,**
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефон 126-94-91

Зав. редакцией *Е. А. Эшлиман*

И. С. Гурвич

ПОЛВЕКА АВТОНОМИИ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА СССР

В декабре 1980 г. исполняется 50 лет со времени создания северных автономных округов. Весьма знаменательно, что в год 50-летия северных автономных округов Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера»¹. В нем отмечаются значительные достижения коренных народов тайги и тундры и намечается на 1980—1990 гг. целостная система мероприятий по комплексному развитию экономики, улучшению руководства хозяйственным и культурным строительством, дальнейшему развитию различных отраслей промышленности, национальных художественных промыслов, оленеводческо-промысловых хозяйств, клеточного звероводства, молочного животноводства, птицеводства, свиноводства и тепличного овощеводства, а также по комплексной застройке населенных пунктов, привлечению промышленных предприятий и организаций к обслуживанию сельских населенных пунктов.

История северных автономных округов весьма примечательна. Созданию этой формы государственности предшествовала огромная, трудная и весьма своеобразная работа.

После Октябрьской революции, в 1918—1924 гг., широким фронтом развернулось советское национальное государственное строительство. Согласно свободному волеизъявлению трудящихся масс отдельных национальностей возникли суверенные советские республики, автономные советские республики и автономные области (в зависимости от численности и исторических особенностей развития, а также от специфики расселения коренных народов).

Однако малые народности Севера — чукчи, коряки, ненцы, эвенки и др., затерянные в тайге и тундре, в то время в силу крайней отсталости не только не ставили вопрос о своем собственном самоуправлении, но и не представляли себе какого-либо иного образа жизни, чем тот, который они вели.

Как известно, коренные жители Севера в царской России были самыми отсталыми и обездоленными группами населения². Выплачивавшаяся ими натуральная подать в фонд императорского кабинета, представлявшая в государственных масштабах незначительную сумму, ложилась тяжелым бременем на эти малочисленные нищие народности³. Однако царское правительство не обращало внимания на тревожные

¹ «Правда», 26 февраля 1980 г.

² М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955, с. 3—4.

³ В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена.— «Изв. РГО», 1898, т. 34, в. 3.

сведения о бедственном положении населения Севера⁴ и отвергло в 1906 г. предложение якутского гражданского губернатора, предлагавшего в виде особой «монаршей милости» освободить «вымирающие племена» — тунгусов (эвенков), ламутов (эвенов), юкагиров, чуванцев, чукчей — от разорительного налога⁵.

Основой существования этих народностей являлось примитивное, по существу присваивающее хозяйство. Неуловы рыбы, трудная ледовая обстановка, не позволявшая вести добычу морского зверя, изменение путей миграций диких оленей нередко вызывали тяжелые голодовки. Эпидемии оспы, кори, гриппа производили на Севере чудовищные опустошения. Некоторые группы народностей Севера накануне Великой Октябрьской социалистической революции находились на грани вымирания⁶.

Особенно ухудшилось положение народностей северных окраин в период первой мировой и гражданской войн. На Север перестали поступать охотничье оружие, порох, свинец, материалы для сетей и неводов, мука, ткани и т. д. Насущной задачей в первые годы существования Советской власти в связи с этим было спасение северных народностей от голода, оказание им материальной помощи. Несмотря на огромные экономические трудности, испытываемые всей страной, для народностей Севера были выделены необходимые товары, продовольствие, денежные средства⁷. В 1921—1924 гг. начали осуществляться и некоторые социальные мероприятия. Однако широким фронтом советское строительство на Севере развернулось после учреждения особого правительственного органа — Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Комитет Севера (так он стал называться впоследствии) должен был «способствовать планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях»⁸. Роль этого органа заключалась в развитии самостоятельности народов Севера, пробуждении их политической активности. Комитет Севера (в его состав вошли выдающиеся политические деятели, члены Советского правительства и ученые — специалисты по проблемам Севера) взял на себя руководство деятельностью по административному устройению, снабжению, просвещению, медицинскому и культурному обслуживанию северных окраин.

Комитетом Севера была разработана и осуществлена обширная система мер, позволивших народностям Севера постепенно преодолеть свою вековую отсталость и обособленность. По его ходатайству в 1925 г. они были освобождены от всех прямых общегосударственных налогов и сборов. Наладилось снабжение северных районов продовольствием и товарами, необходимыми охотникам, рыбакам, оленеводам. Была образована особая интегральная кооперация для снабжения, сбыта,

⁴ Н. В. Слюнин. Охотско-камчатский край. СПб., 1900, с. 679.

⁵ И. С. Гурвич. К вопросу об эволюции ясачного сбора в Якутии. — «Доклады на пятой и шестой научных сессиях Якутского филиала АН СССР». Якутск, 1954, с. 33—36.

⁶ С. А. Батурич. Отчет уполномоченного МВД по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края. СПб., 1907; С. К. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911.

⁷ М. А. Сергеев. Указ. раб., с. 220; И. С. Гурвич. Еще раз к вопросу о переходе ясачных народов Севера и Дальнего Востока к социализму. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 9, с. 101.

⁸ «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере». М. — Л., 1934, с. 22—23; см. также А. Скачко. Десять лет работы Комитета Севера. — «Сов. Север», 1934, № 2; М. А. Сергеев. Десять лет работы Комитета Севера. — «Сов. строительство», 1934, № 7; его же. Комитет содействия народностям северных окраин. — «Летопись Севера», т. III. М., 1962.

заготовок, а также организации промыслов⁹. Развертывание государственной и кооперативной торговли при твердых высоких закупочных ценах на меха позволило вытеснить с Севера частных скупщиков пушнины¹⁰.

На Сибирском Севере первые Советы появились в 1918 г. В 1923—1924 гг. в некоторых сибирских губерниях были разработаны положения о кочевых Советах, создававшихся у народностей Севера¹¹. В 1926 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердили подготовленное Комитетом Севера «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР»¹². Коренное население не сразу осознало, что местные Советы (родовые и кочевые), созданные на Севере,— это органы новой власти. Вначале их рассматривали как фискальные органы, по традиции в них выбирали богатых собственников. Не вполне понимался и демократический, коллегиальный характер Советов. Председатели Советов нередко говорили о себе: «Я — тузрик», «Я — тузсовет»¹³. Однако благодаря большой разъяснительной работе, проводимой инструкторами, уполномоченными местных отделов Комитета Севера, туземные Советы активизировали свою деятельность, стали заниматься вопросами снабжения населения товарами, борьбой с нарушителями правил охотничьего промысла, оказанием помощи бедноте и т. д.

Значительными особенностями в этот период отличалась и культурно-просветительная работа в данном регионе. Она была приспособлена к специфике быта кочевых охотников и оленеводов. Наряду со стационарными школами (для детей оседлого населения) были организованы передвижные школы (для детей кочевников)¹⁴.

Для проведения культурно-просветительной работы в глубине тайги и тундры были созданы красные яранги, красные чумы.

В районах Крайнего Севера стали работать разъездные медицинские отряды, открылись сельские больницы¹⁵.

В самых отдаленных местах кочевий коренного населения были выстроены поселки — культбазы Комитета Севера. Они состояли из школы-интерната, больницы, фактории, магазина, ветеринарно-зоотехнического пункта, заезжих домов (гостиниц) для кочевников. Работники культбаз оказывали помощь населению в его хозяйственной деятельности¹⁶.

Осуществление всех этих мероприятий потребовало привлечения на Север квалифицированных специалистов — учителей, врачей, работников культуры. По призыву Комитета Севера в тайгу и тундру отправилось множество энтузиастов — первых выпускников советских вузов¹⁷.

Длительная, терпеливая работа, проведенная под руководством Комитета Севера, оправдала себя — стабилизировалось хозяйство коренного населения, прекратился периодический голод, у народностей Севера родилось доверие к новой власти.

Большие социальные преобразования, осуществленные на Крайнем Севере в 1924—1929 гг., способствовали пробуждению активности, со-

⁹ Н. М. Скворцов. Северная интегральная охотничье-промысловая и рыбацкая кооперация. М., 1931.

¹⁰ «Пятый, расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК». М., 1928, с. 7.

¹¹ «Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока». Петропавловск-Камчатский, 1923.

¹² «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», с. 194—195.

¹³ Н. И. Леонов. Туземные Советы в тайге и тундрах.— «Сов. Север», 1, 1929.

¹⁴ Г. Н. Прокофьев. Три года в самоедской школе.— «Сов. Север», 1931, № 7—8.

¹⁵ А. В. Базанов и Н. П. Казанский. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939; Ф. Р. Богданов. Медицинская помощь малым народностям Севера.— «Сов. Север», 1, 1929.

¹⁶ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера, с. 262—291.

¹⁷ Там же, с. 262—290, 361—390.

знательности коренного населения и поставили на очередь вопрос о создании более крупных национальных административных единиц.

В 1929 г. IX съезд архангельских ненцев обратился в Комитет Севера с пожеланием объединить европейские тундровые районы с ненецким населением в единый округ. Этнически единые европейские ненцы в то время административно были разделены на две части: одна входила в Мезенский уезд Архангельской губернии, другая — в Коми область.

Президиум ВЦИК летом 1929 г. удовлетворил просьбу ненцев. В целях «развертывания творческой деятельности ненецкого народа» в составе новообразованного Северного края был создан Ненецкий национальный округ¹⁸. Образование национального округа вызвало подъем инициативы ненцев. Выделился актив из среды местного населения, ускорилось школьное строительство, возникли курсы по подготовке местных кадров. Уже в первый год существования округа значительно улучшилась работа кооперации.

Опыт работы Ненецкого национального округа ярко продемонстрировал, что эта форма национальной автономии жизненна и может быть использована и в других регионах Севера. В связи с этим правительство поручило Комитету Севера разработать вопрос о «выделении малых народностей Севера в самостоятельные национальные административно-территориальные объединения»¹⁹.

Работу по формированию северных национальных округов значительно облегчала проведенная в 1926/27 г. Приполярная похозяйственная перепись. Она дала весьма ценные данные о расселении, численности, языковой принадлежности, направлении хозяйства, социальных взаимоотношениях всех основных аборигенных групп народов Севера²⁰.

Материалы переписи послужили основой для проектов национального районирования, для определения границ округов.

10 декабря 1930 г. по постановлению Президиума ВЦИК были образованы следующие национальные округа: Остяко-Вогульский (теперь Ханты-Мансийский), Ямало-Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Витимо-Олекминский (ныне упразднен), Охотско-Эвенский (ныне упразднен), Корякский и Чукотский²¹.

В связи с крайне рассеянным расселением народов Севера для округов были выделены большие площади, нередко превышавшие территорию отдельных европейских государств. Так, например, площадь Таймырского автономного округа составляет 862 тыс. км², что почти соответствует площади Норвегии, Швеции, Португалии, взятых вместе. Площадь Ямало-Ненецкого округа равняется 750 тыс. км², Чукотского — 737 тыс. км². Автономные округа Крайнего Севера занимают огромную территорию — около 4 млн. км². Это преимущественно тундра, лесотундра и тайга.

В национальный округ выделялась территория с максимальным числом представителей одного или нескольких близких по культуре и бытовому укладу народов. Так, Ненецкий и Эвенкийский округа представляли собой однонациональные образования. Ханты-Мансийский округ, как показывает его название, являлся автономией для двух народов — хантов и манси, с однотипным хозяйством и по существу единой культурой. В этот округ вошла и часть селькупов. Таймырский округ объединил соседние народности — долган, иганасан, ненцев, энцев. В Чукотский округ вошли чукчи береговые — оседлые и кочевые, азиатские эскимосы и чуванцы, обрусевшие юкагиры, некоторые группы эвенов, а

¹⁸ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера, с. 314—315; Л. В. Хомич. Ненцы. М.—Л., 1960, с. 230—235.

¹⁹ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера, с. 315.

²⁰ П. Е. Терлецкий. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 г.). М., 1932.

²¹ «Сов. Север», 1931, № 1, с. 230—233; 1932, № 1—2, с. 251—261.

в Корякский — береговые — оседлые и оленные — кочевые коряки, а также ительмены (камчадалы). Таким образом, впервые получили автономию ненцы, нганасаны, долганы, эвенки, ханты, манси, чукчи, коряки, ительмены, азиатские эскимосы и чуванцы, частично в округа вошли кеты, селькупы, энцы.

Создание национальных округов на Севере явилось прямой реализацией указания В. И. Ленина о том, что «для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа хотя бы самой небольшой величины с цельным, единым национальным составом»²².

Для остальных 12 народов, крайне малочисленных, насчитывающих в своем составе по несколько сот человек или расселенных дисперсно, было признано нецелесообразным создавать особые округа. В местах их проживания были образованы национальные районы. Так, в 1931 г. в составе Якутской АССР было выделено 10 эвенкийских районов²³, а в 1932 г. — в Дальневосточном крае — нанайские, ульчские и другие районы²⁴.

Эта форма самоуправления также способствовала пробуждению самодетельности аборигенов Севера.

Порядок образования, структура и компетенция северных национальных округов были определены «Положением об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР», утвержденным в 1932 г. Президиумом ВЦИК и Советом Народных Комиссаров РСФСР²⁵. «Положение» было разработано Бюро Комитета Севера на основе общего положения о районах и областях РСФСР с учетом особенностей Севера.

Окружным съездам Советов было предоставлено право посылать своего депутата на Всероссийский съезд Советов. Компетенция Советов распространялась на все проживающее на их территории население, независимо от национальной принадлежности. Окружные исполкомы получали право руководить подведомственными им учреждениями и наблюдать за деятельностью всех предприятий и организаций, находящихся в пределах округов. Окружным съездам Советов было предоставлено право устанавливать в соответствии с действующим законодательством местные налоги и сборы, утверждать распределение доходов и расходов между окружным бюджетом и бюджетом районов, входящих в округа, разрешать вопросы местного значения, обсуждать вопросы общегосударственного характера и вносить по ним свои предложения в соответствующие органы. Окружным исполкомам и их президиумам вменялось в обязанность разрешать все вопросы окружного значения в период между окружными съездами Советов.

Особый порядок был установлен во взаимоотношениях окружных административных органов с краевыми и областными, обеспечивавший интересы национальных объединений. В национальных округах учреждались окружные суды и окружные прокуратуры. Согласно особому пункту «Положения», бюджет каждого национального округа включался в бюджет соответствующего края в виде самостоятельной части. Окрисполкомам поручалось составление планов хозяйственного и социально-культурного строительства на территории своих округов.

В «Положении» определялись основные задачи окружных съездов Советов и окружных исполнительных комитетов. Главным считалось осуществление социалистической перестройки хозяйства, вовлечение широких трудящихся масс в непосредственное и активное участие в политической жизни, проведение в жизнь национальной политики Советской власти, повышение политического и культурного уровня трудящихся.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148.

²³ «Собрание узаконений и распоряжений правительства», 1931, № 27.

²⁴ «Собрание узаконений и распоряжений правительства», 1932, № 11.

²⁵ «Собрание узаконений и распоряжений правительства», 1932, № 39.

«Положение» исходило из особого состояния малых народов Севера. В нем указывалось, что окрисполкомы должны принять меры к «коренизации» аппарата управления, т. е. включать в него лиц основной национальности и обеспечить обслуживание народностей Севера на родном языке.

В целом организация национальных округов была направлена на ускорение национального развития отсталых народов Севера, на приобщение их к строительству нового общества.

Действительно, образование округов резко активизировало деятельность передовых слоев коренного населения, уяснивших, что новая власть защищает их интересы.

Так, эвенки — делегаты I съезда Советов Эвенкийского национального округа (июль 1931 г.) заявили: «Хорошо делает партия и Советская власть, уравнив нас с другими народностями, помогает нам перестраивать к лучшему свою жизнь»²⁶.

В резолюции I съезда Советов Корякского национального округа делегаты с удовлетворением записали, что организация национальных округов станет поворотным пунктом в развитии северных окраин²⁷.

Уже на первых съездах стали широко и конкретно обсуждаться вопросы развития и расширения сети школьных и медицинских учреждений, было обращено внимание на необходимость создания специальных курсов для подготовки местных кадров. Делегаты предлагали меры по дальнейшему развитию торговли, рыбных промыслов, подъему оленеводства.

В 1931—1933 гг. окружные исполкомы провели большую работу по борьбе с эпизоотиями (Ненецкий округ), по развертыванию интегральной кооперации (Ханты-Мансийский округ), по расширению пушного промысла (Эвенкийский округ)²⁸.

Развитие хозяйства потребовало резкого увеличения бюджета. За первые два года в некоторых округах он вырос в 2—2,5 раза²⁹.

В 1932 г. Комитет Севера с удовлетворением констатировал благотворное влияние национального районирования (создание округов) на повышение активности трудящихся масс народов Севера, отметил улучшение их административного и культурного обслуживания. Разумеется, в этот период еще нужна была большая разъяснительная и организационная работа для дальнейшего привлечения аборигенов Севера к деятельности по перестройке своего отсталого хозяйства и примитивных форм быта. И такая работа проводилась. В Эвенкийском национальном округе, например, в 1934 г. состоялся съезд женского актива. Здесь были поставлены вопросы о выдвижении женщин на курсы, об улучшении бытовых условий³⁰. На культбазах и в центрах национальных округов были открыты курсы председателей и секретарей сельских Советов. В Ненецком округе к 1932 г. примерно половина детей школьного возраста училась в школах.

1930—1934 гг. явились по существу периодом становления национально-территориальной автономии. В эти годы внимание окружных исполкомов было обращено на подъем культуры коренного населения. Огромную работу пришлось провести им для того, чтобы осуществить к 1934 г., как это было предусмотрено планом, введение всеобщего начального образования. В 1931—32 гг. была разработана письменность на языках наиболее многочисленных народов Севера (эвенкийском,

²⁶ И. Первухин. Об организации Эвенкийского национального округа.— «Сов. Север», 1931, № 10, с. 23.

²⁷ «В национальных округах и районах». — «Сов. Север», 1933, № 1, с. 129.

²⁸ «В национальных округах и районах». — «Сов. Север», 1932, № 5, с. 139—141; 1933, № 1, с. 127—129.

²⁹ А. Скачко. IX пленум Комитета Севера. — «Сов. Север», 1932, № 5, с. 16.

³⁰ «В Эвенкийском округе». — «Сов. Север», 1934, № 6, с. 93—94.

эвенском, хантыйском, мансийском, ненецком, чукотском, корякском, нанайском, эскимосском). Вскоре началось издание на этих языках букварей и учебников. Однако направляемые на Север учителя в большинстве случаев не владели языками коренных народов. В связи с этим местным организациям приходилось выделять учителю помощника — «двуязычного» человека, переводившего детям слова учителя, а учителю — ответы учеников. Значительные усилия окружные и районные учреждения тратили на то, чтобы обеспечить школы и интернаты отоплением, освещением, снабжать учащихся привычными продуктами и т. д.

Следует отметить, что коренное население, первоначально относившееся к обучению крайне недоверчиво, убедившись в успехах учеников, стало само содействовать строительству школьных зданий, требовать учителей, учебные пособия.

Весьма трудная и на первый взгляд малозаметная работа была осуществлена работниками советских органов в округах, чтобы приучить местное население носить нижнее белье, соблюдать санитарные нормы. Женщин учили современным правилам ухода за детьми, шитью на машинках, стирке белья, выпечке хлеба. Особенно много труда и настойчивости потребовало в эти годы, строительство бань и привлечение в них населения. Работа по санитарному воспитанию его растянулась на несколько десятилетий³¹.

Формирование северных округов совпало с начальным периодом производственного кооперирования, приобщения народов Севера к социалистической экономике. В связи с осуществлением в стране ленинского кооперативного плана и проведением первых мероприятий по реконструкции промыслового хозяйства окружным исполкомам пришлось решать множество организационных и экономических вопросов.

Как известно, на Севере создавались лишь первичные производственные объединения бедняцких и середняцких хозяйств — товарищества по совместному выпасу оленей, артели по совместному использованию рыболовецких снастей и т. д., без обобществления средств производства. Эти объединения уже в первые годы своего существования оправдали себя экономически.

Совместный выпас оленей позволил высвободить часть трудоспособных людей для занятия рыболовством, пушной охотой. Это повысило материальное благосостояние членов товариществ. Создание коллективных хозяйств открыло возможности для вложения государственных средств в промысловое производство. Товариществам стали предоставляться государственные кредиты на приобретение новых средств производства — крупных неводов, вельботов с моторами, кунгасов и т. д.³²

Перестройка хозяйства потребовала от окружных Советов значительной организационной работы. При этом не обошлось без ошибок. В ряде округов пытались сразу обобществить все средства производства или создать коммуны. Однако эти перегибы, отрицательно сказывавшиеся на экономике, были своевременно замечены и исправлены руководящими организациями. Учитывая уровень развития народов Севера, особенности северного промыслового хозяйства, создание коллективных хозяйств на Севере проводилось замедленно. Только к концу 1930-х годов товарищества, накопив значительный опыт, стали обобществлять оленей, средства производства. В этот период уже была налажена ветеринарная служба, позволившая развернуть борьбу с эпизоотиями, приступить к прогрессивным зоотехническим мероприятиям. Начали вводить пастбищеобороты, подкормку оленей солью и т. д. Значительно улучшилась техника добычи рыбы. В ряде мест коренное население пе-

³¹ Т. З. Семушкин. Опыт работы по организации школы-интерната Чукотской культуры. — «Сов. Север», 1931, № 3—4; *его же*. Чукотка. М., 1938.

³² М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера, с. 327—367.

решло от примитивного речного рыболовства к высокодоходному морскому промышленному лову рыбы³³.

Местные Советы северных округов сыграли выдающуюся роль в пробуждении активности коренного населения тайги и тундры и позволили ему уже в конце 1930-х годов включиться в многообразную жизнь Советской страны.

* * *

За полвека существования северных автономных округов их население прошло большой путь в своем экономическом и культурном развитии³⁴.

В настоящее время на территории этих округов проживает более 1 млн. человек (1979 г.)³⁵.

Наиболее примечательной чертой современного развития северных автономных округов является возникновение здесь крупных очагов промышленности. Первые шаги по индустриальному освоению Севера были предприняты еще в 1930-х годах. В Чукотском автономном округе были развернуты геологоразведочные работы, и в 1940-х годах появились первые предприятия по добыче угля и золота³⁶. В Таймырском автономном округе в 1930-х годах был заложен Норильский горно-металлургический комбинат. В Ханты-Мансийском округе тогда же начала развиваться лесная промышленность. Окружные исполнительные комитеты и все население округов оказали большое содействие промышленному освоению Севера. В геологические партии в качестве проводников, перевозчиков грузов направлялись наиболее активные представители коренного населения. С конца 1950-х годов Крайний Север вступил в полосу ускоренной индустриализации. В Чукотском округе на базе месторождений золота, а также цветных металлов (в Билибинском, Чаунском и Иультинском районах) возникли крупные промышленные комплексы. Работает самая северная в СССР Билибинская атомная электростанция; проложены линии высоковольтных передач, автотранспортные магистрали³⁷.

Норильский горно-обогатительный комбинат, расположенный в Таймырском автономном округе, является одним из поставщиков никеля и меди. В Норильске создана база по опробованию новой техники, специально приспособленной для работы в условиях Крайнего Севера³⁸.

В 1960-х годах на севере Западной Сибири, в среднем течении Оби, была открыта нефтегазоносная область. На этой основе в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах создана мощная нефтегазовая промышленность³⁹.

³³ И. С. Гурвич, К. Г. Кузаков. Корякский национальный округ. М., 1960, с. 128—130.

³⁴ Развитие экономики северных округов и их достижения в области культуры неоднократно привлекали внимание исследователей. См.: «30 лет Ямало-Ненецкого округа». Тюмень, 1960; Н. М. Ковязин, К. Г. Кузаков. Советская Эвенкия. М.—Л., 1963; «Ямало-Ненецкий национальный округ». М., 1965; Я. Е. Киселев. Расцвет национальной культуры: Ханты-Мансийскому округу — 30 лет. Ханты-Мансийск, 1966; И. С. Вдовин. Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти.— «Сов. этнография», 1967, № 5; В. Н. Зибарев. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932). Томск, 1968; его же. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972; М. Е. Бударин. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968; И. П. Клещенко. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1968; В. Н. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера. М., 1968; его же. Путь народов Севера к социализму. М., 1971; В. Г. Балицкий. От патриархально-общинного строя к социализму. М., 1969.

³⁵ «Население СССР». М., 1980, с. 5—7.

³⁶ «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней». Новосибирск, 1974, с. 181—227.

³⁷ Там же, с. 372—375.

³⁸ О промышленном развитии Крайнего Севера см. С. М. Славин. Освоение Севера. М., 1975.

³⁹ «Народное хозяйство СССР в 1975 г.». М., 1976, с. 306.

В Эвенкийском округе открыты и разрабатываются месторождения оптического калыцита⁴⁰. Лесопромышленные предприятия работают в Ненецком и Ханты-Мансийском округах.

Промышленные очаги, созданные в северных автономных округах, имеют общесоюзное хозяйственное значение. Экономика северных автономных округов неразрывно связана с экономикой всего Советского Союза, и освоение северных территорий является частью общесоюзного планирования народного хозяйства.

В постоянно действующую магистраль превратился Северный морской путь. В Ханты-Мансийском округе проложены железнодорожные линии.

С развитием промышленности и морского транспорта в северных автономных округах возникли города, речные и морские порты. Городом металлургов стал Норильск. Это крупнейший центр индустрии за Полярным кругом. Хотя город расположен на вечной мерзлоте, он застроен многоэтажными зданиями с благоустроенными квартирами, культурно-бытовыми учреждениями и многочисленными промышленными предприятиями. В Норильске работают вечерний Индустриальный институт, Горно-металлургический техникум, здесь находится и Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера.

Значительное строительство развернулось и в других городах — Анадыре, Певеке, Ханты-Мансийске, Салехарде.

Крупными портами стали Амдерма, Дудинка, Провидение.

Развитие промышленности, вызвавшее значительный приток населения в автономные округа, явилось предпосылкой для продвижения на Север молочного животноводства. В настоящее время оно развивается в Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах. Специализированные молочные фермы и тепличные овощеводческие хозяйства созданы при промышленных предприятиях в Таймырском и Чукотском округах. Во всех северных округах на промышленной основе развивается птицеводство.

В связи с освоением природных богатств Севера и культурным строительством в этой зоне численность населения в северных округах за счет главным образом механического прироста между переписями 1959 и 1979 гг. увеличилась почти в 3 раза (см. табл.).

Естественно, в этих условиях доля коренных жителей среди населения округов сокращается.

Наибольший процент народы Севера составляют, по данным переписи 1979 г., в Эвенкийском округе — 20%, в Ямало-Ненецком — 15,8%, в Корякском — 24% и Ненецком — 12,8%, в Чукотском — 9,5%, в Таймырском — 16,2%.

Однако приток пришлого населения, так же как и индустриальное освоение округов, не ущемляет интересов коренных жителей. Напротив, с развитием промышленности, урбанизацией улучшаются бытовые условия, возрастают заработки.

Изменение численности населения автономных округов

Автономные округа	Численность населения (тыс. чел.)		
	1959*	1970**	1979***
Ненецкий	36,9	39,1	47
Ямало-Ненецкий	62,3	80,0	158
Таймырский	33,4	38,0	44
Ханты-Мансийский	123,9	271	569
Эвенкийский	10,3	12,7	16
Чукотский	46,7	101,2	133
Корякский	27,5	31,0	34
Всего в округах	341,0	573,0	1001

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959, РСФСР», М., 1963, с. 29.

** «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», М., 1972, ч. 1, с. 11, 13, 15.

*** «Население СССР», с. 5—7.

⁴⁰ В. Н. Увачан. Север в условиях развитого социализма. Красноярск, 1977, с. 40.

Следует отметить, что коренные жители и в настоящее время широко представлены среди депутатов окружных, районных и местных Советов. Так, например, согласно имеющимся в литературе данным, в конце 1960-х годов аборигены составляли 14% жителей округов и 35,2% депутатов окружных Советов⁴¹.

Развитие промышленности и транспорта оказало благотворное влияние и на промыслово-оленьеводческое хозяйство, в котором занята большая часть коренных жителей и куда теперь внедряется новая техника. За последние 10—15 лет в северных автономных округах были проведены большие организационно-экономические мероприятия по укреплению северных промыслово-оленьеводческих хозяйств и преобразованию их в совхозы. Так, например, в Чукотском округе в 1968 г. все колхозы были реорганизованы в совхозы. Это позволило усилить жилищное строительство, улучшить снабжение техникой. Заработки оленеводов в совхозах и колхозах нередко превышают заработки квалифицированных промышленных рабочих.

В настоящее время оленеводство является ведущей отраслью северного промыслового хозяйства. Всего оленей в СССР — 2300 тыс. голов, в том числе в северных автономных округах: в Ненецком 179 тыс., в Ямало-Ненецком 387, в Ханты-Мансийском — 54, в Таймырском — 97, в Эвенкийском — 44, в Чукотском — 547, в Корякском — 155 (1977 г.)⁴². Изменилась форма организации труда в оленеводстве. В оленеводческих хозяйствах широко используются трактора, вездеходы, катера для завоза в тундру продуктов, оборудования, медикаментов, подкормки для оленей и вывоза продукции. Олений гужевой транспорт теперь применяется только для внутрихозяйственных работ.

Большая работа проведена окружными исполкомами по превращению оленеводства в отгонное животноводство. Как известно, наиболее трудоемким является летний выпас оленей, когда стадо беспокоят комары и оводы, когда оно страдает от непривычно высокой температуры. Убытки от подкожного овода на одну треть снижали доходы от оленеводства. В настоящее время проводится систематическая противооводная обработка стад. Для борьбы с комарами применяется опрыскивание стад эмульсией гексахлорана, что также дает хорошие результаты. Все это облегчает труд пастухов. Разумеется, проведение этих мероприятий было бы невозможно без новой техники — тракторов, вездеходов. Техника используется и при перекочевках.

Прекратился пеший выпас оленей. На летнюю кочевку оленеводы чукчи и коряки выходят на вездеходах или тракторах. Это избавляет пастухов от переноски на себе тяжестей, позволяет взять с собой переносное жилище, печи, запас дров и продовольствия. Каждая бригада теперь имеет портативную радиостанцию и ежедневно связывается с центром совхоза. В случае нужды — заболевания кого-либо из членов бригады, недостатка в продовольствии и т. д. — в бригады срочно направляется вездеход или вертолет.

Рентабельность оленеводства резко повысилась благодаря строительству аммиачных ледников, созданию мастерских, оборудованных техникой для выделки шкур и пошива одежды.

В оленеводстве осуществляются широкие зоотехнические мероприятия. Введены твердые пастбищеобороты, определены рациональные размеры стад для разных природных зон, проводится большая работа по улучшению породы скота.

На новой технологической основе промыслового хозяйства завершается перевод оленеводов на оседлый образ жизни. В каждом автономном округе при этом считаются с местными условиями. Так, в Ненецком

⁴¹ «История национально-государственного строительства в СССР 1937—1966 гг.». М., 1970, с. 187—188

⁴² «Северное скотоводство». М., 1979.

автономном округе применяется сменный выпас оленей, заключающийся в том, что звенья оленеводческой бригады сменяются через определенные сроки. Это дает возможность пастухам-оленеводам значительную часть времени жить в поселках⁴³. На Чукотке и в Корякском автономном округе, где маршруты кочевий крайне велики, в районах зимних и летних пастбищ для нескольких пастушеских бригад создаются небольшие поселки, так называемые перевалочные базы. В ряде районов применяется вольный выпас оленей в изгородях, что избавляет пастухов от постоянных перекочевков.

Изменения коснулись и других отраслей промыслового хозяйства — охоты и рыболовства. В 1950-х годах большое развитие на Севере получило звероводство. Однако эта отрасль является вспомогательной, так как кормовые мясо-рыбные ресурсы Севера очень ограничены.

В связи с развитием промышленности, продвижением на Север животноводства, огородничества в закрытом грунте, реконструкцией промыслового хозяйства исполнительным комитетам северных автономных округов пришлось решать множество сложных вопросов, связанных с массовым жилищным строительством, улучшением средств связи и др.

Одной из серьезных проблем, возникших в последние десятилетия, является охрана природы. Окружные исполкомы, районные и сельские Советы уделяют большое внимание этой проблеме, так как природа на Севере крайне уязвима и ее восстановление требует значительно больше времени, чем в любом другом районе страны⁴⁴.

В ряде округов введена эффективная охрана лесов и пастбищ от пожаров. На летний период создаются отряды, патрулирующие свои участки на самолетах и вертолетах. В случаях загорания они своевременно ликвидируют очаги пожаров.

В последние годы в дополнение к ранее открытым созданы новые заповедники и заказники. Крупный заповедник организован в Таймырском автономном округе. Заповедником объявлен о. Врангеля. Введены строгие сроки охоты, рыбной ловли. В ряде районов, близких к нерестилищам, запрещен лов рыбы, однако коренному населению предоставлены определенные льготы.

Преобразования в экономике повлекли за собой значительные изменения в социально-профессиональной структуре аборигенного населения северных автономных округов.

Реконструкция северного промыслового хозяйства потребовала квалифицированных кадров. Из среды коренного населения подготовлены ветеринары, зоотехники, звероводы, охотоведы, механики, водители тракторов и вездеходов, строители. В оленеводстве теперь работает много лиц со средним и средним специальным образованием. Таким образом, профессиональная структура коренного населения, даже занятию в промысловом производстве, за последние 20 лет резко изменилась.

Согласно данным Всесоюзной переписи 1970 г., сельское население среди народов Севера составляло 81%, городское — 19%. Проживающие в городских поселениях заняты в промышленности, на строительстве, транспорте, в сфере обслуживания. Среди народов Севера появились не только учителя, врачи, медицинские сестры, ветеринарные врачи и др., но и группы научной, художественной и административной интеллигенции⁴⁵.

Изменение социально-профессиональной структуры коренного населения, приближение ее к общесоветской, несомненно, обусловлено большой работой по подъему образовательного уровня населения, проведен-

⁴³ Б. В. Лошев. Некоторые вопросы развития национальных районов Крайнего Севера. Якутск, 1973.

⁴⁴ В. В. Крючков. Чуткая Субарктика. М., 1976, с. 131—134.

⁴⁵ С. С. Савоскул. Социально-культурное развитие народов Севера. — «Расы и народы», 8, 1979, с. 112—129.

ной в северных автономных округах. По данным переписи 1970 г., только в сельской местности Крайнего Севера высшее образование имели около 400 представителей народностей Севера, а незаконченное высшее и среднее специальное — около 3000 чел. На начало 1980 г., например, в Чукотском автономном округе в различных отраслях хозяйства работало 569 специалистов из числа народностей севера с высшим и средним специальным образованием.

Практически все дети в северных автономных округах уже с 1940-х годов охвачены школьным образованием. К началу 1960-х годов завершено введение обязательного восьмилетнего обучения. Большинство детей школьного возраста находятся в интернатах при школах на полном государственном обеспечении. В начальных классах северных школ преподаются родные языки в качестве предмета, частично и само преподавание ведется на родном языке⁴⁶. Так, в Чукотском автономном округе сложилась определенная система преподавания родного языка. Он изучается детьми в старших группах детского сада, затем в подготовительном классе (в нем учатся шестилетние дети); в 1—3 классах язык изучается как предмет по учебному плану, в 4—7 классах — в кружках, и в 8—9 классах преподается факультативный курс. Округ располагает значительным числом опытных учителей, владеющих чукотским и эскимосским языками. Всего в Чукотском округе в 38 национальных школах в 1979/1980 учебном году обучались родному языку 2784 чукчей, 263 эвенка, 275 эскимосов, а в 36 детских садах — 265 детей пятилетнего возраста.

В северных автономных округах работает 11 специальных средних учебных заведений. Педагогические училища имеются в Анадыре, Ханты-Мансийске, Нарьян-Маре и Салехарде. В них обучается более 700 студентов из коренного населения. Сельскохозяйственные техникумы функционируют в Нарьян-Маре, Салехарде, Дудинке; медицинские училища — в Салехарде, Ханты-Мансийске. Учителей для Севера готовит отделение Севера Ленинградского педагогического института им. Герцена, а также Хабаровский, Магаданский и Камчатский педагогические институты.

Подъем образовательного уровня коренного населения северных автономных округов сопровождается положительными сдвигами и в других областях культуры. Так, значительных успехов на Севере достигло здравоохранение. В прошлом среди многих народов Севера слепота считалась естественным уделом стариков. Трахома, широко распространенная болезнь среди населения тайги и тундры, в настоящее время ликвидирована. Современное население только из учебников знает о страшных эпидемиях оспы. Удалось покончить и с такими болезнями, как ящур, брюшной тиф и паратиф, полиомиелит. В семи автономных округах Севера теперь имеется обширная сеть медицинских учреждений: окружных, районных, участковых больниц⁴⁷, специализированных диспансеров, фельдшерско-акушерских пунктов. Здесь работает 3249 врачей.

Следует отметить и рост культурно-просветительных учреждений в северных автономных округах. Как правило, в каждом поселке имеется клуб с киноустановкой, библиотека. В настоящее время в округах функционирует свыше 500 клубных учреждений.

Так как значительная часть коренного населения, занятая промысловым хозяйством, много времени проводит вне поселков, то для культурного обслуживания оленеводов, охотников, рыбаков в конце 1960-х годов вместо передвижных клубов — «красных яранг» — созданы аги-

⁴⁶ А. Ф. Бойцова. Школа народов Крайнего Севера. — «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера». М., 1971, с. 141—151.

⁴⁷ Г. М. Данашевский. Патология человека и профилактика заболеваний на Севере. М., 1968; Б. Я. Чикин, Б. М. Чекнев. Охрана здоровья народностей Севера. М., 1974.

тационно-культурные бригады. Эти клубные учреждения укомплектованы методистами, имеющими специальное музыкальное или хореографическое образование, лекторами, киномеханиками. Агитационно-культурные бригады, используя современный транспорт (вертолеты, вездеходы), обслуживают отдаленные бригады, давая концерты, демонстрируя кинофильмы, проводя беседы, лекции, снабжая пастухов художественной литературой и т. д.

Значительным достижением в культурном развитии народов Севера является возникновение самобытной художественной литературы. Писатели и поэты из народов Севера создали замечательные произведения, посвященные особенностям жизни обитателей тайги и тундры, глубоким изменениям, затронувшим Север⁴⁸. Произведения чукчи Ю. Рытхеу, удэгейца Д. Кимонко, нивха В. Санги, нанайца Г. Ходжера, манси Ю. Шесталова переведены на многие языки народов СССР, а также на французский, английский, немецкий, испанский, чешский и др.

Для современного культурного развития народов Севера характерно и такое явление, как профессионализация традиционного искусства. Так, резчики по кости чукчи и эскимосы, объединившиеся в художественной мастерской, превратились в профессиональных художников⁴⁹. Произведения лучших мастеров известны всей стране.

Особое развитие получило танцевальное искусство народов Севера. Теперь традиционные танцы исполняются не только любителями, самодеятельными коллективами, но и профессионалами. В Корякском автономном округе создан профессиональный ансамбль «Менго». Он осуществил балетную постановку по национальным мотивам. В Чукотском округе в 1969 г. возник профессиональный чукотско-эскимосский ансамбль «Эргырон» («Рассвет»), исполняющий эскимосские и чукотские танцы и пантомимы.

Таким образом, культура коренных жителей автономных округов Севера в целом достигла уровня, приближающегося к общесоветским, общесоюзным показателям.

В июне 1980 г. третья сессия Верховного Совета СССР десятого созыва приняла закон «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов»⁵⁰. В законе указывается, что «Совет народных депутатов автономного округа утверждает текущие и перспективные планы экономического и социального развития и бюджет автономного округа, руководит подчиненными ему государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями». Таким образом, Совет народных депутатов автономного округа является подлинным органом государственной власти на своей территории. В принятом законе также определены порядок работы Советов народных депутатов автономных округов, полномочия исполнительного комитета окружного Совета, постоянных комиссий, отделов и управлений окружных исполкомов⁵¹.

Все мероприятия по развитию хозяйства, по подъему культуры коренного населения северных автономных округов могли быть осуществлены при постоянной помощи и поддержке Коммунистической партии и правительства РСФСР и СССР⁵².

Руководящие государственные органы и в настоящее время уделяют большое внимание развитию хозяйства и культуры в северных автоном-

⁴⁸ Б. Л. Комановский. Возникновение литератур малых народов Севера и Дальнего Востока. Магадан, 1977.

⁴⁹ Т. Б. Митлянская. Художники Чукотки. М., 1976.

⁵⁰ «Правда», 26 июня 1980 г.

⁵¹ Там же.

⁵² З. П. Соколова. Постановления партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935—1968 гг.).— «Осуществление ленинской национальной политики у народов Севера». М., 1971, с. 66—116.

ных округах. В целях оказания им систематической поддержки и помощи в 1962 г. в аппарате Совета Министров РСФСР был организован отдел по развитию хозяйства и культуры народов Севера, соответствующие отделы созданы в Камчатском, Магаданском, Тюменском областных исполкомах, Красноярском и Хабаровском крайисполкомах и в Совете Министров Якутской АССР. Отделы Севера созданы и в соответствующих министерствах.

Величественная программа дальнейших преобразований намечена в уже упоминавшемся постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В связи с этим разрабатывается схема развития сельского и охотничьего промыслового хозяйства на период до 1990 г. Ряду министерств, ведомств и научных организаций поручено принять меры к укреплению материально-технической базы оленеводческо-промысловых хозяйств. В 1980 г. предполагается завершить работу по созданию эффективных средств борьбы с кожным оводом и гнусом, а также средств защиты домашних и промысловых животных от заболеваний.

В постановлении предусмотрены меры по дальнейшему улучшению материального и культурного уровня жизни населения Севера. Расширяется строительство и ввод в эксплуатацию жилых домов, объектов культурного назначения, коммунального хозяйства, здравоохранения, просвещения, торговли. В северных районах создается единая сеть передвижных культурно-просветительных учреждений. Расширен прием в высшие и средние специальные учебные заведения учащихся из числа народностей Севера, которые будут находиться на государственном обеспечении.

Очень большое внимание уделено в этом постановлении реконструкции быта коренного населения Севера. Соответствующим организациям указано завершить разработку новых типовых проектов передвижных жилых домов с автономным отоплением и освещением, с учетом бытовых традиций и уклада жизни народностей Севера. Расширится производство специальной одежды и обуви для оленеводов, охотников и рыбаков Крайнего Севера. В планах на 1981—1990 гг. намечается дальнейшее развитие сети санаторно-курортных учреждений, детских оздоровительных и пионерских лагерей. Принимаются дополнительные меры по укомплектованию кадрами врачей учреждений здравоохранения. Усиливается передвижная специализированная медицинская помощь.

В постановлении намечены также меры, обеспечивающие дальнейший расцвет культуры народностей Севера, в частности развитие их родных языков. Академии наук СССР рекомендовано продолжить лингвистические и социологические исследования по проблемам развития письменности на языках народностей Севера. Расширится выпуск учебников на этих языках, учебно-наглядных пособий, словарей для общеобразовательных школ, педагогических училищ и институтов. Согласно постановлению, должны быть развернуты научные исследования в области социально-экономических и медико-биологических условий жизни народностей Севера. В этой связи должны быть расширены и этнографические исследования, направленные на перестройку бытовых укладов народностей Севера и на дальнейший подъем их культуры.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР воспринято на Севере как яркое свидетельство неустанной заботы нашего государства о народностях тайги и тундры, обо всем населении этих суровых районов и вызвало подъем творческой трудовой активности оленеводов, охотников, рыбаков, работников промышленных предприятий и учреждений.

Встречая свой полувековой юбилей, население северных автономных округов готовится новыми трудовыми успехами достойно ознаменовать XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза.

HALF-A-CENTURY OF AUTONOMY FOR THE PEOPLES OF THE SOVIET NORTH

The paper traces the path of social and economic development traversed by the indigenous peoples of the taiga and tundra zones in the 50 years that have passed since the creation of the northern autonomous districts. A Committee for the North under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee was set up in 1924; its task was to promote the awakening of political activity among the Northern peoples. As a result of the comprehensive administrative and economic measures elaborated by the Committee the age-long backwardness and isolation of these peoples was gradually overcome; the pre-conditions were created for forming their national autonomous districts.

In 1930 these districts were formed by decree of the All-Union Central Executive Committee. This led to greater social activity on the part of the working masses of the indigenous population. An important part in the over-all transformation of the life of the Northern population was played by the local Soviets.

The author demonstrates the basic changes that have occurred in all the spheres of life of the indigenous peoples of the North; these changes have affected their social life, the economy, domestic life, education and culture. An original literature has sprung up, professional artists have emerged, song and dance companies have come into being. The culture of the indigenous peoples of the North has become an integral part of Soviet culture as a whole.

All these achievements are noted in the resolution issued by the Central Committee of the Communist Party and the Council of Ministers of the USSR «On measures to be taken towards the further economic and social development of the regions inhabited by the Peoples of the North». This resolution envisages for the decade 1980 to 1990 a comprehensive system of measures for an all-round upsurge in the economy and for better leadership in economic and cultural development.

С. И. Брук, В. М. Кабузан

**ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
(1719—1917 гг.)**

Россия с самого начала своего существования формировалась как многонациональное государство. Если в центре ее жило население, этнически сравнительно однородное, то на окраинах обитали народы, относящиеся ко многим языковым семьям и группам и исповедующие различные религии. Национальная политика царизма была направлена на угнетение народов. В. И. Ленин в статье «О праве наций на самоопределение» показал своеобразие национальных отношений в царской России: «Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. Великорусы занимают гигантскую сплошную территорию, — писал он. — ...Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что „инородцы“ (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах...»¹. Таким образом, В. И. Ленин, разрабатывая теоретические проблемы, связанные с национальным вопросом, особое внимание уделял этнической принадлежности народов, их численности и характеру расселения.

Большая социально-экономическая значимость этнической принадлежности населения настоятельно требовала полного и точного ее учета. Особенно это относится к России, население которой по мере расширения границ становилось в национальном отношении все более пестрым.

Начало статистического учета жителей в Московской Руси было положено в XV в. так называемыми писцовыми книгами, составление которых было связано с обложением налогами тяглогового населения. В XVI в. писцовые книги уступают место переписным книгам, составленным на основе подворных переписей. Переход от подворной к подушной подати потребовал введения новой формы учета, так называемых ревизий (т. е. всеобщих проверок подаваемых «сказок» о числе налогоплательщиков в каждом населенном пункте).

В рассматриваемый период в России также последовательно сменилось несколько видов учета населения. С начала XVIII в. и до 60-х годов XIX в. основным видом учета являлись ревизии. Всего в России было проведено 10 ревизий (1719, 1745, 1763, 1782, 1795, 1811, 1815, 1834, 1850 и 1858 гг.). Все иные виды регистрации населения в условиях дореформенной России (церковный учет с 20-х годов XVIII в., административно-полицейский учет с 60-х годов XIX в.) отличались гораздо меньшей степенью полноты и достоверности. Церковный учет до 30-х годов XIX в. не распространялся на мусульман и ламаистов, к тому же до середины XIX в. он неудовлетворительно регистрировал смертность населения; не были точными и административные исчисления, так как

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 271.

до 1858 г. они основывались главным образом на показателях ревизий и церковного учета. Тем не менее в целом эти виды регистрации населения дореформенной России позволяют изучить численность, размещение и состав жителей империи, в том числе их этническую принадлежность.

Во второй половине XIX в. на смену ревизиям приходит текущий административно-полицейский учет, который определял численность и состав наличного населения всей империи (кроме Финляндии). Всего в дореволюционный период было проведено шесть общеимперских исчислений населения (на 1 января 1859, 1864, 1868, 1871, 1886 и 1897 гг.). В промежутках между ними местная администрация, используя показатели естественного, а отчасти и механического движения населения, определяла число и состав жителей на 1 января каждого года. С 40-х годов XIX в. такие сведения помещались в губернаторских отчетах, а с 70-х годов — публиковались в так называемых обзорах начальников губерний.

С 50-х годов XIX в. более совершенным делается и церковный учет. Стали фиксироваться все вероисповедания, более полно регистрировалась смертность населения.

В пореформенные годы в отдельных частях империи проводятся локальные переписи населения (в Петербурге, Москве, Одессе, Прибалтике и т. д.), в ходе которых регистрировался родной язык. Наконец, 28 января 1897 г. по всей империи (кроме Финляндии)² была осуществлена первая научно организованная перепись населения, зафиксировавшая родной язык и вероисповедную принадлежность жителей России. В 1916 г. на большей части страны³ была проведена поземельная перепись, которая учла наличное сельское население, а в 1917 г. — поземельная и городская переписи, охватившие и сельское, и городское население, как наличное, так и постоянное. Языковая принадлежность этими двумя последними переписями фиксировалась только на части территории империи (в Туркестане, Казахстане, Якутии, Тифлисской и Кутаисской губерниях и некоторых других местах), однако текущий полицейский учет 1914—1916 гг. позволяет определить этно-языковой состав жителей всех регионов России также и накануне Октября.

В Западной Украине (Галиция и Закарпатье) учет населения организуется с середины XVIII в. Первоначально это были местные ревизии (наиболее качественными считаются проведенные в 1777, 1787 и 1818 гг.) и церковный учет (так называемые «схематизмы», фиксировавшие по приходам число прихожан и их вероисповедание, а в Закарпатье — и родной язык)⁴. С 50-х годов XIX в. здесь, как и на всей территории Австрийской монархии (с 1867 г. — Австро-Венгерской), стали проводиться научно организованные переписи (1851, 1857, 1869, 1880, 1890, 1900 и 1910 гг.). Текущий и церковный учет сохранялся, и с его помощью определялись число и состав жителей в период между переписями.

Ревизии в России — единственный и достаточно качественный источник, позволяющий учесть этническую принадлежность жителей страны в XVIII в. В ходе I ревизии практически повсеместно в ревизских сказках регистрировался этнический состав, хотя специального указа по этому поводу не было. Последнее привело к тому, что в сводных генеральных табелях этой ревизии данные о численности народов не выделялись (в случае необходимости такие данные можно было извлечь из ревизских сказок, как было сделано, например, при крещении населения Поволжья и Приуралья). А в сводных ведомостях II ревизии, где ее результаты сравнивались с результатами I ревизии, показатели чис-

² В Финляндии переписи населения проводились в 1865, 1880, 1890, 1900 и 1910 гг.

³ Кроме оккупированных и прифронтовых районов.

⁴ Схематизмы существуют с середины XVIII в., но в опубликованном виде известны с начала XIX в. (главным образом с 1811—1817 гг.).

ленности уже в большинстве случаев приводятся по обоим ревизиям. Сословно-этнические группы, выделенные по II ревизии, затем фигурируют в неизменном виде в ревизиях до конца XVIII в. (включая V ревизию), — например, служилые татары, служилые чуваша, служилая мордва, ясашные татары, ясашные чуваша, ясашная мордва, ясашные черемисы, ясашные вотяки, ясашные русские и т. д.⁵ Подробно фиксировалась этническая принадлежность населения на Украине. Здесь выделялись украинцы (в том числе отдельно запорожцы), русские, волохи, молдаване, турки, татары, греки и т. д.⁶ Всегда отдельно и подробно, по сословиям (купцы, мещане и др.), регистрировались евреи и караимы.

Характерная особенность ревизий первой половины XVIII в. заключалась в том, что они учитывали большинство народностей России исходя из их самоназвания и родного языка. При этом совершенно не принимались во внимание ассимиляционные процессы. Впрочем, эти процессы в XVIII в. в условиях феодально-крепостнической России протекали сравнительно медленно; игнорирование их ревизиями, на наш взгляд, не искажает сколько-нибудь существенно показателей численности народов страны. Недостатком ревизий было также то, что они не регистрировали некоторые старокрещенные народности страны (карелы, коми, и др.), и для их учета приходится использовать данные специальных исчислений 80-х годов XVIII — начала XIX в.

В XIX в. ревизские сказки также фиксировали этнический состав населения России, но в сводных ведомостях этот показатель учтен не был (этнические показатели в них даны лишь в самом обобщенном виде). В этих ведомостях итоговые данные приводятся по группам, в состав которых включались представители различных народностей, уплачивающие одинаковую подушную подать. Так, например, весьма расплывчатый характер имела графа перечневых ведомостей и окладных книг — «Государственные крестьяне разных наименований». Сначала (VI—VIII ревизии) эта графа в примечаниях расчленялась на составные части (ясашные крестьяне, служилые татары и т. д.)⁷, что позволяло получать еще некоторые сведения о народах России. Однако с 50-х годов XIX в. (IX и X ревизии) в окладных книгах исчезают и такие уточняющие разъяснения⁸. В первой половине XIX в. ревизские источники содержат полные данные только о некоторых народностях: евреях, караимах, армянах, греках, немцах (колонистах и меннонитах), татарах Таврической губернии и т. д. Таким образом, ревизии, проводившиеся в XIX в., не дают уже необходимых сведений для изучения этнического состава жителей всей империи. По ним можно рассматривать расселение и численность лишь отдельных народностей.

В связи со всем этим текущий полицейский учет с 40-х годов XIX в., опираясь на результаты соответствующих ревизий и дополнительных подсчетов местной администрации, стал регистрировать сведения об этническом составе населения страны. В отчетах и обзорах губернаторов появляются данные о численности так называемых инородцев и иноверцев. В графе «Инородцы» помещались обычно погубернские данные о численности нерусских народностей, извлеченные из материалов церковного учета, а в графе «Иноверцы» — поуездные сведения о числе католиков, лютеран, магометан, ламаистов, буддистов, меннонитов, иудаистов и т. д. По Западной Украине в первой половине XIX в. основные данные об этническом составе населения содержатся, как уже

⁵ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 259, оп. 19, д. 23, л. 262.

⁶ Там же, Гос. архив, р. XVI, оп. 1, д. 588, ч. 5, лл. 66—120.

⁷ Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 571, оп. 9, д. 34, с. 74—76.

⁸ Там же, д. 50—54.

говорилось, в ведомостях (схематизмах) церковного учета. Австрийские же ревизии подразделяли жителей только на христиан и евреев.

В целом для определения этнического состава населения до конца 60-х годов XIX в. нами использовались первичные источники: ревизского учета, материалы церковного учета и результаты различных местных полицейских исчислений (которые нередко являлись комбинациями из ревизского и церковного учетов). Особую ценность представляют данные административно-полицейского учета, отраженные в «Списках населенных мест», где в основном по состоянию на 1859 г. приводятся и поездные сведения об этническом составе населения. Таким образом, при определении этнического состава населения дореформенного периода в основу были положены такие показатели, как родной язык и самоназвание (по ревизским данным). Благодаря использованию материалов ревизий стало фиксироваться происхождение, а реальные этнические процессы (естественная ассимиляция) принимались во внимание далеко не всегда⁹. Привлечением данных церковного учета (о вероисповедной принадлежности прихожан) вводился в оборот новый этнический определитель, который позволял установить численность евреев, караимов, армян, калмыков, бурят, украинцев-униатов и т. д.

Во второй половине XIX в. полицейский учет основывается уже преимущественно на показателях родного языка и отчасти вероисповедании населения. Происхождение или самоназвание жителей, как правило, игнорируется. Такими были, например: исчисление 1867 г., проведенное Русским географическим обществом под руководством А. Ф. Риттиха, положенное в основу опубликованной им в 1875 г. «Этнографической карты»; переписи 1881 г. в Прибалтике; локальные переписи в городах России пореформенного времени и, наконец, общероссийские переписи 1897 и 1916—1917 гг.

Хотя размеры общей погрешности и не были особенно велики, но исчисления и переписи пореформенного периода в целом, бесспорно, завысили численность и удельный вес русских, соответственно занизив доли украинцев, белорусов, мордвы и некоторых других народов¹⁰. Если исчисления дореформенного периода недоучли размеры начинающейся естественной ассимиляции, то аналогичные исчисления и переписи пореформенного периода преувеличили ее роль и значение, особенно в таких районах, как Новороссия, Нижегородская, Черниговская и Смоленская губернии.

В общем следует признать, что преемственность принципов регистрации этнического состава населения не была сохранена. В 60-х годах XIX в. эти принципы были радикально изменены, что в целом, по нашему мнению, привело к некоторому снижению достоверности полученных сведений. Показатель самоназвания или происхождения был заменен показателем родного языка (а также вероисповедания), не во всех случаях совпадающего с этническим самоназванием.

На территории Западной Украины австрийские и венгерские переписи также регистрировали только родной язык и вероисповедание жителей. Это резко занижало реальное число украинцев, которые, переходя в католичество и меняя родной украинский язык на польский или венгерский, нередко сохраняли свое этническое самосознание.

Церковный учет населения и в России, и на территории Западной Украины (в Речи Посполитой, а затем в Австрийской монархии) был организован в XVIII в. Сводные данные о числе прихожан по вероисповеданию известны по Западной Украине с 60-х годов XVIII в., а по

⁹ Лишь офицеры Генерального штаба в свои обозрения губерний включали сведения о процессах ассимиляции (обрусения) жителей ряда районов, однако эти сведения давались в описательной форме, без каких-либо цифровых показателей.

¹⁰ См. С. И. Брук, В. М. Кабузан. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в.—1917 г.).— «История СССР», 1980, № 3.

России — с 1737 г.¹¹ (в последней, однако, в XVIII в. учитывались только православные и раскольники). С 1842 г. в отчетах губернаторов появляются подробные поуездные ведомости церковного учета, в которых фиксировалось вероисповедание прихожан (православных, католиков, лютеран, иудеев, армян-григориан, мусульман, ламаистов и т. д.). По инициативе академика П. И. Кеппена во всех приходах России были собраны сведения о численности, вероисповедании и этническом составе жителей по состоянию на 1857—1858 гг.¹² (к сожалению, за более позднее время таких данных нет). С 1842 по 1916 г. духовенство регулярно передавало в губернские канцелярии для помещения в отчеты и обзоры губернаторов сведения о числе прихожан по вероисповеданию. Поэтому с 40-х годов XIX в. вероисповедание превращается во вспомогательный (а в ряде случаев и главный) этнический определитель.

Таким образом, за рассматриваемые два столетия мы располагаем широким кругом источников (ревизии, церковный и административно-полицейский учет, переписи), позволяющих учитывать этнический состав населения России. В дореформенный период основными этническими определителями были самоназвание и происхождение (последнее — со II ревизии). С 40-х годов XIX в. к ним прибавилось вероисповедание. С 60-х годов XIX в. ведущим этническим определителем стал язык, а вспомогательным — вероисповедание. В целом в дореформенный период этническая принадлежность фиксировалась несколько точнее, хотя и в пореформенный период степень погрешности была невелика. Показатель родного языка, более или менее достаточный для регистрации этнического состава населения, к середине XIX в., по мере развития капитализма, все более и более утрачивал связь с реальными этническими процессами. В конце XIX — начале XX в. в связи с развитием процессов ассимиляции степень погрешности в учете этнической принадлежности была в ряде регионов уже довольно значительной.

* * *

За исследуемый почти 200-летний период население России увеличилось в 10,9 раза, а в сопоставимых границах 1719 г. — в 6,8 раза. Такое быстрое повышение численности объясняется прежде всего высоким естественным приростом населения, характерным для большинства районов страны. Вместе с тем в росте численности отдельных народов наблюдались большие различия, объяснявшиеся целым комплексом причин.

С XVIII по XX в. этнический состав населения страны претерпел весьма существенные изменения. Этому в большой мере способствовало расширение границ империи: начиная с 20-х годов XVIII в. в нее были включены большие территории с пестрым этническим составом населения.

По трем разделам Речи Посполитой к России в 1772—1795 гг. отошли Белоруссия, Литва, Правобережная Украина и населенная в основном латышами Курляндия. Поэтому уже V ревизия (1795 г.) фиксирует резкое изменение этнического состава населения России. В стране появляются значительные группы поляков, литовцев и евреев, возрастает доля белорусов, украинцев и латышей. На Правобережной Украине (Киевская, Волынская и Подольская губернии) по V ревизии насчитывалось 3421,9 тыс. чел., среди них украинцев — 87,8%, поляков — 7,8, евреев — 3,7 и молдаван — 0,6%.

¹¹ См. «Описание документов, хранящихся в архиве... Синода за 1740 год». СПб., 1908. с. 386—387, 891—902.

¹² Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 30, оп. 2, д. 2—84.

В Белорусско-Литовском районе, в который кроме Смоленской губернии, ранее входившей в состав России, с 1773 по 1842 г. вошли семь новых губерний (Витебская, Могилевская, Виленская, Гродненская, Минская, Белостокская и Ковенская), по V ревизии числилось 4200,2 тыс. чел. Преобладали среди них белорусы (62,4%), значительными были группы литовцев (12,0%), поляков (5,4%), украинцев (4,2%), евреев (3,5%) и латышей (2,5%).

По данным той же ревизии, в Курляндии, где проживало 409,9 тыс. чел., большинство составляли латыши (82,6%), но было здесь немало немцев (7,9%), поляков (2,4%), литовцев (2,2%) и евреев (2,2%).

В 1812 г. в состав Российской империи вошла Бессарабия, что сразу резко повысило долю молдаван в населении России.

В 1815 г. по решению Венского конгресса к России отошло Царство Польское. В 1817 г. из 3438,7 тыс. чел. всего населения Царства на долю поляков приходилось 73,7%. Однако в данном регионе проживало также много литовцев (примерно 7% населения Царства, в основном в Августовской губернии), украинцев (6%, в Люблинской и Подляшской губерниях), немцев (4,2%) и евреев (8,6%)¹³.

В 1809 г. в состав России вошло Великое княжество Финляндское, что значительно увеличило процент проживающих в империи финнов и шведов. Среди почти миллионного населения княжества на долю финнов приходилось 87%, а шведов — 12,8%.

В XIX в. в состав империи вошло Закавказье. В 1801 г. первой к России присоединилась Грузия, а последнее изменение границ империи (включение Карсской области и Аджарии) произошло в 1878 г. Среди народов Российской империи резко возрастает доля армян, грузин, появляются азербайджанцы и др.

В 30-е годы XVIII в. началось включение в состав России Казахстана и Средней Азии. Завершился этот процесс лишь в 80-е годы XIX в., после создания Закаспийской области. Важным этническим компонентом в населении страны становятся казахи, узбеки, туркмены, киргизы, таджики и др.

Однако даже в сопоставимых границах Российской империи 20-х годов XVIII в. численность и удельный вес размещенных там народов не остались неизменными. Внутренние миграции, приток переселенцев из-за рубежа, различия в показателях естественного прироста и, наконец, усилившиеся в пореформенный период ассимиляционные процессы привели к тому, что численность отдельных народов России менялась очень неравномерно.

Попытаемся в общих чертах проследить эти изменения на примере крупнейших народов страны за почти 200-летний период, начиная с 1719 г. (I ревизия) по 1914—1917 гг. (полицейские исчисления 1914—1916 гг. и переписи 1916—1917 гг.).

Таблицы 1 и 2 демонстрируют ход этнических процессов в России за исследуемый период.

Удельный вес русских с 1719 по 1917 г. понизился с 70,7 до 44,6%. В границах 20-х годов XVIII в. за этот период также произошло уменьшение доли русских до 67,2%. Уровень естественного прироста в центральных великорусских районах был ниже, чем в других областях, что послужило основной причиной общего сокращения доли русских. Большое влияние на этот процесс оказывало переселение русского населения на окраины: к 1917 г. 5085,4 тыс. русских жили за пределами границ Российской империи 20-х годов XVIII в. Вместе с тем, усилились также ассимиляционные процессы. По примерным подсчетам, только в 60—90-х годах XIX в. обрусели 1 млн. 400 тыс. украинцев, около 1 млн.

¹³ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1857, лл. 47 об.—48.

Таблица 1

Численность и этнический состав населения Российской империи по данным I ревизии (1719 г.)* и исчислениям и переписям 1914—1917 гг.**

Народы по языковым семьям и группам ***	Численность в тыс. человек			Удельный вес в %		
	1719 г.	1914—1917 гг.	1914—1917 гг. в границах 1719 г.	1719 г.	1914—1917 гг.	1914—1917 гг. в границах 1719 г.
Индоевропейская семья	13 737,3	143 835,4	94 023,6	87,3	83,8	88,3
Славянская группа	13 536,0	125 879,8	90 776,5	86,0	73,3	85,2
Русские	11 127,5	76 676,2	71 590,8	70,7	44,6	67,2
Украинцы	2 025,8	31 022,9	18 799,3	12,9	18,1	17,6
Белорусы	382,7	6 768,1	43,8	2,4	4,0	0,04
Поляки	—	11 208,4	308,2	—	6,5	0,3
Болгары	—	169,5	34,4	—	0,1	0,03
Чехи	—	34,7	—	—	0,02	—
Балтийская группа	162,2	3 421,0	649,8	1,0	2,0	0,6
Литовцы	—	1 785,8	11,6	—	1,0	0,01
Латыши	162,2	1 635,2	638,2	1,0	1,0	0,6
Романская группа	—	1 216,5	165,3	—	0,7	0,2
Молдаване	—	1 216,5	165,3	—	0,7	0,2
Германская группа	39,1	10 040,6	2 323,2	0,3	5,8	2,2
Евреи	—	7 253,2	1 129,7	—	4,2	1,1
Немцы	31,1	2 448,5	1 185,7	0,2	1,4	1,1
Шведы	8,0	338,9	7,8	0,05	0,2	0,01
Иранская группа	—	975,3	—	—	0,6	—
Таджики	—	488,0	—	—	0,3	—
Осетины	—	237,2	—	—	0,1	—
Курды	—	117,8	—	—	0,07	—
Таты	—	51,5	—	—	0,03	—
Талыши	—	45,5	—	—	0,03	—
Персы	—	35,3	—	—	0,02	—
Армянская группа	—	1 988,7	108,8	—	1,2	0,1
Армяне	—	1 988,7	108,8	—	1,2	0,1
Греческая группа	—	261,1	—	—	0,2	—
Греки	—	261,1	—	—	0,2	—
Индоевропейская группа	—	52,4	—	—	0,03	—
Цыгане	—	52,4	—	—	0,03	—
Кавказская семья	—	3 095,7	9,5	—	1,8	0,01
Грузины	—	1 748,2	9,5	—	1,0	0,01
Кабардинцы	—	102,9	—	—	0,06	—
Черкесы	—	58,6	—	—	0,03	—
Абхазы	—	103,2	—	—	0,06	—
Чеченцы	—	253,1	—	—	0,1	—
Ингуши	—	57,5	—	—	0,03	—
Народности Дагестана	—	772,2	—	—	0,5	—
Уральская семья	871,4	6 566,0	4 474,0	5,5	3,8	4,2
Финны	164,2	2 697,3	605,3	1,0	1,6	0,6
Удмурты	48,1	535,2	535,2	0,3	0,3	0,5
Карелы	80,9	145,1	145,1	0,5	0,08	0,1
Ижорцы	14,6	10,6	10,6	0,1	0,01	0,01
Вепсы	8,3	17,9	17,9	0,05	0,01	0,02
Эстонцы	309,2	1 153,9	1 153,9	1,9	0,6	1,1
Саами	1,5	1,9	1,9	0,01	0,0	0,0
Коми	41,6	180,7	180,7	0,3	0,1	0,2
Коми-пермяки	9,0	125,6	125,6	0,06	0,07	0,1
Мордва	107,4	1 187,9	1 187,9	0,7	0,7	1,1
Марийцы	61,9	458,8	458,8	0,4	0,3	0,4
Манси	2,0	6,0	6,0	0,01	0,0	0,01
Ханты	16,7	24,3	24,3	0,1	0,01	0,02
Самодийские народы	6,0	20,8	20,8	0,04	0,01	0,02
Алтайская семья	1 102,1	17 047,0	6 934,8	7,0	9,9	6,5
Тюркская группа	854,3	16 598,9	6 486,7	5,4	9,6	6,1
Татары	293,1	3 010,4	2 867,5	1,9	1,8	2,7
Башкиры	171,9	1 732,8	1 732,8	1,1	1,0	1,6
Мещеряки	—	11,5	11,5	—	0,01	0,01
Тептяри	22,6	74,8	74,8	0,1	0,04	0,07

Таблица 1 (окончание)

Народы по языковым семьям и группам ***	Численность в тыс. человек			Удельный вес в %		
	1719 г.	1914— 1917 гг.	1914—1917 гг. в границах 1719 г.	1719 г.	1914— 1917 гг.	1914— 1917 гг. в границах 1719 г.
Чуваши	217,9	1 123,8	1 123,8	1,4	0,6	1,1
Азербайджанцы	—	1 995,9	—	—	1,2	—
Гагаузы	—	76,6	—	—	0,04	—
Карачаевцы	—	55,0	—	—	0,03	—
Кумыки	—	95,0	—	—	0,06	—
Ногайцы	113,6	56,7	56,7	0,7	0,03	0,05
Турки	—	108,1	—	—	0,06	—
Карапахаи	—	43,3	—	—	0,02	—
Туркмены	—	360,8	—	—	0,2	—
Казахи	—	4 697,7	392,7	—	2,7	0,4
Киргизы	—	737,2	—	—	0,4	—
Кыпчаки	—	42,1	—	—	0,02	—
Каракалпаки	—	107,9	—	—	0,06	—
Узбеки	—	1 963,7	—	—	1,2	—
Уйгуры	—	78,7	—	—	0,05	—
Якуты	35,2	226,9	226,9	0,2	0,1	0,2
<i>Монгольская группа</i>	247,8	448,1	448,1	1,6	0,3	0,4
Калмыки	200,0	169,3	169,3	1,3	0,1	0,1
Буряты	47,8	278,8	278,8	0,3	0,2	0,3
Малые народы Се- вера разных язы- ковых семей	27,2	123,8	123,8	0,2	0,07	0,1
Другие и неизвест- ные	—	1 081,8	973,0	—	0,6	0,9
<i>Итого</i>	15 738,0	171 749,7	106 538,7	100,0	100,0	100,0

* Использована общероссийская «генеральная» ведомость 1737 г. (ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1163, лл. 1007—1017), а также широкий круг первичных ведомостей, в которых более полно зафиксирован этнический состав (ЦГАДА, ф. 248, оп. 13, д. 695, л. 92; оп. 14, д. 803,805; оп. 7, д. 406, лл. 6, 268—269, 309, 539—540).

** Источники 1914—1917 гг. см. С. И. Брук, В. М. Кабузан. Указ. раб., с. 76, 88, 89.

*** При пользовании материалами табл. 1 (а также табл. 2) необходимо иметь в виду следующее:

1. Перечень народов в основном соответствует перечню современных народов страны. Он сильно модернизирован не только по сравнению с 1719 г., когда существовали многие племенные и этнографические группы, но и по сравнению с 1914—1917 гг., когда консолидационные процессы также еще далеко не были завершены. Такая модернизация нами проведена для того, чтобы можно было сравнивать полученные данные с современным этническим составом страны.

2. Названия народов даны также современные. Дореволюционные названия см. С. И. Брук, В. М. Кабузан. Указ. раб., с. 89.

3. Выше уже говорилось, что для установления численности народов в дореформенное время употреблялись преимущественно этнические определители, позже — языковые. В упомянутой выше нашей работе (с. 90—91) сделана попытка путем экстраполяции данных послереволюционных переписей, в которых одновременно содержится сведения о национальном и языком составе, выявить зависимость численности народов от того или иного определителя. Нами было рассчитано, что применение языкового показателя преувеличило численность русских в 1914—1917 гг. примерно на 8% и преуменьшило численность белорусов на 18% и украинцев — на 13% (численность всех остальных народов меньше зависела от выбора этнических определителей). С введением поправочных коэффициентов численность трех крупнейших славянских народов в 1914—1917 гг. составляла: русских — 71,0 млн. чел., украинцев — 35,0 млн., белорусов — 8,0 млн. При этом удельный вес русских снижается до 41,3%, а удельный вес украинцев и белорусов повышается до 20,4 и 4,7% соответственно. Учитывая, однако, что экстраполяция, не подкрепленная конкретными данными, может привести к значительным погрешностям, мы предпочли оставить в таблице нескорректированные данные.

белорусов, более 100 тыс. мордвы и т. д. Усилившиеся в пореформенные годы ассимиляционные процессы позволили нейтрализовать отрицательное воздействие на динамику численности русского населения более низкого у них естественного прироста.

В течение XVIII—XIX вв. доля русских несколько снизилась в районах их старого обитания (в Центрально-Земледельческом с 90,5 до 86,8%, в Северном — с 92,0 до 89,8, в Среднем Поволжье — с 62,6 до 59,7, в Северном Приуралье — с 90,8 до 83,2%). Это были либо районы интенсивного заселения другими народностями (украинцами — Центрально-Земледельческий район, народностями Среднего Поволжья — Северное Приуралье), либо районы выселения русских (Среднее Поволжье). Лишь в Озерном районе их удельный вес несколько повысился

Порайонные изменения удельного веса ряда народностей России в 1719 и 1917 гг., % ко всем жителям районов

Район	I ревизия (1719 г.)										Переписи 1916—1917 гг.									
	русские	украинцы	белорусы	поляки	молдаване	евреи	немцы	татары	чуваши	мордва	русские	украинцы	белорусы	поляки	молдаване	евреи	немцы	татары	чуваши	мордва
Центрально-Промыш- ленный	97,7	—	1,2	—	—	—	—	—	—	0,4	97,8	0,1	0,02	0,1	—	0,1	0,2	0,5	—	0,6
Центрально-Земледель- ческий	90,5	8,5	0,1	—	—	—	—	0,6	—	0,3	88,8	11,9	0,06	0,06	—	0,2	0,02	0,2	—	0,7
Северный	92,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	89,8	0,01	—	0,07	—	0,06	0,2	—	—	—
Озерный	89,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90,9	0,06	0,04	1,0	—	0,5	0,9	0,1	—	—
Среднее Поволжье	62,6	0,1	—	—	—	—	—	13,4	13,8	4,9	59,7	0,2	0,07	—	—	0,06	0,01	17,4	13,3	6,8
Нижнее Поволжье	12,6	—	—	—	—	—	—	0,1	—	0,01	65,5	6,4	0,1	—	—	0,1	7,6	6,4	1,9	5,2
Северное Приуралье	90,8	—	—	—	—	—	—	0,8	—	—	83,2	0,1	—	—	—	—	—	3,5	—	—
Южное Приуралье	15,2	—	—	—	—	—	—	13,3	0,03	—	54,2	0,1	—	—	—	0,2	0,3	9,8	1,6	1,8
Прибалтика *	0,5	—	—	—	—	—	6,1	—	—	—	6,3	0,06	0,6	—	—	3,1	6,2	—	—	—
Северный Кавказ	3,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	47,0	34,5	—	0,2	—	0,2	0,9	—	—	—
Левобережная Украина	2,2	95,9	1,9	—	—	—	—	—	—	—	12,8	84,1	0,1	0,2	—	2,5	0,2	—	—	—
Новороссия **	90,6	9,4	—	—	—	—	—	—	—	—	30,7	44,8	0,2	0,5	—	6,6	2,4	1,5	—	—
Сибирь	66,9	—	—	—	—	—	—	5,8	—	—	77,6	9,4	0,05	0,8	—	0,5	0,4	1,6	—	—
Белоруссия и Литва***	38,6	—	61,4	—	—	—	—	—	—	—	23,6	1,1	44,8	4,9	—	13,1	0,2	0,05	—	—
Финляндия ***	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,3	—	—	—	—	—	0,08	—	—	—
Царство Польское ***	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,3	3,5	0,2	—	—	14,9	5,6	—	—	—
Правобережная Украи- на ***	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Казахстан ***	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,4	75,5	—	—	0,3	14,1	1,8	—	—	0,3
Средняя Азия ***	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18,9	10,4	—	0,2	—	0,2	0,7	1,1	—	—
Закавказье ***	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7,0	0,7	—	0,1	—	0,6	0,06	0,3	—	—
Итого	70,7	12,9	2,4	—	—	—	0,2	1,9	1,4	0,7	44,6	18,1	4,0	6,5	0,7	4,2	1,4	1,8	0,6	0,7

* В 1719 г. в состав района не входило Курляндское герцогство. ** В 1719 г. в состав района не входили Бессарабия и Крымское ханство. *** В 1719 г. эти районы (за исключением части Белоруссии — Смоленской губернии) еще не входили в состав России.

(с 89,4 до 90,9%) за счет притока русских в Петербург. В окраинной Новороссии в связи с быстрым заселением ее украинцами с 30-х годов XVIII в. доля русских упала с 90,6 до 30,7%. Что касается Белорусско-Литовского района, то удельный вес русских здесь сильно возрос (в 1859 г. они составляли всего 9,9% населения района), и кажущееся понижение их доли (в 1719 г. — 38,6%) было обусловлено изменением границ района (в начале XVIII в. в него входила только Смоленская губерния).

Зато в других окраинных районах картина была иной. В Нижнем Поволжье удельный вес русских возрос в 5 раз (в 1719 г. они составляли здесь только 12,6% жителей района, а в 1917 г. — 65,5%). И это несмотря на приток сюда немецких колонистов и казахов Буковской орды! Сходная ситуация наблюдалась и на соседнем Северном Кавказе, где доля русских повысилась в 14 раз: в 1719 г. их здесь было 3,4%, причем основным этническим компонентом являлись ногайцы (около 100 тыс. чел.), а к 1917 г. русские составили уже 47,0% населения, абсолютно преобладавая в Ставропольской губернии.

В Южном Приуралье русских было в 1719 г. лишь 15,2%, а по численности доминировали башкиры; в 1917 г. русских стало уже 54,2%, хотя в заселении района приняли активное участие татары, мордва и чувашы соседнего Среднего Поволжья. В указанных трех регионах (Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Южное Приуралье) русские благодаря мощному переселенческому движению из центра страны стали основным этническим компонентом.

В Казахстане, где до 20-х годов XVIII в. русское население практически отсутствовало и где приток русских переселенцев стал заметным только в пореформенные годы, в 1917 г. русские уже составляли 18,9% всего населения. В Уральской области на их долю приходилось 41,4% населения (здесь на части территории издавна жили уральские казаки), в Актюбинской — 27,2, в Семиреченской — 19,4%.

На территории Левобережной Украины доля русских увеличилась почти в 6 раз (с 2,2 до 12,8%). Значительных переселений сюда из центральных губерний не отмечалось, и прирост русского населения происходил в основном за счет ассимиляции украинцев (преимущественно в Харьковской) и белорусов (в Черниговской губернии).

В Сибири удельный вес русских вырос (с 66,9% в 1719 г. до 77,6% в 1917 г.) преимущественно за счет интенсивного миграционного движения. В 1917 г. русские составляли в Томской губернии 88,2%, в Тобольской — 87,6%, в Енисейской — 81,9% всех жителей. Однако в Камчатской области их было всего 11,7%, в Приморской — 30,8%, а в Амурской — 44,6% (в Камчатской преобладали коренные народности — камчадалы, чукчи и др., а в Амурской и Приморской областях — украинцы).

В Закавказье в XVIII в. русских не было, а в 1917 г. на их долю приходилось 7,0% всех жителей (в Черноморской губернии они составляли 47,3%, в Бакинской — 14,2%, в Сухумском округе — 11,4, в Тифлисской губернии — 9,8%; меньше всего русских было в Кутаисской и Эриванской губерниях — соответственно 1,5 и 1,2% и в Закатальском округе — 0,4%).

В Прибалтике в 1719 г. русские составляли 0,5% населения, а в 1917 г. — 6,3%; при этом в Лифляндии их доля достигала 8,2%. На Правобережной Украине, в Средней Азии и в Царстве Польском в 1914—1917 гг. русских было сравнительно немного (соответственно 3,4, 3,4 и 1,3%).

Таким образом, в течение XVIII—XIX вв. русские заселили Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Южное Приуралье, и в этих регионах великорусский этнический компонент стал преобладающим. Одновременно доля русских несколько снизилась в ряде центральных районов и

районах старого освоения (Центрально-Земледельческий, Север, Среднее Поволжье, Северное Приуралье) и значительно повысилась в Казахстане, Сибири, Закавказье и Прибалтике. В других районах процент русских оставался невысоким (Правобережная Украина, Средняя Азия, Царство Польское, Финляндия).

Удельный вес украинского населения России с 1719 по 1917 г. вырос с 12,9 до 18,1%, а в границах 1719 г. — до 17,6%. Это было вызвано в первую очередь высоким уровнем естественного прироста на территории расселения украинцев, а отчасти миграциями с Правобережной Украины в Левобережную, в Центрально-Земледельческий район и на Кубань. Даже усилившиеся в пореформенные годы ассимиляционные процессы не смогли существенно повлиять на темпы роста численности украинцев.

В начале XVIII в. в пределах существовавших тогда границ России украинцы компактно жили только на Левобережной Украине (95,9%), на прилегающих землях Центрально-Земледельческого района (8,5%) и в Новороссии (9,4%). Много украинцев тогда находилось за пределами России — в Речи Посполитой (Правобережная Украина, Польша) и в Австрийской монархии (закарпатские комитаты Венгерского королевства).

В XVIII — начале XX в. украинцы заселили Новороссию (доля их поднялась здесь до 44,8%). В 20-е годы XVIII в. они начали осваивать Северный Кавказ и Нижнее Поволжье, и к 1917 г. их насчитывалось в этих регионах соответственно 34,5 и 6,4%.

Заселение украинцами Сибири, Казахстана и Закавказья по существу начинается только в пореформенные годы, а в 1917 г. их уже было здесь соответственно 9,4, 10,4 и 0,7%. В ряде губерний и областей этих регионов доля украинцев к 1917 г. оказалась весьма высокой. В Приморской области они составляли 48,2%, в Амурской — 43,2, в Акмолинской — 29,5, в Тургайской — 21,6, в Черноморской — 16,1% всего населения.

На западноукраинских землях удельный вес украинцев в анализируемый период быстро понижался. Здесь усиливается процесс полонизации, ословачивания, омадьяривания и румынизации украинского этнического компонента. В Царстве Польском украинцы в 1859 г. составляли 9,6%, а в 1914 г. — только 3,5% его жителей. На рубеже XX в. ополячивание приобретает здесь массовый характер. В соседнем Белорусско-Литовском районе украинцев было в 1859 г. 4,3%, а в 1914 г. — 1,1% (в Кобринском, Бельском, Пружанском уездах украинцы исчезают совершенно).

В Галиции, включенной в 1772 г. в состав Австрийской монархии, доля украинцев также понижалась. В целом в Галиции и на Буковине она упала с 46,2% в 1783 г. до 41,7% в 1910 г. В Западной Галиции, где украинцы проживали в Сандецком, Яселском и Жешувском округах, удельный вес их снизился за эти годы с 6,2 до 3,2%, а в Восточной Галиции — с 71,2 до 61,7%. На территории Буковины падение доли украинцев отчетливо проявилось лишь во второй половине XIX в. (1857 г. — 42,1%, 1900 г. — 40,8%, 1910 г. — 38,1%). Наиболее интенсивно процесс ополячивания протекал в Восточной Галиции — в Львовском, Тернопольском и пограничных с Западной, польской, Галицией, Санокском и Перемышльском округах.

В Венгрии удельный вес украинцев также снижался весьма значительно: в 1794 г. они составляли здесь 5,3%, в 1827 г. — 5,0, в 1839 г. — 4,6, в 1857 г. — 3,9, в 1910 г. — 2,4% всех жителей. В течение XIX в. почти исчезает украинское население в комитатах (уездах) Шарише, Земплине, Боршоде, Сатмаре и др.

В то время как в восточных районах России доля украинцев возрастала и они интенсивно заселяли новые земли в Закавказье, Казахстане, на Дальнем Востоке, в Сибири, на западе ситуация была совершенно

инной. Здесь, особенно во второй половине XIX в., ускоряется процесс ассимиляции украинского этноса. Доля украинцев снижается в Царстве Польском (Седлецкая и Люблинская губернии), Западной Белоруссии (Гродненская губерния), Галиции, Буковине и закарпатских комитатах Венгерского королевства.

Белорусы длительное время, и особенно в пореформенные годы, подвергались сильной ассимиляции со стороны и русских, и поляков.

В 1719 г. белорусы составляли 2,4% населения империи. Они размещались на территории Смоленской губернии (61,4%), Левобережной Украины (1,9%) и Центрально-Промышленного района (1,2%); кроме того, небольшое число белорусов жило в Центрально-Земледельческом районе (0,1%). Удельный вес их в границах России 1719 г. постоянно падал (1859 г.—1,7%, 1897 г.—0,4, 1917 г.—0,04%); а в пореформенные годы уменьшилась и абсолютная численность их, так что к 1917 г. белорусов в этой части империи почти не осталось (в 1719 г.—382,7 тыс., в 1859 г.—870,6 тыс., в 1897 г.—336,5 тыс. и в 1917 г.—43,8 тыс.).

В Центрально-Промышленном районе белорусское по языку население было расселено в Бежецком уезде Тверской губернии. В 1859 г. оно достигало 125 тыс. чел. и составляло 1,5% жителей района, а в 1917 г.— всего 2,8 тыс., или 0,02%.

На Левобережной Украине белорусы размещались на севере Черниговской губернии (в основном в Суражском уезде). В 1859 г. они составляли 1,9% жителей района (93,4 тыс. чел.), в 1897 г.—2,2% (163,1 тыс. чел.), а в 1917 г.—0,1% (7,7 тыс.). Исчезает белорусское население и в Смоленской губернии. Дольше всего сохранялись белорусы в Краснинском уезде, который превратился в чисто русский только к 1917 г.

Основные территории, заселенные белорусами, вошли в состав России в результате трех разделов Речи Посполитой в 1772—1795 гг. В Белорусско-Литовском районе, в восточных его частях (главным образом в Витебской, Могилевской и отчасти в Минской губерниях) шел процесс обрусения, а в западных (в Виленской, Сувалкской) — полонизации белорусов. К началу XIX в. (по V ревизии) белорусы составляли в Белорусско-Литовском районе 62,4%, в 1859 г. — 55,0, в 1897 г. — 47,9, а к 1917 г. — 44,8% населения.

В Витебской губернии белорусов было в 1897 г. 53,0% всего населения, а в 1917 г. — 41,3%, причем в Велижском, Невельском и Себежском уездах русское население к 1917 г. становится преобладающим, и эти уезды впоследствии вошли в состав РСФСР. В Могилевской губернии белорусов было 82,4% в 1897 г. и 50,3% в 1917 г., при этом доля их особенно сильно понизилась в Могилевском, Гомельском и Рогачевском уездах.

В Сувалкской губернии доля белорусов в 1897 г. составляла 4,6%, а в 1914 г. — 4,2%. В Виленской губернии удельный вес их мало изменился, так как процесс ополячивания шел только в Виленском уезде (в последнем белорусы составляли в 1897 г. 25,9, а в 1914 г. — 15,9% всех жителей). Лишь в Гродненской губернии доля белорусов с 1897 по 1914 г. выросла более чем в 1,5 раза (с 44,0 до 68,7%), так как за эти годы украинское население почти исчезает в Кобринском и Бельском уездах.

В 1719 г. на территории России польское население практически отсутствовало. В 1914—1917 гг. в границах 1719 г. было учтено 308,2 тыс. поляков (0,3% всех жителей). Польское население концентрировалось в Петербурге, Риге, Одессе и Екатеринославе. Удельный вес поляков составил в Петербургской губернии 2,3% (64,4 тыс. чел.), в Лифляндской — 3,2% (47,9 тыс.), в Херсонской — 0,8% (27,3 тыс.) и Екатеринославской — 0,7% (25,9 тыс.). Это были переселенцы или потомки пере-

селенцев, прибывших сюда с территории бывшей Речи Посполитой.

Подавляющее большинство поляков размещалось на землях, вошедших в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой. В Царстве Польском они составляли в 1859 г. 66,2%, в 1897 г. — 71,8%, в 1914 г. — 71,8%. Лишь в Сувалкской губернии больше половины населения приходилось на долю литовцев, да в Люблинской и Седлецкой проживало много украинцев. В Сувалкской губернии доля поляков даже понизилась с 28,5% в 1857 г. до 23,8% в 1914 г. В Седлецкой губернии еще в 1857 г. преобладали украинцы, и удельный вес поляков равнялся здесь 39,8%, однако к 1914 г. он поднялся до 59,8%. В Люблинской губернии поляки составляли в 1857 г. 49,6%, в 1897 г. — 62,9 и в 1914 г. — 64,8%. Ассимиляция украинцев шла здесь быстрыми темпами.

На территории Правобережной Украины и Белорусско-Литовского района поляков было сравнительно немного, и доля их к 1914 г. несколько понизилась: на Правобережной Украине с 5,6% в 1857 г. до 4,5% в 1914 г., а в Белорусско-Литовском районе — соответственно с 5,6 до 4,9%. Исключение представляла Виленская губерния, где удельный вес поляков с 1897 по 1914 г. возрос с 8,2 до 13,9%. Именно в районе г. Вильно наблюдалась уже в начале XX в. массовая полонизация литовского и белорусского населения.

В отошедших к Австрии Галиции и Буковине процент поляков в течение XIX — начала XX в. увеличивался вследствие полонизации украинцев. В 1857 г. поляки составляли здесь 39,1%, в 1900 г. — 41,1 и в 1910 г. — 42,0% общего числа жителей. В Западной Галиции доля поляков за эти годы повысилась с 86,0 до 87,7%. В Восточной Галиции поляков было в 1817 г. 18,9%, в 1857 г. — 19,9, в 1900 г. — 22,6 и в 1910 г. — 24,6%. Абсолютно преобладали они в Львовском округе и составляли более 30% населения в Перемышльском, Санокском и Тернопольском округах. На Буковине поляков оказалось в 1857 г. 1,0%, в 1900 г. — 3,7, в 1910 г. — 4,5%, т. е. доля их была невелика, но быстро возрастала. В целом удельный вес поляков повысился как в австрийской Галиции, так и в Российской империи (в последней их доля составляла в 1859 г. 5,0%, в 1897 г. — 6,2, в 1914 г. — 6,5%). Этим они были обязаны высокому естественному приросту и усилившейся полонизации совместно проживающих с ними украинцев и литовцев (и это несмотря на весьма высокие показатели эмиграции поляков из России и Австро-Венгрии в США и Канаду).

Молдаван в начале XVIII в. в России не было. Лишь в 50—70-х годах XVIII в. они приняли заметное участие в заселении Новороссии (будущих Херсонской и Екатеринославской губерний) и Правобережной Украины (Подольской губернии). Около 75% всех молдаван России было расселено в Бессарабской губернии. До 50-х годов XIX в. доля молдаван в России росла, а затем начала постепенно понижаться. В 1817 г. они составляли 0,7% населения империи (318,2 тыс. чел.), в 1859 г. — 1,0 (745,2 тыс. чел.)¹⁴, в 1897 г. — 0,9 (1121,7 тыс. чел.) и в 1914 г. — 0,7% (1216,5 тыс. чел.). Уменьшение доли молдаван объясняется языковой ассимиляцией некоторой их части в пореформенный период и главным образом резким понижением уровня естественного прироста с конца XIX в., что было обусловлено ухудшением экономического положения.

В Новороссии удельный вес молдаван с 1817 по 1914 г. снизился с 11,9 до 8,1%, а на Правобережной Украине — с 0,6 до 0,3%. В Бессарабии доля молдаван составляла в 1817 г. 57,3%, в 1857 г. — 53,2, в 1897 г. — 47,6 и в 1914 г. — 47,3% общего числа жителей (они преобладали в центральной части губернии). На юге (в Аккерманском и Изма-

¹⁴ Включая население Южной Бессарабии по состоянию на 1 января 1857 г.

ильском уездах) и на севере (в Хотинском уезде) молдаване были этническим меньшинством.

В Херсонской губернии основная масса молдаван поселилась еще в XVIII в. (Тираспольский, Ананьевский, Елисаветградский уезды), но в XIX в. в связи с заселением губернии преимущественно украинскими переселенцами доля молдаван быстро снижалась (в 1817 г. их было 10,4%, в 1859 г. — 9,7, в 1897 г. — 5,4, в 1917 г. — 4,5%). Еще быстрее этот процесс протекал в Екатеринославской (1817 г. — 1,1%, 1859 г. — 1,1, 1897 г. — 0,4, 1917 г. — 0,3%) и Подольской губерниях (1817 г. — 1,8%, 1859 г. — 2,7, 1897 г. — 0,9, 1917 г. — 0,8%), где наблюдалось сокращение даже абсолютной численности молдаван. Небольшие вкрапления молдаван среди преобладающего украинского населения здесь постепенно исчезают. По существу устойчивое молдавское большинство сохранилось лишь в центральной части Бессарабии и в Тираспольском уезде Херсонской губернии, которые и вошли в состав Молдавской ССР.

Евреи в начале XVIII в. вообще не проживали на территории Российской империи. Лишь в Новороссии на Левобережной Украине они вели торговые операции, находясь на положении временно пребывающих иностранцев. В результате трех разделов Речи Посполитой, а также включения в состав империи Бессарабии и Царства Польского, удельный вес евреев в России начал быстро расти. По V ревизии численность их составляла 576,2 тыс., или 1,4% жителей империи, по VII — 1191,1 тыс., или 2,4%, по X — 2039,4 тыс., или 2,7%. К 1917 г. численность еврейского населения достигла в России 7253,2 тыс., а удельный вес поднялся до 4,2%. Помимо западных районов страны еврейское население в небольшом числе расселилось практически по всем районам Российской империи. К 1917 г. удельный вес евреев оставался наиболее высоким в Царстве Польском (14,9%), на Правобережной Украине (14,1%), в Белорусско-Литовском районе (13,1%) и в Новороссии (6,6%). Из районов более позднего заселения можно назвать Левобережную Украину (2,5%), где евреи появились только в конце XVIII в., и Закавказье (1,1%), куда они стали переселяться лишь с середины XIX в.

Немцы в начале XVIII в. жили только в Прибалтике (около 6,1% населения). На их долю в империи приходилось всего 0,2% общего числа жителей. Однако с 60-х годов XVIII в. немецкие переселенцы появляются во многих районах страны. Русское правительство до 1819 г. усиленно приглашало их в Россию, надеясь, что немцы покажут пример местному населению в развитии земледелия и ремесла. Им выделялись лучшие земли близ городов, отпускаясь большие денежные ссуды. Надежды эти не оправдались, так как немецкие колонисты жили замкнуто и мало общались с окружающим населением. Численность немцев в России быстро возрастала. В 60-х годах XVIII в. они заселяют Нижнее Поволжье, а с начала XIX в. — преимущественно Новороссию. В пореформенный период в Россию прибывают уже главным образом неземледельческие мигранты. К 1859 г. в границах России 20-х годов XVIII в. жили 428,3 тыс. немцев (0,8%), в 1897 г. — 920,5 тыс. (1,2%), а в 1917 г. — 1185,7 тыс. (1,1%).

К началу 60-х годов XIX в. в границах 1719 г. больше всего немцев оказалось в Нижнем Поволжье (8,2%, а к 1917 г. — 7,6%), Новороссии (2,8%, а к 1917 г. — 2,4%) и Озерном районе (1,9%, а к 1917 г. — 0,9%). Кроме того, много немцев жило и в районах, вошедших в состав империи после 1719 г. В целом по всей империи удельный вес немцев достигал в 1859 г. 1,1% (840,3 тыс. чел.), в 1897 г. — 1,4% (1771,3 тыс. чел.), в 1917 г. также 1,4% (2448,5 тыс. чел.). Особенно много их было в Царстве Польском (в 1859 г. — 264,4 тыс. чел., или 5,6%, а в 1914 г. — 740,6 тыс. чел., или также 5,6% населения района). В Петроковской губернии немцы составляли в 1859 г. 12,9%, в 1914 г. — 14,4%, а в Ка-

лишской — соответственно 10,5 и 8,2% жителей. Царство Польское являлось районом наиболее интенсивной немецкой колонизации. Кроме того, немецкие переселенцы в большом количестве оседали в Волынской губернии Правобережной Украины. Если в 1859 г. здесь было учтено лишь 4,9 тыс. немцев (0,3%), то в 1914 г. — 200,6 тыс. (5,2% всего населения). В сущности только в пореформенный период немецкие переселенцы начинают осваивать Северный Кавказ, где к 1917 г. они составляли несколько более 0,9% жителей. Точно также в Казахстане до 70-х годов XIX в. немцев не было, а в 1917 г. на их долю приходилось 0,7% населения. В Акмолинской области немцев стало 2,3% (более 36 тыс. чел.), в том числе в Омском уезде — 5,2% (20,2 тыс. чел.).

Таким образом, в течение XVIII — начала XX в. численность и удельный вес немцев в России выросли во много раз. По существу в начале XVIII в. значительное число их жило лишь в Прибалтике и Речи Посполитой. Затем немецкие переселенцы заняли некоторые другие районы страны, причем особенно много их осело в Нижнем Поволжье, Новороссии, Озерном районе, на Правобережной Украине, Северном Кавказе и в Казахстане. С 70-х годов XIX в. усиливается эмиграция немцев за пределы империи, что было связано с введением в России всеобщей воинской повинности. Однако продолжавшийся приток их в страну значительно превышал отток.

Татары в России размещались в различных районах и на большой территории. Удельный вес их повышался до начала 60-х годов XIX в., а затем начал снижаться. Так, в 1719 г. они составляли 1,9%, в 1859 г. — 2,6, в 1897 г. — 1,9, а в 1917 г. — 1,8% населения империи. В границах 20-х годов XVIII в. наблюдается тот же процесс: в 1719 г. — 1,8%, в 1859 г. — 3,2, в 1897 г. — 2,7 и в 1917 г. — 2,7%. Повышение доли татарского населения в XVIII — первой половине XIX в. было обусловлено более высоким уровнем у них естественного прироста, а также ассимиляцией татарами некоторого числа чересполосно проживающих с ними чувашей, мордвы и удмуртов.

В начале 60-х годов XIX в. из Крыма в Турцию эмигрируют около 200 тыс. татар. Из Ставропольской губернии Северного Кавказа туда же уходит несколько десятков тысяч близких им ногайцев. В Южном Приуралье большое число родственных татарам тептярей и бобылей по переписи 1897 г. было записано башкирами. Это и явилось основной причиной снижения удельного веса татарского этнического компонента в пореформенной России.

В начале XVIII в., по данным I ревизии (1719 г.), татары были расселены преимущественно в Среднем Поволжье (13,4% всего населения), Южном Приуралье (13,3%) и в Сибири (5,8%). Небольшие вкрапления их имелись в Северном Приуралье (0,8%), Центрально-Земледельческом районе (0,6%) и на Нижнем Поволжье (0,1%). В течение XIX в. благодаря интенсивному переселению татар на слабозаселенные окраины возрастает их доля в населении Нижнего Поволжья (в 1859 г. — 5,5%, в 1897 г. — 5,2, в 1917 г. — 6,4%), а также Северного Приуралья (в 1859 г. — 3,2%, в 1897 г. — 3,4, в 1917 г. — 3,5%). Быстро рос удельный вес татар в Южном Приуралье (в 1719 г. — 13,3%, в 1859 г. — 22,3%), а к концу XIX в. в связи с отнесением части их к башкирам доля татар здесь снижается (1897 г. — 9,2%, 1917 г. — 9,8%).

В Сибири удельный вес татар снизился в связи с переселением туда большого числа русских и украинцев (1719 г. — 5,8%, 1859 г. — 4,0, 1897 г. — 2,9, 1917 г. — 1,6%).

В Новороссии татары составляли в 1859 г. 6,0%, в 1897 г. — 1,9, а в 1917 г. — 1,5% (почти все они размещались в Таврической губернии). В начале 80-х годов XVIII в. большинство населения губернии состояло из татар, но в 1859 г. их доля снизилась до 43,0%, так как губерния интенсивно заселялась украинцами, русскими и немцами. Затем в резуль-

тате эмиграции татар в Турцию их доля еще резче снижается (по переписи населения 1897 г. — 13,6%, а в 1917 г. — только 11,3% населения губернии).

На территории Среднего Поволжья, напротив, процент татар постоянно увеличивался (1719 г. — 13,4%, 1859 г. — 15,0, 1897 г. — 16,8, 1917 г. — 17,4). Именно здесь татары ассимилировали часть чувашей и мордвы. И хотя из Среднего Поволжья они переселялись в Нижнее Поволжье, а также в Южное и Северное Приуралье, доля их в этом регионе росла.

Таким образом, в целом процент татар повышался во всех районах, кроме тех, откуда наблюдалась их значительная эмиграция (Новороссия, Северный Кавказ). Поскольку показатель естественного прироста у татар был довольно высок, падение удельного веса их в населении страны в пореформенные годы было вызвано главным образом оттоком за рубеж и отнесением при различного вида учетах части татар к башкирам.

Чуваши в 20-е годы XVIII в. жили только в Среднем Поволжье (13,8%), и очень небольшое число — в Южном Приуралье (0,03%). В основном они размещались на территории будущих Казанской (23,2%) и Симбирской (12,9%) губерний. Отсюда чуваше переселялись в соседние районы: Нижнее Поволжье и Южное Приуралье. В Нижнем Поволжье (в основном в Самарской губернии) в 1859 г. чуваше составляли 2,0% (63,5 тыс. чел.), а в 1917 г. — 1,9% (157,4 тыс. чел.), в Южном Приуралье — соответственно 1,7% (32,9 тыс. чел.) и 1,6% (90,1 тыс. чел.). В пореформенные годы чувашское этническое меньшинство здесь начало постепенно ассимилироваться преобладающим русским населением, и доля его стала снижаться.

В Среднем Поволжье удельный вес чувашей также несколько снизился (1719 г. — 13,8%, 1917 г. — 13,3%), причем этот процесс затронул и Казанскую (1719 г. — 23,2%, 1917 г. — 22,8%), и Симбирскую (1719 г. — 12,9%, 1917 г. — 11,5%) губернии. Это было обусловлено как ассимиляцией некоторого числа чувашей татарами, так и миграцией их за пределы района. Поэтому в целом по стране в границах 20-х годов XVIII в. доля чувашей снизилась (1719 г. — 1,4%, 1897 г. — 1,2, 1917 г. — 1,1%), причем в основном в дореформенный период. По всей империи картина была примерно той же (1859 г. — 0,8%, 1917 г. — 0,6%).

Мордва по I ревизии (1719 г.) была расселена на территории трех районов: Среднего Поволжья (4,9%), Центрально-Промышленного (0,4%) и Центрально-Земледельческого (0,3%). По империи ее удельный вес составлял 0,7%. Мордва расселялась преимущественно в Нижегородской (3,4%), Пензенской (10,2%) и Симбирской (5,5%) губерниях.

В течение XVIII — первой половины XIX в. мордовские переселенцы заселили новые территории в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. Во второй половине XIX в. самые многочисленные мордовские группы (за пределами основной этнической территории мордвы) находились уже в Самарской губернии (в начале XVIII в. их там не было вовсе).

В пореформенные годы мордва начинает заселять Казахстан (в 1897 г. она составляла там 0,2, а в 1917 г. — 0,3% населения). Здесь мордва оседает в Акмолинской области (1897 г. — 1,1%, 1917 г. — 1,6%), преимущественно в Кокчетавском уезде (1897 г. — 4,3%, 1917 г. — 5,2% жителей).

Мордва была расселена на большой территории и жила, как правило, чересполосно с другими народами России. Уже в XVIII в. она начинает ассимилироваться ими, в первую очередь русскими. Процесс этот особенно ускорился в пореформенные годы. На территории Среднего Поволжья на долю мордвы приходилось в 1897 г. 7,7%, а в 1917 г. —

6,8%; в Южном Приуралье — соответственно 2,0 и 1,8%, в Нижнем Поволжье — 5,9 и 5,2%. Мордва быстрее всех других народностей Поволжья вступала в тесные контакты с иными этносами, в первую очередь с русскими. В Нижегородской губернии она составляла в 1859 г. 9,1% общего числа жителей, а в 1917 г. — только 3,9% (во многих уездах губернии мордва к этому времени исчезла совершенно).

Таковы общие наблюдения о динамике численности некоторых народов России и изменении этнического состава страны. Мы видим, что в течение XVIII—XIX вв. существенно изменились и численность, и удельный вес, и ареалы расселения народов, что было вызвано сложным комплексом разнообразных, взаимопереплетающихся причин. Выявить эти причины в каждом отдельном регионе страны — важная задача советских ученых.

THE ETHNIC COMPOSITION OF RUSSIA'S POPULATION (1719—1917)

This examination of changes in the numbers and geographical distribution of the peoples of the Russian Empire over a period of almost two hundred years (1719 to 1917) is largely based upon newly uncovered archive sources. The various types of registering the country's population are analysed: the *revizii*, current administrative (police) registration, church registration, scientifically conducted censuses. These make it possible to determine the numbers and ethnic composition of Russia's population in the 18th up to early 20th centuries. Despite certain drawbacks in all these methods of registration, they offer when taken together fairly reliable data on Russia's peoples. The *revizii* registration gave people's ethnic affiliation according to their own self-designation and to their origin. The church and police registration, as well as the censuses, went by the criteria of mother tongue and the religious denomination of the inhabitants. Hence, beginning with the latter half of the 19th century, they tended to increasingly distort the actual picture. However, the errors were still inconsiderable. They mainly affected the Empire's urban dwellers who had undergone ethnic assimilation.

In the course of 200 years Russia's population increased 10.9 times (the increase within unchanged 1719 boundaries was 6.8 times). In the paper, changes in the geographical distribution of the most important peoples (Russians, Ukrainians, Byelorussians. Poles, Jews, Germans, Tatars, Mordovians, Chuvashes and Moldavians) are examined in a regional aspect. This enables the authors to trace graphically the changes in numerical strength and settlement areas undergone by these peoples as a result of migrations, ethnic assimilation processes and differences in their natural increase levels. During the period under examination the Russians and the Ukrainians settled enormous land areas in Novorossia, Siberia, the Caucasus, Kazakhstan, the Southern Urals etc. At the same time, other peoples also expanded to a greater or lesser extent beyond their original ethnic areas. By the time of the 1917 October Revolution the settlement patterns of almost all the peoples of Russia had become considerably more complex than they had been.

С. И. Дмитриева

**АРХИТЕКТУРНЫЕ И ДЕКОРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА РУССКИХ МЕЗЕНИ
(В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ЗАСЕЛЕНИЯ КРАЯ)**

Русский Север, как известно, издавна привлекал внимание исследователей народной культуры — этнографов, фольклористов, искусствоведов. Однако до сих пор некоторые районы Русского Севера изучены ими крайне недостаточно. Это относится и к интересующему нас бассейну р. Мезени. Этническая история Мезенского края, воссозданная главным образом с помощью лингвистических, в меньшей степени исторических и антропологических исследований, в общих чертах такова. Согласно историческим свидетельствам, этот район заселялся двумя потоками: с севера — потомками новгородцев, с юга — смешанным коми-русским населением¹. История освоения этого края неразрывно связана с историей народа коми, населяющего в настоящее время верховья Мезени и ее главного притока Вашки. В XVI в. территория, расположенная в верховьях этих рек, населенная двумя родственными группами коми, получила название «Удорский край», упоминания о котором встречаются в русских документах того времени². Однако документальных источников, относящихся к Мезенскому краю, сохранилось сравнительно мало, в связи с чем большое значение для воссоздания его этнокультурной истории приобретают данные по этнографии.

В основу работы легли материалы, собранные Архангельским отрядом Восточнославянской экспедиции Института этнографии АН СССР во время летних полевых работ 1970—1972 и 1975—1976 гг. Был обследован ряд русских деревень Мезенского района, расположенного в низовье р. Мезени, и Лешуконского района, находящегося в среднем течении этой реки и в низовьях Вашки. В задачу экспедиции входило изучение традиционного фольклора и изобразительного искусства; по возможности фиксировалось все, сохранившееся от старого быта: старинные дома, их украшения, одежда и предметы домашнего быта.

На Мезени еще сохранились старинные большие дома на высокой подклети, нередко двухэтажные, с двухэтажным двором, просторной поветью и взвозом, расположенным сбоку или сзади дома. В ряде деревень

¹ С. Ф. Платонов, А. И. Андреев. Очерк новгородской колонизации Севера в XVI и XVII веках. — «Очерки по истории колонизации Севера», в. 1, Пг., 1922, с. 45—46; М. В. Витоа. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. — «История СССР», 1964, № 6; Л. Н. Жеребцов. О времени появления коми на верхней Мезени. — «Иzv. Коми филиала Всесоюзного географического о-ва», в. 3. Сыктывкар, 1955; А. П. Афанасьев. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв. — Автореф. канд. дис. М., 1973; и др.

² Л. Н. Жеребцов. К вопросу о заселении бассейна р. Вашки. — «Иzv. Коми филиала Всесоюзного географического о-ва». Сыктывкар, 1959, № 5, с. 169—172.

(Кильце, Кимжа, Кельчемгора, Реза и др.) такие дома преобладают. Сохраняется и старинная планировка селений, причем в деревнях Мезенского района преобладает рядовая планировка: дома расположены в два, а иногда и в три ряда и повернуты фасадами к реке. Исследователи полагают, что этот тип планировки присущ районам новгородской колонизации. В селах Лешуконского района наряду с рядовой планировкой встречается беспорядочная, которую считают характерной для поселений финно-угорских народов.

Экспедиционные наблюдения позволяют выделить на Мезени два основных вида домов, распространенных соответственно в Мезенском и Лешуконском районах. В первом районе преобладают пятистенки и одно-клетные избы с двускатными крышами, причем скаты этих крыш находятся под довольно острым углом друг к другу. Двор, как правило, примыкает к дому сзади, располагаясь под одной с ним крышей. Дом стоит на высокой подклети, преобразованной нередко в первый этаж. Сзади или сбоку дома имеется взвоз, ведущий на поветь двухэтажного двора. Как видно из описания, мы имеем дело в данном случае с классической формой дома-двора (рис. 1), основной областью распространения которого считается Русский Север. Крестьянские постройки Лешуконского района только с первого взгляда могут показаться идентичными жилищу Мезенского района. При внимательном рассмотрении можно увидеть ряд существенных различий как в общей конструкции домов, так и в некоторых деталях. В Лешуконском районе среди старинных построек преобладает шестистенок, нередко со значительным расстоянием между внутренними стенами сруба, в котором, по всей вероятности, нужно видеть род коридора или, по терминологии пинежан, заулка³. Только в Лешуконском районе, главным образом вокруг самого с. Лешуконского, появляется зимняя «скотная» изба, пристроенная сзади или сбоку двора (рис. 2). В отличие от передней, летней избы, зимняя стоит не на высоком подполье, а прямо на земле. По всей видимости, такая изба — пережиток более древнего типа дома, замененного впоследствии домом на высокой подклети. По мнению исследователей, избы с низким подпольем связаны с низовской колонизацией⁴.

Вверх по течению Мезени встречается еще один вариант рассматриваемого типа жилища, представляющий соединение двух односкатных срубов, поставленных один от другого на расстоянии 1,5—2 м так, что верхние края скатов крыш этих срубов не всегда соприкасаются друг с другом. Двор пристроен к дому и также имеет двускатную кровлю; связь с двором однорядная (рис. 3). Характерная особенность жилищ такого типа состоит в том, что пространство между внутренними стенами дома в них не преобразовано в сени или заулки, как на Пинеге и в однотипных домах Лешуконского района, а остается незаполненным. Как выяснилось из расспросов крестьян, эти односкатные клетки нередко строили одновременно и часто легко отделяли друг от друга. И теперь в некоторых деревнях (например, в Вождгорах и Резе Лешуконского района) можно видеть, как половина (с обычной точки зрения) дома красуется среди прочих домов деревни, не вызывая удивления или неудовольствия местных жителей. Такой раздел дома чаще всего происходит потому, что хозяйке (одиноким женщинам) трудно бывает поддерживать порядок в большом доме и она без особого ущерба для оставшейся половины дома другую продает на дрова. Реже причиной такого раздела служит ссора братьев или сестер, начавших строить дом, согласно традиции, совместно и не пожелавших жить под одной крышей. Появление домов подобной конструкции на Мезени, по всей вероятности, нуж-

³ К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеги. — «Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера», т. II. Л., 1928, с. 16—17.

⁴ «Русские. Историко-этнографический атлас», т. I. М., 1976, с. 159.

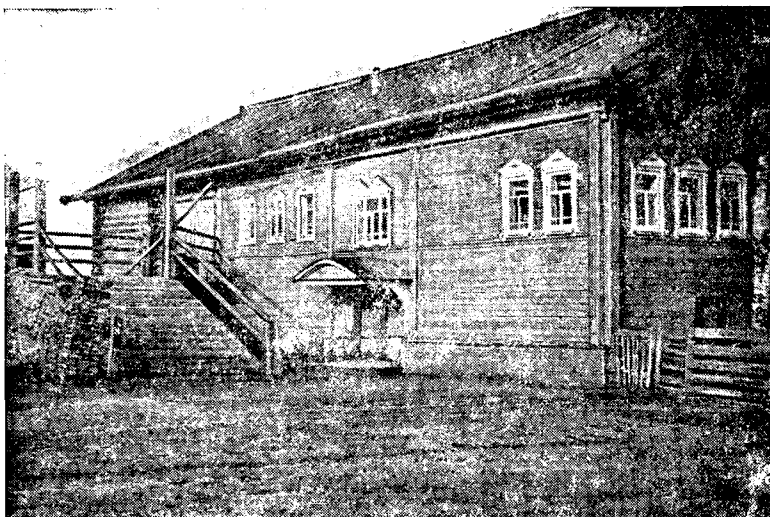


Рис. 1. Дом К. А. Барашкова, 1881 г. (д. Кильце Мезенского р-на)

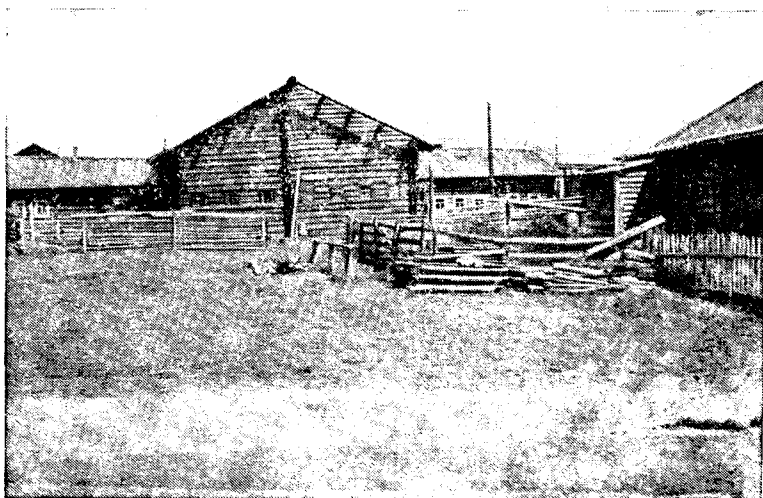


Рис. 2. Дом 1846 г. (д. Резя Лешуконского р-на)

но связывать с влиянием ближайших соседей русских Мезенского края — коми. Подобные постройки характерны для крестьянского жилища в западной части Коми края⁵. Не случайно поэтому подобные дома встречаются в верхнем течении Мезени (Вожгоры, Родома) и на Вашке (Русома, Резя), т. е. в районах, пограничных с коми. Во многих же районах Коми края односкатные избы не были редкостью еще в конце XIX — начале XX в., не говоря уже о более раннем времени⁶. Односкатные крыши отмечены исследователями также у русских Поволжья, в районах, пограничных с поселениями татар, мордвы и чувашей, от которых русские могли заимствовать эту форму крыши⁷.

⁵ Л. Н. Жеребцов. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, с. 57; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 45. М., 1958, с. 175—176.

⁶ Л. Н. Жеребцов. Крестьянское жилище в Коми АССР, с. 12, 36.

⁷ «Русские. Историко-этнографический атлас», т. I. с. 163.

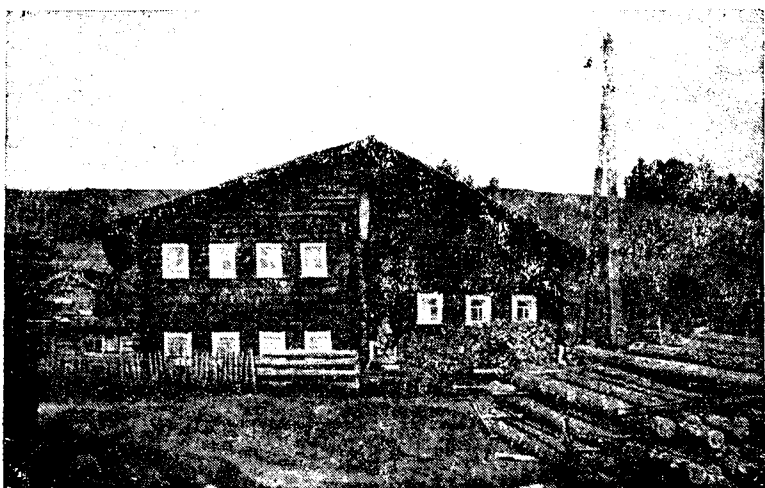


Рис. 3. Дом М. М. Кармановой, конец XIX в. (д. Родома Лешуконского р-на)

Если избы-двойни, составленные из двух односкатных срубов, объединяют районы верхней Мезени и нижней Вашки с территорией коми и далее — Поволжья, то описанные выше дома из деревень средней и нижней Мезени имеют сходство с жилищем других районов Севера. Так, дома Лешуконского района (в особенности это касается деревень, расположенных в непосредственной близости от самого с. Лешуконского) очень схожи с крестьянскими постройками среднего течения Пинеги⁸, а также с постройками юго-западных областей, расположенных по р. Ваге, в смежных частях бывших Тотемского, Вельского и Шенкурского уездов⁹. Во всех названных местностях преобладает такая конструкция домов, когда два сруба находятся под одной крышей, скаты которой расположены под довольно тупым углом по отношению друг к другу. Нередко между срубами делался коридор. Характерная особенность изб этих уездов — наличие в комплексе жилища передней и задней (зимней) изб с хлевом и поветью между ними. Иногда к середине дома приставляли боковую избу. Р. М. Габе, отмечая в некоторых районах Карелии подобное беспорядочное расположение различных построек, которые владелец сооружает по частям по мере надобности, подчеркнул основную особенность подобного рода жилищ. «Если вспомнить,—писал он,—что клеть являлась модулем древнерусского гражданского строительства и разрастание дома шло путем увеличения клеток и прирубов, то при взгляде на большие и сложные строения... невольно напрашивается сравнение с теми хоромами, которые рубились в отдаленные от нас времена плотниками Новгородской и Московской Руси»¹⁰. С Московской Русью связывают исследователи и распространение жилищ типа дом-двойня¹¹, с которыми, как уже говорилось выше, конструктивно схожи жилища Лешуконья.

Жилище Мезенского района находит аналогии в северо-западных районах Русского Севера. И там и тут преобладают дома-дворы в классической форме, когда жилые и хозяйственные помещения расположены

⁸ К. К. Романов. Указ. раб., с. 9—32.

⁹ М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. СПб., 1913.

¹⁰ Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, с. 36.

¹¹ М. Я. Феноменов. Типы крестьянской застройки у великороссов.— «Крестьянские постройки». М., 1929, с. 29.

по одной оси¹². Разрастание жилой части дома в этих районах шло путем расширения площади основной клетки и деления ее перегородками. Отсюда распространение здесь пятистенков.

Различия в жилищном строительстве Мезенского и Лешуконского районов обнаруживаются не только в основных конструктивных особенностях, но и в их деталях. Рассмотрим такой характерный элемент жилища, как крыльцо. В Мезенском районе преобладает открытое крыльцо, представляющее собой небольшую дощатую площадку перед дверью первого этажа дома с одной или двумя ступенями или состоящее из лестницы и площадки, ведущей в избу на высокой подклети. Многие крыльца имеют покрытия, как правило, двускатные, и обычно орнаментированные. В Лешуконском районе чаще встречаются крыльца с лестницами, ведущими на второй этаж дома. Архитектурно-декоративные особенности этих крылец исследователи связывают с крыльцами старых боярских теремов. В этом же районе сохраняются крыльца еще более архаической формы — с высоко поднятой площадкой, поддерживаемой врытой в землю «ногой из толстого бревна»¹³; в него в поперечном направлении врубаются вплотную друг к другу более тонкие бревна, длина которых увеличивается по мере удаления от земли. В верхнее бревно врубается лестничная площадка, ведущая в дом. И. В. Маковецкий, описывая крыльца подобной конструкции в некоторых районах Архангельской и Вологодской областей, отметил, что «наличие подобных столбов в гридницах киевских князей, у красного крыльца Коломенского дворца и в ряде трапезных северных церквей свидетельствует о древности этого типа конструкции»¹⁴. Он отметил также почти полное исчезновение подобных крылец в большинстве русских районов, вызванное трудностью их строительства, требовавшего особого мастерства¹⁵. Иногда подобная столбовая конструкция сочетается с крыльцом хоромного типа (рис. 4). Эти крыльца нередко имеют крышу своеобразной формы, изогнутой в виде арки. Тяготение к арке проявляется и в других архитектурных элементах лешуконского жилища: взвозных воротах, крыше. В отличие от Мезенского района, где скаты крыши делаются под острым углом друг к другу, в Лешуконье скаты часто бывают изогнутыми так, что крыши домов с фасадной стороны выглядят округлыми (рис. 5). Эту черту применительно к Сольвычегодскому и Великоустюжскому районам впервые отметил К. К. Романов¹⁶.

С конструктивными особенностями построек Мезенского и Лешуконского районов связано своеобразие их декоративного убранства. В целом мезенским домам не свойственно обилие украшений. «Одна из характернейших особенностей подлинного народного зодчества нашего Севера,—писал Р. М. Габе,—заключается в том, что декоративная сторона занимает здесь весьма скромное место, никогда не затемняя содержания произведения. Излишества в декорировании всякого рода резными и прорезными украшениями появились уже под влиянием деревянной архитектуры городов и пригородов, в особенности в середине XIX в. ...В северном доме простые до аскетизма суровые декоративные формы являются лишь подчеркиванием конструктивных особенностей»¹⁷. Об этом же

¹² Исследователи отмечали также сходство подобных домов-дворов с жилищем некоторых северных районов Западной Европы (М. Я. Феноменов. Указ. раб., с. 25). Археологический материал показывает распространение длинных домов полужемляночного типа в Днестровско-Днепровском бассейне в III—II тысячелетиях до н. э. См. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.).— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 10. М., 1949, рис. 71.

¹³ Выражение заимствовано у Р. М. Габе, который описал аналогичную форму крыльца. См. Р. М. Габе. Указ. раб., с. 149.

¹⁴ И. В. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища. М., 1962, с. 186.

¹⁵ Там же, с. 187.

¹⁶ К. К. Романов. Жилой дом в Заонежье.— «Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера», т. I. Л., 1927, с. 36.

¹⁷ Р. М. Габе. Указ. раб., с. 75—76.

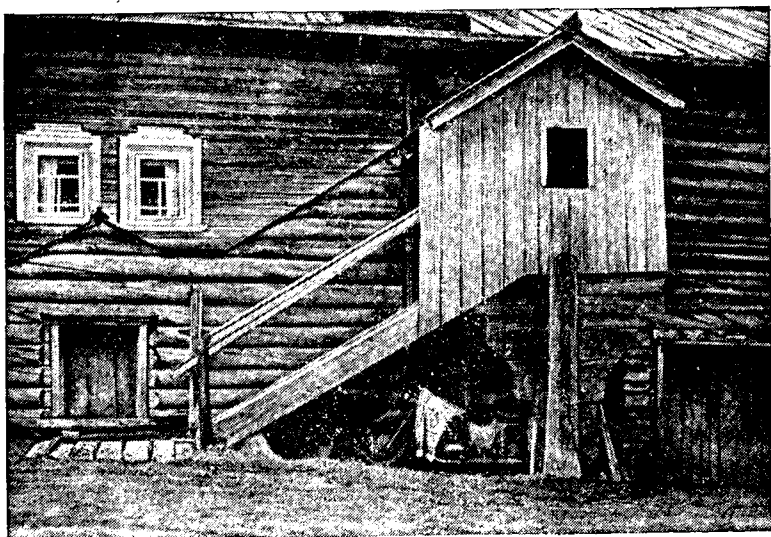


Рис. 4. Крыльцо дома У. Ф. Митющевой, конец XIX в. (д. Кельчегора Лешуконского р-на)



Рис. 5. Дом М. А. Кожевниковой, 80-е гг. XIX в. (д. Смоленец Лешуконского р-на)

применительно к району Пинеги писал К. К. Романов¹⁸. Наибольшее число орнаментированных деталей в северном жилище обычно сосредоточено в верхней части фронтона. Излюбленным украшением старых мезенских домов является конек на крыше, или, вернее, на охлупне — массивном бревне, венчающем крышу дома. Во многих домах, преимущественно в деревнях Лешуконского района, конская голова вырезается не только на охлупне, но и на концах «куриц». Заметно различие в изображении конских голов в деревнях Мезенского и Лешуконского районов. В первом — голова коня сильно стилизована, иногда схематична. В Лешуконском же районе конь изображается более реалистично, к тому же вырезается не только голова коня, но и торс, так что коньки домов резко выделяются в панораме деревни (рис. 6). Исследователи уже отмечали архаичность образа коня и связь его с культом коня у славян, изо-

¹⁸ К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеги, с. 22.

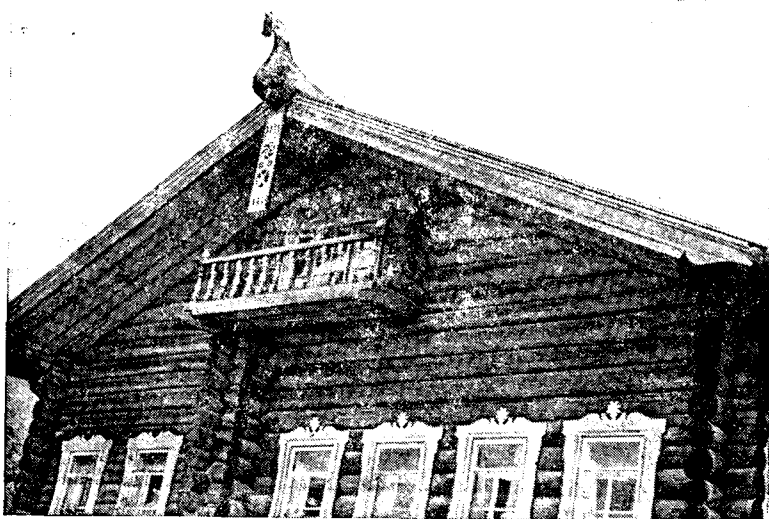


Рис. 6. Дом, 1901 г. (д. Кельчемгора Лешуконского р-на)

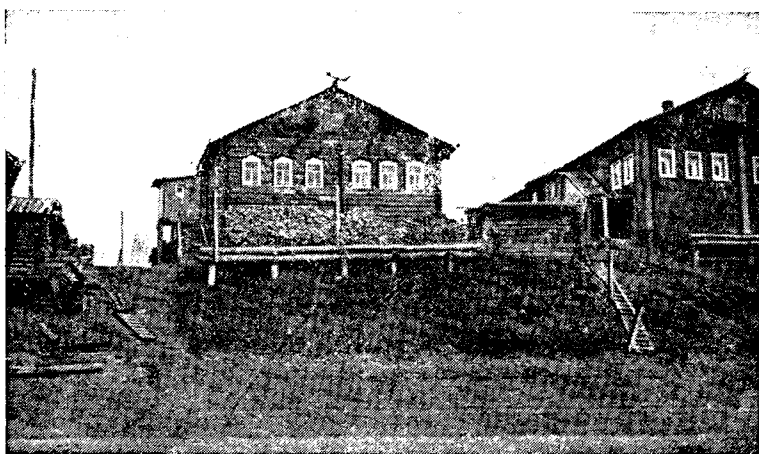


Рис. 7. Дом, украшенный оленьими рогами (с. Кимжа Мезенского р-на)

бражение которого служило «оберегом»¹⁹. Появление коньков на крышах связывали с влиянием Новгородской земли, где с XVI в. господствующим стал «звериный» стиль, черты которого прослеживаются там почти во всех видах изобразительного искусства²⁰. Однако наши материалы, показывающие большее распространение коньков на крышах в Лешуконском районе, позволяют говорить о развитии этого образа на Мезени независимо от Новгорода. Напомню, что Лешуконье в меньшей степени, чем Мезенский район, подверглось новгородскому влиянию. В распространении этого декоративного элемента на Мезени можно было бы предположить влияние искусства коми, но факты свидетельствуют о другом. Этнографы отмечали, что украшение жилищ в массе не

¹⁹ В. В. Стасов. Коньки на крестьянских крышах.— Собр. соч., т. II. СПб., 1894, с. 112 сл.; Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— «Восточнославянский этнографический сборник». («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI). М., 1956, с. 349—354 и др.

²⁰ А. Сыропятов. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермь, 1924, с. 6—7.

было характерно для коми²¹. Распространение же декорированных жилищ у коми-ижмцев и в Удорском крае, в районах, соседних с русскими, определяется, по-видимому, русским влиянием. Об этом говорят способы и мотивы декора, не связанные с национальными традициями коми²². А. Сыропятов, изучавший коньки на крестьянских крышах Пермского края, сделал вывод о проникновении этого украшения к коми с запада, считая его «продуктом орнаментального и мистического творчества древних новгородцев»²³. Соглашаясь с исследователем, что обычай изображения коня на охлупне дома пришел с запада, мы не находим основания связывать его с влиянием новгородцев. Почти идентичные коньки характерны для районов низовской колонизации, по рекам Ваге и Кокшеньге²⁴, что позволяет связывать этот элемент декора с районами Верхнего Поволжья, где, как известно, украшение крыши коньком было довольно частым явлением²⁵. О культе коня в Поволжье свидетельствует и археологический материал²⁶.

На Мезени встречается еще один вид украшения охлупня дома — рогами оленя. Обычно это украшение не вырезали, подобно коньку, а просто к концу охлупня прикрепляли настоящие оленьи рога. Этот декор чаще встречается в Мезенском районе (рис. 7). По всей вероятности, в нем можно видеть следы почитания оленя, культ которого, может быть, и в меньшей степени, чем коня, был свойствен отдельным русским районам. Напомню, что культ того и другого животного нашел отражение в известной мезенской росписи на прялках и других деревянных изделиях.

Как уже говорилось, на Мезени большое внимание уделялось украшению фронтона жилища. В большей степени это касается Лешуконского района, где встречаются резные кронштейны крыш, подзоры, причелины, полотенца. Резьба бывает глухой и ажурной. Довольно распространена так называемая городковая резьба, делавшаяся с помощью долота и ножа, состоящая из сочетаний прямоугольных и треугольных зубцов, полукругов и трапеций, вырезанных по краям доски. Такого рода подзоры и причелины часто сочетаются с резными полотенцами, украшенными солярным орнаментом. Установлено, что городковая резьба — один из древнейших видов геометрической резьбы по дереву, о чем свидетельствуют некоторые узоры, сохранившиеся на каменных зданиях XII—XIII вв., перенесенные на них с деревянных построек²⁷. Здания с резьбой подобного типа распространены во Владимире, Переяславле Залесском и других городах Верхнего Поволжья, т. е. в тех районах, откуда шла низовская колонизация. Не случайно и на далеком Севере мы видим ее в местах, где имела место эта колонизация (на Пинеге, в меньшей мере в Лешуконском районе). Там же, где преобладала новгородская колонизация (Мезенский район), этот вид резьбы почти не встречается.

Несколько реже по сравнению с резьбой встречается на Мезени роспись по дереву снаружи (наличники окон, фронтон) и внутри дома (опечек, двери). Нами зафиксирована также оригинальная роспись на фронтонах с балконом, по краям которого изображены стоящие фигуры львов. В композицию этой росписи помимо львов входят изображения цветов и птиц в сочетании с геометрическими фигурами — кругами, ромбами, розетками (рис. 8, 9). Чаше, чем роспись со львами, встречается простая раскраска выступа кровли, выходящего на фасад, шашеч-

²¹ В. Н. Белицер. Указ. раб., с. 177.

²² Л. Н. Жеребцов. Крестьянское жилище в Коми АССР, с. 75.

²³ А. Сыропятов. Указ. раб., с. 17.

²⁴ М. В. Едемский. Указ. раб., с. 67—71.

²⁵ Е. Э. Бломквист. Указ. раб., с. 353—354.

²⁶ Там же, с. 354.

²⁷ Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.—Л., 1934, с. 13.

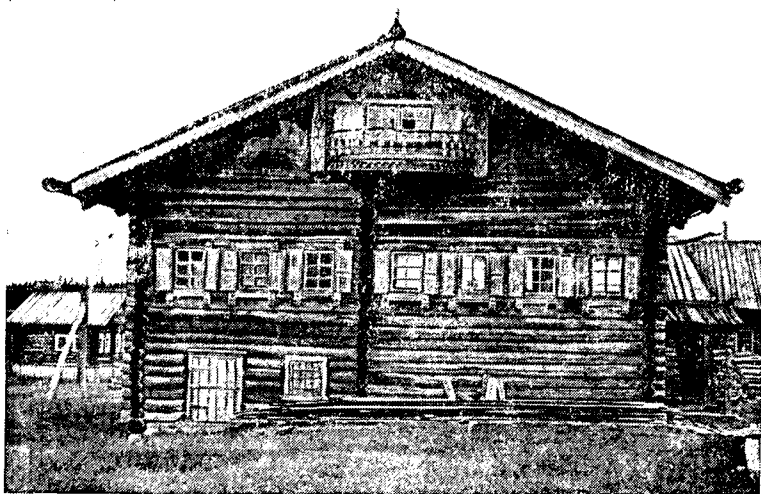


Рис. 8. Дом В. Я. Клокотова, 1879 г. (д. Кельчемгора Лешуконского р-на)



Рис. 9. Фронтон дома М. А. Маркова, 1970 г. (д. Кельчемгора Лешуконского р-на)

ным узором белого, красного и черного цветов, с преобладанием белого и красного. Использовались и другие краски: синяя, желтая и зеленая. Подобную роспись К. К. Романов встретил в пинежских деревнях и отметил ее большое сходство с мезенской. Основываясь на том, что эта роспись чаще встречается в бассейне Мезени, К. К. Романов предположил, что с Мезени она попала на Пинегу, точнее в районы, расположенные на ее среднем и нижнем течении. «Среднее и нижнее течение р. Пинеги,— пишет он, как раз было, до Труфаногорья, путем давних сношений Северной Двины со средним течением р. Мезени»²⁸. Роспись в «шашку», о которой применительно к пинежским деревням писал К. К. Романов, помимо Мезени, зафиксирована нами в деревнях по Северной Двине, как раз в месте впадения в нее Пинеги, что может

²⁸ К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеги, с. 26.

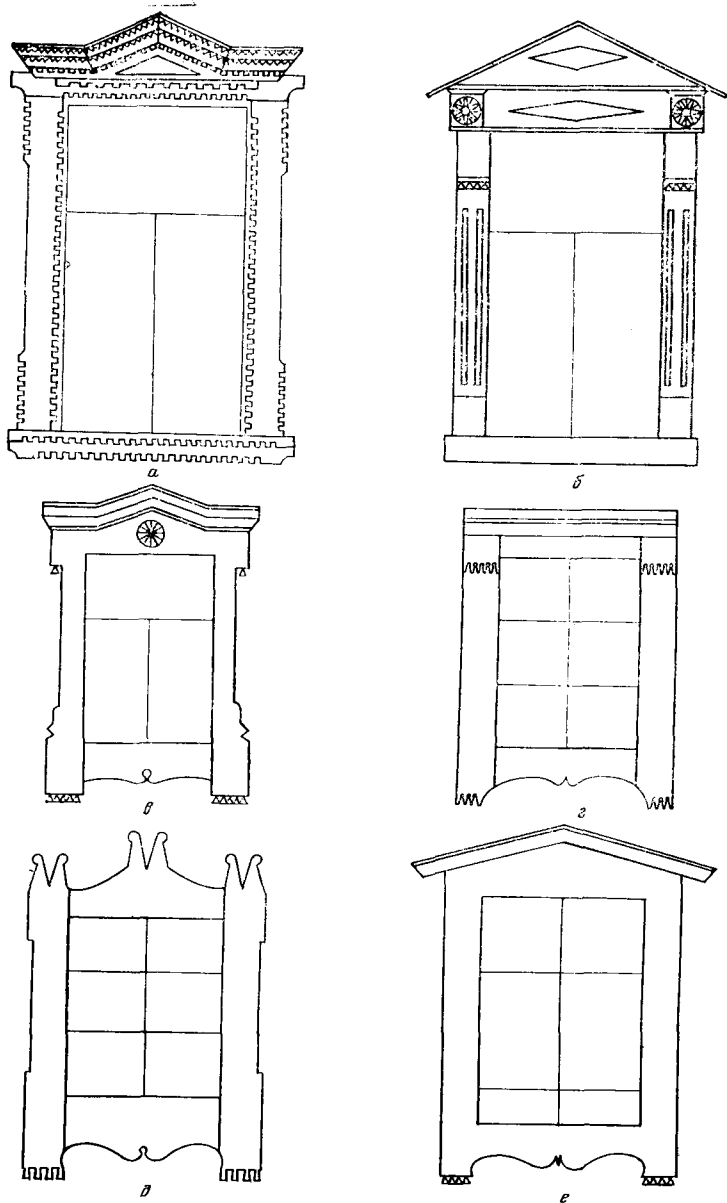


Рис. 10. Наличники: а — дом Т. А. Дерягиной, конец XIX в. (с. Кимжа Мезенского р-на); б — дом нач. XX в. (г. Мезень); в — дом из д. Русомы Лешуконского р-на; г — дом Ф. Я. Судновой, конец XIX в. (д. Печище Мезенского р-на); д — дом из с. Большие Нисогоры Лешуконского р-на; е — дом 1885 г. (д. Кельчемгора Лешуконского р-на)

служить лишним подтверждением точки зрения исследователя о роли торгового тракта, связывавшего Мезень с Двиной, в распространении подобного стиля росписи. Возникает предположение о возможности влияния северодвинских мастеров на искусство и Пинеги, и Мезени, так как именно Северная Двина славилась живописными центрами в Пермогорье, Устюге, в меньшей мере в Холмогорах. Однако в любом случае распространение однотипной росписи на столь большом протяжении свидетельствует о несомненном участии профессионалов в ее создании; это согласуется с существующим у искусствоведов мнением о том,

что профессиональный характер росписи по дереву характерен вообще для северных районов России. В то же время, по нашим наблюдениям, резьбой по дереву (в том числе и вырезыванием конька на охлупне) занимались не только профессионалы-плотники, но и многие крестьяне, строившие дома собственными силами. В некоторых мезенских домах, помимо фронтона, раскрашивались и другие детали: наличники, ставни, обшивки боковых торцов и т. п. Покрытие масляной краской выступающих деталей дома преследовало прежде всего практические цели: предохранение деревянных поверхностей от гниения. Однако там, где мы видим разнообразие цветов, посредством которых выделяется тот или иной узор, можно говорить о стремлении украсить дом.

Сравнивая дома Мезенского и Лешуконского районов, в домах последнего видим большее многообразие красок, резьбы по дереву и других видов украшений. Кстати, и описанные выше оригинальные украшения фронтонов домов композицией со львами зафиксированы нами в том же Лешуконском районе. Фигуры львов по бокам балкона или окна светлицы часто встречаются в поволжской резьбе. Сходна с мезенской и сама манера изображения этих животных в Поволжье: львы с поднятыми головами как бы взбираются по склону²⁹. И. В. Маковецкий, исследовавший этот мотив в поволжской народной архитектуре, писал о сходстве подобных изображений с работами неизвестного резчика с берегов Белого озера, вырезавшего льва на деревянном тягле XIII в.³⁰ Имеются свидетельства о распространении этого мотива во Владимиро-Суздальской земле, в храмовой и дворцовой скульптуре в более раннее время, начиная с XII в. Оттуда он перешел в крестьянскую среду Севера и Поволжья³¹. Росписи со львами, относящиеся к более позднему периоду, встречаются в районах Горьковской, Костромской, в меньшей мере Владимирской областей³². В то же время А. К. Чекалов связывает появление росписи со львами на Севере с оживленной заморской торговлей XVI—XVIII вв., осуществлявшейся до Петра I через Северную Двину и способствовавшей распространению на Севере пышно орнаментированных предметов домашнего обихода. «Отныне одной из любимых композиций,— пишет он,— станет мотив льва и единорога, стоящих по сторонам дерева. Британский герб соединен здесь с древним образом предстояния... В позднейшей крестьянской резьбе и росписи мотив расплывается, единорог заменяется конем или вторым львом. В таком упрощенном, переработанном виде композиция дошла до XX века в виде зеленых и желтых языкастых львов, симметрично посаженных по концам дуг, на фронтонах изб»³³. Обе эти точки зрения о путях проникновения рассматриваемой композиции на Русский Север, на наш взгляд, совместимы. Однако тот факт, что этот орнаментальный мотив встречается не во всех северных районах, а лишь в некоторых, свидетельствует о том, что усвоение его было возможным лишь там, где раньше уже существовали схожие сюжеты. В данном случае это могла быть трехчастная композиция с древом жизни посередине. Нетрудно заметить, что рассматриваемое изображение распространено в местностях, входивших в сферу влияния Московской Руси, в частности, в Лешуконском районе.

В мезенских деревнях почти не встречаются пышно орнаментированные наличники, характерные, например, для деревень Верхнего и Среднего Поволжья; зато здесь можно еще увидеть наличники в наиболее архаической форме, представляющие собой гладкие обкладки, закры-

²⁹ Е. Э. Бломквист. Указ. раб., с. 377.

³⁰ И. В. Маковецкий. Заметки о деревянном зодчестве Поволжья.— «Сообщения Ин-та истории искусств», № 1. М., 1951, с. 39.

³¹ А. И. Некрасов. Указ. раб., с. 124.

³² Е. Э. Бломквист. Указ. раб., с. 401—402.

³³ А. К. Чекалов. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974, с. 54.

вающие щели между оконным проемом и рамой, лишенные всяких украшений. Однако наряду с ними встречаются и своеобразно украшенные наличники. Довольно распространен узор в виде солярных розеток, вырезанных в стиле древней трехгранновыемчатой резьбы. Более нарядными выглядят наличники, украшенные другим видом древней резьбы — городковой. Края таких наличников обрабатывались в виде прямоугольных, треугольных и трапециевидных фигур (рис. 10, а). Реже попадаются наличники с пропильной резьбой, получившей, как известно, широкое распространение в среднерусских областях. Пропильные украшения мезенских наличников сходны с подобными украшениями из районов Верхнего Поволжья. В декоре мезенских наличников сказалось влияние еще одного, более позднего стиля — классицизма, пришедшего в районы Русского Севера из городов. Элементы классицизма прослеживаются в рельефных украшениях в виде четырехгранных пирамидок с прямоугольным, ромбическим и квадратным основаниями, прикрепленных к плоскости наличника. Очевидно, под влиянием классицизма двускатный фронтон верхнего наличника преобразуется в ярко выраженный треугольник (рис. 10, б).

С точки зрения конструктивных и декоративных особенностей, мезенские наличники можно разделить на следующие группы: наличники с более богато оформленной верхней доской; наличники с более богато оформленной нижней доской; наличники с одинаково украшенными верхней и нижней досками (рис. 10, в). Верхняя доска наличников нередко оформлялась в виде треугольника. Иногда этот треугольник украшался элементами классического орнамента, о которых говорилось выше. В тех деревнях, где получила развитие городковая резьба, ею украшались и треугольники наличников. Украшенная нижняя доска, как правило, имеет овальные очертания, часто напоминающие форму арки (рис. 10, г). Распространен этот декоративный мотив главным образом в Лешуконском районе, в жилище которого, как об этом уже говорилось, заметно тяготение к арочным конструкциям в устройстве крыш, крылец и ворот. Как правило, боковые доски таких наличников оканчивались каплями или кистями, напоминающими конец полотна с бахромой.

Указанные группы наличников разделяются по их географическому распространению. Наличники первой группы чаще встречаются в Мезенском районе, второй — в Лешуконском. В среднем течении Мезени (особенно это касается с. Лешуконского и окрестных сел) попадаются наличники третьей группы, в которых равно украшались верх и низ. В Лешуконском районе, который, как уже отмечалось, отличается большим разнообразием в декорировании жилища, более богато орнаментировались и наличники. В этом районе в орнаменте наличников встречается мотив рогов, иногда в оригинальной форме (рис. 10, д). Мотив этот в пределах Европейской России характерен для поволжских и прикамских районов³⁴. Преимущественно в том же Лешуконском районе наблюдается раскраска наличников растительным орнаментом (цветы, деревья и т. п.). В качестве примера можно привести прекрасно украшенный резьбой и росписью дом В. Я. Клокотова из дер. Заозерье этого района (рис. 8). Главным образом в наличниках Лешуконья встречается украшение боковых досок «каплями». Если Лешуконский район по ряду особенностей декора и росписи можно связать с более южными русскими областями, а также с Поволжьем и Прикамьем, то Мезенский район тяготеет к северо-западным районам Европейской России. В Зонежье еще в большей мере, чем в Мезенском районе, в декоре наличников прослеживаются ярко выраженные элементы классицизма. Р. М. Габе и К. К. Романов, одними из первых описавшие элементы

³⁴ И. В. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища, с. 165.

декора такого типа, объясняли их появление в народном жилище влиянием городской архитектуры Заонежья³⁵. К их мнению присоединяется и Е. Э. Бломквист³⁶. И. В. Маковецкий указал, кроме того, что подобное городское влияние имело место именно в тех районах, где, по его предположению, ранее господствовал определенный тип наличников, верхняя доска которых имела форму двускатного фронтона. В такие наличники легко вписывались элементы классицизма³⁷. Наши материалы, свидетельствующие о распространении наличников с элементами классицизма главным образом в одном (Мезенском) районе, подтверждают эту мысль. К тому же в Мезенском районе сохранились наличники, верхняя доска которых имеет форму двускатного фронтона, послужившую, как уже говорилось, основой для появления наличников в стиле классицизма (рис. 10, е).

Несравненно реже, чем роспись на наружных частях дома, наблюдается в мезенских деревянных живописное убранство интерьера дома. Обычно росписью покрывались двери, печек, голбец, а также подвижная мебель, особенно шкафы. На Русском Севере подобная роспись, как известно, была мало распространена. Если на Украине и в некоторых южнорусских районах она встречается повсеместно, то в северных деревнях — эпизодически. В отличие от Украины, где росписью домов занималась каждая хозяйка, на севере России это занятие сосредотачивалось в руках профессионалов. Например, в Олонецкой губернии зафиксировано много мелких центров, где работали мастера-иконописцы, занимавшиеся в свободное время также малярным делом как у себя дома, так и на отхожих промыслах³⁸. Известны артели костромских красильщиков, работавших по заказу далеко на севере, например в Заонежье³⁹. Крупные центры росписи были расположены по течению Северной Двины (Сольвычегодск, Великий Устюг и Холмогоры). Они славилась расписными сундуками, ларцами и другими изделиями уже в XVII в. Здесь распространился особый стиль росписи, называемый «строгановской школой», возникший в мастерских промышленников Строгановых. Распространением этого стиля объясняется появление в живописи северян наряду с четкостью рисунка своеобразной «узорчатости» в орнаменте (например, изображений цветов и листьев на тонких изогнутых стеблях)⁴⁰.

Выше уже говорилось о хозяйственных и культурных связях населения Мезени и Северной Двины. Вероятно, этими связями можно объяснить и особенности живописного декора мезенских изб, значительно отличающегося от знаменитой мезенской росписи на прялках и коробах. Различия проявляются как в манере письма (свободный мазок, а не графический контур росписи), так и в сюжетах и образах. Это прежде всего изображения цветов, которые почти не встречаются на изделиях с мезенской росписью, и таких животных, как лев и петух, также совершенно не свойственных этой росписи. Между тем подобные изображения нередки в творчестве живописцев Северной Двины, начиная с XVII в. Трудно определенно сказать, распространялась ли эта живопись профессионалами-плотниками и малярами или посредством продаваемых на ярмарках предметов домашнего обихода, производимых в указанных промысловых центрах Северной Двины. Скорее всего, было и то, и другое. Вероятно, там, где сюжеты и живописные приемы повторяются на большой территории, следует говорить о профессиональном

³⁵ Р. М. Габеев. Указ. раб., с. 73; К. К. Романов. Жилой дом в Заонежье, с. 39.

³⁶ Е. Э. Бломквист. Указ. раб., с. 370—371.

³⁷ И. В. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища, с. 156.

³⁸ Е. Э. Бломквист. Указ. раб., с. 402.

³⁹ Там же, с. 403.

⁴⁰ «Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву». М., 1967, с. 11—14, 123—124.

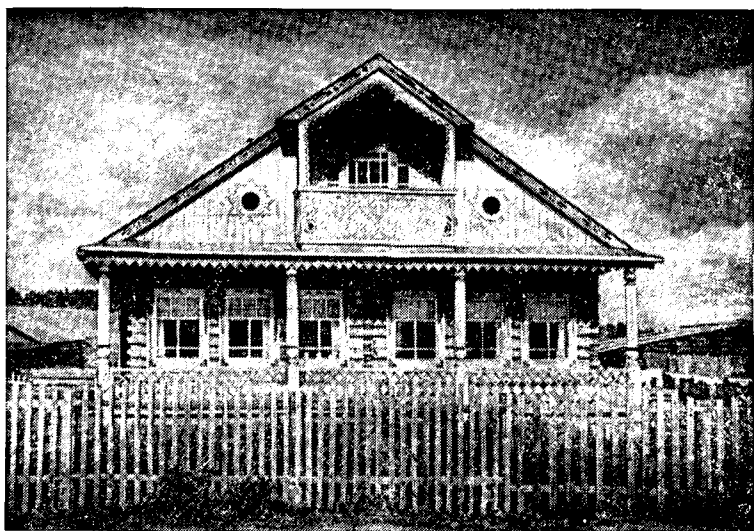


Рис. 11. Дом К. З. Грязнова, 1957 г. (д. Вожгоры Лешуконского р-на)

мастерстве; там же, где подобного повторения нет, речь может идти о мастерстве индивидуальном. Примером индивидуального творчества могут быть работы колхозника К. З. Грязнова из с. Вожгоры Лешуконского района. Он прекрасно «изукрасил» два дома (свой и сына) внутри и снаружи (рис. 11). Заказы от других он не брал и занимался художественным ремеслом только в свободное от основной работы (в колхозе) время. Выполненные этим мастером росписи и резьба по дереву отличаются яркими индивидуальными особенностями, хотя в них использованы многие приемы профессиональных мастеров. В настоящее время рассматриваемый живописный декор чаще встречается в Лешуконском районе, но, вероятно, прежде ареал его распространения был шире. Например, в дер. Печище Мезенского района на старинной двери сохранились следы прекрасной росписи в той традиционной манере, о которой идет речь; на нижней половине двери изображена ваза с цветами, на верхней — петух. В той же манере расписаны и сохранившиеся на некоторых домах этой деревни наличники.

Выявленные по нашим материалам различия в конструктивных и декоративных особенностях крестьянских построек Мезени не случайны. Исследования фольклора и изобразительного искусства позволили выделить здесь две зоны: северную и южную, примерно в пределах Мезенского и Лешуконского районов⁴¹. Многие черты материальной и духовной культуры населения северной зоны тяготеют к культуре русского населения побережья Белого моря, нижнего течения Двины, Онеги, т. е. к областям, входившим в сферу влияния Новгорода Великого. Многие же особенности культуры выделенной нами южной зоны могут быть связаны с верховолжским бассейном и теми районами Русского Севера, которые заселялись выходцами из этого бассейна. Ряд древнейших культурных элементов этой зоны имеет несомненные аналогии в культуре коми-зырян, соседящих с русскими в верховьях Мезени и ее притока Вашки. Различия в духовной и материальной культуре русских Мезени связаны с этнической историей края. Уже говорилось, что Мезенский край заселялся двумя потоками: с севера потомками нов-

⁴¹ Подробнее см. С. И. Дмитриева. О роли субстрата в сложении этнических групп Русского Севера (по материалам фольклора и изобразительного искусства). — «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации». М., 1978.

городцев, с юга выходцами из Московской Руси. Очевидно, что Мезенский район связан с северным, а Лешуконский — с южным потоками переселенцев. Наши материалы позволяют, кроме того, более определенно говорить о конкретных путях, по которым осуществлялись эти связи, а раньше, возможно, шло и заселение края. Так, появлению на Мезени ряда характерных мотивов живописного декора жилищ способствовал торговый тракт, связывавший Печору с Северной Двиной и проходивший через среднее течение Мезени и Пинеги. Распространение другого характерного способа декора жилища — городской резьбы связывает Лешуконский район через Пинегу с городами Верхнего Поволжья, где этот вид резьбы имел особое распространение. Такой же характерный элемент декора жилища, как изображение коня на охлупне, свидетельствует о несомненных связях некоторых сел Лешуконья с деревнями по рекам Ваге и Кокшеньге.

О более широких связях свидетельствуют типы застройки мезенских домов. В свое время С. П. Толстов в предложенной им классификации великорусского жилища⁴² выделил два первичных комплекса культуры жилища. Первый — северный, характеризующийся однорядной связью, охватывал всю область древней новгородской колонизации и частично районы владими́ро-суздальской колонизации. Второй — южнорусский комплекс, с замкнутым двором, сложился в иных условиях ландшафта и хозяйства. Как результат взаимодействия этих двух комплексов С. П. Толстов рассматривает комплекс поволжский, с присущей ему двухрядной связью. Он получил распространение в Верхнем Поволжье, где наложился на северное жилище. М. В. Витов, прослеживая историю формирования сомкнутых типов застройки, когда жилые и хозяйственные постройки плотно примыкают друг к другу, намечает два пути их формирования. Один путь развития — от свободной застройки двора до однорядной — характерен для западных и северо-западных областей: новгородских земель и районов, колонизованных новгородцами в XI—XVI вв., — Обонежья и Западного Поморья. Другой путь развития — от замкнутой усадьбы с открытым двором через замкнутую покоеобразную и сомкнутую двухрядную — к однорядным постройкам имел место в Центральной России⁴³. Рассмотренный нами материал по жилищу показывает, что низовье Мезени по типу жилища тяготеет к северо-западным областям, входившим в сферу влияния Новгорода, тогда как постройки среднего течения Мезени могут быть связаны с Центральной Россией и Поволжьем. Сохраняющиеся здесь оригинальные крестьянские постройки служат еще одной иллюстрацией переходных видов в развитии севернорусского жилища.

ARCHITECTURAL AND DECORATIVE FEATURES OF THE TRADITIONAL RUSSIAN DWELLING IN THE REGION OF THE MEZEN'

The author offers new materials on the ethnography and the folk imitative arts in a typical region of the Russian North, the Mezen' River drainage area. The peculiar features of the Russian dwelling in the Mezen' River area that are revealed by means of analyzing this material are shown in their connexion with the history of the region's settlement by different groups of Russian population. A not inconsiderable role in the rise of these peculiarities was played by the contacts of Russians with the neighbouring Fenn-Ugric peoples.

⁴² С. П. Толстов. К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России. — «Культура и быт населения Центрально-промышленной области». М., 1929, с. 86—87.

⁴³ М. В. Витов. Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища (классификация типов застройки усадьбы). — «Вестник Московского университета. Историко-филол. серия», № 4. М., 1958, с. 129—140.

Альберт Б. Харпер

ИСТОРИЯ АЛЕУТСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ

Почти за 9000 лет до экспедиции Беринга группа людей поселилась на юго-западной оконечности Берингии. Эти люди, потомки популяций, проживавших на южном побережье сухопутного моста между Азией и Америкой, занимались морской охотой. Наиболее ранние следы их культуры, найденные на о. Анангула Алеутской гряды, дают нам возможность представить их образ жизни и прийти к выводу, что это были наиболее древние предки алеутов. Эти ранние алеуты, как и другие группы мигрантов — предков эскимосов и американских индейцев, имеют, несомненно, сибирское происхождение. Они вступили в новый мир, неведомый доселе человеку, и, сами того не зная, положили начало величайшему природно-историческому эксперименту, когда-либо предпринимавшемуся человечеством.

АЛЕУТСКАЯ ЭКОСИСТЕМА

Человек — основная часть той экосистемы, в которой живет и которую использует. Изучение популяционных вариаций, как и исследование современного населения и его предков, в целом должно соотноситься с экологической базой обитания данной популяции, а также с информацией о том, как она произошла и распространялась. Положение алеутов в алеутской экосистеме позволяет создать общую модель для любой человеческой популяции. Эта модель описывает конкретно-историческую эволюцию алеутов и может быть применена ко всем группам, жи-

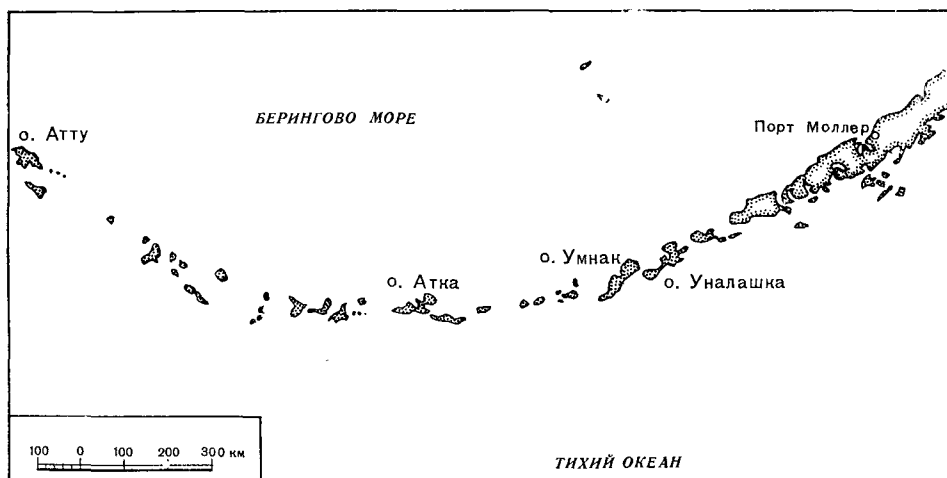


Рис. 1. Алеутские острова

вущим в районе Берингова моря. Более того, алеутская модель адекватно воспроизводит ситуацию любой популяции, живущей в условиях взаимодействия островных и морских экосистем¹.

Ареал алеутов занимает территорию примерно от 160° западной долготы (Порт-Моллер на Аляске) до 166° восточной долготы (Командорские острова в Советском Союзе), т. е., грубо говоря, приблизительно 34° по долготе (рис. 1). Наиболее важной особенностью этой вулканической островной экосистемы является то, что Алеутская гряда вытянута в широтном направлении. Максимальная разница по широте с юга на север составляет меньше 6°, алеутская экосистема обращает также на себя внимание отсутствием крупных рек. Все современные и древние поселки алеутов расположены прямо на побережье, в основном в глубоких заливах с рифами и рядом с устьями небольших рек, служащих нерестилищами для лососевых рыб. Именно такая экологическая ниша предопределила пути адаптации алеутов к географической среде.

ПИЩЕВЫЕ РЕСУРСЫ АЛЕУТОВ (МОРСКОГО И НАЗЕМНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Моря, окружающие Алеутские острова, относятся к наиболее богатым экологическим зонам на земном шаре. Несколько ключевых географических особенностей были особенно важны для развития пищевой базы. Прежде всего это — морские проливы между островами. В восточной части Алеутской гряды проливы довольно мелки. Первый глубокий пролив расположен между о. Умнак и Четырехсопочными островами (пр. Самалга). Только этот пролив существовал в эпоху Берингийской суши, и, следовательно, о. Умнак образовывал оконечность этой суши². Географические условия, которые привлекли сюда ранних алеутов, еще продолжают сохраняться. Смещение теплых вод Тихого океана и холодных вод Берингова пролива создает отличную кормовую базу и обогащает воду кислородом настолько, что протисты и беспозвоночные развиваются в исключительно благоприятных условиях³. Это изобилие кормовой фауны, естественно, приводит к концентрации всех звеньев пищевой цепи, включая человека. Хотя водная поверхность, как мы помним, является наибольшей в пр. Самалга, все проливы между островами богаты птицей, рыбой и млекопитающими, особенно морскими львами и китами. Эта экосистема представляет великолепную основу для жизни, которую алеуты мастерски эксплуатируют.

Второй важный геоморфологический аспект пищевой базы — наличие широкой рифовой зоны. Рифы представляют собою важную экологическую нишу, богатую беспозвоночными и растениями, особенно морскими ежами и ламинарией. Эта зона доступна во время отлива всем членам популяции, и поэтому она вносит существенный вклад в человеческое питание. Это очень важно для алеутской системы адаптации, потому что даже дети, даже очень старые люди и больные могут собирать морских ежей, кальмаров, мелкую рыбу и морские водоросли на рифах, обеспечивая себя большей частью пищи⁴.

¹ A. B. Harper. Secular change and isolate diversity in the Aleutian population system. PhD thesis. Storrs, Connecticut, 1975.

² W. S. Laughlin. Eskimos and Aleuts: their origins and evolution.— «Science», v. 142, 1963, p. 633—645.

³ J. J. Kelley, L. L. Longerich, D. W. Wood. Effects of upwelling, mixing and high primary productivity on CO₂ concentrations in surface waters of the Bering Sea.— «Journal of geophysical research», v. 76, 1971, p. 8687—8693.

⁴ W. S. Laughlin. Ecology and population structure in the Arctic.— G. A. Harrison, A. J. Boyce (eds.). Demography and the biological and social structure of human populations. Oxford, 1972, p. 379—392; W. S. Laughlin, A. B. Harper. Nutrition, evolution and adaptation.— F. E. Johnston (ed.). Anthropological aspects of human nutrition. New Mexico, 1976.

Третья особенность экосистемы, которая оказывает влияние на состояние пищевых ресурсов,— ее географическая протяженность. Так как она вытянута с востока на запад, климатические условия на островах весьма сходны. Поэтому состояние пищевых ресурсов в одной части островной цепи практически то же, что и в другой. Единственное значительное исключение из этого правила составляют миграции котиков, которые ограничены лишь восточной частью Алеутской гряды. Под влиянием моря преобладает умеренная температура, которая препятствует распространению зимой плавучих льдов, столь обычных в остальной Арктике. Отсутствие зимнего льда дает возможность круглый год заниматься собирательством, рыболовством и охотой, что невозможно в более северных районах.

ГОЛОЦЕНОВЫЙ ПЕРИОД НИКОЛЬСКОГО ЗАЛИВА

Алеутская экосистема представляет собою эволюционирующее целое. Многие геофизические события повлияли на изменение характера расселения и пищевую базу со времени первого появления здесь алеутов. Очень важно отметить, что хронология истории алеутов Никольско-

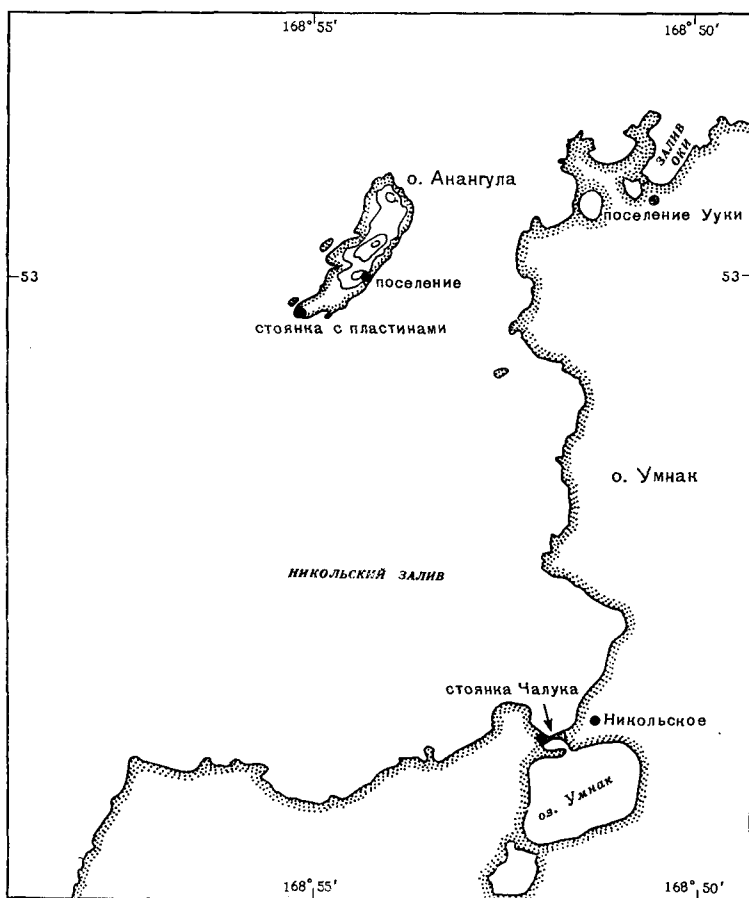


Рис. 2. Остров Анангула и Никольский залив

го залива исчисляется с помощью данных, полученных на о. Анангула и на стоянке Чалука (рис. 2). Последовательность исторических событий интерпретируется только с помощью археологических материалов, так как критически отобранные образцы, позволяющие правильно вос-

становить течение событий во времени, доступны лишь из древних очагов. Начиная с 1952 г., раскопки У. С. Лафлина дали возможность получить около 90 радиоуглеродных датировок, которые позволяют нам уверенно реконструировать историческую картину с интервалами в 200 лет⁵.

Первые люди поселились на стоянке Анангула 8700 лет тому назад, когда уровень океана был на 30 м ниже. Эти люди были охотниками на морского зверя и оставили после себя обширный инвентарь, состоящий из каменных орудий, включая нуклеусы, пластины и резцы. К сожалению, все орудия из кости и дерева были разрушены, но много тысяч каменных орудий ясно указывают на значительный размер поселения, которое существовало столетия. Наши радиоуглеродные датировки устанавливают, что древние насельники Анангулы оставили окончательность этого крошечного острова примерно 7000 лет тому назад⁶. Они были вынуждены переселиться на более высокое место из-за подъема уровня океана. Раскопки акад. А. П. Окладникова и проф. У. С. Лафлина в 1974 г. показали, что жители Анангулы просто продвинулись на новое место, приблизительно на 10 м выше стоянки с пластинчатой техникой, и продолжали развивать свои азиатские технологические традиции с одним, правда, существенным добавлением. Примерно 6500 лет тому назад культура изменилась: индустрию строго односторонне обработанных нуклеусов и пластин сменила технология двусторонней и односторонней обработки. А. П. Окладников нашел наконечники, которые поразительно похожи на наконечники, обнаруженные Н. Н. Диковым в Ушках. На протяжении этого периода уровень океана продолжал подниматься, в результате чего прибрежная терраса, которая окружала о. Анангулу, оказалась урезанной. Около 5500 лет тому назад мощное тектоническое движение привело к образованию новой террасы и рифа внутри Никольского залива. Подъем береговой линии продолжался еще тысячу лет и приблизительно 4500 лет тому назад достиг современного уровня. Образование значительного рифа внутри Никольского залива и озера рядом с современным с. Никольское повело к переселению алеутов на стоянку Чалука.

Стоянка Чалука возникла около 4000 лет тому назад. Ее продолжительное существование отражает всю культурную, биологическую и экологическую историю алеутов. При раскопках в Чалуке обнаружены останки животных, на которых охотились алеуты, каменные, костяные и деревянные орудия, использовавшиеся на охоте, при разделке туш и приготовлении пищи, а также костные останки самих алеутов. Благодаря наличию скелетных материалов, которые датируются приблизительно 4000 лет тому назад, мы в состоянии сейчас описать биологическую эволюцию этой популяции.

Итак, алеуты появились в Никольском заливе самое меньшее 8700 лет тому назад. Стоянка Анангула с традицией пластинчатой техники существовала около 1700 лет. Начиная с 7000 лет от современности и до настоящего времени часть алеутов жила на Анангуле и оставила более позднее поселение (village site), а часть образовала стоянку Чалука, возникшую 4000 лет тому назад. Остатки материальной культуры для первых 5000 лет (от 8700 до 4000 лет от современности) и человеческие костяки последних 4000 лет позволяют сделать вывод, что побережье и острова Никольского залива до 1759 г., когда Глотов «открыл» о. Умнак, заселяли только алеуты.

⁵ W. S. Laughlin, A. B. Harper, S. B. Laughlin. The span of occupation of the Anan-gula blade site.— W. S. Laughlin, A. B. Harper (eds). Aleut population and ecosystem analysis. В печати.

⁶ A. B. Harper. Указ. паб.; W. S. Laughlin. Aleuts: ecosystem, holocene history and Siberian origin.— «Science», v. 189, 1975, p. 507—515.

РАЗМЕРЫ ПОПУЛЯЦИИ, МИГРАЦИЯ И ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Демографическая структура популяции непосредственно связана с эволюционной динамикой группы⁷. Более того, хорошо известно, что эффективный репродуктивный объем группы может определять характер ее эволюции. В малочисленной популяции эффект случайных изменений в генных частотах, называемый генетическим дрейфом, предопределяет потенциальный эффект естественного отбора, мутаций и миграций. Классический индекс Кроу для оценки действия селекции полностью основан на оценке демографических эффектов репродукции. Поэтому исследование демографии любой популяции, углубленное, насколько это возможно, в древность, представляет исключительный интерес. Наша реконструкция позволяет также подойти к построению возможных моделей будущей эволюции человечества.

На Алеутских островах сочетание двух источников информации дает возможность исследовать эти проблемы в деталях, что невозможно по отношению к другим популяциям Нового Света. Во-первых, найдены скелеты предков ныне живущих алеутов, возраст самых древних из них (из Чалуки) — 4000 лет. Используя либо традиционные антропологические методы, либо новую технику сверления кости, разработанную Д. Томпсоном в Коннектикутском университете, мы можем определить пол и возраст скелетных остатков с большой точностью и, следовательно, получить половозрастную пирамиду. Во-вторых, открытия Беринга и особенно Стеллера положили начало традиции научного изучения новых народов в период, когда хорошо известные последствия контактов еще не проявили себя. В русле этой традиции работали люди, подобные Вениаминову, составившему тщательные переписные списки и собравшему данные о смертности для района Уналашки с 1822 по 1834 г. Данные Вениаминова занимают исключительное место по своей детальности и ясности. К сожалению, как и при всех других попытках восстановить прошлое, мы наталкиваемся на периоды, о которых имеется только недостаточная или неточная информация.

ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗМЕРАХ ПОПУЛЯЦИИ

Хотя мы, вероятно, никогда не будем знать точной численности алеутов в разные периоды, вычисления разных исследователей приводят к одному и тому же выводу, а именно максимальный размер всей алеутской популяции перед контактом с европейцами не превышал 16 тыс. чел. Наиболее информативные источники, составляющие базу для получения этой цифры, принадлежат перу путешественников и исследователей Аляски. Они суммированы С. Г. Федоровой в ее книге по истории Русской Америки⁸. Я не собираюсь касаться деталей, но отмечу, что Вениаминов, опираясь на подсчет числа древних деревень и определяя население каждой примерно в 215 чел., предположил, что численность алеутской популяции могла достигать 25 тыс. чел. Он разумно посчитал полученную цифру слишком высокой и определил подлинную численность между 12 и 15 тыс. чел. Американские исследователи, такие, как А. Крёбер⁹, А. Хрдличка¹⁰ и У. Лафлин¹¹, аргументировали

⁷ W. Bodmer, J. Lederberg. Census data for studies of genetic demography.— «Proceedings of the Third International Congress of Human Genetics». Baltimore, 1967, p. 459—472.

⁸ С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII в.— 1867 г. М., 1971.

⁹ A. L. Kroeber. Cultural and natural areas of native North America.— «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology», v. 38, 1939.

¹⁰ A. Hrdlička. The Aleutian and Commander islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945.

¹¹ W. S. Laughlin. The physical anthropology of three Aleut populations: Attu, Atka and Nikolski. PhD thesis. Harvard, 1949; *его же*. The Alaska gateway viewed from the

точку зрения, согласно которой численность алеутов в 16 тыс. чел. представляется наиболее вероятной. Тем не менее эта цифра, возможно, занижена, что доказывает Б. Фрелих¹².

Если мы все же примем эту цифру — 16 тыс. чел., то получится, что плотность населения была $0,64 \text{ чел/км}^2$ по всем островам. Такое вычисление не вполне корректно, так как все алеутские поселения расположены на берегу, а не в горах вулканического происхождения. Я предпочитаю использовать модель Лафлина для исчисления плотности населения, основываясь на площади, опоясывающей остров полосы акватории в 5 км шириной, которая реально выявляет ареал экономического освоения алеутов. Исходя из этого, цифра плотности получается $1,25 \text{ чел/км}^2$. Это один из наиболее высоких показателей плотности для неземледельческого населения в Новом Свете. Для сравнения укажем, что наиболее высокая цифра плотности населения для северных эскимосов, указанная Э. Бёрчем¹³, — $0,19 \text{ чел/км}^2$, наиболее низкая — $0,010 \text{ чел/км}^2$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОСТА ЧИСЛЕННОСТИ

Потенциальные возможности роста человеческой популяции громадны. Все же одна из крупных проблем, перед лицом которой мы стоим, состоит в неконтролируемой рождаемости и низком уровне смертности населения во многих современных нациях. Часть концептуальных трудностей в понимании того, как быстро может расти популяция, состоит в очень малом процентном увеличении за год. Так, если рождаемость в популяции составляет 44 человека на тысячу, а смертность — 9 на тысячу, прирост равен 35 на тысячу, т. е. только 3,5% в год. Однако и при таком приросте численность популяции удвоится всего за 20 лет.

При реконструкции предполагаемого характера роста алеутской популяции можно ориентироваться на уровень увеличения в 200 раз меньший, чем тот, который использовал П. Мартин в своей гипотезе «самопереживания»¹⁴, и все-таки получить цифру 16 тыс. алеутов в XVIII в. Так, например, 1 тыс. алеутов могла превратиться в 16 тыс. алеутов за 8000 лет при приросте, никогда не превышавшем 0,3‰ в год.

По всей вероятности, уровень прироста в небольшой популяции тесно связан с экологической базой, на которой существует эта популяция, так что постоянный прирост в 0,3‰ в год, по-видимому, исключен. Напротив, я предпочитаю использовать логистическую кривую, которая медленно поднимается и дает пик увеличения лишь в то время, когда развились большие рифы, т. е. примерно 4000 лет тому назад. В это время популяция могла расти быстрее, но, как показывает табл. 1, прирост был, вероятно, не больше, чем 0,7‰ в год. Особенностью популяционной биологии алеутов было то обстоятельство, что никогда число рождений не превышало значительно число смертных случаев. В пользу этого утверждения говорит, во-первых, тот факт, что самое раннее население на Анангале существовало более 1500 лет, но вряд ли когда-либо его население превышало 100 человек. Во-вторых, распространение алеутов на запад и на восток с Умнака имело место после развития рифов. Наиболее ранние следы проживания алеутов за пределами Умнака датируются приблизительно 3000 лет тому назад в обоих концах Алеутской гряды. В-третьих, предложенный коэффициент прироста подтверждается средним приростом с 1820 г. до современности, равным

Aleutian islands.— «Physical anthropology of American Indian». N. Y., 1941, p. 98—126; *его же*. Eskimos and Aleuts: their origins and evolution; *его же*. Ecology and population structure in the Arctic; *его же*. Aleuts: ecosystem, holocene history and Siberian origin.

¹² B. Fröhlich. Aleut site survey, 1975. Paper Presented to the Society of American Archaeologists. St. Louis, May, 1976.

¹³ E. A. Burch. The Caribou/Wild Reindeer as a human resource.— «American Antiquity», v. 37, 1972, p. 339—368.

¹⁴ P. S. Martin. The discovery of America.— «Science», v. 179, 1973, p. 969—974.

Возможный прирост и увеличение численности популяции

Годы (в глубь от современности)	Постоянный прирост		Непостоянный прирост	
	прирост, ‰	численность	прирост, ‰	численность
9000—8000		1,000		1,000
8000—7000	0,3	1,433	0,2	1,289
7000—6000	0,3	2,053	0,2	1,662
6000—5000	0,3	2,941	0,2	2,142
5000—4000	0,3	4,214	0,3	3,069
4000—3000	0,3	6,037	0,7	6,166
3000—2000	0,3	8,650	0,3	8,836
2000—1000	0,3	12,393	0,3	12,662
1000—контакт с европейцами	0,3	16,367	0,3	16,724

0,32‰ в год. Тенденция в стабильной популяционной системе — возвратиться к тому же темпу прироста, который имел место до демографической революции, — была продемонстрирована К. Вейсом в его теоретической модели¹⁵.

На протяжении всей истории алеутской популяции мы видим удивительно определенную картину популяционного роста. Популяция росла очень медленно, но постоянно, с коэффициентом прироста, равным примерно 0,3‰ в год. Возможно, развитие основной системы рифов позволило увеличить и даже удвоить прирост. Но в любом случае достаточен был очень небольшой прирост, чтобы привести к цифре 16 тыс.

ХАРАКТЕР АДАПТАЦИИ У АЛЕУТОВ И ДОЖИВАЕМОСТЬ

С самого начала было ясно, что алеуты, которые были искусными охотниками, хорошо адаптированы к среде, так как они поддерживали постоянную плотность населения. Однако, несмотря на то, что мы признаем их адаптивное преимущество перед другими берингоморскими популяциями, трудно количественно оценить степень успеха данного вида адаптации. Основная проблема, как считают У. Шелл и Ф. Ротхаммер, состоит в том, что «генетическая основа биологической адаптивности современных алеутов в большей своей части должна была существовать много поколений назад и, следовательно, недоступна для исследования»¹⁶. К счастью, сохранились скелеты представителей ранней палеоалеутской популяции (хотя и не самые древние), а также людей периода начала контактов. Эти люди описаны в источниках, оставленных русскими землепроходцами, и в церковных документах. Все эти материалы дают возможность проследить последовательность возникавших перед алеутами проблем, связанных со средой, питанием, болезнями, а также их реакцию на эти проблемы.

Продолжительность жизни представляет собою демографический ключ к проблеме популяционной адаптации¹⁷. К. Пирсон и Р. Фишер верили в разрешающую силу анализа продолжительности жизни как

¹⁵ K. M. Weiss. Demographic distribution and the use of life tables in anthropology.— «American Antiquity», v. 40, 1975, p. 46—56.

¹⁶ W. J. Schull, F. Rothhammer. Analytic methods for genetic and adaptational studies.— Paper presented for «Origin and affinities of the first Americans» Burg Wartenstein symposium, No. 72, August 21—30, 1976.

¹⁷ A. B. Harper. Secular change and isolate diversity in the Aleutian population system; *его же*. Aleut life expectancy and adaptation.— «American Journal of Physical Anthropology», v. 44, 1976, p. 193; W. S. Laughlin. Aleuts: ecosystem, holocene history and Siberian origin.

меры адаптации¹⁸. Мы использовали определение доживаемости на уровне 10 лет как наиболее подходящую оценку, так как параметр доживаемости математически более фундаментален, чем вероятность доживаемости¹⁹, и возраст в 10 лет является самым ранним, для которого по всем группам есть сравнительные данные, элиминирующие опасность недооценки детской смертности²⁰. Эффективность анализа зиждется на том факте, что сравнительные результаты могут быть получены из индивидуальных определений возраста с достаточной точностью²¹.

Важнее всего, разумеется, определить демографические показатели до эпохи контактов с европейцами, свободные от воздействия изменений питания и эпидемиологических факторов. Алеутская доисторическая популяция представлена двумя хронологически различными группами арктических монголоидов с наибольшей продолжительностью жизни, которую мы знаем. Достигнув возраста 10 лет, праалеуты-мужчины могли дожить до возраста 35,8 года (см. табл. 2). Это замечательная

Таблица 2

Изменения в доживаемости

Эпоха	Мужчины	Женщины
Палеоалеуты *	35,8	37,7
Неоалеуты (непосредственно перед контактами с европейцами)	31,2	30,6
1820—1829**	32,7	39,0
1830—1839	33,4	36,7
1840—1849	27,4	30,7
1850—1859	26,0	27,6
1860—1867	27,8	29,8
1897***	30,5	34,6
1948	28,7	28,3
1973	43,5	37,4

Данные представляют собою среднюю продолжительность жизни для лиц, доживших до 10-летнего возраста.

* Данные, полученные при исследовании скелетов.

** Данные о смертности в письменных источниках.

*** Данные переписей.

цифра, так как она говорит о наибольшей доживаемости среди всех алеутских групп разных эпох, исключая современных алеутов. Подобным же образом доживаемость праалеутов-женщин одна из наибольших — в среднем 37,7 года для лиц, достигших 10-летнего возраста. Высокий уровень адаптации праалеутов, вне сомнения, предопределял воспроизведение полного демографического профиля популяции, в котором были представлены все возрастные группы, включая и стариков. Однако нужно учитывать ограничения в возможностях определения возраста по скелету после 60 лет с помощью традиционных методов, что заставляет нас рассматривать возрастную категорию в 60—69 лет как последнюю. Если бы мы имели возможность объективно определять возраст старше 60 лет, цифры доживаемости в этом возрасте мог-

¹⁸ K. Pearson. On the change in expectation of life in man during a period of circa 2000 years.— «Biometrika», v. 1, 1901; R. A. Fischer. The genetic theory of natural selection. N. Y., 1929.

¹⁹ J. A. Moore, A. C. Swedlund, G. J. Armelagos. The use of life tables in paleodemography.— «American Antiquity», v. 40, 1975, p. 57—70.

²⁰ J. L. Angel. The basis of paleodemography.— «American Journal of Physical Anthropology», v. 30, 1969, p. 427—438.

²¹ G. Acsadi, J. Nemeskeri. History of human life span and mortality. Budapest, 1970; K. M. Weiss. Demographic models for anthropology.— «American Antiquity», v. 38, 1973, No. 2.

ли бы быть намного большими, а доживаемость для ранних возрастов увеличилась бы, возможно, на 10%. Мы обратились в настоящее время к подсчету остеонов как к методу определения возраста умерших на скелете²². Этот метод особенно эффективен для пожилого и старшего возрастов и должен разрешить, наконец, проблему их объективной фиксации на скелете. В целом можно сказать, что доживаемость для алеутской популяции до ее контакта с европейцами представляла собою достаточно консервативную величину.

Более поздняя группа — неоалеуты непосредственно перед контактами с европейцами и в начальный период контактов также имела относительно большую доживаемость для лиц, достигших 10-летнего возраста, хотя и заметно меньшую, чем у палеоалеутов. У мужчин уменьшение доживаемости превышает четыре года, с 35,8 до 31,2 года, тогда как у женщин доживаемость падает на семь лет. В наибольшей степени это уменьшение является результатом влияния новой экологической ниши, образованной контактами с европейцами. Появление новых болезней и разрушение традиционной системы охоты также сыграло большую роль в этом уменьшении.

Основание православной церкви в конце XVIII в. положило конец напряженности эпохи ранних контактов. Ранние церковные записи отражают стабильность жизненной среды алеутов со многими обычаями, включая пищевые навыки, сбалансированными со старыми традициями²³. Доживаемость за десятилетие 1820—1829 гг. увеличивается и у мужчин, и у женщин, достигая у женщин наибольшей величины. Доживаемость после 60 лет также относительно большая у обоих полов, а какой-то процент популяции доживал до восьмого десятка²⁴.

Ограничения возможностей определения возраста на скелете не распространяются на письменные свидетельства о смертности алеутов, и, таким образом, мы фиксируем подлинный характер воспроизведения популяционных характеристик у алеутов. Вклад представителей старших поколений, даже людей 70 лет и старше, очень важен в системе адаптации. Они собирали морских ежей, мидий, ламинарий и других моллюсков в дополнение к разнообразным съедобным морским водорослям, а также ловили рыбу с берега удочкой. Старые люди также ловили рыбу на каюках и байдарках обычно внутри заливов и в других спокойных водах. Выполняли они и другие хозяйственные операции, например помогали сушить лосося и треску. Таким образом, пожилые люди могли удовлетворить значительную часть своих собственных пищевых потребностей, а также помогали в уходе за детьми, за которых они несли ответственность (табл. 3).

Другой сферой, в которой старики, хорошо знавшие анатомию, играли важную роль, была древняя медицина²⁵. Искусные практики принимали роды, зашивали раны, останавливали кровь. Они могли изучить анатомию во время вскрытия трупов для изготовления мумии. Их знания включали различные способы борьбы с осложнениями при родах, и, следовательно, они определенным образом способствовали уменьшению детской смертности. У старых людей просили совета при родах более молодые члены популяции. Их внимание к проблемам здоровья было значительным и имело важное адаптивное значение.

²² E. Kerley. The microscopic determination of age in human bone.— «American Journal of Physical Anthropology», v. 22, 1965, p. 149—163; D. D. Thompson. Age-related changes in osteon remodelling and bone mineralization. PhD thesis. University of Connecticut, 1978.

²³ И. Вениаминов. Заметки об островах Уналашкинского уезда, т. I—III. СПб., 1840.

²⁴ A. B. Harper. Aleut life expectancy and adaptation.

²⁵ G. H. Marsh, W. S. Laughlin. Human anatomical knowledge among the Aleutian islanders.— «Southwestern Journal of Anthropology», v. 12, 1956, p. 38—78.

Освоение алеутами разных зон добывания пищи *

Возрастная категория	Открытое море	Залив	Отмель	Озеро, река	Риф	Утесы	Тундра
	охота, рыболовство	рыболовство	рыболовство	рыболовство	собираательство	собираательство	собираательство, охота
Взрослые мужчины	+	+	+	+	+	+	+
Взрослые женщины	—	+	+	+	+	+	+
Дети	—	+	+	+	+	(+)	+
Старые мужчины	—	+	+	+	+	—	—
Старые женщины	—	—	+	+	+	—	—
Больные	—	—	(+)	(+)	(+)	—	—
Беременные женщины	—	(+)	(+)	—	(+)	—	(+)

Таблица из работы У. Лафлина с некоторыми коррективами (W. S. Laughlin. Ecology and population structure in the Arctic).

* Все возрастные категории осваивают более чем одну зону. В некоторых случаях освоение определено не только самим фактом эксплуатации, но и степенью нетрудоспособности (+).

Таким образом, адаптация ранних алеутов представляла собою циклическую систему, в высокой степени зависимую от природной среды обитания. Последняя позволяла выживать даже неприспособленным к жизни индивидуумам, которые в ином случае превратились бы в бремя для коллектива. Эти люди, особенно старики, способствовали уменьшению детской смертности, они же обучали детей морской охоте.

Отход от традиционного образа жизни, как и воздействие эпидемических заболеваний, включая оспу (1838 г.), корь (1848—1849 гг.), грипп (1919 г.) и постоянно высокий процент туберкулеза, имели своим результатом отчетливое уменьшение доживаемости у алеутов после 1830 г. (см. табл. 2). Два основных фактора уменьшения численности популяции — элиминация стариков, что закономерно увеличило детскую смертность, и суммарный эффект изменения пищевого режима и распространения болезней ускорили упадок. Совершенно очевидно, что любое воздействие, которое ограничивает эффективность деятельности охотников, оказывает существенное влияние на популяцию в целом. При наличии опасных болезней уменьшение количества пищи и особенно потребления белка усиливает действие болезней и ведет к увеличению смертности, что иллюстрируется уменьшением доживаемости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

История человека на Алеутских островах позволяет выявить ряд ключевых моментов, присущих популяции алеутов. Из каждого момента вытекает следующий, и таким образом складается иерархическая система особенностей, отражающих уникальную историю этой группы.

1. Алеуты жили в условиях своей экосистемы более 8700 лет.

2. До 1741 г. алеуты были единственными обитателями этой экосистемы, если не считать населения о. Кадьяк и Аляски.

3. Их эволюционная история тесно связана с геоморфологической конфигурацией Алеутских островов и тем самым с изменениями в истории экосистемы.

4. Прирост алеутской популяции был, естественно, очень низким и достигал 0,3‰ в год.

5. Даже при этом уровне прироста популяция превысила 16 тыс. чел. и вышла по плотности населения на одно из первых мест в Северной Америке.

6. Алеуты до контактов с европейцами имели относительно большую продолжительность жизни, которая заметно уменьшилась в результате контактов, принесших эпидемические заболевания, включая оспу, корь, туберкулез и грипп.

7. Алеуты всегда отличались большей продолжительностью жизни, чем родственные им эскимосы.

Мы должны прийти к заключению, что алеутская популяция была адаптирована к своей экосистеме лучше, чем эскимосская к своей. Более того, алеуты достигли уровня продолжительности жизни, сопоставимого даже с технически высокоразвитым американским колониальным обществом 1750—1850 гг.

THE HISTORY OF THE ALEUT POPULATION

The history of man in the Aleutian Islands has resulted in a number of key features inherent in the Aleut population. Each point leads to the next thus forming a hierarchy of events describing the unique nature of this group.

1 — Aleuts have lived in the Aleut ecosystem for over 8,700, years.

2 — Until 1741, the Aleuts were the only inhabitants, apart from the peoples of Kodiak and the Alaska Peninsula.

3 — Their evolutionary history is closely related to geological changes in the configuration of the Aleutian Islands and has followed the history of the ecosystem.

4 — The growth rate of the Aleut population was necessarily very slow, averaging an annual rate of 0.3 per 1,000.

5 — Even with this slow growth rate the population grew to more than 16,000 Aleuts, and thus these islands became one of the most densely populated areas in North America.

6 — Pre-contact Aleuts enjoyed a relatively long life, but this was greatly reduced by the initial contacts and by the resulting various epidemics, including smallpox, measles, tuberculosis and influenza.

7 — Aleuts have always lived longer than their Eskimo relatives.

We must conclude that the Aleut population has adapted to the Aleut ecosystem better than the Eskimos have adapted to theirs. Indeed, the Aleut achievements of longevity stand up against even the technologically advanced American colonial system of 1750 to 1850.

И. Р. Григулевич

О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ РЕЛИГИИ (мысли религиоведа по поводу мыслей этнографа) *

В последнее время стало модным выступать видным ученым по важным мировоззренческим вопросам и ограничивать себя оговоркой, что речь идет о разрозненных мыслях, беглых набросках, заметках¹. С. А. Токарев свою, на мой взгляд, важную и содержательную статью «О религии как социальном явлении» назвал скромно — «Мысли этнографа». Следуя его примеру, я тоже позволил себе озаглавить свой отклик на нее «Мысли религиоведа». Читатель поймет, почему я это сделал, из текста данной заметки.

Статья С. А. Токарева вызвала, как можно судить по обилию ответов ему, опубликованных на страницах журнала «Советская этнография», широкий резонанс среди религиоведов, что говорит об актуальности затронутых в ней вопросов. Действительно, в настоящее время в силу ряда обстоятельств интерес к вопросам религии заметно возрос и среди ученых-специалистов, и среди широких кругов общественности. Причины тому разные. В социалистических странах борьба с религиозными пережитками все еще стоит на повестке дня. За пределами стран социалистического содружества традиционные религии переживают глубокий кризис, внутренний разлад, теряют адептов, вынуждены менять ориентацию, приспосабливаться к новым условиям, к реальностям современного мира. Общеизвестны такие факты, как II Ватиканский собор, избрание польского кардинала Войтылы папой римским — первого неитальянца за последние 420 лет на престоле св. Петра, деятельность «мятежных» церковников, выступающих с осуждением капитализма и империализма, роль мусульманского духовенства в антиимпериалистической революции в Иране, появление новых культов и вместе с тем растущий отход от религии в странах капитала широких слоев трудящихся. Даже невооруженным глазом видна в этих изменениях связь религии с социально-политическими изменениями, происходящими в современном мире.

Вместе с тем религия была и остается сложным явлением, многогранным как в историческом плане, так и в социальном. Ведь религия существовала на всех широтах, во все времена, во всех исторических формациях, за исключением далекой первобытности. Разновидностей ее превеликое множество. Некоторые ученые насчитывают их около трех тысяч. Да и каждая религия сама по себе является сложным комплексом таких элементов, как мифология, культ, церковные институты, некий морально-этический кодекс, специфические эмоции. Одна этнография не в состоянии охватить весь этот комплекс разнородных элементов, находящихся в

* По поводу статьи С. А. Токарева «О религии как социальном явлении (мысли этнографа)». — «Сов. этнография», 1979, № 3.

¹ См., например, статью акад. Д. С. Лихачева «Заметки о русском». — «Новый мир», 1980, № 3.

диалектически-противоречивом единстве. Религиоведение как научная дисциплина пользуется данными и этнографии, и ряда других гуманитарных наук, тем более что в решении общих проблем, касающихся самого содержания этой научной дисциплины, мало одних лишь «мыслей этнографа» и ограничиваться здесь только критериями и рамками этнографии — значит проявлять известную цеховую ограниченность. Считаю себя тоже не чужаком в этнографии, но религию рассматриваю не только как этнограф, но и как религиовед, в широком плане, причем религиовед-марксист не может не быть атеистом.

Невозможно в религиоведении обойтись без определенной трактовки самого понятия религии, т. е. без определения последней. С. А. Токарев относится несколько скептически ко всем возможным определениям религии. Он сводит их к двум типам — богословскому и атеистическому. С «некоторым удивлением» отмечает С. А. Токарев, что оба упомянутых определения при всей их полярной противоположности — тоже имеют «нечто общее» (с. 87), а именно: богословы утверждают, что потусторонняя сила (т. е. бог) существует, а атеисты отрицают ее существование. В другом месте автор говорит о безнадежном и беспредметном повторении фраз «Бог есть» и «Бога нет» (с. 96). К слову сказать, тот, кто много веков тому назад первым сказал, что «бога нет», положил начало подлинной революции в умах людей. Это утверждение лежит у истоков научного мышления человечества. Современную буржуазию чрезвычайно шокирует отрицание бога, хотя именно из ее рядов вышли в новое время «ниспровергатели» бога. Когда мексиканский художник Диего Ривера изобразил слова «Бога нет!» на одной из своих фресок, это вызвало грандиозный скандал в антиклерикальной Мексике. По велению владельца фрески слова были замазаны. Таких примеров можно было бы привести немало. Мне, религиоведу, поэтому кажется, что указанные слова не заслуживают того, чтобы их по значению приравнивали к богословскому тезису о существовании бога, к тому же сопровождая их пренебрежительными комментариями. Исходя из утверждения С. А. Токарева, можно подумать, что он считает атеизм своего рода «религией наоборот», т. е. придерживается точки зрения, как известно, бытующей в западной религиоведческой, и не только в религиоведческой, литературе и направленной на дискредитацию научного атеизма и марксизма в целом.

С. А. Токарев признает, что нужно «изучать содержание религиозных верований», причем он усекает слово «социальное», что позволяет ему сделать вывод: «Их (верования.— И. Г.) изучать надо, но не следует считать это главной целью исследования» (с. 97). Тех, кто не согласен с таким странным утверждением (к сожалению, он не указывает, кого конкретно имеет в виду), автор заранее обвиняет в том, что они-де «еще не до конца разделились с богословской традицией в изучении религии» (с. 97). Рассуждать так — значит перекладывать ответственность с больной головы на здоровую. Стремление С. А. Токарева поставить на одну доску верующих и атеистов вызывает по меньшей мере удивление. Куда более логично рассуждал поэт К. Бальмонт. Он писал:

Да, жизнь есть сон,
И сон — все сновиденья.
Но тот достоин высшего венца,
Кто и во сне не хочет заблужденье.

Именно заблуждений не желают атеисты. В этом и заключается принципиальная разница между ними и верующими. Но если на это С. А. Токарев смотрит иначе, то позволительно спросить его: к кому он сам себя причисляет? Ведь мы до сих пор считали его не только атеистом, но и атеистом-марксистом.

Автор приписывает атеизму, в частности марксистскому, удивительную ограниченность: весь багаж атеизма состоит якобы в формуле «Бога нет». Таких горе-атеистов высмеяли еще Илья Ильф и Евгений Петров, изобразив в романе «Золотой теленок» спор Остапа Бендера с ксендзом Алоизием Морошкоем. Остап твердил, что бога нет и что это медицинский факт, а Морошек — что бог есть, ибо «все живое создано им». На что Остап отвечал: «Знаю, знаю, я сам старый католик и латинист. Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер».

Но ведь то был Остап Бендер, советские же религиоведы, следуя указаниям КПСС, всегда осуждали примитивизм в атеистической пропаганде. Они исходят из марксистского понимания религии как сложного социального явления. Бог, учил В. И. Ленин, есть «(исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой, и классовым гнетом, — идеей, *закрепляющих* эту придавленность, усыпляющих эту борьбу». Вместе с тем В. И. Ленин вовсе не трактовал религию вне исторических рамок. Там же он указывал: «Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной* идеи против другой»².

Атеисты-марксисты вовсе не сводят все к спору о боге, хотя этот вопрос, конечно, фигурирует в нашей пропаганде. Они никогда не относились к идее бога и к религиозным учениям в целом как к искусственным выдумкам, обману, жульничеству, они рассматривают их как идеи, возникшие в конкретной исторической обстановке, на определенной социальной основе; вместе с этими условиями, с базисом идеи эволюционируют, видоизменяются, «отчуждаются», иногда проявляют даже большую живучесть, чем обстановка, породившая их.

Автор приписывает марксистскому атеизму многое из того, что при-суще взглядам просветителей, буржуазных антиклерикалов. Для них религия — набор «глупых сказок», злостных выдумок, поповских обманов. Марксисты же вскрывают земные корни сверхъестественного, и этим они отличаются от буржуазных атеистов. Но, как учил Ленин, труды великих просветителей могут и должны быть использованы нами в борьбе с религиозными предрассудками.

Проф. Сеид Хуссейн Алатас опубликовал в журнале ЮНЕСКО, посвященном общественным наукам, статью «Трудности в определении религии». В этой статье он писал: «К сожалению, истоки религии остаются таинственными и соображения на этот счет остаются в своем большинстве домыслами. Некоторые даже считают, что бесполезно пытаться прояснить этот вопрос»³. С. А. Токарев принадлежит к числу последних. Он утверждает, что «после двухвековых стараний понять и определить характер ранних форм религиозных верований в науке так и не найден убедительный ответ на вопрос, что они собой представляли...» (с. 89). Но даже если ученый и согласится с этим спорным утверждением, он не вправе поставить на этом вопросе крест: наука отличается от религии и тем, что она не отказывается работать над решением трудных проблем.

С. А. Токарев заявляет, что древние религии, стоявшие примерно на одном уровне общего исторического развития, выполнявшие одну и ту же социально-идеологическую функцию, чрезвычайно резко отличались друг от друга по своему идейному содержанию (с. 90). Что здесь подра-зумевается под идейным содержанием, трудно сказать. Вместе с тем С. А. Токарев утверждает, что содержание этих религий «вообще не составляло их существенной стороны» (с. 90). Вывод парадоксален и алогичен. Автор, по-видимому, забывает, что мир, а тем более первобытный,

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

³ Syed Hussein Alatas. Les difficultés de définir la religion.— «Revue Internationale des Sciences Sociales». Paris, 1977, XXIX, № 2, p. 233—276.

древний, отличался ввиду целого ряда обстоятельств многообразием, что сказалось не только на различиях в культах, но в языковом, расовом и многих других аспектах. Но из этого вовсе не следует, что подобного рода различия принадлежат к ряду необъяснимых, таинственных явлений.

Автор утверждает, что главное в религиозном мировоззрении — проблема источника зла на земле, а вовсе не вера в сверхъестественное, ибо последняя отсутствует в ряде культов. Идея не новая. Ее высказывали в прошлом многие религиоведы. Так, в уже упоминавшейся статье Сеида Хуссейна Алатаса говорится: «Там, где не существует добра и зла, не существует общества, человек не может жить. Дифференциация действий согласно понятиям добра и зла является основой человеческого бытия. Религия отвечает этой потребности, предоставляя морально-нормативные правила, четко отличающие добро от зла»⁴. И тем не менее можно найти десятки культов, в которых проблема источника зла вообще не фигурирует или центр тяжести ее переносится на проповедь непротивления злу (толстовство) или даже на его восхваление, как в некоторых так называемых демонических культах. Но даже там, где религия провозглашает борьбу со злом своей главной функцией, она не столько борется с ним, сколько способствует его укреплению. Напомним известное высказывание Лукреция: «Сколько зол может принести религия» («*Tantum religio potuit indegere malorum*»). Это вовсе не значит, что борьба со злом не занимает видное место во многих культах, но столь же верно и то, что вера в сверхъестественное также является отличительной чертой многих религиозных культов.

Значит ли это, что нет какой-либо одной отличительной черты, характерной для всех существующих религий? Вовсе нет. Такая отличительная черта существует, на нее первым указал Маркс, назвав религию опиумом народа. Это и есть та черта, на наш взгляд, которая определяет религию как социальное явление, хотя к ней и не сводится, разумеется, религия.

Не кто иной, как Маркс, первым указал, на религию как на социальное явление, вызвав тем самым подлинный переворот в наших представлениях о религии. Эти факты, конечно, хорошо известны автору. Однако он в статье о религии как социальном явлении почему-то счел возможным их не коснуться...

Основоположники марксизма-ленинизма учили рассматривать религию через призму классовой борьбы. Вспомним хотя бы призыв В. И. Ленина в статье «О значении воинствующего материализма»: «Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды»⁵.

Можно ли в свете этих ленинских высказываний назвать религию «элементом культуры» (с. 27)?

С. А. Токарев считает, что мало или ничего определенного мы не знаем о ранних формах верований. Современные «верующие», по его мнению, мало знают о вероучении своих религий. Это относится и к «мировым» религиям — буддизму, христианству, исламу, содержание вероучений которых весьма различно. Далее, ссылаясь на марксистскую точку зрения, согласно которой религия есть *социальное* явление, одна из форм *общественного* сознания, автор утверждает, что из этого следует само определение религии: она есть не столько отношение человека к богу (богам), сколько *отношение людей друг к другу* — по поводу представлений о боге (богах) (с. 91). А из этого делается вывод, что изучать религиозные представления — дело второстепенное.

Трудно согласиться с этим выводом. Да, действительно, наши знания о ранних формах религии недостаточно полны и точны, но они значи-

⁴ Syed Hussein Alatas. Указ. раб.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 28.

тельно продвинулись вперед по сравнению с прошлым веком. Это касается и других сторон познания религии. Сам факт недостаточности наших знаний о религиозных учениях еще вовсе не значит, что мы должны прекратить их изучение. «Всякая религия,— указывал Ф. Энгельс,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»⁶. Не следует забывать и о том, что, определяя религию как опиум народа, К. Маркс имел в виду ее учение, а вовсе не взаимоотношения людей.

В процессе изучения религии мы выясняем обстоятельства, порождающие религиозные представления, с тем чтобы выявить пути их преодоления. Марксисты стремятся все знать о религии не только для того, чтобы научно объяснить ее возникновение, ее особенности и причины ее долговечности в человеческом обществе, им нужно это знание как оружие борьбы за освобождение человека от религиозных предрассудков.

Вызывает немалое удивление и определение С. А. Токаревым главной задачи историка (этнографа?) религии: не проникновение в сущность образов фантазии, их сходства и различий между ними, а изучение той социально-культурной среды, тех конкретных исторических условий, при которых создавались эти образы, той расстановки людей, их сплочения или, наоборот, разобщения, которые отражались в создании религиозных представлений (с. 105). Если религиовед будет только этим заниматься, то вряд ли он сможет постичь сущность религиозной идеологии, раскрыть содержание религии как социального явления, социального зла. К тому же непонятно, почему из сферы изучения религиоведа автор исключает классовый подход, заменяя его феноменом сплочения-разъединения, который является производным от классовых противоречий. Религия — слишком сложное явление, одним социологическим анализом его объяснить нельзя. Историк, исходя из данных о классовой структуре общества, изучает содержание религиозных образов, догматику данной религии, ее обрядность, церковную организацию, социальную деятельность церкви, наличие в данном обществе «народных» форм культа, других религий помимо исследуемой, изучает механизм восприятия религиозного учения верующими, его психические, физиологические и прочие аспекты. Что это именно так, свидетельствует сам пример С. А. Токарева-религиоведа, который в своих трудах вовсе не ограничивается узкоэтнографическим подходом, могущим раскрыть только одну из сторон религиозного феномена, хотя он и является в отличие от некоторых из нас этнографом «*rag excellence*». Может быть, именно поэтому собственно этнографы почти не ответили на его статью, ибо он затронул в ней круг вопросов, в которых его коллеги не чувствуют себя компетентными.

Для марксистов важен вопрос, чьим классовым интересам служат религиозные представления, церковь. Марксисты стремятся привлекать верующих к борьбе за обновление мира. Об этом говорит и тот факт, что многие компартии, критикуя реакционные позиции церквей, не препятствуют верующим вступать в их ряды. Марксисты всегда отрицательно относились к «отмене» религии.

Остается еще один вопрос, на котором стоит остановиться. С. А. Токарев спрашивает, какими сюжетами должны заниматься этнографы-религиоведы? И отвечает: взаимоотношениями религии и этноса. Но этот сюжет слишком неопределен и в то же время узок. И действительно, если судить по опыту самого С. А. Токарева — нашего ведущего этнографа-религиоведа, то диапазон его интересов в этой области значительно шире, чем данная им здесь формула. И это естественно. Сама статья С. А. Токарева, хотя она обозначена в подзаголовке как «мысли этно-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 328.

графа», затрагивает коренные, принципиальные вопросы всего религиоведения. При всем этом у этнографов здесь есть своя специфика, своя тематика. Это отражение религии народов в быту, народные верования, религиозные обряды и культы типа «народного» католицизма, явления религиозного синкретизма, пережитки первобытных культов, культы бесписьменных народов, «малые» культы, сектантские новообразования, народные поверья, новые обряды. Иначе говоря, предметом этнографического исследования должно быть все относящееся к верованиям и лежащее за пределами «организованных» традиционных религий. Это вовсе не значит, что религиоведы-этнографы не должны изучать организованные религии или их вероучения.

С. А. Токарев необоснованно считает, что исследование религиозных учений соответствует богословской традиции. То, что сам С. А. Токарев не изучает вероучения, еще не значит, что те, кто это делает, с марксистской точки зрения, похожи на богословов. Вероучение есть составная часть любой организованной религии, и было бы наивным не изучать его с марксистских позиций только потому, что С. А. Токарев считает, что вероучение — набор выдумок, нелепостей, алогизмов.

Мы знаем С. А. Токарева как крупного советского ученого — историка и этнографа, любим и уважаем его за его научную эрудицию, преданность интересам науки, за его неприязнь к рутине, стремление сказать свое слово, выразить новую, свежую мысль, соображение. В этом отношении С. А. Токарев является примером, достойным подражания. Однако не со всем, что утверждает наш маститый коллега, можно согласиться, да он и сам не ожидает полного с ним согласия и всегда рад, если его утверждения вызывают споры, не оставляют его коллег равнодушными. Я надеюсь, что и мое выступление в этом плане придется ему по душе.

**ON THE SOCIAL ROLE OF RELIGION
{SOME THOUGHTS OF A SCHOLAR IN THE FIELD
OF RELIGION IN CONNEXION WITH THE THOUGHTS
OF AN ETHNOGRAPHER}**

In his remarks in connexion with S. A. Tokarev's paper («Sovetskaya Etnografia», 1979, No. 3) the author notes that religion is a complex phenomenon both in the historical and the social plane. Beliefs should be studied integrally, with the participation of specialists of different profiles. The author argues against a simplified interpretation of Marxist atheism which is not to be reduced to an a priori denial of God, but regards religion as a complex of ideas originating in a concrete historical situation and on a definite social basis and changing as they change. Hence it is necessary to study both the conditions which engender religious images and ideas, and those images and ideas themselves. The author considers that a phenomenological approach to the study of religion cannot take the place of its Marxist analysis based upon a party, class standpoint.

Л. В. Хомич

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ (К 50-летию образования)

В 1980 г. отмечается 50-летие северных автономных округов. На примере одного из них мы расскажем об основных этапах социалистического строительства, о сегодняшнем дне округа и населяющих его народах.

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. в составе Уральской области был образован Ямало-Ненецкий национальный округ¹ с центром в г. Обдорске (с 1933 г. г. Салехард)². Тогда же было проведено и первичное районирование: в округ вошли Надымский, Приуральский, Тазовский и Ямальский районы.

Одновременно с образованием округов были изменены названия народностей Севера, в основу большинства их легли самоназвания народностей. С этого времени во всех официальных документах стали употребляться названия: «ненцы» (вместо устарелых «самоеды» и «юраки»), «ханты» (вместо «остяки»), «селькупы» (вместо «остяко-самоеды»), «манси» (вместо «вогулы») и т. д. Последовавшее затем законодательство определило структуру новых органов управления, ввело в национальных объединениях органы юстиции и т. д.³

Население округа в момент образования было многонациональным. Коренными жителями его были ненцы, селькупы, ханты. Кроме них здесь жили русские, коми, татары и представители других национальностей.

Коренное население в подавляющем большинстве вело кочевой образ жизни, занимаясь оленеводством, охотой, рыболовством. Русские помимо рыболовства и охоты занимались животноводством, а в более южных районах округа огородничеством. У коренного населения сохранялись многие черты традиционного быта⁴.

Работа в области советского, хозяйственного и культурного строительства началась еще до образования округа⁵. Однако ввиду плохих средств сообщения, низкого уровня хозяйства и культуры основной массы населения велась она разобщенно, медленными темпами. Создание округа подняло ее на новый организационный уровень.

В 1931—1932 гг. в северных национальных округах происходили переборы тундровых, районных и окружных Советов депутатов трудящихся. Всюду они показали возросшую активность населения, в частности

¹ Новая Конституция СССР предоставила права автономии бывшим национальным округам, таким образом, Ямало-Ненецкий национальный округ получил статус автономного.

² «Советский Север», 1931, № 1.

³ М. Е. Зингер. Основные законы по Крайнему Северу. Л., 1935, с. 99 и сл.

⁴ Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. Л., 1966.

⁵ См., например: М. Е. Бударин. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952, с. 124 и сл.; М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXVII. М.—Л., 1955.

коренного. В Ямало-Ненецком округе 70% депутатов исполнительных комитетов являлись представителями малых народностей. В январе 1932 г. состоялась первая конференция коммунистов Ямало-Ненецкого округа; к этому времени в 15 партийных ячейках насчитывалось 244 члена и кандидата в члены ВКП(б), пятую часть их составляли представители коренного населения⁶.

Образование национальных округов совпало с началом коллективизации. На Ямале первый колхоз «Харп» («Северное сияние») был создан в 1929 г. Однако ввиду организационных и иных трудностей он оставался единственным в этом районе.

В начале 1933 г. были созданы колхозы в поселках Нори («Вылтуй» — «Новая дорога»), Новый Порт («Едай Ил» — «Новая жизнь»), Хэ («Промышленник»).

В северной части Ямала первые простейшие производственные товарищества (ППТ) появились лишь в 1936 г.

Вначале основной формой коллективных объединений были ППТ, создаваемые по отраслевому признаку. Позднее стали организовываться смешанные многоотраслевые артели. Коллективизация проходила в трудной обстановке. Во многих районах враждебные Советской власти элементы вели агитацию против колхозов, используя имевшие место ошибки, и порой проникая в правления колхозов, всячески вредили им.

Однако большинство населения видело пользу коллективного труда. Коллективизация шла нарастающими темпами. В феврале 1936 г. состоялось окружное совещание по колхозному строительству, на котором были намечены пути дальнейшего укрепления артелей и привлечения к коллективному труду коренного населения. Если в 1934 г. в колхозах насчитывалось всего 425 хозяйств, то в 1939 г. их стало 3249. Среди ветеранов колхозного движения в Ямало-Ненецком автономном округе можно назвать многих представителей коренного населения — В. М. Лапсуя, А. М. Вэлло, Н. П. Окоэтэто и др.⁷

Большое значение для развития колхозного строительства имело земельно-водное устройство, проводившееся на Крайнем Севере в 1930 г. Оно положило конец существовавшим еще остаткам вотчинного и родового пользования угодьями и закрепило за колхозами угодья, наиболее удобные для правильного ведения хозяйства. В Ямальском районе землеустроительные работы, которые проводились здесь в 1935—1937 гг., осложнялись тем, что в связи с начавшейся в конце 1920-х — начале 1930-х годов коллективизацией значительная часть крупных оленеводов из разных районов округа устремилась на Северный Ямал, где влияние Советской власти было еще слабо. Эти оленеводы нарушали традиционное землепользование, что грозило истощением пастбищ.

Первоначальное землеустройство не могло решить всех вопросов, и землеустроительные работы были продолжены в послевоенные годы.

В период землеустройства создавались новые коллективные хозяйства (артели и ППТ). К 1938 г. в Ямало-Ненецком округе было образовано свыше 100 колхозов (15 — в Приуральском районе, 8 — в Пуровском, 17 — в Тазовском, 12 — в Надымском, 30 — в Ямальском, 29 — в Шурышкарском), в колхозы были объединены 1056 ненецких и 803 хантыйских хозяйств⁸. В ходе землеустроительных работ выявлялась общность хозяйства некоторых соседних районов, в связи с чем уточнялись

⁶ А. Омельчук. Салехард. Свердловск, 1976, с. 53.

⁷ «Над ними полярная звезда». Свердловск, 1970, с. 93—94.

⁸ Архив Ленинградского отделения института этнографии АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 87. Отметим, что в подавляющем большинстве колхозов председателями были избраны представители коренных национальностей. В последующие годы в целях улучшения технического оснащения колхозов, более эффективного использования природных богатств, средств производства и трудовых ресурсов шло укрупнение колхозов, поэтому

и несколько изменялись границы округов. В частности, в 1937 г. в состав Ямало-Ненецкого национального округа был включен Шурышкарский район Ханты-Мансийского национального округа⁹.

Большую роль в развитии общественного оленеводства в округе сыграла научно-исследовательская ветеринарная опытная станция. Ее сотрудники изучали болезни северных оленей, вырабатывали рекомендации по их профилактике и лечению.

Коллективизация оленеводческих хозяйств, работа по борьбе с болезнями оленей содействовали развитию оленеводства: за годы первой пятилетки общее поголовье оленей увеличилось на 150 тыс. и составило 365 тыс. голов¹⁰.

С образованием национального округа связано и начало развития новой для Севера отрасли хозяйства — овощеводства. Работник местной метеостанции Д. М. Чубынин, получив на окраине Салехарда одну десятину земли для опытов по выращиванию овощей, в первый же сезон собрал неплохой урожай моркови, репы, лука, картофеля. Опытами и написанными на основе этих опытов статьями Д. М. Чубынина заинтересовались Всесоюзный институт растениеводства и другие организации. В 1931 г. вблизи Салехарда были построены первые парники для выращивания огурцов и помидоров. В следующем году окружной Совет отпустил крупную сумму на развитие земледелия. Была создана Салехардская зональная овощная опытная станция. В 1933 г. Д. М. Чубынин был удостоен Диплома и Большой золотой медали Главвыставкома ВСХВ.

В 1936 г. на базе бывшего подсобного хозяйства Интегралсоюза был создан и первый совхоз, специализировавшийся на выращивании овощей и на молочном животноводстве. Передовые рабочие совхоза ежегодно добивались высоких урожаев картофеля, капусты, огурцов, а также большого надоя молока. Развитие новых отраслей хозяйства способствовало приобщению коренного населения к новым видам пищи (растительной, молочной).

Одновременно с колхозным строительством и развитием различных отраслей сельского хозяйства в округе начала делать первые шаги и промышленность. Среди первых промышленных предприятий округа наибольшее значение имел консервный завод. Его строительство на пустынных берегах р. Полуй началось в 1930 г. Велось оно ускоренными темпами, и весной 1931 г. завод начал давать продукцию. Уже в первый год работы он выпустил миллион банок рыбных консервов¹¹. Совершенствование техники и технологии производства позволило в последующие годы значительно увеличить выпуск продукции, расширить ее ассортимент. Кроме рыбных завод начал выпускать консервы из оленины, куропаток. Консервы с этикеткой «Сделано в Салехарде» получили широкую известность. Поскольку рыба и мясо стали обрабатываться в пределах округа, повысилась эффективность труда рыбаков и оленеводов. В первые же годы после образования округа в Салехарде начали работать промкомбинат, лесопильный завод и другие промышленные предприятия. Среди занятых на них рабочих были и представители коренных национальностей — в Ямало-Ненецком округе начал формироваться национальный рабочий класс.

Создание округа способствовало развитию средств сообщения. В феврале 1931 г. на подготовленную на окраине Салехарда площадку приземлился самолет АНТ-9, прибывший из Москвы через Тобольск

число их постепенно уменьшалось. В 1948 г. их было 78, в 1958 г. — 55, в 1960 г. — 40. См. «Ямало-Ненецкий национальный округ (экономико-географическая характеристика)» М., 1965, с. 34.

⁹ В 1944 г. в состав округа был включен Красноселькупский район, а Ямало-Ненецкий национальный округ вошел в состав вновь образованной Тюменской области.

¹⁰ «Ямало-Ненецкий национальный округ...», с. 163.

¹¹ А. Омельчук. Указ. раб., с. 54.

и Березов. Это был пробный полет, положивший начало регулярному воздушному сообщению с крупными промышленными центрами. Рейсовые самолеты по маршруту Салехард — Тюмень начали летать с 1935 г. В 1937 г. была открыта первая внутриокружная регулярная линия, соединившая Салехард с пос. Новый Порт. Стала осваиваться линия Салехард — Гыдоямо (Гыда)¹².

Успешно развивались и водные пути сообщения. К салехардской пристани в периоды навигаций подходило много судов, как речных, так и морских. Суда Главного управления Северного морского пути доставляли грузы во все отдаленные фактории. С 1930 г. открылась регулярная линия Омск — Гыдоямо.

Постепенно совершенствовались средства связи. В 1922 г. в Салехарде (тогда еще Обдорске) впервые услышали Москву, а в 1930-е годы радио прочно вошло в быт жителей поселков и многих стойбищ.

В 1930 г. в Обдорском районе был всего один Дом культуры и две избы-читальни. Кочевое население обслуживали Красные чумы. Работники Красных чумов трудились в чрезвычайно сложных условиях: постоянные переезды на оленьих и собачьих упряжках в суровых природных условиях, противодействие остатков враждебных Советской власти элементов, плохое знание языка основной массы населения, так как национальные кадры культработников были еще очень немногочисленны¹³. Большую роль в распространении культуры среды коренных жителей Севера сыграл созданный в Ленинграде Институт народов Севера, научные сотрудники которого (Г. Н. Прокофьев, А. П. Пырерка, Г. Д. Вербов и др.) провели большую работу по изучению местных языков, для чего совершали длительные выезды в различные уголки тундры и тайги. В 1934 г. Г. Н. Прокофьевым был составлен первый грамматический справочник ненецкого языка, а в последующие годы — очерки грамматик ненецкого, селькупского, энецкого и нганасанского языков¹⁴. В 1935 г. вышла из печати его «Селькупская грамматика», а в 1936 г. — самоучитель ненецкого языка. В 1936 г. Г. Д. Вербов описал диалект лесных ненцев. В 1937 г. вышел «Очерк грамматики ненецкого языка» Н. М. Терещенко.

Наряду с описанием языков шло составление букварей, учебников и книг для чтения для ненецких школ. Первый букварь «Jadej wada» («Новое слово»), составленный Г. Н. Прокофьевым, вышел в 1932 г. В последующие годы были изданы учебники для первых четырех классов ненецкой школы, книги для чтения I и II классов, художественная и общественно-политическая литература для внеклассного чтения. В создании учебников и в переводе различной литературы принимали участие Г. Н. Прокофьев, Н. М. Терещенко, А. И. Рожин, а также многие представители ненецкой народности — А. П. Пырерка, Н. С. Вылка, А. С. Тайбарей и др.

Первый букварь селькупского языка был составлен Е. Д. Прокофьевой в 1937 г. В 1940 г. первым научным работником из числа самих ненцев — А. П. Пыреркой была закончена работа по составлению русско-ненецкого словаря.

С 1931—1932 гг. стали регулярно издаваться учебники и другая литература на хантыйском языке. В ее подготовке принимали участие А. Н. Баландин, Н. И. Терешкин и др.

Создание письменности ускорило ликвидацию неграмотности и малограмотности коренного населения, которое в те годы еще плохо знало русский язык. В 1933 г. было открыто Салехардское педагогическое училище, где началась подготовка национальных кадров, в частности преподавателей ненецкого языка.

¹² А. Омельчук. Указ. раб., с. 62.

¹³ Подробнее см. статью И. С. Гурвича в этом номере журнала.

¹⁴ «Языки и письменность народов Севера», ч. I. М.—Л., 1937.

Создание письменности способствовало появлению и развитию литературы у ненцев, хантов и других народов.

В 1931 г. в Салехарде начала выходить на ненецком и русском языках газета «Наръяна Нгэрм» («Красный Север»), вокруг которой стали объединяться молодые литераторы.

Первый ненецкий писатель Иван Ного родился в семье оленевода, рано познал нужду и лишения, а когда установилась Советская власть, одним из первых вступил в партию большевиков. И. Ф. Ного работал на ответственных участках социалистического строительства, а после организации округа возглавлял Окрплан, избирался заместителем председателя Ямало-Ненецкого окрисполкома. Иван Федорович Ного — автор двух пьес, написанных на ненецком языке. Одна из них — «Тадебя» («Шаман») посвящена разоблачению вредной деятельности служителей культа. Эта пьеса опубликована на ненецком и русском языках (в переводе Г. Д. Вербова). Другая пьеса — «Ваули Пиеттомин» — рассказывает о ненце Ваули из рода Ненянг, вожде ненецкой и хантыйской бедноты, который вместе с единомышленниками поднял в середине XIX в. восстание против местной «знати» и царской администрации. Она также была переведена на русский язык Г. Д. Вербовым, но начавшаяся война помешала ее публикации¹⁵.

Иван Истомин писал на ненецком и коми языках. Первое его стихотворение было опубликовано в 1937 г., позднее он выпустил несколько книг, посвященных людям родного края. Все они переведены на русский язык¹⁶.

Подготовка национальных кадров велась не только в педагогическом училище. В предвоенное время в округе работали фельдшерско-акушерская школа (затем медучилище), культпросветшкола и ряд других специальных учебных заведений. Кадры для округа готовились также в Москве (курсы охотоведов и землеустроителей при Московском государственном университете), в Тобольске (рыбопромышленный техникум), в Ленинграде (Институт народов Севера) и в других городах.

Мирное строительство было прервано летом 1941 г. нападением на нашу страну фашистской Германии. Уже в начале войны большинство мужчин — председатели колхозов, тундровых Советов, пастухи, охотники, рыболовы — ушло на фронт. Свое умение ориентироваться в любой обстановке, метко стрелять, ходить на лыжах ненцы, ханты, коми, селькупы с успехом применяли в боевых условиях. Многие представители народов Севера осуществляли перевозки военных грузов на оленях в северо-западных районах страны. К концу 1941 г. были сформированы оленетранспортные подразделения, личный состав которых формировался главным образом из народностей Севера. Все бойцы прибыли на фронт со своими оленями, нартами, меховой одеждой, чумами. После буранов и снежных заносов фронтовые дороги становились непроходимыми для техники. Тогда для доставки на передовые позиции боеприпасов и вывоза раненых использовались олени упряжки. Оленеводы разыскивали в лесах самолеты, совершившие вынужденную посадку, оказывали помощь раненым летчикам, подвозили горючее, выполняли другие задания. За проявленные в годы войны героизм и мужество сотни воинов, уроженцев Ямало-Ненецкого округа, были награждены боевыми орденами и медалями. Среди них можно назвать ненецкого поэта И. Юганпелика; делегата XXII съезда КПСС бригадира-оленевода А. Н. Ледкова; И. А. Вынукана и др.

Как и повсюду, место мужчин, ушедших на фронт, заняли женщины, полные решимости преодолеть любые трудности для скорейшего разгро-

¹⁵ Рукопись хранится в Архиве ЛОИЭ АН СССР, ф. 2.

¹⁶ И. Истомин. Счастливая судьба. Рассказы, повесть, стихи. Свердловск, 1967; его же. Живун. Роман. Свердловск, 1970; и др.

Национальный состав населения Ямало-Ненецкого округа

Народы	По переписи населения *							
	1939 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
Ненцы	13 454	28,1	13 977	22,4	17 538	21,9	17 404	10,7
Ханты	5 514	11,5	5 519	8,9	6 513	8,1	6 466	4,1
Селькупы	216	0,5	1 245	2,1	1 710	2,1	1 611	1,0
Русские	21 042	43,9	27 789	44,6	37 518	46,8	93 750	59,1
Коми	4 122	8,6	4 867	7,8	5 445	6,8	5 642	3,5
Татары	1 636	3,4	3 952	6,3	4 653	5,8	8 556	5,4
Прочие	1 921	4,0	4 954	7,9	6 600	8,2	25 415	16,2
Всего	47 905	100,0	62 334	100,0	79 977	100,0	158 844	100,0

* Таблица составлена по данным переписей 1939, 1959, 1970, 1979 гг.

ма врага. Сотни женщин впервые в эти годы стали пастухами, рыбаками, охотниками. Повсеместно проводился сбор средств в фонд обороны и теплых вещей в подарок бойцам Красной Армии.

Фронтные и трудовые подвиги тружеников округа в годы Великой Отечественной войны были свидетельством выросшего политического сознания, проявлением советского патриотизма.

Война отразилась на хозяйстве северных округов. Недостаток мяса в стране потребовал внепланового забоя оленей, и поголовье их снизилось. Так, в Ямало-Ненецком округе на 1 января 1941 г. числилось 358 тыс. оленей, а к 1 января 1945 г. их осталось всего 225 тыс.¹⁷. Сократился завоз промышленных и продовольственных товаров, что вызвало некоторый упадок охотничьего промысла.

Преодоление этих трудностей потребовало новых трудовых усилий всего населения округа.

Послевоенный период ознаменовался новыми успехами в развитии хозяйства и культуры.

В связи с дальнейшим хозяйственным освоением Крайнего Севера усилился приток туда жителей из других районов страны. Изменился национальный состав населения Ямало-Ненецкого округа (см. таблицу).

В послевоенные годы успешно развивается сельское хозяйство округа. В результате проведенной в 1961 г. реорганизации хозяйств было образовано 12 совхозов. По районам они распределялись следующим образом: в Приуральском районе 1 («Байдарацкий»), в Ямальском 3 («Ямальский», «Ярсалинский», «Россия»), в Тазовском 1 («Гыданский», позднее он был слит с рыбозаводом), в Пуровском 2 («Пуровский» и «Верхнепуровский»), в Надымском 1 («Ныдинский»), в Шурышкарском 2 («Мужевский» и «Горковский»), в Красноселькупском 2 («Толькинский» и «Полярный»). В двух последних районах основным коренным населением являются ханты и селькупы, в остальных — ненцы.

Все совхозы округа — многоотраслевые хозяйства (оленьеводство, молочное животноводство, звероводство, рыболовство, охота). В округе имеется также одно промыслово-охотничье хозяйство (ПОХ) в таежной зоне (верховья р. Пур). Коренное население занято в различных отраслях хозяйства всех совхозов, но главным образом в оленеводстве, рыболовстве и на охотничьем промысле.

На территории округа сосредоточено около 1/8 всего поголовья оленей СССР, по количеству оленей округ занимает второе место среди автономных округов Севера. Оленеводство является одной из наиболее

¹⁷ «30 лет Ямало-Ненецкого округа». Тюмень, 1960, с. 48.

рентабельных отраслей хозяйства, оно остается главным источником удовлетворения потребностей коренного населения в мясе, а также в материалах для пошива меховой одежды, обуви, изготовления покрышек для жилищ и т. д. Оленеводство связано с кочевым образом жизни пастухов-оленьеводов, причем протяженность традиционных сезонных перекочевок достигает 1000—1500 км.

Мероприятия, проведенные за годы Советской власти (создание зоотехнической и ветеринарной сети, в результате чего была ликвидирована сибирская язва, резко уменьшилась заболеваемость некробациллезом; упорядочение использования пастбищ; создание коллективных хозяйств и т. д.), повысили продуктивность оленеводства. Но поскольку рост поголовья оленей лимитируется размерами и состоянием пастбищ задача повышения продуктивности этой отрасли хозяйства остается основной и в настоящее время. Важным моментом в развитии оленеводства является совершенствование методов выпаса и содержания оленей. С 1950-х годов изучаются возможности перехода от бытового кочевания (пастухи кочуют с семьями) к производственному (кочуют одни работники пастушеских бригад, семьи живут в поселках). Однако ввиду больших расстояний процесс оседания проходит с определенными трудностями. Наиболее эффективными мерами считаются смена пастушеских бригад через сравнительно небольшие сроки с помощью авиатранспорта, а также строительство промежуточных баз. То и другое внедряется в практику оленеводства.

В начале 1977 г. на базе существующих совхозов было создано аграрно-промышленное объединение «Ямал», в задачи которого входит не только увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции, но и полная ее обработка. В ведении этого аграрно-промышленного объединения находятся такие отрасли хозяйства, как оленеводство, молочное животноводство, звероводство, овощеводство. Предполагается дальнейшее развитие племенной работы в оленеводстве и животноводстве, расширение посевных площадей, увеличение и улучшение качества получаемой на зверофермах пушнины, развитие птицеводства и др. Одна из задач объединения — создание прочной продовольственной базы для растущего населения округа.

О необходимости дальнейшего развития и совершенствования оленеводческого и промыслового хозяйства говорится в недавно вышедшем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера»¹⁸. В нем отмечается недостаточное развитие материально-технической базы оленеводческо-промысловых хозяйств, невозможность полного использования преимуществ оседлого образа жизни при существующей организации оленеводства и предлагается целый комплекс мероприятий, которые должны поднять на новый уровень отрасли сельского хозяйства в районах проживания народностей Севера.

В послевоенные годы стала успешно развиваться рыбная промышленность. В Ямало-Ненецком округе работают Салехардский рыбоконсервный комбинат и рыбозаводы — Тазовский, Ново-Портовский, Антипаютинский, Аксарковский, Пуйковский, Гыданский с разветвленной сетью рыбоприемных пунктов, а также рыбозамораживательные транспортные суда; построены морозильники, при устройстве которых используется вечная мерзлота. Рыбная промышленность оснащена современным транспортом для перевозки рыбы с отдаленных водоемов к местам переработки. Внедряются новые орудия лова, расширяется экспедиционный

¹⁸ «Правда», 26 февраля 1980 г.

лов с выездом бригад совхозов на места массового хода рыбы, что позволило ликвидировать сезонность в ее добыче. В Салехарде работает также деревообрабатывающий комбинат, обеспечивающий рыбную промышленность округа деревянной тарой, лодками. Салехардский рыбоконсервный комбинат в настоящее время выпускает 70 видов консервов, часть которых экспортируется в различные страны.

Огромное значение для экономического, социального и культурного развития округа имели открытие и дальнейшая промышленная разработка месторождений природного газа и нефти. Поиски нефти и газа в Западной Сибири начались еще до войны, однако успех пришел только в послевоенные годы. В 1951 г. Северная экспедиция Горно-геологического института Западно-Сибирского филиала АН СССР около пос. Хэ обнаружила выход природного газа. В 1954 г. была создана стационарная Салехардская нефтегазовая экспедиция, что позволило расширить фронт разведочных работ. В последующие годы приступили к сейсморазведке и бурению. Были выделены современные мощная техника, оборудование, денежные средства для строительства базовых поселков. В работах приняли участие сотрудники исследовательских центров Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Тюмени. В 1958 г. в Салехарде была создана Ямало-Ненецкая комплексная геологоразведочная экспедиция (позднее, в 1963 г., преобразованная в Ямало-Ненецкий геологоразведочный трест), которая развернула широкий фронт поисков нефти и газа. В 1960-е годы было сделано «открытие века» — разведаны и открыты такие уникальные газовые месторождения, как Медвежье, Заполярное, Уренгойское, Ямбургское и др. В некоторых районах была обнаружена высококачественная нефть.

Благодаря упорному труду геологов, техников, буровиков Ямал стал крупнейшим поставщиком газа, а Советский Союз по запасам этого природного топлива вышел на первое место в мире. В 1972 г. первый миллиард кубометров северного газа поступил на промышленные предприятия Урала.

Открытие и промышленная разработка всех этих месторождений газа, нефти, конденсата оказали огромное влияние на экономическое развитие округа. Строительство новых поселков, аэродромов, железнодорожных путей стало первоочередной задачей.

В настоящее время гидросамолеты, бывшие еще несколько лет назад одной из «достопримечательностей» округа, почти полностью заменены мощными современными машинами, такими, как ЯК-40, АН-24, ИЛ-18, ТУ-114 и др. Салехардский аэропорт, еще недавно принимавший большие самолеты только зимой, сейчас функционирует круглый год. Это один из крупнейших аэродромов Севера. Аэродромы имеют теперь многие населенные пункты округа.

Расширили грузоперевозки и речные суда. Освоена труднейшая линия Салехард — Харасавэй (Западный Ямал). Преобразуется речной порт, объем перевозок которого возрос во много раз. Салехард связан регулярными рейсами с Тобольском, Новосибирском, Омском, Томском, Сургутом и другими городами, расположенными на Оби и ее притоках.

В начале 1950-х гг. завершено строительство ветки железнодорожной линии Москва — Воркута, которая связала станцию Сейда с поселком городского типа Лабитнанги, расположенным вблизи Салехарда.

Растут новые города и поселки городского типа для нефтяников (Надым, Новый Уренгой, Харасавэй и др.), преобразуется и центр округа — г. Салехард — в недавнем прошлом деревянный город, раскинувшийся на холмах при впадении р. Полуй в Обь. Планы застройки центра предполагают большую компактность, защищенность от северных ветров и заносов. В городе будут строиться только многоэтажные дома современных северных серий из кирпича и панелей. Определены два ведущих городских района — Южный и Северный. Кварталы будут укрупнены.

Предполагается строительство новых магазинов, столовых, клубов, кинотеатров, школ, стадиона и т. д. Предусматривается разбить городской парк, скверы, бульвары¹⁹. Все это создаст более благоприятные условия жизни для северян.

С начала 1970-х годов построенный вблизи Салехарда ретранслятор позволил жителям города смотреть телевизионные программы из Воркуты. Позднее благодаря телевизионной станции «Орбита» получили возможность смотреть телепередачи из Москвы (включая цветные) и жители поселков округа.

Базой строительной индустрии становится выросший в предгорьях Полярного Урала новый г. Харп. Завод строительных материалов — одно из крупнейших предприятий округа. Первую продукцию завод дал в 1974 г., а к концу пятилетки его мощность должна быть доведена до 200 тыс. м³ железобетона в год.

Города, заводы, буровые вышки в тундре! Как все это сосуществует с оленеводством, со сложившимся веками кочевым бытом, с охотничьим промыслом?

Вопрос этот непростой.

Небольшая часть коренного населения — ненцев, хантов, селькупов — принимает непосредственное участие в поисках газа и нефти, работает на промышленных предприятиях. Однако основная масса его занята в исконных для этих мест отраслях народного хозяйства — оленеводстве, добыче рыбы, на охотничьем промысле, а также в новых отраслях сельского хозяйства, появившихся в послевоенные годы, — в молочном животноводстве, звероводстве. При этом основной отраслью хозяйства для них по-прежнему остается оленеводство. С ним связаны многие черты традиционной культуры ненцев, а также северных групп коми и хантов.

Несмотря на использование в оленеводстве современных видов транспорта (вертолетов, вездеходов, мотонарт) для смены пастушеских бригад, сам процесс выпаса оленей со значительными амплитудами перекочевки, с использованием оленьих упряжек остается прежним (мы здесь не говорим о ветеринарном обслуживании и других усовершенствованиях, проводимых повсеместно). Оленьи нарты и упряжь ненецкого типа до сих пор широко применяются оленеводами при выпасе оленей, при переездах на короткие расстояния, а в некоторых районах и при перевозке жилища, домашнего имущества и промыслового оборудования. Пастухи во время перекочевок наряду с современными видами жилищ (домики на нартах, различные палатки) используют и чум — традиционное конусообразное жилище, покрытое оленьими шкурами. В разобранном виде чум перевозится на нартах. Широко используются и практические знания в области оленеводства, рыболовства, охоты, передаваемые из поколения в поколение. Под руководством опытных оленеводов молодые ненцы, коми, ханты, селькупы овладевают техникой выпаса оленей, учатся определять качество пастбищ как в летних, так и в зимних условиях, приобретают другие навыки, связанные с хозяйственными занятиями. Все это и сейчас наряду со знаниями, полученными в специальных учебных заведениях, помогает молодым оленеводам и рыбакам успешно выполнять производственные задачи.

Из традиционных орудий труда, помимо связанных с оленеводством (аркан, шест для управления оленями и пр.), можно отметить применяющиеся до сих пор некоторые виды ловушек на пушных зверей, петли для ловли куропаток, старинные сети для добычи рыбы в малых водоемах, орудия для обработки дерева, шкур.

Сохраняются и другие элементы материальной культуры, в частности производственная одежда оленеводов — ненецкая малица (глухая

¹⁹ А. Омельчук. Указ. раб., с. 101—102.

одежда из оленьего меха), заимствованная в разное время у ненцев вместе с оленеводством многими этническими группами. Не только оленеводы, но и охотники, рыбаки, а зимой и большинство населения данного района, отправляясь из поселка в тундру, не обходятся без малицы.

Большинство сельского населения Ямало-Ненецкого автономного округа, как и горожане, живут в стандартных домах (главным образом деревянных). Но в интерьере жилища, способе хранения вещей, приготовления пищи проявляется этническая специфика. Ненцы, например, по традиции хранят не используемые в данный сезон вещи упакованными в саях-нартах, которые ставят возле дома (мех лучше сохраняется на открытом воздухе). Несмотря на наличие в домах плит и электрических приборов, некоторые ненцы и коми, живущие в поселках, на лето около дома ставят небольшой чум, где готовят пищу на железной печке или над костром. Среди домашней утвари повсеместно можно встретить традиционные сумки и мешки из оленьих шкур, удобные для хранения меховых вещей и их перевозки.

Во многих местах обработка оленьих шкур для пошива одежды, обуви, для изготовления покрывал для чумов и т. п. производится традиционными способами.

Помимо упоминавшейся уже малицы, среди коренного населения округа распространены и другие национальные формы одежды и обуви — женские шубы из оленьего меха, отделанные традиционным орнаментом, пимы с меховыми чулками, летняя женская верхняя одежда из цветного сукна, суконные и меховые совикі и т. д. У коми женщин до настоящего времени бытует традиционный костюм, состоящий из кофты-рукавов, сарафана, передника, налобного валика и головного платка, повязываемого особым образом. Нарядный костюм с сарафаном из тафты или шелка еще совсем недавно имела каждая женщина старше 30—35 лет. Многие повседневно носят традиционную одежду.

Таким образом, достаточно стойко сохраняются традиционные черты материальной культуры, которые связаны с особенностями хозяйственной деятельности, климатическими условиями, а иногда и просто со стремлением сохранить этническую специфику в иноэтнической среде.

За годы Советской власти проделана большая работа по выравниванию уровня культуры у народов СССР (ликвидация неграмотности, создание письменности для бесписьменных народов, подготовка национальных кадров, создание широкой сети культурно-просветительных учреждений, развитие печати, радио, а позднее телевидения во всех районах страны и т. д.). Некоторых сторон этой работы мы касались выше. Здесь мы остановимся на нескольких вопросах, связанных с сохранением черт традиционной духовной культуры в условиях промышленного освоения Севера.

Современное декоративно-прикладное искусство базируется на народном художественном творчестве и развивает его традиции. Люди издавна стремились к красоте, украшая предметы быта орнаментом, вышивкой, резьбой и т. п. Орнаментальные мотивы и техника исполнения передавались из поколения в поколение и дошли до наших дней. Среди ненцев, северных хантов и коми, селькупов наиболее распространенными видами прикладного искусства были орнамент из меха разных оттенков, изготавливаемый техникой мозаики; раскраска замши; вышивка подшейным волосом оленя, бисером; резьба по дереву и кости. Сохранялось и традиционное разделение труда: мужчины украшали орудия труда, части упряжи и пр. (главным образом изделия из дерева и кости), женщины — одежду, обувь, домашнюю утварь (преимущественно из меха, ткани, шерстяной пряжи). В настоящее время часто орнаментом украшаются меховая одежда и вязаные изделия. Орнамент на изделиях из меха (сумки, шапки, женская наплечная одежда, обувь), имеющий геометрический характер, достигает иногда большой сложности.

У всех упомянутых народностей (кроме селькупов) можно отметить традиционное плетение украшений из бисера. Это искусство сейчас развивается и под влиянием современной моды. Вязаные и тканые пояса, подвязки для пимов ненцы с давних пор охотно приобретают у русских или коми, которые специально изготавливают их.

Практика социалистического строительства, нужды народного хозяйства, рост городов и поселков с многонациональным населением усилили потребность в языке межнационального общения; таким языком в Ямало-Ненецком автономном округе, как и в большинстве районов нашей страны, стал русский язык. Языки же других народов, населяющих округ, сохраняют свое значение в семейной и различных сферах общественной жизни. Обучение детей в школе на родном языке или при помощи родного языка способствует лучшему усвоению русского языка и других предметов. Создание письменности на родных языках дало возможность сформироваться молодой литературе, способствовало публикации фольклора. В послевоенные годы появилась целая плеяда талантливых ненецких поэтов и прозаиков. Среди них можно назвать И. Юганпелика, Л. Лапсуя, Г. Пуйко, а также женщин-писательниц — Л. Ненянг (Комарова), А. Неркаги. Фольклорные истоки ненецкой литературы (особенно поэзии) очевидны. Поэтические образы, определенная традиционность формы придают современным произведениям неповторимый колорит. Научные работники и учителя — представители коренного населения занимаются исследованием ненецкого фольклора, родного языка, являются составителями учебников и учебных пособий для ненецких школ и педучилищ (М. Я. Бармич, Е. Г. Сусой, Е. М. Ледкова и др.). Ненецкий, хантыйский, селькупский, коми языки продолжают сохраняться в быту. Помимо фактора этнического самосознания этому способствует этническая специфика хозяйства и быта: многие термины, относящиеся к оленеводству, охоте, орудиям труда, предметам быта, просто не имеют эквивалента, скажем, в русском языке.

В Ямало-Ненецком округе на ненецком языке выходит газета, осуществляется радиовещание в масштабах округа и районов. Первый ненецкий композитор Семен Няруй пишет свои произведения на стихи ненецких и многих советских поэтов, часто используя при этом материалы традиционного музыкального фольклора. Им написано музыкальное сопровождение для многих номеров ансамбля «Сыра-Сэв» («Снежинка»), пользующегося широкой известностью в округе.

Ненецкие традиционные виды спорта (гонки на оленях упряжках, прыжки через нарты, метание аркана, топора) стали неотъемлемой составной частью всех массовых соревнований, проводимых в округе.

Опыт нашей страны полностью подтвердил правильность ленинской национальной политики. Советская власть принесла народам Севера возможность всестороннего развития хозяйства, национальной культуры, приобщения к достижениям общесоветской и мировой культур. Создание автономных округов обеспечило лучшую организацию экономики и развитие культуры их народов, сплотило эти народы для решения общих задач, подняло идею дружбы народов на новый уровень. Большинство населенных пунктов и производственных коллективов сейчас многонациональны, что способствует всестороннему развитию межэтнических связей²⁰.

Народности Севера, которым исследователи конца XIX — начала XX в. предсказывали вымирание, находятся на хозяйственном и культурном подъеме. Ненцы, ханты, селькупы Ямала вместе с живущими в округе представителями других народов строят коммунистическое общество, успешно сочетая традиционные формы культуры с общесоветскими.

²⁰ Л. В. Хомич. Опыт изучения этнических процессов в Ямало-Ненецком национальном округе. — «Этническая история народов Азии». М., 1972.

З. А. Мадаева

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Для изучения календаря вайнахов конца XIX — начала XX в. немаловажное значение имеет знание бытовавших у них систем исчисления времени. Наиболее древней естественной единицей измерения времени, связанной с чередованием труда и отдыха людей, были сутки. В чеченском и ингушском языках нет специального термина для их обозначения. Сутки называют словосочетанием «день — ночь» (*дебуйса* — чеч., *дибуйса* — инг.), свидетельствующим о том, что в прошлом сутки начинались с наступлением рассвета, т. е. дня (*де*, *ди*)¹, а, следовательно, и с началом трудовой деятельности человека. Но в исследуемый период, судя по многочисленным сообщениям информаторов, отсчет времени суток велся с наступления сумерек. Это, вероятно, связано с мусульманским календарем, по которому сутки начинались с заходом солнца².

В сутках вайнахи различали четыре основные части, каждую из которых делили на более короткие периоды (см. табл. 1). Названия этих периодов связаны, как видно из таблицы, не только с явлениями природы (движением солнца, звезд и т. д.) и фенологическими наблюдениями, но и с приемом пищи (завтрак, обед, ужин) и с религиозными воззрениями. Очень дробное деление утра³ свидетельствует об особой важности его для людей, занимающихся сельскохозяйственным трудом (скотоводством, земледелием).

Значительное влияние на отсчет времени внутри суток оказал ислам. По сведениям информаторов, определенные части дня отождествлялись с временем совершения молитвы: утренняя молитва (*Иуйра ламаз*) — до восхода солнца, вторая молитва (*делкха ламаз*) — полдень, третья (*малх бузу ламаз*) — букв. молитва заходящего солнца — перед заходом солнца, четвертая (*маьркIужа ламаз*) — сумерки и пятая, последняя молитва (*пхьуйра ламаз*) — наступление полной темноты.

Вайнахи, как и многие другие народы, делили год в соответствии с важнейшими фазами сельскохозяйственных работ (началом и окончанием их) на две половины: теплое время — *аьхкенам зама* (*аьхке* — лето, *зама* — время, эпоха) и холодное время — *Iаьнан зама* (*Iа* —

¹ Некоторые исследователи связывают ингушское *di* — день с общеиндоевропейским *diu*. См. А. Генко. Из культурного прошлого ингушей. — «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее», в. V. Л., 1930, с. 724.

² Впрочем, это характерно не только для мусульманских народов. У древних греков, например, сутки также начинались с заходом солнца (см. «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники». М., 1973, с. 8).

³ Поэтическую зарисовку деления утра находим в фольклоре вайнахов. В героико-исторических песнях «илли», например, есть такие строки:

Названия частей суток у чеченцев

Основные части суток	Периоды, на которые делились основные части суток
Иуьйрие* — утро	<i>Иуьйкжие</i> * — перед рассветом <i>Сатоса хан</i> — забрезжил рассвет <i>Сахуьла хан</i> — рассвело <i>Малх схьаххета хан</i> — появляется солнце (время утренней зари) <i>Малх айало хан</i> ** — солнце поднимается над горизонтом <i>Глушка хан (марта)***</i> — время утренней трапезы (завтрак) пахарей <i>Малх глушалакхе болу хан****</i> — солнце поднялось на длину шеста, время от 10 до 11 часов утра
Де — день	<i>Делкѳа хан</i> — полдень, время обеда <i>Делкѳал тѳаьхье</i> — после полудня <i>Малх тѳехѳа лестина хан</i> — солнце склоняется к горизонту (от 3 до 5 часов дня)
Суьйрие — вечер	<i>Малх буза хан</i> — солнце садится <i>Малх бѳузна хан</i> — солнце село
Буьйса — ночь	<i>Маьрклажа Седа кхета хан</i> — появляется звезда сумерек (созвездие Орион), начинается ночь <i>Пхѳуьйрие</i> — время ужина (от <i>пхѳора</i> — ужин) <i>Буьйсана юкѳ</i> — полночь <i>Борѳал дека хан</i> — время, когда кричит петух <i>Говран мѳчхали совцу хан*****</i> — время от полуночи до рассвета (дословно: когда челюсти лошади перестают двигаться),

* Вероятно, слова *Иуьйрие*, *Иуьйкжие*, а также *Иу* (пастух) произошли от одного корня *Иу* и связаны со скотоводческим бытом вайнахов. Эти слова, видимо, имеют также отношение к древнейшему представлению вайнахов о божестве неба Ана. В их фольклоре мы часто встречаем выражение *Анан серло* — свет Ана, т. е. первые проблески зари. В Чечено-Ингушетии немало естественных ориентиров (горы, вершины, кучи камней и т. д.), по которым определялось время суток. Это отражено и в топонимии, например вершина *Юнегучу* (от *Ана* — бог неба, *гучу* — виден), с которой виден бог Ана, т. е. наступает рассвет, *Иуьйкѳанан корта* — вершина рассвета, *Юнг ара* — равнина, откуда виден бог Ана. См. А. С. Сулейманов. Топонимия Чечено-Ингушетии, т. 1. Грозный, 1976, с. 53, 57, 113, 144.

** Или *малх зѳухье болу хан*. Это выражение объясняют следующим образом: ежедневно, когда солнце поднималось над горизонтом, наиболее ярые приверженцы ислама совершали дополнительную молитву, желая попасть в рай через двери, носящие название *зѳуха*.

*** См. С. А. Хасиев. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX — первой четверти XX в. (рукопись диссертации). — Архив Ин-та этнографии АН СССР, 1973, д. 344, с. 122.

**** См. А. Мациев. Чеченско-русский словарь. Грозный, 1961, с. 119.

***** С. А. Хасиев. Указ. раб., с. 122.

зима) ⁴. Такое деление определялось двумя основными моментами движения солнца — летним и зимним солнцестоянием (*малх ѳа кхачьна хан* — букв. время, когда солнце достигло дома). Считалось, что солнце имеет два дома — летний и зимний. В период летнего солнцестояния «солнце гостит дома» три дня и три ночи (по сведениям некоторых информаторов, две или три недели), и во время зимнего солнцестояния — три дня и три ночи ⁵.

«Нур дашо можа малх кхетале ва хѳал-ха,
Иуьйранна седарчий уьдучу заман чохь,
Седарчий серлонаш кѳестачу заман чохь,
Малхал хѳалха схьаххета и маьлхан
ѳаьнараш
Хазлучу заман чохь...».

«В то время еще не взошло золотое
солнце,
В то время убегают утренние звезды,
В то время звездный свет ослабевает,
В то время появляющиеся до восхода
солнца лучи
Красивыми становятся...».

Предрассветное время *Иуьйкжие* здесь делится еще на несколько периодов: 1) когда звезды «убегают» (т. е. как бы удаляются); 2) когда еще различается их свет; 3) когда первые лучи солнца становятся «красивыми» (т. е. появляются первые проблески рождающейся зари) (см. «Нохчийн иллеш, эшарш». Грозный, 1961, с. 161, на чеч. яз.).

⁴ Деление года на две половины было присуще многим народам, см., например, «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники», с. 80, 162, 179, 309.

⁵ Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. — «Терский сборник», в. III, кн. 2. Владикавказ, 1893, с. 84.

Деление зимних дней после чилла у чеченцев *

Периоды	Число дней
<i>Бардал Іабзи</i> — объяснению не поддается	10
<i>Эра берша маа ыккхуйту</i> — заставляющий треснуть рог бугая	3
<i>Жерочу</i> — вдовушкин	3
<i>Чеглардаган</i> — ласточкин	3
<i>Лакъ-лакъ хІоа ыккхуйту</i> — заставляющий лопнуть яйцо перепела	3
<i>Іай-Ыаьстий къаьста</i> — отделяющий зиму от весны	3

* См. С. А. Хасиев. Календарный год у вайнахов. — «Новое в этнографических и антропологических науках. Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1972 г.», ч. 1. М., 1974, с. 201.

С делением года на две половины связано также представление о двух мирах: *маьлла дуьне* (солнечный мир, или мир, в котором светит солнце) и *бухара дуьне* (нижний мир, т. е. мир мертвых, потусторонний мир). Полагали, что когда в мире живых лето, в мире мертвых, т. е. на том свете, зима.

Противопоставление лета и зимы отразилось и в выделении двух 40-дневных периодов *чилла* (от перс. *чил* — 40), характеризующихся самой высокой и самой низкой температурой, которые наступают по истечении 25 дней после соответствующего солнцестояния. Представление о периоде чилла бывало у многих мусульманских народов Кавказа и Средней Азии: у народов Дагестана⁶, карачаевцев⁷, таджиков⁸ и др.

Зима и лето по истечении периодов чилла продолжались еще по 25 дней, которые подразделялись вайнахами на более короткие отрезки времени. Так, чеченцы, по сведениям С. А. Хасиева, 25 зимних дней после чилла делили на шесть частей (см. табл. 2).

Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. сохранялось представление лишь о *бардал Іабзи* (*бардал Іаджуза*)⁹ как наиболее важном периоде для земледельца. Продолжался он 8—9 дней. Вайнахи называли их «днями борьбы зимы и весны»¹⁰, считали коварными, неустойчивыми и предсказывали по ним будущий урожай и погоду. Период *бардал Іабзи* делили на три части, которые символизировали весну, лето и осень. По первым трем дням определяли погоду весны, по следующим трем — урожай и по последним дням — погоду осени (если они ненастные, значит иней выпадет рано, осень будет холодной). Предсказание будущего урожая и погоды по определенным дням было широко распространено у всех народов мира. Например, многие народы

⁶ С. Ш. Гаджиева, А. Г. Трофимова, А. Р. Шихсаидов. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 8—10.

⁷ И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев. — «Сов. этнография», 1971, № 5, с. 112 (далее — И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев, 1971).

⁸ В отличие от кавказских народов таджики отсчитывали периоды *чилла* от солнцестояния. См. Л. Майский. Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхнего Ванча. — «Сов. этнография», 1934, № 4, с. 103.

⁹ Смысл и значение термина забыты, но, возможно, он тюркского происхождения. И. М. Шаманов переводит термин *балдраджюз*, ссылаясь на «Древнетюркский словарь», как «раннее голодание» — от *балдыр* (ранний), *ач* (голодный), *ез* (жизнь), *ачыз* (слабый). См. И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев. — Из истории Карачаево-Черкесии, в. 7. Черкесск, 1974, с. 313 (далее — И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев, 1974).

¹⁰ Конец этого периода отмечался как праздник победы весны над зимой. — Полевые записи автора. — Архив Ин-та этнографии АН СССР. Научная командировка в Чечено-Ингушетию в 1978 г. (далее — Полевые записи автора), л. 20, 21.

зарубежной Европы по первым 12 дням года предсказывали погоду на весь год ¹¹.

Представление о периоде холода после чилла, накануне наступления весны, были присущи многим мусульманским народам Кавказа и Средней Азии — у карачаевцев и балкарцев он назывался *балдраджюз* ¹², у казахов — *бискунак*, у таджиков — *оджуз* ¹³.

Известны и другие представления, связанные с этим 25-дневным периодом. По словам информаторов, за три дня до конца зимней чилла в воздухе появляются темно-зеленые насекомые *цеклега* (букв. огонь-уголь), которые якобы приносят тепло. Через семь дней и ночей они садятся на деревья, еще через семь дней и ночей — на воду, затем, через те же семь дней, опускаются, наконец, на землю. Таким образом, тепло распространяется повсюду, и спустя 28 дней после появления этих насекомых наступает время пахоты ¹⁴.

Деление года на две половины было связано, как уже говорилось, с важнейшими фазами сельскохозяйственных работ. Первая половина года, начинавшаяся с наступлением тепла, была временем полевых работ, выгона скота на летние пастбища и ухода за посевами; вторая же, начинавшаяся с наступлением холодов, была занята домашними делами. Позднее, с переходом к более интенсивному сельскохозяйственному производству, год стали делить на четыре части: две — весна (*блабстие*) и лето (*абхкие*) — в теплой половине и две — осень (*гуйьрие*) и зима (*ла*) — в холодной. Начало весны и осени определялось по дням весеннего и осеннего равноденствия.

Название времен года у вайнахов объясняют по-разному. Так, название весны — *блабстие* ¹⁵ может быть связано со словом *блабста* — разновидность горного лопуха со съедобными стеблями, который появляется в горах ранней весной, а название осени — *гуйьрие* — со словом *глура* — мерзлота (ведь в горах рано наступают холода). Несомненно, заслуживает внимания и мнение С. А. Хасиева, считающего, что термин *блабстие* происходит от *бабсса* — пустой ¹⁶. Объяснение термина *блабстие* представляется убедительным. Весенний период, как известно, характеризуется истощением продовольственных запасов, и слово *бабсса* может означать *бабсса до* — пустые амбар, кукурузохранилище и т. д. Этимология же слова *гуйьрие* пока не выявлена.

Вайнахи умели довольно точно определять время. Им, как и многим другим народам, был известен древнейший астрономический инструмент гномон — шест, установленный на горизонтальной плоскости. По его тени узнавали не только время суток, но и поворотные моменты солнца — дни солнцестояний и равноденствий. Определяли время и по камням, сложенным у башни высоко в горах, и по различным естественным ориентирам (вершины гор, холмы и т. д.), по специально установленным каменным стелам. Горцы, переселившиеся на плоскость,

¹¹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники», с. 27, 62, 95, 207 и др.

¹² И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев. 1974, с. 313.

¹³ По народным воззрениям таджиков, *Оджуз* — старуха, олицетворяющая злые силы. Период *оджуз* идет за зимней чилла и продолжается семь дней (до нового года — *ноуруз*). М. С. Андреев пишет, что эти дни характеризуются сильными холодами, которые бывают накануне весеннего равноденствия. В это время не выпускают детей из дома, не режут баранов и т. д. По случаю смерти старухи *Оджуз* и устраивается празднество весеннего равноденствия (20—21 марта). См. М. С. Андреев. Из материалов по мифологии таджиков. — «По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г.», в. 1. Ташкент, 1927, с. 81.

¹⁴ Полевые записи автора, л. 2, 7, 24.

¹⁵ Бацбийцы называют весну *дубхьа*, что означает начало, вероятно, начало года. См. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, с. 314.

¹⁶ С. А. Хасиев. Календарный год у вайнахов. — «Новое в этнографических и антропологических науках. Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1972 г.», ч. 1. М., 1974, с. 198.

находили новые способы для исчисления календаря. Так, смену времен года определяли по движению солнца относительно села, а также по звездам. Было замечено, что звезда Чухчгера (Малая медведица) восходит в первую ночь лета, а заходит в первую ночь зимы. По естественным ориентирам вели счет времени также карачаевцы, балкарцы¹⁷, таджики¹⁸ и другие народы.

В дореволюционной литературе высказывалось мнение, что чеченцы и ингуши не знали деления года на месяцы¹⁹. Насколько это мнение ошибочно, свидетельствуют как письменные источники²⁰, так и многочисленные сообщения информаторов. В календаре вайнахов каждое время года (*мур*) издавна делится на три месяца. Месяц и луна обозначаются одним термином — *бутт*. Это объясняется тем, что деление года на месяцы производилось по повторяющимся фазам луны. Но месяцы эти не лунные, хотя, возможно, вайнахи, как и другие народы Кавказа, пользовались лунным исчислением. Тщательно разработанная система исчисления времени по луне бытовала прежде у грузин²¹, абхазов²², осетин²³. Вайнахи делили год на 12 месяцев, названия которых пережиточно сохранялись до недавнего времени, причем отсчет месяцев вели с 22 числа юлианского календаря (например, январь начинался 22 декабря и кончался 22 января).

Впервые старые названия месяцев вайнахов были зафиксированы в конце прошлого столетия Б. Далгатом. Он предупреждал, что названия эти забываются и поэтому порядок их будет «в достаточной мере гадательным»²⁴. Приведем перечень месяцев по Б. Далгату²⁵:

Январь	Наджиганцхой-бутт	Самый холодный месяц года
Февраль	Мархи-бутт	Месяц поста
Март	Биэкарг-бутт	Месяц кукушки
Апрель	Тушоли-бутт	Месяц богини плодородия Тушоли
Май	Сели-бутт	Месяц бога грома и молнии Сели
Июнь	Мангал-бутт	Месяц косы (покоса)
Июль	Мятцели-бутт	Месяц бога земледелия Мятцели
Август	Мяцхали-бутт	Месяц божества Мяцхали
Сентябрь	Тау-бутт	Месяц отавы, вторичного покоса
Октябрь	Ардар-бутт	Месяц молотбы
Ноябрь	ЭрхI-бутт	Месяц случки овец
Декабрь	ОгIой-бутт	Месяц божества Огой

Названия месяцев были связаны с хозяйственными занятиями, а также религиозными воззрениями народа. В 1978—1979 гг. нами выявлены и другие названия, которые варьируют в зависимости от рода занятий и локальных особенностей местности. Они не вполне соответствуют делению, принятому в юлианском календаре, и иногда захватывают часть предыдущего или следующего месяца. В названиях месяцев нашли отражение все хозяйственные занятия вайнахов: земледелие, скотоводство, пчеловодство, шелководство, разведение птицы, ловля рыбы, строительство и т. д.²⁶ Явно связаны со скотоводством

¹⁷ И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев, 1971, с. 113.

¹⁸ М. С. Андреев. Указ. раб., с. 82.

¹⁹ А. Шегрен. Религиозные верования осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях. — «Маяк», т. VII. СПб., 1843, с. 93; М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, кн. 2. СПб., 1847, с. 53.

²⁰ Б. Далгат. Указ. раб., с. 85; А. Тутаев. Галгаевский календарь 1881 г. (рукопись). — Фонд Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея, оп. 3, п. 44.

²¹ «Грузинский устный календарь». — «Закавказский вестник», 1847, № 7.

²² Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956, с. 54.

²³ Л. А. Чибиров. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976, с. 24.

²⁴ Б. Далгат. Указ. раб., с. 85.

²⁵ Там же.

²⁶ О названиях ряда месяцев, связанных с хозяйственными занятиями вайнахов, мне сообщил старший научный сотрудник Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии И. Саидов, за что я приношу ему искреннюю благодарность.

названия апреля (в ряде сел мая) — *жа лаьмчу лохку бутт* (месяц, когда выгоняют овец в горы) или *лу аркѣал бутт* (букв. месяц, когда пастух лежит на спине, т. е. отдыхает); сентября — *жа аренга лохку бутт* (месяц перегона овец на плоскость), *жа лоргу бутт* (месяц стрижки овец) или *тларѣла буйтту бутт* (месяц стирки шерсти); второй половины октября — первой половины ноября — *машеш до бутт* (месяц изготовления сукна) и декабря — *лахъа доь бутт* (месяц заготовки мяса на зиму).

Зафиксированы и названия, отражающие занятия пчеловодством: февраль, а иногда и март именовали *накхарш ара доху бутт* (месяц выноса ульев); апрель — *маѣо заа доккху бутт* (месяц цветения ольхи) или *хъехо заа доккху бутт* (месяц цветения липы); май — *ве моз доккху бутт* (месяц первого медосбора); конец мая — июнь — *войш-долу бутт* (месяц появления роев); август — *жукуриш лохку бутт* (месяц изгнания трутней); сентябрь — *моз докху бутт* (месяц качания меда) и октябрь — *накхарш чу обьцу бутт* (месяц, когда вносят улья в помещение).

Известны названия месяцев, связанные с шелководством: *хлу тосу бутт* (месяц высаживания шелкопряда); *гоьжа тосу бутт* (месяц появления кокона); *поллу болу бутт* (месяц появления бабочки) и *гоьжа босту бутт* (месяц раскрытия кокона).

Работы по строительству дома и хозяйственных помещений также дали названия ряду месяцев. Самое холодное время года — часть января и февраля именовали *хьун хьокху бутт* (месяц рубки леса); июнь — *цѣенош до белхи бутт* (месяц, когда устраивают помочи для строительства дома) или *зафарш дуцу бутт* (месяц, когда делают плетни).

Некоторые названия месяцев, связанные с хозяйственными занятиями, были распространены преимущественно в горных районах. Это апрель — *тоьвна дуьллу бутт* (месяц, когда кур сажают на яйца), часть сентября и октября — *нлаьни йобьу бутт* (месяц, когда режут петухов); сентябрь — *кхораш гулбе бутт* (месяц сбора лесных груш); ноябрь — *цу бе бутт* (месяц изготовления толочка из груш) и др.

Месяц у вайнахов делился на четыре недели — *кѣира* — чеч., инг. (от грузинского *кѣвира* — неделя). Грузинское влияние прослеживается и в названиях дней недели:

Дни	Чеченские названия	Грузинские названия
Понедельник	Уоршуот	Оршабати
Вторник	Шинара	Самшабати
Среда	Кхаара	Отхшабати
Четверг	Йеара	Хутшабати
Пятница	Пѣраска	Пѣраскѣви
Суббота	Шуот	Шабати
Воскресенье	Кѣиранде	Кѣвири

Названия понедельника, пятницы, субботы и воскресенья заимствованы из Грузии, вероятно, еще в период проникновения оттуда христианства²⁷. В основе остальных названий — *шинара*, *кхаара*, *йеара* лежат числительные *шиѣ* (два), *кхоѣ* (три), *йиѣ* (четыре). То же можно сказать о названиях некоторых дней недели у других народов Кавказа. Например, осетины вторник называют *дыцѣг* (от осетинского *дыцуѣ* — два), т. е. второй день²⁸. В русском языке также названия вторник и четверг ведут свое начало от числительных второй и четвертый.

Чеченское название понедельника *уоршуот* произошло от грузинского *оршабати*. Следует отметить, что последнее означало в прошлом

²⁷ А. И. Шамилев. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей. — «Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы», т. III, в. 2. Грозный, 1963, с. 95.

²⁸ Л. А. Чибиров. Указ. раб., с. 25.

второй день после субботы, т. е. первым днем недели считалось воскресенье; чеченские же термины *шинара* и *кхаара* подчеркивают, что *уоршют* — первый день недели. Название пятницы также восходит к грузинскому, которое в свою очередь — к греческому *параскеви*²⁹. У. Лаудаев отмечал, что до принятия ислама пятница называлась *пхьера*, от *пхь* — пять. «Приняв мусульманство, — пишет он, — чеченцы назвали пятницу периски от арабского слова фарзъ, т. е. постановления мусульманства, переданные богом через коран. Арабскую букву фи [фā] чеченцы выговаривают пи, поэтому и название пятницы фарзски выговаривают париски, как выговаривают в горах, а на плоскости периски, т. е. день, в который объявлены постановления фарза»³⁰. Мы разделяем мнение У. Лаудаева о том, что в прошлом вайнахи называли пятницу *пхьера*, но название *периска* происходит, на наш взгляд, от греческого *параскеви*. Название субботы *шют* также заимствовано из грузинского языка. Грузинское *шабати* в свою очередь восходит к греческому *саббатон*, а последнее — к древнееврейскому *шаббес*. И наконец, чеченское *клиранде* (букв. недельный день) происходит от грузинского *кливри*.

Первые сведения о названиях дней недели у вайнахов были сообщены еще А. Шегреном и М. Селезевым³¹. Наиболее полную характеристику их находим у Б. Далгата, который исследовал и народные представления, связанные с определенными днями³². По Далгату, первым днем недели считался понедельник; он посвящался Матери ветров и был свободен от полевых работ. Вторник — день быков, в этот день нельзя их запрягать. Среда посвящена богу грома и молнии Сели, четверг — божеству Огой, пятница же с принятием ислама стала считаться священным днем — *джумэ*. Суббота — день волков, воскресенье — божий день. Из сказанного видно, что в прошлом в неделе вайнахов было несколько праздничных дней — понедельник, пятница, воскресенье. На это указывал и Ч. Ахриев. Ингуши эти дни «олицетворяют, — писал он, — и считают какими-то духовно-живыми явлениями»³³. Предназначение праздничных дней свидетельствует о религиозном синкретизме вайнахов: понедельник посвящается языческому божеству Матери ветров, пятница — священный день мусульман, а воскресенье — христианский праздник.

Наряду с праздничными, вайнахи, по нашим материалам, различали также дни «легкие» и «тяжелые», которые они считали благоприятными или неблагоприятными для начала важных трудовых процессов. Наиболее благоприятные дни — понедельник, четверг и воскресенье. Объясняется это, вероятно, влиянием ислама: в понедельник родился пророк Магомет, в четверг его положили в люльку, а в воскресенье бог сотворил мир. В эти дни следовало начинать наиболее важные и трудоемкие работы — пахоту, сенокос, жатву, перегон овец и т. д. Самым тяжелым днем считалась среда, особенно последняя среда месяца, поскольку все неприятные события по исламу происходили именно в этот день. «Кхаарий дийнахъ бала буссу», — говорили вайнахи (букв. в день кхаара спускается беда). В среду старались не ходить в гости, в лес и т. д.³⁴ Даже теперь можно наблюдать осторожное отношение к среде, проявляющееся в нежелании в этот день давать займы вещи, ибо с ними якобы по-

²⁹ А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с. 138; В. Ф. Миллер. Материалы по археологии Кавказа. Археологические наблюдения в области чеченцев, в. 1. М., 1888, с. 2.

³⁰ У. Лаудаев. Чеченское племя. — «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее ССКГ), в. VI. Тифлис, 1872, с. 58.

³¹ А. Шегрен. Указ. раб., с. 93; М. Селезев. Указ. раб., с. 54.

³² Б. Далгат. Указ. раб., с. 84.

³³ Ч. Ахриев. Ингушские праздники. — ССКГ, в. V, отд. 3. Тифлис, 1871, с. 5.

³⁴ У карачаевцев, напротив, среда была «днем ходьбы». См. И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев, 1974, с. 310.

Названия дней девятидневной недели в нахских языках и диалектах
(по И. Ю. Алирову)

Дни недели	Названия				
	чеченские	ингушские	баббийские	аккинские	чеберлойские
Сегодня *	Тахана	Тахан	Тха	Таха	Тахану
Завтра	Кхана	Кхоана	Кха	Кхана	Кхана
Послезавтра	Лама	Ломма	Ломо	Лома	Ламу
3-й день	Ула	Цулла	Улло	Илли	Ула
4-й день	Цака	Цумоака	Цалло	Цакка	Цоко
5-й день	Цаста	Цулцумоака	Палло	Цука	Цосто
6-й день	Цулла	—	—	—	Цулла
7-й день	Цумока	—	Кала	—	—
	Цимока				
8-й день	Цулцимока	—	—	—	—

* Отсчет начинался с сегодняшнего дня.

кинет дом и семейное благополучие. По той же причине в недалеком прошлом в среду после наступления сумерек не давали огня (впрочем, у многих народов вообще считалось опасным давать огонь из очага). В некоторых местах тяжелым для работы, особенно пахоты, считался вторник³⁵. В отдельных районах запрещалось работать в субботу, когда нельзя «Хьакхи тIёра чо баккха а» (букв. «даже щетинку вырвать у свиньи»). Субботу называли еще *жуькти шобта де* (еврейская суббота), что свидетельствует о заимствовании названия. Пятница, как мы отмечали, считалась праздничным днем, работать можно было лишь принеся в жертву барана³⁶. Аналогичным образом поступали и по отношению к другим «тяжелым» дням, особенно во время полевой страды.

Таким образом, вайнахи соблюдением различных запретов, основанных на магических представлениях о днях недели, старались обеспечить успех и благополучие себе и своей семье. Подобные запреты магического характера, связанные с определенными днями, были широко распространены у народов Кавказа — грузин, абхазов, армян³⁷, осетин³⁸, карачаевцев и балкарцев³⁹, а также у восточных славян⁴⁰ и многих народов зарубежной Европы⁴¹.

Значительный интерес представляет вайнахский счет времени на девять дней вперед (табл. 3). И. Ю. Алиров высказал предположение, что до проникновения в горную Чечню и Ингушетию христианской семидневной недели у вайнахов существовала девятидневная неделя, названия дней которой «были связаны с культом многочисленных нахских божеств»⁴². Этот счет, более или менее полно сохранившийся лишь у чеченцев, связан, в частности, с языческим божеством огня *Цу*. О повсеместном распространении культа этого божества свидетельствует топонимика Чечено-Ингушетии⁴³. Глубокое почитание огня вайнахами отразилось и в поговорках: «Царца бегаш ма бе, хих а ма теша» («И с ог-

³⁵ Б. Далгат отмечает, что в этот день нельзя запрягать волов. См. Б. Далгат. Указ. раб., с. 84.

³⁶ Полевые записи автора, л. 4, 6, 7.

³⁷ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 123.

³⁸ Л. А. Чибиров. Указ. раб., с. 42.

³⁹ И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев, 1971, с. 111.

⁴⁰ А. Львовский. Пятница в жизни русского народа. — «Живописная Россия», т. 2, СПб., 1902, с. 197.

⁴¹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники». М., 1977, с. 41, 78, 127 и др.

⁴² И. Ю. Алиров. Нахские языки и культура. Грозный, 1978, с. 48.

⁴³ А. С. Сулейманов. Топонимия Чечено-Ингушетии, т. I, с. 24, 34, 89, 90, т. 2. Грозный, 1978, с. 14, 33, 56, 73 и др.

нем не шути, и воде не верь»); «Ца дагахь а це тоьла, кха дагахь а малх тоьла» («Хоть и дом сгорит — огонь хорош, хоть и пашня сгорит — солнце хорошо») и др. Название первого дня — *тахана* (сегодня) связано, как справедливо отмечает И. Ю. Алироев, с названием древнего божества вайнахов *Пхьа* (*Тхьа*), на что указывает бацбийское слово *тха*⁴⁴.

Из сказанного следует, что в историческом прошлом у вайнахов неделя, вероятно, состояла из девяти дней, названия которых были связаны с именами главных богов. Цифра «9» у вайнахов почиталась до недавнего времени, об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней выражения: девять клятв, девять кругов, девять жизней и т. д. Если неделя состояла из девяти дней, то год — соответственно не из 52 недель, как на Востоке, а затем и в Европе, а из 40 недель.

Вайнахи вели счет времени не только внутри года. По сведениям информаторов, существовало и летосчисление по циклам, состоящим из нескольких лет. К сожалению, в памяти народа эти циклы сохранились слабо. В исследуемый период у вайнахов бытовало и мусульманское летосчисление по хиджре. Однако мусульманский лунный календарь, малоудобный в практической деятельности земледельца и скотовода, не получил широкого распространения. Лунный счет месяцев приводил к тому, что каждый год был короче солнечного года в среднем на 11 дней. Вследствие этого мусульманский календарь не фиксировал изменения в окружающей природе даже в течение одного года и не отражал трудовой деятельности народа. Применялся он только для определения религиозных дат и праздников. Названия месяцев не привились, их знали в основном *дешна нах* (букв. ученые люди). Следует отметить, что некоторым месяцам лунного календаря вайнахи дали свои названия, соответствующие мусульманским праздникам, например *мархи бутт* (месяц поста), *Гурбана бутт* (месяц жертвоприношений), *мовлада бутт* (месяц религиозного праздника *мовлюд*). Не получили распространения также и названия дней недели, кроме пятницы, которая стала почитаться как религиозный праздник *джумэ*.

После присоединения к России в среде вайнахов прочно утвердился юлианский календарь. Старые названия месяцев стали забываться и начиная со второй половины XIX в. почти полностью вышли из употребления. В современных чеченском и ингушском языках применяются общераспространенные названия всех 12 месяцев с прибавлением слова *бутт* — «месяц», например, январь-бутт, февраль-бутт, март-бутт и др. Широко известны теперь и русские названия дней недели.

Таким образом, в исследуемый период вайнахам, как и многим другим народам, были известны различные системы исчисления времени, сложившиеся в результате длительных этнокультурных и этногенетических связей с соседними народами: лунно-солнечный календарь, элементы фенологического календаря, мусульманский лунный календарь, юлианское летосчисление и др. Представления о времени связывались прежде всего с главными моментами сельскохозяйственных занятий (земледелия, скотоводства и др.), о чем свидетельствуют, например, деление года на сезоны, названия месяцев и др. Следует подчеркнуть, что, помимо рациональных элементов, в исчислении времени прослеживаются отголоски различных религиозных верований — язычества, христианства, ислама.

Исследование систем исчисления времени и народного календаря вайнахов в целом позволяет лучше понять мировоззрение народа, его духовную культуру. Кроме того, изучение народного календаря имеет и практическое значение: в нем сконцентрированы накопленный в течение многих веков положительный опыт хозяйствования, практические знания народа, которые, несомненно, могут быть использованы и сейчас.

⁴⁴ Аналогичному божеству по имени Тхьа поклонялись и адыги. См. Г. Рогова. Этимология адыгейского слова Тхьа (бог). — «Ежегодник иберийско-кавказского языковедения», ч. 2. Тбилиси, 1948. с. 48.

Г. П. Дурасов

**ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ
ОБРАЗОВ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ
АРХАИЧЕСКОГО ТИПА**

Орнамент русской народной вышивки привлекает к себе внимание исследователей уже более 100 лет. Обилие узоров, множество их вариантов и вариаций сводятся к сравнительно небольшому кругу образов и мотивов, находящихся между собой в строго определенной связи. Большинство из них — зооморфные и растительные мотивы, антропоморфные составляют меньшую часть. Но что стоит за этими узорами?

Ученые же не раз пытались раскрыть их содержание. Первой и наиболее значительной публикацией народных вышивок был альбом В. В. Стасова, отметившего строгую закономерность иконографии узоров народной вышивки и высказавшего мысль о связи ее орнамента с дохристианскими верованиями славян¹. В. А. Городцов в орнаменте народной вышивки увидел сцены поклонения женскому божеству земли и плодородия и связал сами узоры с олицетворением сил природы, с земледельческим культом². Б. А. Рыбаков, выявляя генезис русской народной вышивки, предпринял попытку раскрыть семантику женского божества и предстоящих ему всадников³. А. К. Амброз, рассматривая орнамент с женским персонажем («богиней»), подчеркивал, что вышивка у земледельческих народов была связана с аграрной магией. По его мнению, «богиня» была символом «матери — сырой земли»⁴.

Значительным событием в изучении русского народного орнамента явилась большая монография Г. С. Масловой. Она выявила и опубликовала большое число ранее неизвестных узоров и показала связь русской народной вышивки не только с земледельческим культом, но и с весенне-летней календарной обрядностью⁵.

И все же, несмотря на сравнительно большое количество работ, посвященных народной вышивке, из которых мы упомянули лишь наиболее значительные, еще нет четкого прочтения всех сюжетов вышивки, недостаточно раскрыты взаимосвязи ее образов, не намечен путь к пониманию самого народного мировоззрения, породившего ее узоры.

В данной статье мы попытаемся выяснить содержание одного из основных мотивов русской народной вышивки с помощью археологического и этнографического материалов.

До сих пор исследователи мало обращали внимания на узоры с двуглавой птицей. Одни из них видели в этом образе и его различных

¹ В. В. Стасов. Русский народный орнамент, в. 1. «Шитье, ткани, кружева». СПб., 1872, с. XVI.

² В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — «Труды Государственного Исторического музея», в. 1, 1926.

³ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве (Женское божество и всадники). — «Сов. этнография», 1948, № 1, с. 90—106. К рассмотрению народной вышивки и анализу ее содержания Б. А. Рыбаков обратился в докладе «Космогоническая символика „чудских“ шаманских бляшек и русских вышивок», прочитанном на первом советско-финляндском симпозиуме. («Финно-угры и славяне». М., 1979, с. 7—34).

⁴ А. К. Амброз. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. — «Сов. археология», 1966, № 1, с. 61—76.

⁵ Г. С. Маслова. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978, с. 156—158.

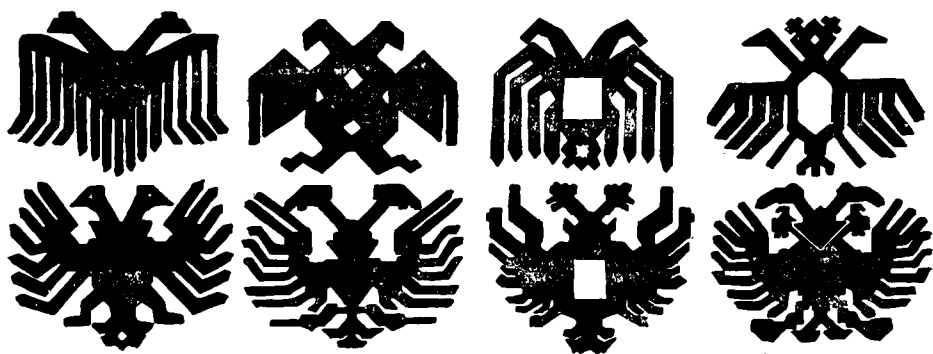


Рис. 1. Изображение двуглавых птиц в русской народной вышивке (см. В. А. Соллогуб. Русская простонародная вышивка как первообраз своенародной орнаментики. М., 1872). Здесь и далее рисунки автора

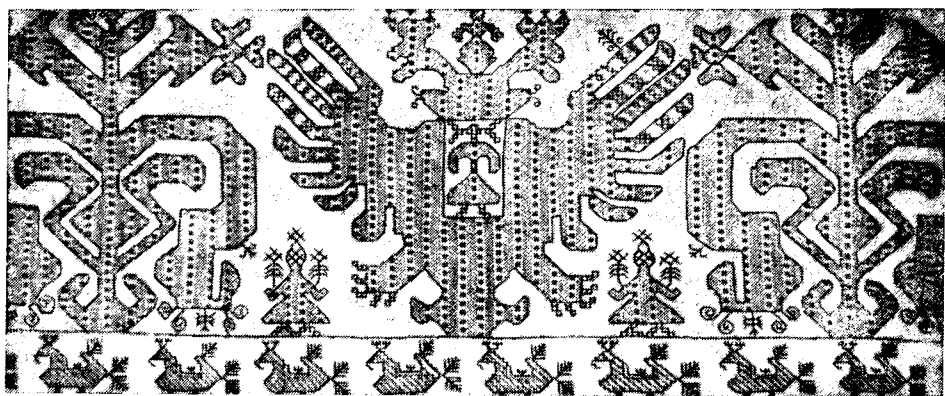


Рис. 2. Фрагмент подзора. XIX в. Каргопольский уезд Олонецкой губ. (Каргопольский краеведческий музей). Здесь и далее фото автора

вариантах трансформацию герба Московского государства⁶. Другие, не отрицая древнего происхождения образа, высказывали предположение, что он перешел в крестьянскую вышивку с изделий льняной мануфактуры XVIII в. или с «царевых» кабаков и механически был включен в орнамент, не будучи связан по смыслу с другими персонажами вышивки⁷.

Рассматриваемый нами узор чаще всего можно встретить в вышивках Севера и Северо-Запада России (в бывших Олонецкой, Новгородской, Псковской, Петербургской, Вологодской, Архангельской, Тверской и Костромской губерниях). Он украшал крестьянскую одежду: каргопольские рубахи («орлик» составлял раппорт узора на подоле и рукавах), шитые золотом тверские и олонечские головные уборы, а также предметы домашнего обихода — концы полотенец, подзоры (подвесы).

Двуглавая птица изображалась в двух позах: с опущенными или с поднятыми крыльями (рис. 1).

На подзорах она включена в сложную фризную композицию. На женских рубахах ее помещают то в центре вышитого подола, где двуглавой птице предстоят две павы, то по бокам от «древа жизни». На полотенцах она чаще вышивалась в центре узорчатого конца в окружении деревьев, коней, оленей или пав либо в некоем подобии хором. В этом случае женские фигуры располагались или за стенами «здания», или под птицей, порой с воздетыми к ней руками. Иногда «орликов»

⁶ Л. А. Динцес. Мотивы московского герба в народном искусстве. — «Сообщения Государственного Русского музея», 1947, № 2, 5.

⁷ Г. С. Маслова. Указ. раб., с. 70.

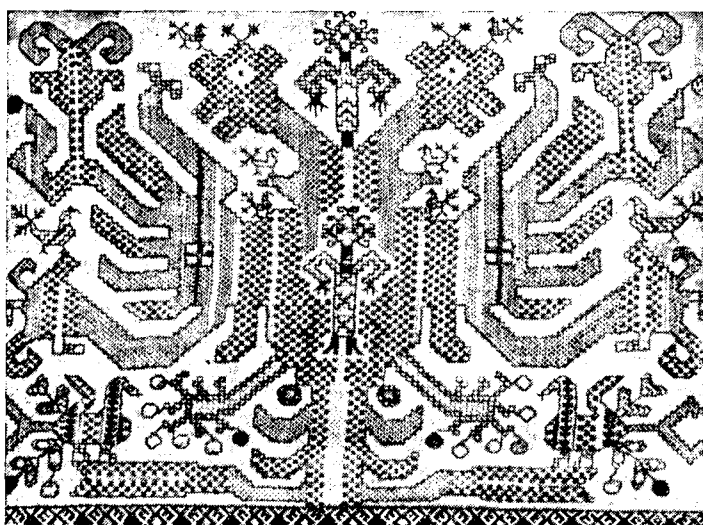
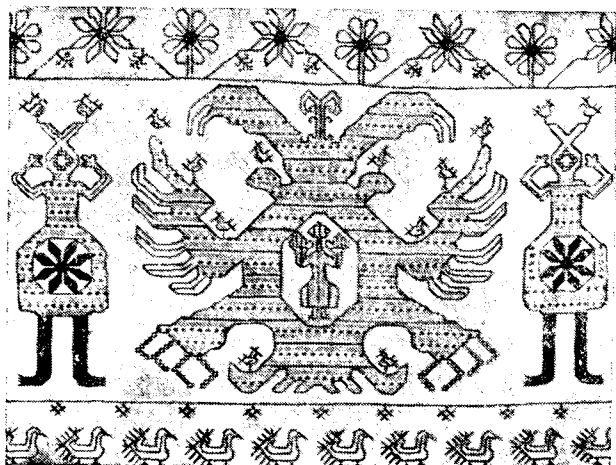


Рис. 3. Изображение двуглавых птиц в русской народной вышивке: а) фрагмент подзора. XIX в. Олонецкая губ. (Музей народного искусства); б) фрагмент передней части подола женской рубахи. XIX в., там же

можно увидеть возле «здания», где находились женские фигуры⁸.

Итак, узоры с двуглавыми птицами — это чаще всего сложные композиции, состоящие из двух-трех компонентов. Головы птиц, увенчанные гребнями и крестами, порой вместе с шеями «отделяются» от туловища и образуют подобие ладьи, на которой стоит или восседает женская фигура (рис. 2). Иногда на распростертых крыльях орла или летуха, словно на ветвях дерева, сидят маленькие птички (рис. 3 а, б). По общему абрису крыльев они нередко напоминают бытовавших в народной среде щепных птиц — «петушка», «святого духа», «голубка». В Архангельской области их делают и поныне⁹ (см. рис. 4, 23).

У двуглавой птицы обычно широко расставленные когтистые лапы, хвост словно уходит в землю. На груди зачастую в четырех- или шестиугольном вырезе изображена женская фигура с опущенными или воз-

⁸ Варианты этого узора опубликованы Г. С. Масловой (Указ. раб., с. 95, рис. 43, а) и О. Бубновой («Вышивки». М., 1933, рис. 1).

⁹ Л. Беслеева, Л. Крестьянинова. Современные народные мастера. [Альбом]. Л., 1975, рис. 45—47.



Рис. 4. Изображения, родственные образцам русской народной вышивки: 1, 2 — изображение двуглавой птицы на верхней части пряжек (Д. Дружев. Златарско изкуство. София, 1976, с. 82, рис. 73, (2, 4); 3 — изображение двуглавой птицы на женском украшении (Там же, рис. 72, 3); 4 — навершие ритуальной палочки с головой орла. X в. Древний Новгород (Б. А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. — «Археология СССР. Свод археологических источников», в. Е1—55». М., 1971, табл. 37, 1); 5 — голова сокола. XII—XIII вв. Новгород (В. М. Василенко. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М., 1977, рис. 180); 6 — навершие ритуальной палочки с головой орла. Середина X в. Древний Новгород (Б. А. Колчин. Указ. раб., табл. 37, 2); 7 — фрагмент орнамента вышивки на рукаве болгарской женской рубахи. Село Гниляне, около 1899 г. (Л. Маслинков. Софийска везба. София, 1978, рис. 54); 8 — рельефный многоцветный изразец из декора крыльца церкви Николая Мокрого в Ярославле. 90-е годы XVII века (С. А. Маслих. Русское изразцовое искусство XV—XIX веков. М., 1976, рис. 152); 9 — дощечка от самопрялки для прикрепления кудели. XIX в. Жемайтия. («Литовское народное искусство», Вильнюс, 1956, рис. 140); 10 — оконная решетка придела церкви Вознесения. 1648 г. Великий Устюг (С. С. Подъяпольский. По Сухоне и Северной Двине. М., 1969, с. 20); 11 — колт с изображением орла. XII — начало XIII в. Киев, Княжья Гора (Т. И. Макарова. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975, табл. 3, 9); 12 — терракотовая плита в поясе Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря. 1476 г. (С. А. Маслих. Указ. раб., рис. 3); 13 — фрагмент бронзовой фибулы. VI в. Пастырское городище, Киевщина (Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, рис. 7); 14 — часть фибулы с изображением богини, восседающей на «птичьей ладье» (Там же); 15 — фрагмент бронзовой фибулы с изображением богини и двух хищных птиц по бокам. VII в. Хутор Блажки, Полтавская обл. (Там же); 16 — застёжка для мужской рубахи. XIX в. Область Липтов, Северная Словакия («Словацкое народное искусство», т. II. Братислава, 1954, рис. 482); 17 — спинка стульчика со

детьми вверх руками с четко намеченными кистями рук и пятью пальцами. Родственные по иконографии изображения можно встретить на сосудах из клада Надь Сент Миклош (Румыния)¹⁰, а также на иранском блюде из собрания Эрмитажа (рис. 4, 22).

Каков смысл этого образа и какова связь между фантастической птицей и фигурой женщины? Выясним прежде всего, что за птица перед нами. На одних узорах, как нам кажется, более древних, головы птицы с хищными, острыми клювами по очертанию напоминают сокола или орла. Похожие изображения мы найдем на предметах прикладного искусства: на заверших ритуальных палочек из Новгорода Великого (рис. 4, 4—6), на колте из древнего Киева (рис. 4, 11), на русских изразцах XVII в. (рис. 4, 8). На других узорах головы птицы увенчаны пышными гребнями, клювы часто приоткрыты. Птица величава — это царь-птица, общим абрисом напоминает она орла на российском гербе.

Но почему в одной и той же композиции взаимозаменяются двуглавые орел, сокол и петух? Может быть, они олицетворяют одно и то же?

Образ орла связан с представлением о его превосходстве над остальными птицами, «царственности». «Всем птицам птица орел» — говорится в русской народной пословице¹¹. Она же связывает орла и со стихией огня: «Летит орел — дышит огнем»¹². В заговоре он низводит на землю огонь небесный: «Летел орел из-за Хвалынского моря, разбросал кремни и кремнцы..., кинул громову стрелу во сыру землю»¹³.

Образ сокола связан с огнем земным: «бег» огня по дереву сравнивали с полетом этой птицы¹⁴. С образом «света — ясного сокола» соединялись народные представления об утре: «Пришел волк (здесь ночь — Г. Д.) — весь народ умолк. Ясен сокол пришел — весь народ пошел»¹⁵.

Родственен этим двум птицам и петух, крик которого якобы вызывает на небо утреннее солнце, пробуждающее природу от сна¹⁶. Само же солнце в представлении крестьян — это круг, наполненный огнем¹⁷.

«Красный кочет», «красный петух», также как и сокол был связан с земным огнем: посадить красного кочета на крышу — значило поджечь дом («красный петушок по улице бежит» — пожар; «красный кочет дыру точит» — огонь). О горящей лучине говорили: «Красный

¹⁰ Станчо Ваклинов. Формиране на старобългарската култура. VI—XI век София, 1977, рис. на вклейке между с. 96—97, 128—129.

¹¹ «Пословицы русского народа». Сборник В. Даля. (Далее В. Даль). М., 1957, с. 291.

¹² А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. т. I. М., 1865, с. 496.

¹³ И. П. Сахаров. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, ч. I. СПб., 1836, с. 75.

¹⁴ Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. М., 1959, № 192.

¹⁵ Там же, № 1951.

¹⁶ А. А. Афанасьев. Указ. раб., с. 520, 521.

¹⁷ См. об этом П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. I. М., 1877, с. 185.

стилизованными птичьими головами и деревом посередине. Конец XVIII в. Окрестности г. Банска Быстрица, Средняя Словакия. (Там же, рис. 406); 18 — фрагмент каменной резьбы на южнославянском средневековом надгробье. — *Marian Wenzel. Motivi na steccima. Sažajevo*, 1965, табл. LXXXII (8). 19 — фрагмент фалеры. II—I век до н. э. (*И. Вендиктов, Т. Герасимов. Тракийское изкуство. София, 1973, рис. 354*); 20 — фрагмент каменного южнославянского средневекового надгробья). — *Marian Wenzel. Указ. раб., табл. LXXXII (9)*; 21 — глиняная игрушка. Автор — И. В. Дружинин, д. Гринево, Каргопольский р-н, Архангельская обл., конец 1930-х г. (Каргопольский краеведческий музей); 22 — фрагмент декора иранского блюда VI в. (*В. Г. Луконин. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 195*); 23 — северорусская щепная птица. Автор А. И. Петухов, пос. Волошка, Коношский р-н, Архангельская обл. Начало 1970-х годов. (Собрание Л. Ф. Крестьяниновой, Москва).

кочет по нашеству бежит». Огонь в печи ассоциировался с образом де-рущихся петуха и орла¹⁸.

Таким образом, орел, сокол и петух, возможно, в разных местностях и в разное время символизировали огонь.

Но почему птицы эти двуглавые?

Многоглавые существа в мифологии — явление нередкое. Так, например, в древнегреческих мифах говорится о пятидесятиголовых великанах — гектонхейрах, против огромной силы которых ничто не могло устоять¹⁹, рассказывается там и о громадном, могучем стоголовом чудовище Тифоне²⁰, об ужасном двухголовом псе Орфо²¹, русские былины рисуют нам образ «могучного» Змея-Горыныча о трех головах²².

Многоголовые фантастические существа, по представлениям народа, обладали необычайной силой. По-видимому, две головы у рассматриваемых нами птиц, олицетворяющих собой огонь небесный и земной, означали также их могущество.

Небесный «начальный огонь или животворящая теплота» у славян в древности назывался «зничем» и способствовал, по поверьям, «произведению и сохранению всех существ»²³. И у русского человека к огню отношение было особое — с ним тесно были связаны представления о свете, тепле и благе, а также и сама идея жизни²⁴. Почтительно обращаясь к нему в заговорах, называли его не иначе, как царем: «Батюшка ты царь огонь...»²⁵. До 1616 г. огонь в требниках приравнивался даже к святому духу. Так, при освящении воды в крещенский сочельник произносили: «Сам и ныне Владыко, святив воду сию Духом Твоим Святым и огнем...»²⁶. Последующее исправление молитвы и упразднение слова «огонь» вызвало в народной среде возмущение²⁷.

«Огонь грех гневить, а то случится несчастье», — говорили в народе и всякий раз зажигали его с особым почтением. Немаловажную обрядовую роль играл в русской деревне и «живой огонь», добываемый трением дерева о дерево.

Какая же женская фигура помещалась рядом с птицей-огнем? Иерархически она явно стоит выше изображаемых здесь же простых птиц, коней, оленей, так как только она величаво восседает между головами царственной птицы. А. А. Афанасьев и А. А. Потебня отмечали, что, в образном представлении славян, земля — это женщина²⁸. Потому и землю в народе почтительно называли «мать — сыра земля». Верили, что и сотворена она, словно человек: «...Камение яко тѣло имать, вмѣсто костей корение имать, вмѣсто жилъ древеся и травы, вмѣсто власовъ былие»²⁹. Она засыпает на зиму и просыпается от горячих лучей вешнего солнца. Пьет воду и родит урожай. Нежно, по-матерински заботится о людях: кормит, поит и одевает их.

В русских народных вышивках фигура женщины обычно изображена с воздетыми вверх или с опущенными вниз руками. О чем же молит, подняв к небу руки, мать-земля? Не о том ли, чтобы огонь небесный осветил ее яркими лучами вешнего солнца, согрел своим теплым дыха-

¹⁸ А. А. Афанасьев. Указ. раб., с. 522; Д. Н. Садовников. Указ. раб., № 198, 200, 213, 375.

¹⁹ Н. А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957, с. 18.

²⁰ Там же, с. 21.

²¹ Там же.

²² «Добрыня и змей», «Былины», т. 1. М., 1916, с. 15—26.

²³ Г. Глинка. Древняя религия славян. Митава, 1804, с. 40, 41.

²⁴ А. Афанасьев. Указ. раб., с. 179.

²⁵ Л. Майков. Великорусские заклинания. СПб., 1869, № 236.

²⁶ С. В. Максимов. Нечистая сила — неведомая сила. — Собр. соч., т. 18, СПб., 1912, с. 224.

²⁷ Там же, с. 223.

²⁸ А. Афанасьев. Указ. раб., с. 138; А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий, — «Чтения о-ва истории и древностей российских». М., 1865, кн. II, с. 86.

²⁹ Цит. по: А. Афанасьев. Указ. раб., с. 139.

нием? Ведь без этого не зародить ей доброго плода. «Не земля хлеб родит, а небо», «Лето родит, а не поле»³⁰, — говорят в народе.

Хвост двуглавой птицы, как и одноглавой (рис. 5, 1), на наш взгляд, напоминает собой ушедший в землю корень, из которого произрастают ветви «рощений» (рис. 3, 6; 5, 6). То же, как нам кажется, можно увидеть и в изразцах конца XVII в. (рис. 4, 8), и в железном узорочье оконных решеток середины XVII в. (рис. 4, 10), что говорит о неизменности иконографии данного образа на протяжении более чем 200 лет. На других узорах хвост двуглавой птицы словно уходит в землю (рис. 2).

В северорусских вышивках встречается и необычная женская фигура с изображением орла вместо головы (рис. 5, 4)³¹, что можно рассматривать как свидетельство древней связи этих образов. Женскую фигуру, помещенную меж птичьих голов, «едушую» в ладье (см. верхнюю часть рис. 2, 5, 18), можно трактовать как изображение матери-земли, которая получает от небесного огня силу плодородящего начала, необходимую для урожая.

Данный сюжет имеет ряд вариантов. На одних вышивках «ладья» состоит из двух сросшихся голов птиц, повернутых в разные стороны. Между ними находится деревце с сердцевидным основанием (рис. 5, 10, 16) либо стилизованная женская фигура (рис. 5, 11). Сходное изображение встречается в декоре предметов прикладного искусства древних славян, например на фибуле VIII в. (рис. 4, 14). По бокам «ладьи» иногда помещают двух больших птиц (не то орлов, не то петухов), повернутых головами друг к другу, с пышными «гребнями» (рис. 5, 15, 21). На вышивке, украшающей конец полотенца первой половины XIX в., от этого сюжета сохранился, как нам кажется, лишь самый важный фрагмент: две огромные птичьи головы повернуты друг к другу, а между их клювами находится не то антропоморфная фигура, не то «деревце» (рис. 5, 19). Мотив этот можно обнаружить не только в русской вышивке XIX в. и в русских изразцах XV в. (рис. 4, 12), но и в словацком прикладном искусстве конца XVIII—XIX в. (рис. 4, 16, 17). Аналогии ему имеются и в древнеславянских памятниках (рис. 4, 13, 15).

Двуглавая птица обычно изображается в центре узора, а величавые, с пышными хвостами и крыльями павы — слева и справа от нее. В усложненном узоре маленькие птицы (птенцы?) как бы парят над ней (рис. 5, 1, 2), восседают на ее перьях, крыльях и голове (рис. 3, а, б).

С образом птиц в народе связано представление о свете и тепле, так как с их прилетом приходит весна. Двуглавая же птица, порождающая этих «вестников весны», сама как бы является источником света и тепла. С представлением об огне и тепле связаны и павы, о чем, на наш взгляд, свидетельствуют такие детали, как пышное оперение, покрытое звездами, крестами, кругами и трезубцами — символами огня и солнца (рис. 5, 5, 9, 17)³². Образ павы полнее раскрывается в загадках.

Прилетела павы,
Села на лаву,
Распустила перья
Для всякого зелья (отгадка — весна)³³.

С прилетом павы связаны не только оживление и расцвет природы, но и весенние хозяйственные заботы. В одной из русских обрядовых песен рассказывается, как прилетает она каждую весну, вьет гнезда и сносит три яйца:

Вывела павы три сыночка:
Первый сыночек — пастушок,
А другой сыночек — пахаречек,
Третий сыночек — бандаречек...³⁴.

³⁰ В. Даль. Указ. раб., с. 904, 905.

³¹ См. также Г. С. Маслова. Указ. раб., с. 47, рис. 12.

³² См. там же, с. 45, рис. 10, а, с. 61, рис. 17, ж.

³³ Д. Н. Садовников. Указ. раб., № 2088.

³⁴ Ю. Г. Круглов. Календарные обряды и обрядовая поэзия в Калужской области. — «Сов. этнография», 1977, № 4, с. 103.

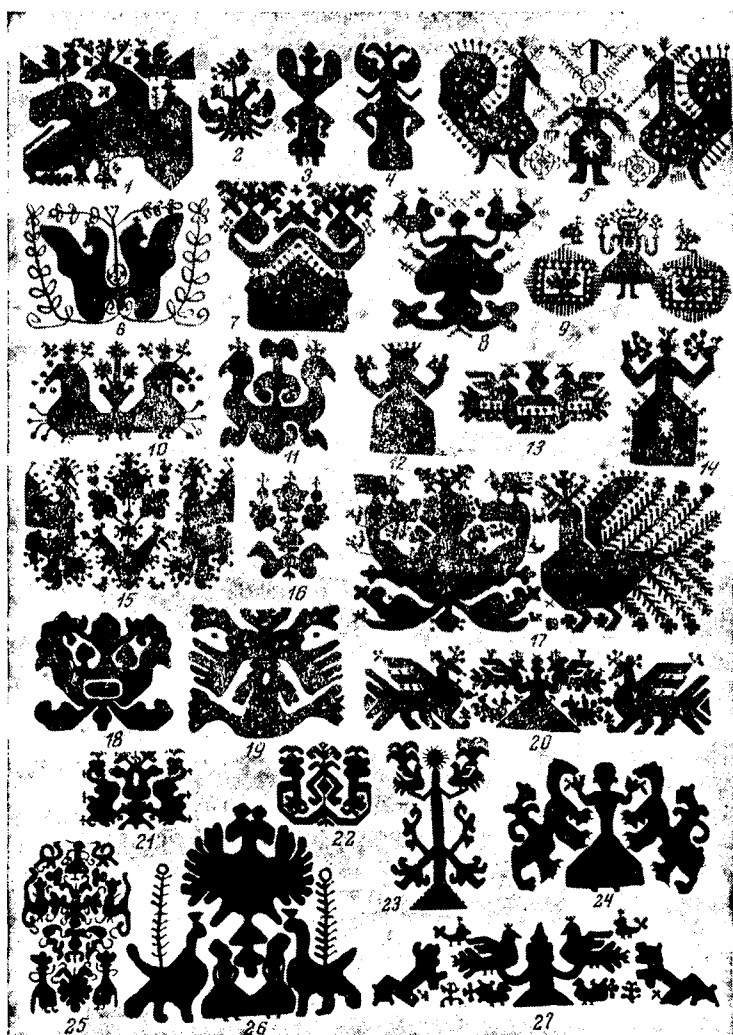


Рис. 5. Изображение женского божества и птиц в русской народной вышивке: 1 — кайма простыни. Фрагмент. XIX в. (О. Бубнова. Вышивки. М., 1933, рис. XI); 2 — фрагмент полотенца. Конец XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (собрание автора); 3 — подол женской рубахи. Фрагмент. Вторая половина XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (собрание автора); 4 — подол праздничной женской рубахи. Фрагмент. Вторая половина XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (собрание автора); 5 — конец полотенца. XIX в. Архангельская губ. (В. А. Фалеева. Женский персонаж в русской народной вышивке. — «Фольклор и этнография русского Севера». Л., 1973, с. 127, рис. 2, в); 6 — конец полотенца. Вторая половина XIX в. Русский Север. (Музей народного искусства); 7 — подол праздничной женской рубахи. Фрагмент. Вторая половина XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (собрание автора); 8 — подол женской рубахи. Фрагмент. XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (Г. С. Маслова. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978, рис. 61, а); 9 — конец полотенца. Фрагмент. XIX в. Тотемский уезд, Вологодская губ. (А. К. Чекалов. По реке Кокшеньге. М., 1973, с. 92); 10 — конец полотенца. Фрагмент. Вторая половина XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (Музей народного искусства); 11 — конец полотенца. Фрагмент. 1870-е годы. Кирилловский уезд, Вологодская губ. (Г. С. Маслова. Указ. раб., рис. 21, в); 12 — конец полотенца. Фрагмент. XIX в. Север. (В. С. Воронов. О крестьянском искусстве. М., 1972, с. 155); 13 — прошива от полотенца. Фрагмент. XIX в. Русский Север. (Музей народного искусства); 14 — конец полотенца. Фрагмент. XIX в. Новгородская губ. (В. А. Фалеева. Указ. раб., с. 126, рис. 2, а); 15 — кайма простыни. Фрагмент. XIX в. (О. Бубнова. Указ. раб., рис. XII); 16 — кайма простыни. Фрагмент. XIX в. (Там же, рис. XIV); 17 — подзор. Фрагмент. Вторая половина XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (Каргопольский краеведческий музей); 18 — конец полотенца. Фрагмент. Вторая половина XIX в. Кар-

Следовательно, павы, порожденные небесным огнем (в образе двуглавой птицы), слетают на землю, и мать-земля принимает их (на вышивках она их держит в руках на уровне плеч)³⁵ (рис. 5, 8, 12, 13, 14, 17, 20, 23). Обратим внимание, что перед нами в узорах 8, 13 — новые аналогии к уже рассмотренному варианту мотива с птичьими головами (рис. 5, 19). Родственные изображения находим на южнославянских средневековых надгробиях (рис. 4, 18, 20), на древнеславянских фибулах VI—VII вв. (рис. 4, 13, 15) и в более архаичном материале (рис. 4, 19). Близкие образы встречаются и в каргопольской глиняной игрушке XX в. (рис. 4, 21).

Поясняя смысл изображения женщины с птицами в руках, резчик по дереву из Архангельской области А. И. Петухов, который и по сей день делает щепных птиц, утверждал, что «это — символ весны, это — сама весна!»³⁶.

В упрощенной орнаментальной цепочке двуглавая птица чередуется с фигурой женщины, держащей пав (рис. 6)³⁷. Но есть композиция более развернутые, где по сторонам женского божества с птицами в охранительной позе стоят, иногда соединяясь с ним, фантастические животные (рис. 5, 24, 27). Они отчасти напоминают львов или барсов, широко известных по вышивкам, медному литью и крестьянской росписи. Образ этот имеет много общего с мифологическим Симарглом, покровителем растений, семян, корней и всходов³⁸.

Попытаемся теперь соединить воедино известные нам образы: над всем миром царит небесная птица, олицетворяющая огонь, она порождает птенцов (возможно, это павы), и те несут земле свет и тепло. Оберегают же землю-мать от сил мрака и зла могучие звери. Персонажи вышивки, как нам представляется, выстраиваются в вертикальную линию, связывающую небо и землю.

Но вертикальное расположение узора в русской народной вышивке автору неизвестно. Лишь в золотом шитье на головных уборах мы встретим сложные композиции, состоящие из трех совершенно самостоятельных узоров, расположенных один над другим (рис. 5, 25). Русской народной вышивке присуще горизонтальное расположение орнамента, зачастую с симметричным построением композиции или чередованием.

³⁵ В вышивках на каргопольских праздничных рубахах и «подзорах» встречается, например, изображение женщины, держащей в руках не пав, а птиц, напоминающих орлов с распростертыми крыльями (рис. 5, 7), аналоги иконографии их находим на киевском котле XII — начала XIII в. (рис. 4, 11) и в болгарской вышивке XIX в. (рис. 4, 7).

³⁶ Письменное сообщение А. И. Петухова (1919 г. рожд.), проживающего в пос. Волюшка Коношского р-на Архангельской обл., автору статьи (от 11 июля 1978 г.).

³⁷ См. также Г. С. Маслова. Указ. раб., с. 25, рис. 6 (нижняя кайма полотенца, с. Старая Ладога Новолодожского уезда Петербургской губ.).

³⁸ Б. А. Рыбаков. Русалии и бог Симаргл-переплут. — «Сов. археология», 1967, № 2.

гопольский уезд, Олонецкая губ. (собрание автора); 19 — конец полотенца. Первая половина XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (собрание автора); 20 — оплечье женской рубахи. XIX в. Архангельская губ. (Музей народного искусства); 21 — кайма простыни. Фрагмент. XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (Каргопольский краеведческий музей); 22 — кайма простыни. Фрагмент. XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (Каргопольский краеведческий музей); 23 — конец полотенца. Фрагмент. Первая половина XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губ. (собрание автора); 24 — конец полотенца. 1880-е годы. Вышневолоцкий уезд, Тверская губ. (Г. С. Маслова. Указ. раб., рис. 78, а); 25 — женский головной убор. Фрагмент. XIX в. Русский Север. (Там же, рис. 76); 26 — подзор. Фрагмент. Конец XIX в. Пудожский уезд, Олонецкая губ. (Музей Московского текстильного института); 27 — оплечье женской рубахи. Фрагмент верхней части. XIX в. (О. Бубнова. Указ. раб., рис. XX).

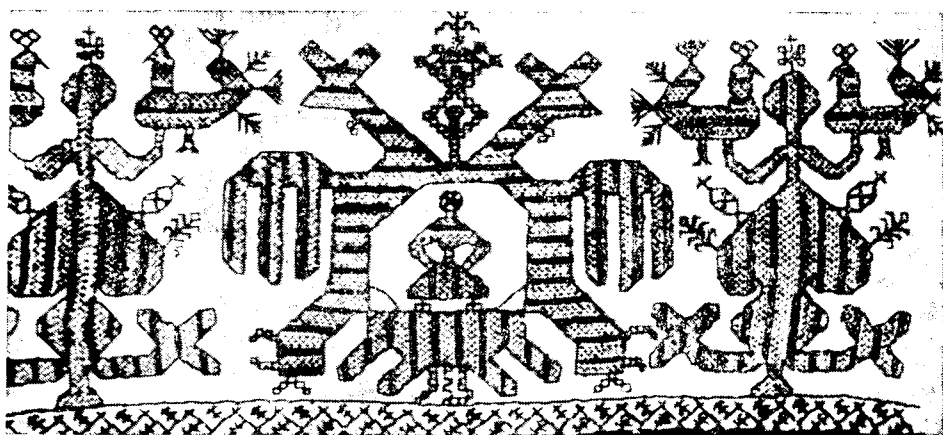


Рис. 6. Конец полотенца. XIX в. Кологривский уезд, Костромская губ. (фото из архива Г. С. Масловой).

по всей длине однородных элементов орнамента. Двуглавый орел, сокол или петух расположены в центре композиции, по обе стороны от них — справа и слева — павы, за ними женские фигуры или заменяющие их деревца; замыкают композицию звери-охранители. Об этом свидетельствуют вышивка на старинном подвесе к образам из собрания Н. Л. Шабельской, опубликованная в альбоме «Выставка старинного и нового шитья и женских рукоделий» (М., 1891), и в известной мере фрагмент строчкового подзора конца XIX в. (рис. 5, 26). В ряде узоров паву-птицу заменяют «конь-огонь» или «колень-золотые рога», которые также олицетворяют свет, солнце и огонь. Все эти персонажи известны и русскому фольклору.

Археологические памятники глубокой древности и средневековья дают большое число параллелей к образам русской народной вышивки, тем самым помогая выявить их генезис и, возможно, единое смысловое значение. В XIX в. ее образы находили аналогии в болгарском ювелирном (см. рис. 4, 1—3) и литовском прикладном искусстве (рис. 4, 9). В XX в. образы русской народной вышивки сохраняются в каргопольской глиняной игрушке (рис. 4, 21).

Наряду с художественными образами вышивки следует рассмотреть и ее цветовое решение, и технику исполнения, так как в архаическом изобразительном искусстве все было подчинено единому замыслу творца.

Наиболее древнее сочетание в двусторонней монохромной вышивке — белый и красный цвета: серебристая льняная холстина и красная нить узора. В средневековой цветовой символике, в частности в вышивке, красный цвет означал огонь и мужское начало, белый — воду (а в нашем случае, по-видимому, землю) и вообще женское начало.

По мерцающей серебром материи стежок за стежком строго по горизонтали (утку), по вертикали (основе) или по диагонали ткани создавала вышивальщица силуэт рисунка. Чаще всего она пользовалась старыми образцами или сколками, сохраняя так иконографию древних образов. Контур обводился двусторонним, одинаково видимым с лица и с изнанки швом, лишенным всего второстепенного. Чем старше узор, тем он лаконичнее.

Второй этап создания узора — внутреннее заполнение контуров прямой сеткой, в ячейках которой в шахматном порядке вышивались прямые кресты. Элементы, имеющие диагональное построение, выполнялись косыми и зубчатыми линиями, состоящими из «полукрестов». В более поздних вышивках прямую сетку заменил набор из «глухих»

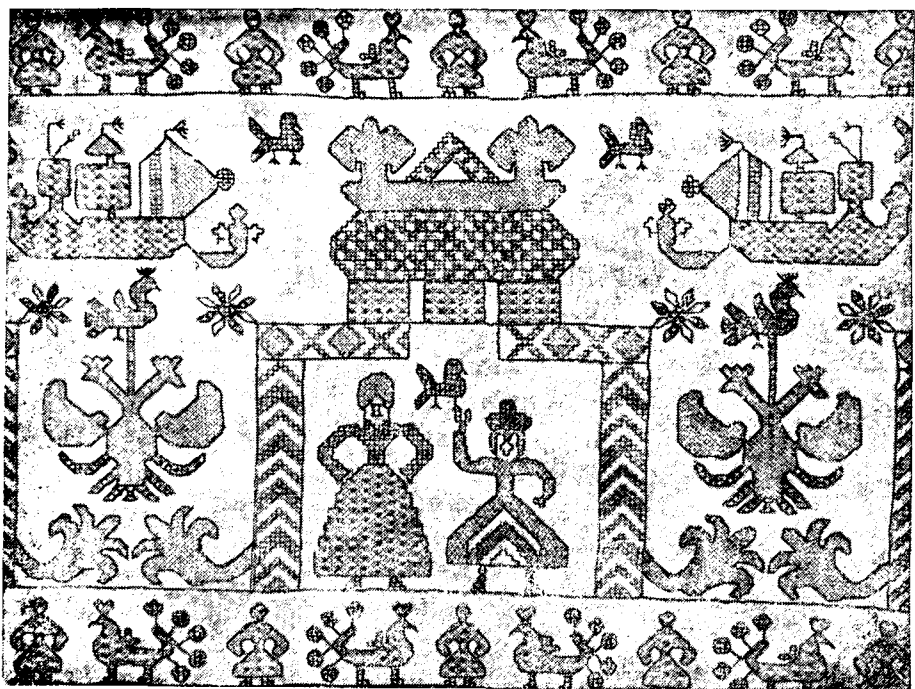


Рис. 7. Фрагмент подзора. XIX в. Олонецкая губ. (Музей народного искусства).

крестов, квадратиков, прямоугольников и других геометрических фигур³⁹ (рис. 3, б, 7).

У русской архаичной вышивки есть характерная особенность: свободной гладью и гладью с настилом фигуры здесь не вышиваются, поверхность их напоминает решетку сита, ячейки которой в шахматном порядке часто заполняются крестами — символами солнца и огня⁴⁰.

И в то же время архаичная вышивка ни в символике своей, ни в цветовом решении не допускала отступления от реальности и точно воспроизводила представления средневекового человека о мире и силах природы. Отмечая этот принцип народного творчества, А. А. Потебня писал: «Мифический образ — не выдумка, не сознательно-произвольная комбинация имевшихся в голове данных, а такое их сочетание, которое казалось наиболее верным действительности»⁴¹.

Вместе с разрушением аграрной обрядности постепенно забывается и архаическое содержание образов вышивки. На первое место выступает уже ее декоративная функция. Приход в деревню восточного тамбурного шва с совершенно иным принципом построения узоров, не зависящих от структуры ткани, окончательно разрушает древние образы русской народной вышивки.

Какие же причины кроме самой традиции удерживали иконографию образов народной вышивки на протяжении ряда столетий?

Подавляющее большинство рассмотренных нами узоров сохранилось в северорусских губерниях, в том числе в Олонецкой⁴². По всей вероятности, это связано с социально-экономическими причинами, в

³⁹ См.: Г. С. Маслова. Указ. раб., с. 46, рис. 11.

⁴⁰ В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. — «Сов. археология», 1960, № 4.

⁴¹ А. А. Потебня. О доле и сродных с нею существах. — А. А. Потебня «О некоторых символах в славянской народной поэзии». Харьков, 1914, с. 203.

⁴² Г. С. Маслова. Указ. раб., с. 180, 181 и вклейка между ними.

том числе и с характером земледелия данного региона, в частности, с особенностями сельского хозяйства Северного края. Попытаемся разобраться в этом на примере бывшей Олонецкой губернии.

Здесь бытовали две системы полеводства: подсечно-переложная и трехпольная. Площадь подсек занимала $\frac{1}{5}$ всех пашен и по уездам распределялась неравномерно, составляя: в Каргопольском и Вытегорском уездах 14,4—15,1%, в Пудожском — 48,0%, а в Олонецком — 67,5%⁴³.

Было замечено, что в Олонецкой губернии урожаи зерновых культур на подсеках несколько выше, чем на полях. Так, по данным текущей статистики, урожай ячменя был выше на 9%, а овса — на 17%. Рожь на полях давала урожай «сам 6,1», а на «огневой» земле — «сам 6,5»⁴⁴. Большинство подсек — 68,2% засевалось лишь один год, и только 24% — два года подряд⁴⁵.

Можно предположить, что в данном регионе издавна существовала прямая связь между широким бытованием узоров с двуглавой птицей (огонь небесный) и женской фигурой (мать-земля) и сохранением старой подсечно-переложной системы земледелия. Именно здесь, на Севере, образное народное представление об огне, дающем плодородие крестьянским нивам, подкреплялось практикой⁴⁶, а сама вышивка, как и процесс вышивания, имела еще и известное обрядовое значение. Вышивали преимущественно девушки и лишь в определенное время года — весной, до начала полевых работ. На первой неделе поста они начинали ткать «портна» (холсты) и пестрядь, потом «забирали» узоры, а затем начинали вышивать⁴⁷. Процесс вышивания функционально, очевидно, был близок к аграрным обрядовым действиям. Возможно вышивание выполняло ту же роль, что и заклинание.

Итак, в рассмотренных узорах, на наш взгляд, изображена земля, преобразженная, оплодотворенная небесным огнем. В них, как нам кажется, отразилось древнее народное представление о связи плодородия земли и всего живущего на ней с небесным огнем. Вспомним, что на интересующих нас вышивках петух часто изображается с открытым ртом, т. е. поющим. Пение же небесного петуха вызывает на небо солнце (огненный круг), пробуждающее природу от сна и дающее жизнь земле.

Сейчас трудно сказать, когда в народе стало забываться исконное смысловое значение узоров и образов вышивки архаического типа. Ясно только, что забвение их и магической роли вышивки, как и аграрных обрядов, происходило неравномерно, и на Севере, в частности в Олонецкой губ., могло несколько задержаться.

⁴³ «Олонецкая губерния. Статистический справочник». Петрозаводск, 1913, с. 189.

⁴⁴ Там же, с. 210. По сведениям правительственных агрономов Астафьева и Целинского, обследовавших в середине XIX века состояние сельского хозяйства севера России, урожай зерновых хлебов на подсеках были около «сам 10», а в некоторых случаях «сам 30» и более (Ф. И. Резников. К истории земледелия Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний второй трети XIX века. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР». Северный археологический сборник, в. 1. Вологда, 1970, с. 338).

⁴⁵ Там же, с. 192.

⁴⁶ Отголоски этого представления слышатся и в «Калевале»: Вайнямейнен валит лес, огнем, принесенным орлом с неба, зажигает подсеку и на распаханном поле сажает зерна ячменя:

«И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя,
Ветер с севера примчался
И другой летит с востока,
Обратил в золу он рощи,
В темный дым леса густые...»

«Калевала». — «Библиотека всемирной литературы», т. 12. М., 1977, с. 50.

⁴⁷ Письменное сообщение А. А. Савиновой (1913 г. рожд.), проживающей в с. Гарь Каргопольского р-на Архангельской обл., (5 июня 1978 г.). Так, полотенце, хранящееся у А. Е. Титовой (г. Каргополь), имеет точную дату изготовления «1892 года 15 марта».

Т. К. Шафрановская, Б. Н. Комиссаров

**МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ПОЛИНЕЗИИ
В ДНЕВНИКЕ Е. Е. ЛЕВЕНШТЕРНА**

Вклад участников первого русского кругосветного плавания (1803—1806 гг.) в мировую этнографическую науку широко известен. В трудах исследователей используются описания, статьи, записки, дневники, донесения, письма командиров «Надежды» и «Невы» И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, лейтенантов М. И. Ратманова и Ф. И. Ромберга, мичмана В. Н. Берха, натуралистов Г. И. Лангсдорфа и В.-Г. Тилезиуса фон Тиленау, комиссионеров и приказчиков Российско-Американской компании Ф. И. Шемелина и Н. И. Коробицына, иеромонаха Гедеона, главы русского посольства в Японию камергера Н. П. Резанова, членов посольства надворного советника Ф. Фоссе и майора Е. Фридрици. Большой интерес представляют также рисунки Лангсдорфа, Тилезиуса и астронома И.-К. Горнера. Некоторые из упомянутых источников вошли в научный оборот еще в прошлом веке, другие — в 40—60-х годах нашего века, третьи — результат находок последних лет.

Комплекс источников, оставленных первыми русскими кругосветными мореплавателями, может быть пополнен еще одной незаслуженно забытой рукописью — дневником лейтенанта Германа Густава (Ермолая Ермолаевича) фон Левенштерна, служившего на «Надежде». Дневник составляет четыре тетради размером $19,3 \times 29,3$ см., в которых насчитывается 655 листов (с оборотом). Рукопись входит в состав личного фонда «Крузенштерны», хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (г. Тарту)¹. Левенштерн писал по-немецки и пользовался готическим письмом. Его почерк труден для чтения и весьма убогист. Неполная машинописная копия дневника составила 968 страниц².

Сведения о Е. Е. Левенштерне в литературе очень скупы. Основные источники информации о мореплавателе — его послужные списки³ и обширный дневник. Профессиональный моряк, офицер школы Крузенштерна, Левенштерн отдал русскому флоту около четверти века. Он родился в 1778 г. в Ревеле. Пятнадцати лет, в 1793 г., Левенштерн начал морскую службу, спустя три года был произведен в мичманы, плавал в Балтийском и Северном морях, побывал на Сицилии, в Неаполе, на о. Корфу, крейсировал у берегов Африки. В 1801 г. Левенштерн по болезни вышел в отставку, но в марте 1803 г. вернулся на службу и принял участие в первом русском кругосветном плавании. В мае 1804 г. он был произведен в лейтенанты. По возвращении в 1806 г. из плавания

¹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 1—4.

² Государственный исторический музей Эстонской ССР (далее — ГИМЭ) в г. Таллине, ф. 225, оп. 1, д. 14, 20, 21, 24, 25.

³ «Общий морской список», ч. IV. СПб., 1890, с. 223—224; ГИМЭ, ф. 79, оп. 1, д. 1, л. 46—47 об.

Левенштерн стал капитан-лейтенантом, служил в Архангельске, затем на Черноморском флоте и вышел в отставку в январе 1816 г. в чине капитана второго ранга. Левенштерн был женат на дочери ландрата фон Эссена и имел трех сыновей и трех дочерей. Дата смерти мореплавателя пока не выяснена. Известно, что в 1828 г. он жил в Ревельском уезде Эстляндской губернии на своей мызе Расиик.

Дневник Левенштерна охватывает всю его службу, но большая часть рукописи посвящена кругосветному плаванию. Это, несомненно, наиболее подробный из всех известных ныне дневников участников путешествия на «Надежде» и «Неве». Левенштерн делал записи ежедневно, scrupulously описывая все, что вызывало его интерес. «Я вел его только для себя», — замечал о своем дневнике мореплаватель⁴. Он был также превосходным рисовальщиком. На страницах дневника более 200 рисунков, выполненных акварелью и пером.

Небольшие отрывки из дневника Левенштерна периода его пребывания на Камчатке встречаются в статье исследователя биографии И. Ф. Крузенштерна Л. В. Илляшевича, опубликованной в 1877 г. «Дневник лейтенанта Левенштерна, написанный по-немецки, представляет громадный том, — отмечал этот автор, — Он хранится у старшей дочери покойного Левенштерна, живущей в Ревеле»⁵. В советской научной литературе дневник мореплавателя был впервые упомянут В. В. Невским⁶, который узнал о нем из статьи Илляшевича, но ошибочно адресовал читателя к работе другого дореволюционного исследователя биографии И. Ф. Крузенштерна А. С. Сгибнева⁷. В 1968 г. дневник Левенштерна был упомянут как источник по истории Бразилии, которую участники первого русского кругосветного плавания посетили в декабре 1803 — январе 1804 г.⁸ И все же рукопись Левенштерна продолжала оставаться почти неизвестной. В 1969 г. был опубликован путеводитель по Центральному государственному историческому архиву ЭССР, однако в описании фонда «Крузенштерны» не содержалось даже упоминания о ней⁹. В 1975 г. дневник был использован как источник при написании биографии Г. И. Лангсдорфа¹⁰, в 1977 г. историко-ведческому исследованию были подвергнуты записи Левенштерна, сделанные в Бразилии¹¹.

Дневник Е. Е. Левенштерна содержит ценные историко-этнографические материалы о многих странах и районах мира, которые он посетил. Большой научный интерес представляют части дневника, посвященные Тихоокеанскому региону, особенно Полинезии и Японии. Полинезийские заметки, сделанные, в частности, на о. Нуку-Хива, содержат немало новых деталей и подробностей этнографического характера. Записи японского периода (октябрь 1804 — апрель 1805 г.) во многом уникальны. Они являются подробнейшим из не предназначавшихся для печати источников по истории посольства Н. П. Резанова в Японию. Ценность этих записей увеличивает и другое важное обстоятельство. Левенштерн вел дневник на борту «Надежды», стоявшей в Нагасаки. Среди спутников мореплавателя наиболее обстоятельные сведения о Японии опубликовал Г. И. Лангсдорф¹², но он с начала декабря 1805 г. вместе с по-

⁴ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 51.

⁵ Л. Илляшевич. Иван Федорович Крузенштерн. — «Сборник морских статей и рассказов. Ежемесячное прибавление морской газеты „Яхта“». СПб., 1877, ноябрь, с. 454.

⁶ В. В. Невский. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951, с. 152.

⁷ А. Сгибнев. Резанов и Крузенштерн. — «Древняя и новая Россия», 1877, № 4.

⁸ «Научные связи Прибалтики в XVIII—XIX веках. Материалы VII Прибалтийской конференции по истории науки». Рига, 1968, с. 157.

⁹ «Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР. Путеводитель». Москва — Тарту, 1969, с. 260—261.

¹⁰ Б. Н. Комиссаров. Григорий Иванович Лангсдорф. 1774—1852. Л., 1975, с. 17—34.

¹¹ Б. Н. Комиссаров. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977, с. 6—19.

¹² G. H. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807, Bd I. Frankfurt am Main, 1812, S. 197—299.

сольством Резанова находился в специальной резиденции, в селении Мегасаки. Таким образом, оригинальность наблюдений Левенштерна, сопоставимых по объему и значимости лишь со свидетельствами Лангсдорфа, определяется самим местом ведения дневника. Данная статья посвящена полинезийским записям Левенштерна. Обширная японская часть дневника требует специального исследования.

Процесс колонизации и исследования многочисленных островных территорий Полинезии шел неравномерно. Так, Гавайские острова, открытые в 1778 г. Дж. Куком, к началу XIX в. были вовлечены в орбиту мирового хозяйства, стали объектом экспансии английских и особенно североамериканских торговцев, эксплуатировавших и грабивших их население. Между тем многие архипелаги в начале прошлого века были почти не изучены. К их числу относились и Маркизские острова, хотя часть их была открыта еще в 1595 г. испанцем А. Менданьей де Нейрой. Тогда стали известны острова Фату-Хива, Мотане, Хива-оа, Тахуата. Почти два столетия спустя, в апреле 1791 г., американец Д. Ингреэм открыл северную группу Маркизских островов — Уа-Пу, Уа-Хука, Нуку-Хива, Моту-Оа, Эиао и Хатугу. В июне того же года эти острова посетил француз Э. Маршан.

Среди важнейших источников по этнографии Маркизских островов XVI—XVIII вв. следует назвать описания главного кормчего экспедиции Менданьи П. Ф. де Кироза, Дж. Кука, Г. Форстера, Р. Форстера, Э. Маршана, а также Дж. Уилсона, побывавшего на архипелаге в 1797 г. Из источников о населении Маркизских островов, относящихся к началу XIX в., важнейшими признаются материалы первой русской кругосветной экспедиции¹³. Ее корабли посетили остров Нуку-Хива в 1804 г. «Надежда» подошла к нему 7 мая, «Нева» — спустя три дня. 17 мая корабли пошли к Гавайским островам. 8 июня они достигли юго-восточного побережья острова Гавайи, несколько дней дрейфовали близ него, а затем разошлись. «Нева» 11 июня стала на якорь в бухте Кеалакекуа на западном побережье острова, 19—20 июня находилась у о. Кауаи, а оттуда отправилась в Новоархангельск. «Надежда» 12 июня взяла курс на Камчатку.

До посещения Нуку-Хивы Левенштерн знал о Маркизских островах немного. В его дневнике есть упоминание лишь о книге Дж. Уилсона, содержащей описание этого архипелага¹⁴. Сведения о населении Нуку-Хивы мореплавателю, как и ряд его спутников, собрал благодаря личным наблюдениям и общению с двумя поселившимися на острове европейцами — англичанином Эдуардом Робертсом и французом Жаном Батистом Кабри. «Мы были немало удивлены, когда увидели среди дикарей голого татуированного англичанина, — писал Левенштерн в день прибытия. — Он живет на этом острове уже семь лет. Первым делом он взялся быть у нас лоцманом. Он был стюардом на одном английском корабле, где матросы подняли бунт. Они хотели его убить, но он проявил осторожность и решил остаться среди дикарей»¹⁵. «Француз — совершеннейший дикарь, — шутливо замечал мореплавателю о Кабри, — только его отвратительный характер и немногие французские площадные песни, которые он помнит, показывают, что он, вероятно, все же является французом»¹⁶.

Следует отметить, что времени для наблюдений в глубине острова у Левенштерна было меньше, чем у лиц, не входивших в экипаж корабля, — Лангсдорфа, Тилезиуса, Резанова, Шемелина. Служба требовала непрерывной и нелегкой работы. «На обратном пути некоторые высказали

¹³ Я. М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966, с. 209—213.

¹⁴ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 77 об.; J. Wilson. A Missionary Voyage to the Southern Pacific Ocean, performed in the years 1796, 97, 98 in the ship Duff. London, 1799.

¹⁵ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 77.

¹⁶ Там же, л. 90.

желание пройти пешком,— писал Левенштерн после одной из поездок на берег.— Лисянский был против, но Тилезиус и Лангсдорф решились пойти пешком. Я с удовольствием пошел бы с ними, но так как я был при баркасе, то и возвращаться должен был с баркасом»¹⁷. В другом месте читаем: «У меня было мало времени, поэтому мой список [слов языка островитян — *Т. Ш., Б. К.*] короток. Зато другие господа собрали больше слов»¹⁸.

Однако именно эта занятость помогла мореплавателю сделать много ценных наблюдений. Заготовка воды и дров близ побережья постоянно сталкивала Левенштерна с островитянами. Он познакомился с местным вождем (в дневнике — королем) по имени Катенуа, его братом Таматаи, сыном Омаи, «верховным жрецом» Доватиа, «возжигателем огня при вожде» Мухау. «Каждый день у нас работа на берегу. Сегодня в мои обязанности входило наполнение бочек водой и рубка дров, поэтому я смог отдохнуть только после захода солнца,— писал Левенштерн 9 мая.— Утром я поспешил на берег, чтобы начать работу до того, как соберутся дикари, но не прошло и часа, как я был ими окружен. У некоторых из них были пращи, копья, дубины... Дикари, помогавшие нам набирать воду, делали это так усердно и проворно, что были просто неоценимы. Прибой был столь силен, что подвести баркас близко к берегу оказалось невозможным. Поэтому мы наполняли маленькие бочки и предоставляли дикарям доставлять их на баркас. Мы не могли пронести бочки через полосу прибоя с такой же ловкостью, как они. По окончании работы я с шестью вооруженными матросами сел в баркас. Тут поднялся страшный шум. Каждый в награду за работу должен был получить кусок старого железа, но норовил схватить по два куска. Их королевское величество удостоило меня своим посещением,— продолжал мореплаватель.— Его брат и родственники не считали для себя унижением помогать набирать воду. Они также помогали сплавлять на баркас срубленные стволы. Я выменял некоторые украшения и мелочи. Народ добродушен и услужлив. Только какой-то малый подошел к одному из моих людей (тщедушному матросу) и сделал вид, что хочет ударить его кулаком. При рубке дров они были гораздо почтительнее, так как сильные удары наших топоров вызывали у них удивление. Один малый взвалил на плечо бревно и сделал вид, что хочет уронить его на одного из наших людей. Матрос тут же поскользнулся и упал. Эта сцена вызвала общий смех дикарей. Я взял топор и сделал вид, что хочу разрубить бревно... на плече [островитянина.— *Т. Ш., Б. К.*]. Теперь смех относился уже к дикарю и не стихал, пока он нес тяжесть до баркаса. Самым трудным всегда было делить между ними нарубленные из старого обруча куски железа, служившие поденной платой. Все дикари толпились вокруг баркаса, хватались за него, пытались его удержать, так что мне пришлось хлопать их по пальцам. И все это для того, чтобы в неразберихе получить не один, а два куска железа»¹⁹.

Иногда Левенштерну удавалось успокоить неугомонных островитян, только напугав их. «Сегодня, когда наполняли водой бочки, я распорядился, чтобы на баркасе выстрелили из фальконета и тем самым покончили с назойливостью дикарей,— записал он 13 мая.— При выстреле вся толпа упала на колени от страха. Они поднялись, когда я указал на особенно надоедливых, засмеялись и побежали за виновниками, мчавшимися со скоростью стрелы. Они очень почитают *puhi*»²⁰.

Левенштерн не только непосредственно и подробно, как никто из его спутников, описал участие островитян в корабельных работах, но и пери-

¹⁷ Там же, л. 87 об.

¹⁸ Там же, л. 92.

¹⁹ Там же, л. 79—79 об.

²⁰ В наиболее полном словаре языка жителей Нуку-Хивы, составленном Г. И. Лангсдорфом, это слово транскрибировано: *pu* — ружье (*G. H. Langsdorff. Указ. раб., с. 154*).

петии обменной торговли, само понятие которой, по замечанию мореплавателя, «здесь только зарождалось»²¹. «После обеда Катенуа (король) привез капитану пудинг из плодов хлебного дерева и кокосовых орехов,— писал он 10 мая.— Нам это кушанье понравилось, несмотря на предубеждение. Его королевское высочество было очень раздосадовано Робертом (так зовут англичанина) [имеется в виду Робертс, служивший переводчиком.— *Т. Ш., Б. К.*], потому что хотело иметь ножницы, но не получило их. Мы все время требуем свиней, дикари их не доставляют, а ножницы король хотел получить за свой пудинг... Дикари совсем не хотят брать куски железа,— писал на следующий день Левенштерн,— так как за украшения из раковин и т. д. они получили ножи, ножницы и т. д. [их дал островитянам Резанов, стремясь пополнить этнографические коллекции.— *Т. Ш., Б. К.*]. Вообще они спрашивают tohi (топор)²², но топоры они получают только за свиней, поэтому наша торговля почти прекратилась»²³.

12 мая обмен с островитянами едва не привел к трагическим последствиям. Мореплаватель так описал этот эпизод: «Мы наполнили водой бочки. Кажется, нам придется отправляться в дальнейшее путешествие без свиней и с незначительным запасом кокосовых орехов и плодов хлебного дерева. Сегодня Катенуа прибыл на корабль с куском материи и свиньей. Крузенштерн в это время обедал и попросил короля через француза немного подождать. Но ожидание показалось тому слишком долгим. Дикари же, находившиеся в каноэ, потеряли всякое терпение и поплыли назад. Я доложил об этом капитану, который тут же вышел на палубу. Король, все еще находившийся на корабле, послал дикаря вернуть каноэ. Однако дикари из каноэ не послушались, и король отправился на берег в нашей лодке. Мы не ожидали никаких неприятностей. Между тем люди, прибывшие в каноэ на берег без короля, и малый, который должен был их вернуть, распространили слух, что Катенуа остался на корабле и его арестовали.

Народ сразу же схватился за оружие. Дикари с пращами, дубинами и копьями в руках подпрыгивали и ударяли один о другой камни, которые тоже держали в руках. Это был боевой сигнал. Баркас с „Невы“ находился у берега: наполняли водой бочки. На баркасе были один офицер и не больше шести матросов. Дикари хотели убить англичанина Роберта, бывшего тут же. Офицер с „Невы“ пришел в сильное замешательство. К счастью, прибыл король, и его присутствие снова восстановило покой. Возбуждение было все же слишком сильным и сразу улеглось не могло. Баркас должен был вернуться. Случившееся свидетельствовало, что с этими детьми природы следует обращаться очень осторожно. Мы подозреваем, что причина этого происшествия — ненависть между французом и англичанином»²⁴. «Причиной вчерашнего шума был француз», — записал Левенштерн 13 мая²⁵.

Иногда при обмене случались и курьезы. «Приплыл дикарь, — читаем мы в дневнике. — На шее у него в виде украшения было привязано что-то белое. Мориц [Коцебу.— *Т. Ш., Б. К.*] принял это за зуб и дал за него дикарю иглу для сшивания мешков. Как только торг был закончен, дикарь разразился громким смехом и не без причины. Мориц купил очищенный банан, который дикарь нацепил на шею, чтобы обмануть. Вволю нахохотавшись, дикарь снова подплыл к кораблю. Он был настолько честен, что вернул иглу, но ее ему подарили»²⁶.

²¹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 85 об.

²² В словаре Г. И. Лангсдорфа — toki. *Г. И. Langsdorff. Указ. раб.*, с. 154.

²³ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 83—83 об.

²⁴ Там же, л. 83 об., 85.

²⁵ Там же, л. 85.

²⁶ Там же, л. 83 об.

Островитяне нередко посещали «Надежду» и без особых причин, из любопытства. «На ночь у нас на корабле остался Мухау,— писал Левенштерн 9 мая.— Мы покормили его. Поведение этого человека было так естественно и наивно, что мы скорее могли удивляться, чем смеяться над ним. Все наши кушания он ел, пользуясь ножом и вилкой, чему научился от нас, но когда очередь дошла до кокосового ореха, не знал, как ему быть. Только мы дали ему понять, что он может очистить орех своим способом, он тут же кулаком разбил его, сорвал зубами волокна, согнутым указательным пальцем пробил в орехе круглую дырку, выпил сок и разломал орех, держа руки между колен. Все это было сделано в одно мгновение»²⁷. Русские мореплаватели часто приходили на помощь островитянам. «Дикарям особенно нравится наш кузнечный горн,— рассказывает автор дневника.— Кузнец²⁸ всегда что-нибудь для них делает. Король может часами смотреть на эту работу, особенно если принес для пичинки старый топор»²⁹.

Физическое совершенство островитян поразило Левенштерна. «Каждого дикаря можно сравнить с Аполлоном Бельведерским»,— писал он³⁰. Это замечание оказалось удивительно точным. Лангсдорф произвел антропологическое измерение Мухау, а Тилезиус по возвращении передал эти данные выдающемуся естествоиспытателю и антропологу, геттингенскому профессору И. Блуменбаху, который установил, что результаты измерений нукухивца и Аполлона Бельведерского во многом совпадали³¹. «Дикари мастерски лазают,— писал Левенштерн.— У них сильные, развитые ноги. Так как они всегда ходят босиком, пальцы ног подвижны. Благодаря этому они пользуются ногами, как руками. На высокие кокосовые пальмы они забираются так, словно поднимаются по лестницам. Иногда, чтобы побудить их подняться на борт, мы бросали веревку. Они хватались за нее рукой и ногой и в одно мгновение оказывались на корабле, как будто им спускали лестницу. Мухау битый час висел у борта корабля, держась рукой и пальцами ноги за веревку. При этом он помогал нам торговать, платил, принимал кокосовые орехи и плоды хлебного дерева»³².

«Дикари прекрасно плавают,— отмечал мореплаватель.— Одному из них, находившемуся в воде, я бросил кусок железа, но промахнулся. Дикарь мгновенно нырнул и, тут же появившись на поверхности, показал, что в руках у него ничего нет. Я кинул ему второй кусок, тогда он поднял из воды ногу и оказалось, что первый кусок он все же поймал и держит между пальцами ноги»³³.

В дневнике Левенштерна мы находим сведения о пище, жилищах, лодках, утвари, оружии, украшениях, свадебных обрядах, татуировке островитян, но они менее подробны, чем у авторов других дошедших до нас источников, например у Лангсдорфа, Крузенштерна, Лисянского. Эти сведения могут служить для проверки и уточнения уже известных деталей, касающихся быта и материальной культуры нукухивцев. Записи же, посвященные общественному устройству и религиозным представлениям жителей острова, представляют самостоятельный интерес.

Обращаясь к понятию «табу», Левенштерн отмечал, что различалось табу частное и как бы общественное. Частное табу мог накладывать каждый обладавший собственностью, общественное — только жрецы. Последние, по наблюдениям мореплавателя, выделялись среди островитян не только украшениями из перьев, но и дерзкой манерой поведения.

²⁷ Там же, л. 83.

²⁸ Имеется в виду корабельный кузнец и слесарь Михаил Звягин.

²⁹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 90.

³⁰ Там же, л. 77.

³¹ G. H. Langsdorff. Указ. раб., с. 92—93.

³² ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 94.

³³ Там же, л. 96.

При помощи табу регулировались отношения между жителями Нуку-Хивы. На табу покоилась система общественных отличий и рангов. Островитяне верили в то, что не соблюдающий табу должен умереть. Нарушитель частного табу рисковал быть убитым на месте. Считалось также, что дух того места, где было нарушено табу, защищая свои права, найдет на нарушителя болезни. Умышленно нарушивший общественное табу мог быть убит, изгнан или отдан в рабство. Стать «человеком табу» чужеземец мог только в том случае, если долго и неистово прыгал, выкрикивая имя местного вождя. Считалось, что после этого дух вождя нисходит на такого человека и защищает его. Робертс и Кабри, опасаясь быть убитыми, стали «людьми табу» для обитателей разных частей острова, хотя, как видно из приведенных выше записей, временами их положение бывало далеко не безопасным. Табу можно было наложить и на войны между племенами. Левенштерн писал, что после женитьбы старшего сына Катенуа на дочери вождя соседнего племени военные столкновения между этими племенами, несмотря на воинственность островитян, были запрещены. Обычаем табу пользовались и русские мореплаватели. Чтобы к вечеру нукухивцы покинули «Надежду», они ставили корабль под защиту табу, объявляя об этом пушечным выстрелом.

Вожди и их родственники были предметом культа. Так, дочь Катенуа считалась божеством, а после ее смерти дух ее должен был, по представлениям нукухивцев, стать хранителем острова. Духом-хранителем дома считался его умерший обитатель. Левенштерн подметил, что во время еды нукухивец каждый раз выбрасывал часть пищи, приговаривая: «И тебе что-то, мой дух-хранитель». Островитяне верили, что душа находится в желудке.

Писал Левенштерн и о бытовавшем среди нукухивцев каннибализме. «Из-за засухи или войны здесь часто бывает голод. Тогда они пожирают друг друга... Женщин и детей пожирают первыми», — читаем мы в дневнике³⁴. «То, что островитяне едят мясо своих врагов — истинная правда, — отмечал мореплаватель. — Череп и волосы они хранят как трофеи. Мы купили много таких черепов»³⁵.

Записи, касающиеся Нуку-Хивы, Левенштерн делал и в период плавания «Надежды» к Гавайским островам. Может быть, это произошло из-за Кабри, случайно ставшего спутником мореплавателей. «Француз очень поздно приплыл на корабль, а сегодня рано утром пропустил время, когда можно было вернуться на берег вплавь, — писал Левенштерн 18 мая. — Теперь, хочет он того или нет, он должен плыть с нами. Дать ему лодку было уже нельзя, мы находились далеко от берега. Мы предложили ему доску, но он не отважился пуститься на ней в плавание, потому что боялся акул, которые могли проглотить его по дороге. Итак, он остался у нас»³⁶.

Сведения по этнографии Гавайских островов, содержащиеся в материалах участников первого русского кругосветного плавания, весьма ценны и разнообразны. Особое значение имеют данные, собранные Лисянским, Коробицыным, иеромонахом Гедеоном и Берхом, путешествовавшими на «Неве»³⁷. Однако отдельные интересные наблюдения сумели

³⁴ Там же, л. 90 об.

³⁵ Там же, л. 97.

³⁶ Там же, л. 94. Интересна дальнейшая судьба Кабри. Он был оставлен на Камчатке, сухим путем добрался до Петербурга, танцевал на сцене петербургских и московских театров, преподавал плавание в Морском кадетском корпусе. В начале 10-х годов прошлого века он жил в Кронштадте. «Его слушаешь, как барона Мюнхаузена», — писал о Кабри Г. И. Лангсдорф, встречавший его в Петербурге и поместивший в приложении к описанию своего путешествия гравированный портрет этого француза, выполненный художником А. П. Орловским. См. «Kupfer zu G. H. Langsdorff's Bemerkungen», Bd I. Frankfurt am Main, 1812, № VI.

³⁷ Д. Д. Тумаркин. Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов. — «Сов. этнография», 1978, № 5, с. 68—84.

сделать и мореплаватели с «Надежды». Записи Левенштерна дополняют известные материалы о гавайцах. «Я взял дикарей с Нуку-Хивы как мерило для сравнения с обитателями Сандвичевых [Гавайских.— *Т. III, Б. К.*] островов»,— писал он³⁸. Это сопоставление было явно не в пользу последних. Процесс колонизации Гавайев шел полным ходом. На острове были занесены болезни, губительно сказывавшиеся на здоровье их коренных жителей. Левенштерн подметил и характерные изменения в быте и нравах гавайцев, связанные с усилившейся экспансией колонизаторов. Вот отрывки из записей мореплавателя, сделанных 8, 9 и 11 июня: «Подошло 10 лодок. Нам привезли поросенка, полдюжины кокосовых орехов и разные мелочи. Кожа у здешних людей мерзостного цвета, телосложение тщедушное, все они грубы и почти у каждого не хватает двух передних зубов. У многих были открытые раны. Джону (*Ж. Б. Кабри.— Т. III, Б. К.*) все это так не понравилось, что он не захотел здесь оставаться и решил плыть с нами дальше. Изделия этих островитян лучше, чем дикарей с Нуку-Хивы. Веревки, привезенные ими, были лучше, чем наши лаглины³⁹... Материя прочнее и более пестро окрашена, чем на Нуку-Хиве. Дикари привезли также красивую девушку, которую предлагали купить. Она была несравнима с жительницами Маркизских островов... Все здешние дикари могут сказать несколько слов по-английски»,— записал Левенштерн на следующий день.— С большой свиньей была доставлена девушка, которая спросила нас, как мы поживаем (*How do you do?*) и еще нечто подобное... Жители Сандвичевых островов тоже покрыты татуировкой, но ее узоры расположены неравномерно. В татуировке большей частью встречаются фигуры животных, таких, как ящерицы, козы, рыбы и т. д.»⁴⁰.

Дневниковые записи Левенштерна, по своему обыкновению, иллюстрировал собственными рисунками, являющимися оригинальным и ценным этнографическим источником. На рисунках изображены ландшафты Нуку-Хивы, жители острова за разными занятиями, их жилища и украшения, есть также чертеж лодки. Из этих рисунков девять — акварели, три выполнены пером⁴¹. Левенштерн выполнил акварелью и рисунок лодки гавайцев⁴².

Изучение полинезийских записей Е. Е. Левенштерна и сопоставление их с уже известными материалами его спутников со всей очевидностью показывают ценность дневника мореплавателя для исследования этнографии этого района мира. Дневник Е. Е. Левенштерна, несомненно, достоин публикации и не только в части, касающейся Полинезии.

³⁸ ЦГИАЭ. ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 99.

³⁹ Лагльинь — тонкий пенковый трос, предназначенный для буксировки лага — инструмента, с помощью которого определяли скорость судна.

⁴⁰ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 99—100.

⁴¹ Там же, л. 76, 78, 80—82, 84, 86, 88, 89, 91, 93, 95.

⁴² Там же, л. 98.

Н. Н. Миштушкин

ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ НАРОДОВ ВАНУАТУ*

Фестивали искусств, проводимые на различных островах, становятся в Океании доброй традицией. При этом нужно различать общеокеанийские фестивали, которые организуются каждые четыре года, и региональные, островные. Начало первым было положено в 1972 г. на Фиджи. Фиджийский фестиваль, в котором участвовало около 2 тыс. человек со всех островов и архипелагов Океании, состоялся в столице этой страны г. Суве. Он прошел на высоком уровне и стал свидетельством того, что океанийцы сохранили многие черты своей самобытной культуры.

Второй тихоокеанский фестиваль состоялся в 1976 г. в г. Роторуа (Новая Зеландия). Однако он был менее красочным и в значительной мере носил рекламный характер.

Осенью 1980 г. в Папуа Новой Гвинее был проведен третий фестиваль океанийского искусства. На него были приглашены участники из всех стран Океании, причем делегации с островов Общества, Уоллис, Футуны и Новой Каледонии были гораздо более представительны, чем на фиджийском фестивале.

Важную роль в культурном возрождении народов Океании играют региональные фестивали. В 1975 г. в г. Нумеа (Новая Каледония) с большим успехом прошел праздник «Меланезия-2000». На нем были представлены традиционные песни и танцы, изделия мастеров прикладного искусства и даже показана пьеса. В ней рассказывалось о жизни коренных жителей до открытия Новой Каледонии европейцами, затем изображалось прибытие первых мореплавателей и миссионеров, а также появление на острове иностранных колонистов. В этом празднике широко участвовали меланезийцы Новой Каледонии, но, к сожалению, не было гостей с других островов Океании.

Вскоре после новокаледонского фестиваля состоялся фестиваль танца на Таити. На него были приглашены танцевальные группы из Индонезии, но не было участников с островов Меланезии.

Наконец, накануне получения независимости Новыми Гебридами с 1 по 8 декабря 1979 г. в столице этой страны г. Виле прошел фестиваль новогеебридского искусства. В нем участвовало более 2 тыс. человек. Они съехались со всех концов страны — от островов Торрес и Банкс на севере до острова Анейтьюм на юге. Многие впервые приехали в столицу архипелага или даже впервые покинули свой остров. Участники фестиваля разместились в школах, во временных поселках, специально построенных для этой цели, а также в близлежащих деревнях.

Необходимо подчеркнуть не только общий успех прошедшего фестиваля, но и его во многом импровизационный характер, простоту и есте-

* Автор этого очерка, французский художник Н. Н. Миштушкин, живет на о-вах Новые Гебриды (Республика Вануату). О его деятельности см.: Л. А. Иванова. Выставка «Этнография и искусство Океании». — «Сов. этнография», 1980, № 3, с. 148—156. — *Ред.*



Рис. 1. Участники процессии с о-ва Малекула — малые намбасы. Все фотографии выполнены Н. Н. Мишушкиным

ственность поведения его участников. Это не был заранее отрепетированный показ приготовленных номеров, будь то танцы, песни или изготовление циновок. Нет, это была демонстрация мастерства, накопленного поколениями, отточенного до совершенства постоянным воспроизведением, касалось ли это строительства домов или танца, приготовления кавы или плетения циновок. Как писал в местной газете один из организаторов фестиваля, островитяне «не делали ничего для спектакля фольклорного или танцевального, они выражали себя так же естественно, как у себя дома на острове. Они хотели поделиться тем, что происходит в мужском доме, когда они собираются вместе, чтобы распить каву».

Фестиваль открылся 1 декабря процессией его участников. Шествие началось у здания почты, декорированного в свое время Алоисом Пилиоко, и двинулось в сторону центра города по главной улице Вилы. Процессия делилась на группы, каждая из которых состояла из жителей одного острова, одного племени или одной деревни. Каждая группа несла свои музыкальные инструменты: барабаны, погремушки, сигнальные раковины *бубу*. Раскраска, украшения и одежда были традиционными для данной группы. Так, жители Малекулы (рис. 1) — малые намбасы шествовали в своих традиционных фаллокриптах, с нагрудными украшениями из двух клыков кабана на обнаженной груди, с цветами гибискуса за ушами; у многих волосы были окрашены охрой в рыжий цвет.

В руках участников шествия было оружие — палицы, копья, луки со стрелами и т. д. Некоторые несли традиционные маски для обрядов юношеской инициации. Представители о. Пентекост были украшены искусно сплетенными циновками, прикрепленными к поясам. А у жителей Уаларано — маленького островка, расположенного рядом с о. Малекула, — спины были раскрашены желтыми пятнами, обведенными красной краской. На запястьях у некоторых были браслеты, в руках — оружие.



Рис. 2. Мастер вырезает фигуру томате. Острова Банкс.



Рис. 3. Модель лодки. Острова Банкс

Один из уаларанцев нес традиционный съёмный нос лодки в виде птицы-фрегата, раскрашенный в зеленый и красный цвета. Мужчины с о. Тонгоа были в плетеных набедренных циновках, низ которых расщеплялся на волокна, на плечи были наброшены сплетенные из растительных волокон накидки. Не менее живописно выглядели представители других островов — Аоба, Маево, Мере Лава и др., одетые традиционно, украшенные ожерельями из раковин, с петушиными перьями в волосах. Все украшения, одежды, маски, носы лодок были специально изготовлены для фестиваля, как, впрочем, это обычно делается для каждого праздника.

Шествие замыкали женщины и дети. Многие женщины были в лубяных юбках и кофтах из привозной ткани, и только у представительниц Пентекоста и Маево верхняя половина тела была по традиции открытой. Дети, лоб и грудь которых были раскрашены белой краской, как и женщины, шли в венках из цветов и древесных волокон.

Все участники фестиваля собрались около культурного центра, расположенного на берегу моря. Здесь, на площади, была заранее воздвигнута трибуна для членов правительства и почетных гостей. Она была покрыта своеобразной крышей из горизонтально положенных циновок. На трибуне разместились премьер-министр Уолтер Лини, председатель парламента, мэр Вилы и другие официальные лица, а также *малфату маору* — представители старейшин со всего архипелага. Фестиваль открыл премьер-министр, приветствовавший собравшихся и пожелавший им всяческих успехов. Затем выступили председатель оргкомитета Годвин Лиго и другие лица, после чего между участниками фестиваля произошел традиционный обмен подарками (циновки, корни кавы и т. п.). Старейшины о. Эфате приветствовали старейшин с других островов, была проведена церемония питья кавы.

День закончился танцами, в которых участвовали группы, приехавшие с различных островов. Танцы были очень живописные, порой забавные, но каждая группа танцевала с подлинным вдохновением.



Рис. 4. Способ покрытия хижин пальмовыми листьями



Рис. 5. Модель каркаса овальной хижины с Тонгоа

На следующий день, 2 декабря, во второй половине дня были показаны игры взрослых и детей. К вечеру был устроен своеобразный концерт, на котором жители различных островов демонстрировали звучание своих сигнальных инструментов: на сигнальных барабанах *атингтинг* отбивались ритмы и различная информация, из сигнальной раковины *бубу* (раковина моллюска тритона) извлекались низкие протяжные звуки. Вечер закончился выступлениями танцевальных групп с островов Торрес, Мере Лава, Маево, Амбрим, Малекула, Тонгоа, Тонгарики, Танна.

3 декабря были продемонстрированы традиционные способы приготовления еды, а также образцы кулинарного искусства жителей различ-



Рис. 6. Покрытие тростником каркаса крыши хижины с Тонгоа

ных островов. Внутри каждой мужской и женской группы соблюдалось традиционное разделение труда. Работы начинали с того, что мужчины острыми деревянными палками-копалками взрыхляли землю на 20—30 см, подготавливая таким способом яму для земляной печи. В это время другие мужчины занимались каждый своим делом: один собирал сучья для печи, другой носил камни, третий резал свинью, четвертый готовил листья для заворачивания продуктов перед тем, как положить их в печь. Все происходило так, как обычно делалось и дома. В земляных печах и на кострах запекали таро и ямс, бананы и свинину, готовили чаплап (овощи, запеченные в земляной печи). Приготовленными кушаньями присутствующие угощали друг друга и гостей фестиваля, демонстрируя при этом традиционный дежеж пищи. Пока готовилась в земляных печах еда, молодые новогвинецкие поэты читали свои стихи.

После обеда демонстрировали свое искусство флейтисты. Мелодии, исполнявшиеся на длинных губных бамбуковых флейтах, а также на флейтах Пана и носовых флейтах, носили, если так можно выразиться, светский характер (сакральные мелодии не исполнялись). Вечером островитяне с островов Мота Лава (острова Банкс), Аоба, Эспириту-Санто, Пентекост, Бунинга, Эфате, Футуна продемонстрировали свои танцы.

4 декабря участники фестиваля собрались под столетними деревьями близ церкви Св. Михаила. Мужчины, севшие отдельно от женщин, демонстрировали резьбу по дереву (рис. 2), изготавливали модели различных лодок (рис. 3), плели верши для рыбы, силки для ловли крыс и птиц, а также сооружали модели различных хижин. Были продемонстрированы модели двух видов хижин, изготовленные из стволов и ветвей свежесрубленных молодых деревьев: прямоугольные в плане с двускатной крышей (рис. 4) и овальные в плане с округлой крышей (рис. 5). Коньковая конструкция крыши также демонстрировалась в двух вариантах. Первый, когда концы конька вкладывались в развилку опорных столбов и скаты сооружались из длинных поперечных и продольных жердей, покоившихся на слегах. Другой вид коньковой крыши не имел опорных столбов, но скаты крыши также сооружались из поперечных и

продольных жердей. Конструкция связывалась в обоих случаях веревками из растительного волокна. В то время как одна группа мужчин сооружала конструкцию крыши, другая приготавливала покрытие из листьев пальмы. Узкие листья сгибали в одну сторону по центральной жилке и накладывали последовательно снизу вверх на горизонтальные жерди скатов крыши. Получалось черепицеобразное покрытие, не пропускавшее воды.

Овальная хижина с Тонгоа была сделана из стволов и ветвей молодой акации, связанных веревками из растительного волокна и покрытых связками дикого тростника (рис. 6). Кроме того, для покрытия употребляли листья дерева натангура.

Помимо строительства традиционных хижин разного вида, демонстрировались способы изготовления всевозможных ловушек для птиц, мышей, крыс, а также плетение вершей для ловли рыбы.

Женщины с разных островов показывали друг другу традиционные способы плетения циновки и их окраски, в частности жительницы о. Пентекост демонстрировали изготовление погребальной циновки, которая прокаливалась на огне в течение многих часов. Кроме циновки женщины плели корзины всевозможных форм (рис. 7), а мужчины с островов Банкс соорудили маленькую плетеную хижину для хранения плодов хлебного дерева.

Во второй половине дня на берегу моря демонстрировались способы метания копья и стрельба из лука. Здесь же изготавливали глиняные горшки без гончарного круга.

Параллельно шел показ приемов традиционной магии. Например, пустые корзинки наполнялись неизвестно откуда взявшимися плодами манго, вновь появлялась змея, проглоченная человеком. Раковина тритона без моллюска прилипала к ветке, которую нес один из участников фестиваля и т. д.

После демонстрации магических приемов вновь была проведена церемония питья кавы с объяснением значения всех ее этапов. А вечером показывали танцы жители островов Ло, Урепарара, Гауа, Эспириту-Санто, Эпи, Малекула, Эроманго, Танна.

На следующий день в парке Колардо все могли наблюдать традиционные свадебные обряды, выборы вождя деревни или племени, а также добывание огня сверлением. После этого вновь показывали игры взрослых и детей. За этим последовала демонстрация ораторского искусства, традиционных обращений младших к старшим, образцов вежливой речи.

Вечер закончился танцами жителей островов Вануа Лава, Торрес, Аоба, Эспириту-Санто, Пентекост, Паама, Анива, Анейтьюм.

6 декабря вновь показывали различные способы приготовления пищи, кавы, а также исполняли традиционные песни под аккомпанемент бамбуковых флейт. Вечером состоялись танцы жителей островов Мота, Мало и Эмаэ. Кроме того, были показаны танцы крупных инонациональных групп, проживающих на Новых Гебридах, — вьетнамцев, тонганцев, таитян и др. Эти танцы проходили в парке Колардо.

7 декабря демонстрировали звучание сигнальных барабанов и труб из раковин тритона, исполняли мелодии на носовых и губных флейтах, погремушках, знаменитых флейтах Пана. В этот день еще раз показывали приемы резьбы по дереву и плетения циновки, демонстрировали знаменитое искусство рисования пальцем на песке геометрических фигур.

Еще раз хочется подчеркнуть, что это не был спектакль, хорошо отрепетированный заранее, а все происходило так же естественно, как происходит в жизни. Женщины разместились группами в тени баньянового дерева. Одни из них плели циновки, другие — корзины, третьи готовили веревки и листья пальмы для плетения. В это же время мужчины изготавливали лодки, вырезали из дерева скульптуры, подносы и т. п. Можно с уверенностью сказать, что посторонних зрителей не было, были только

участники. Молодые осведомлялись у старших, жители одного острова знакомились с жителями других островов, перенимали их традиции. Можно было научиться и методам посадки таро, и постройке сарая для хранения продовольствия, изготовлению и установке капканов для крыс или птиц.

В эти дни в парке Колардо установился новый ритм жизни. Здесь можно было встретиться с друзьями и родственниками, давно живущими в столице. Для молодежи это было место, где она могла познакомиться не только с традициями своего острова, но и других островов.

8 декабря в центре внимания была выставка предметов, изготовленных в дни фестиваля, а также выставка традиционных изделий, привезенных со многих островов. Вечером повторились танцы, и фестиваль закончился поздно ночью. Выступившие затем официальные лица подчеркивали, что фестиваль прошел успешно и явился крупным событием в жизни Новых Гебрид.

Фестиваль закончился, но еще раз хочется пережить его хотя бы мысленно. Вспомним, что каждый день показывали до 30 и более различных танцев и, конечно, светлое воспоминание останется обо всех участниках, которые с чувством собственного достоинства, с большой гордостью делились своим жизненным опытом и достижениями своих соплеменников. Это был подлинный праздник, который способствовал укреплению единства народов Вануату — так решено именовать Новые Гебриды.

Мы с А. Пилиоко внесли свой маленький вклад в проходивший праздник, устроив выставку старинных почтовых открыток. Среди ее посетителей оказались островитяне, с которыми мы встречались 15—20 лет тому назад во время наших первых поездок, связанных с собиранием этнографических коллекций. Разглядывая почтовые открытки, посвященные Океании и выпущенные в конце прошлого — начале нашего века, многие узнавали своих предков. Так, на одной из фотографий была изображена Гарай Моли — дочь одного из старейшин с о. Аоба. В настоящее время ее внуки живут на о. Эфате, на Новой Каледонии и в Австралии. Это была удивительная встреча через поколения.

В дни работы фестиваля в Культурном центре, возглавляемом К. Хофманом, открылась выставка старинных фотографий, отпечатанных с негативов, найденных в США. Снимки были сделаны на Новых Гебридах 70—80 лет тому назад. Эта выставка имела такой же эффект, что и наша, ибо люди порой узнавали на фотографиях своих дедов.

«Случилось Нечто, и политические лидеры, и старейшины, и ответственные лица, и участники фестиваля почувствовали, что Новые Гебриды пережили необычную неделю», — писала в те дни выходящая в Виле газета «Набанга». Прошедший с огромным успехом праздник стал показателем того, что, несмотря на все различия, жители Вануату составляют определенную общность и гордятся этим. Следующий фестиваль искусств состоится в этой стране в 1982 г.



Рис. 7. Женщина, плетущая корзину, с о. Пентекост



ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. Н. Соломоник

КУКОЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВОСТОКА И СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР

На первый взгляд может показаться, что между традиционными кукольными представлениями Востока и спектаклями современных кукольных театров Запада мало общего. Но стоит только повнимательнее присмотреться к этим двум феноменам, «полистать их историю», — и за внешней несхожестью обнаруживаются очень существенные внутренние связи. С одной стороны, Восток оказал значительное влияние на формирование «языка» современного искусства кукол, с другой — он испытывает сейчас сильное обратное воздействие Запада.

В этой статье я остановлюсь главным образом на влиянии традиционного восточного театра на современный и прослежу его в способах управления куклой и способах показа представлений. Кроме того, я коснусь также темы последующих преобразований заимствованного материала.

Один из главных элементов кукольного спектакля — *кукла*. Ее устройство, механика управления ею определяют всю систему выразительных средств представления, все его художественные приемы — техника театра неизбежно, необходимо влияет на его художественный язык.

В современном театре при всем разнообразии кукольных постановок, их стилей, приемов, драматургии довольно легко выделить несколько основных типов кукол. К ним относятся в первую очередь тростевая кукла (жесты которой создаются тростями, прикрепленными к ее рукам), кукла, управляемая нитями («марионетка» по терминологии русских народных кукольников), перчаточная кукла, кукла на палке. И если мы посмотрим на эти типы кукол с исторической точки зрения, то обнаружим, что почти все они пришли к нам из традиционного театра и, как полагают многие специалисты, берут свое начало на Востоке¹. Некоторые из них попали в Европу и Россию, вероятно, в далеком прошлом, другие — сравнительно недавно. О пути первых истории строят лишь гипотезы, связи с современным театром вторых прослеживаются иногда очень ясно. Больше всего внимания привлекали вопросы происхождения перчаточной куклы и марионетки. Не излагая высказанные гипотезы, отмечу только, что аргументация в пользу восточных корней этих кукол выглядит достаточно убедительной.

¹ См.: S. Lévi. Le théâtre indien. Paris, 1890; R. Pischel. The home of the puppet play. London, 1902; О. Цехновицер. История народного кукольного театра в Азии и Европе. — О. Цехновицер, И. Еремин. Театр Петрушки. М. — Л., 1927; С. Образцов. Театр китайского народа. М., 1957; М. Кадыров. Узбекский традиционный театр кукол. Ташкент, 1979, и др.

Немного позже будет рассказано, как пришла в современный театр тростевая кукла. Проблематичнее всего связь с Востоком куклы на палке. Этот простейший тип куклы был известен и восточному, и европейскому народному театру. В Иране крупные куклы на палках изображали персонажи мистерии о гибели Хусейна — внука Магомета², а во многих областях Восточной Европы часто носили по праздникам кукол-животных, разыгрывая с ними комические сценки. В Белоруссии, например, носили Журавля: «На высокой палке делается птичья голова; к палке привешивается широкий мех или взятая в складки простыня, под которыми скрывается парень. Журавль пляшет, длинным клювом долбит зрителей и всячески смешит их»³.

К такому же типу относится и маленькая кукла на стержне, предназначенная для домашних рождественских представлений польской «шопки», украинского «вертепа», белорусской «батлейки». Восточную параллель к ним составляют, очевидно, куклы из новогодних представлений в буддийских монастырях Тибета. Их описания встречаются в записках французского миссионера Юка⁴, в работе немецкого востоковеда Э. Шефера⁵, а недавно дополнительные сведения о них сообщил мне специалист по тибетскому искусству Г. Дагъяб (родившийся в Тибете, окончивший там ламаистский университет, а сейчас работающий в ФРГ).

Сюжеты этих представлений были связаны с новогодними обычаями, а действующими лицами выступали буддийские монахи — ламы. Несмотря на большие морозы, достигающие зимой в Тибете 30—40 градусов, кукольный театрик сооружали у входа в храм, прямо под открытым небом. Главной особенностью тибетских кукол на палке был материал, из которого их изготовляли: небольшие скульптуры (около 30 см) лепили из свежего сливочного масла и затем раскрашивали разными красками. Юк восхищался мастерством и артистичностью лепки, тонкостью отделки мельчайших деталей — можно было даже определить национальность персонажа по чертам лица, фактуру ткани в его одежде. По словам Шефера, одни кукольные ламы изображались играющими на музыкальных инструментах, другие — с священными предметами ламаистского культа в руках и т. д.

Эти представления показывали только раз в году. В знаменитом монастыре Кунбум они были составной частью большого религиозного праздника, устраиваемого на 15-ю ночь первой луны (Новый год отмечается в Тибете по лунному календарю). Каждый раз кукол делали заново. Их число было очень велико (Юк пишет, что кукольные ламы выходили на сцену «вереницами»), и монастырские скульпторы выступали к изготовлению комплекта масляных персонажей задолго до торжественной ночи. Целыми днями работали они на холоде, а чтобы тепло пальцев не портило тончайших рельефов лепки, постоянно опускали руки в чаши с ледяной водой. Это был, как отмечает Юк, мучительный труд, калечивший пальцы монахов и причинявший им большие страдания.

Ни Шефер, ни Юк не описывают технического устройства театра, но по рисунку и объяснениям Г. Дагъяба можно понять, что он представлял собой конструкцию из деревянных рам, обтянутых кожами, напоминающую немного ширму китайских кукольников для представ-

² Иранских кукол на палке можно видеть в музее Государственного центрального театра кукол (ГЦТК). Они были вывезены из Ирана в начале этого века цирковым артистом Д. Лонго.

³ Е. Романов, Белорусский сборник, в. 8 — Быт белоруса. Вильна, 1912, с. 111—112.

⁴ Нус. *Souvenir d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846*, t. 2. Paris, 1850, p. 100—101.

⁵ E. Schäfer. *Fest der weissen Schleier*. München, 1954, S. 184.

лений перчаточной куклы (только, вероятно, больших размеров). Кожи украшались цветным рельефным орнаментом из того же сливочного масла. В верхней передней части оставлялось прямоугольное отверстие — место действия кукол. Очевидно, оно находилось выше голов кукловодов, работавших внутри и скрытых от глаз зрителей кожаной ширмой. Сцену освещали масляные светильники; их колеблющееся на ветру пламя оживляло кукол, возмещая до некоторой степени скульптурную застылость поз, отсутствие движений рук и головы.

Современный театр унаследовал куклу на палке от европейских народных представлений. Вполне возможно, что этот простейший тип куклы возник независимо в разных частях света, хотя не исключено, что между европейской и восточной куклой на палке тоже существует какая-то генетическая связь.

Но если связь с Востоком современной куклы на палке остается пока неясной, то цепочка фактов, соединяющая традиционную восточную тростевую куклу с современной, выстраивается очень определенно. И поскольку этому вопросу до сих пор не было уделено специального внимания, я остановлюсь на нем подробней.

Тростевая кукла очень прочно вошла в практику советских театров. Сложилось мнение, что она родилась в одном из первых советских театров кукол — в театре художников Н. Я. и И. С. Ефимовых. Однако это не совсем точно. Ефимовы действительно были первыми, кто начал у нас работать с тростевыми куклами, но такие куклы были известны с древних времен театру кукол Азии. И если сопоставить некоторые факты, то можно отчетливо проследить путь древней тростевой куклы в современный театр.

Народному театру кукол Европы этот способ управления куклой не был знаком. Восточные куклы тростевой системы стали появляться на Западе сравнительно недавно, вероятно в XIX в. Привозили их обычно европейцы, путешествовавшие по Востоку или жившие там какое-то время. Среди тростевых кукол, попадавших в Европу, преобладали яванские «ваянги» — плоские или объемные куклы, изготовленные соответственно из пергамента или дерева. Путешественников и коллекционеров они привлекали тонкостью и изяществом резьбы, а ученых — исключительной ролью театра в яванском обществе. К концу XIX в. в Западной Европе и России было уже довольно много частных и даже государственных коллекций этих фигур. У ваянгов было три трости: одна из них, стержневая, шла через весь корпус куклы, а две другие прикреплялись к ладоням фигуры для управления ее руками. Жесты рук — длинных, шарнирно соединенных в плече и локте, — казались необыкновенно красивыми и выразительными.

Первым европейским экспериментом работы с куклами, копировавшими яванских, был спектакль австрийского художника Р. Тешнера, поставленный им в 1912 г.⁶ Но этот эксперимент не оказал влияния на развитие европейской техники кукловождения — у Тешнера не нашлось последователей. И, возможно, тростевая кукла так и осталась бы коротким эпизодом в истории европейского кукольного театра, если бы ее не «открыли» независимо от Тешнера десятилетием позже Ефимовы и если бы «эстафету» тростевой куклы не принял у них Государственный центральный театр кукол, сыгравший главную роль в распространении этой техники кукловождения среди современных театров.

Ефимовы начинали работать еще до Великой Октябрьской социалистической революции, и в те времена они ничего не знали о яванских куклах. Первые их персонажи были перчаточными, сделанными по образцу кукол русских народных петрушечников. Пока у них на ширме выступал Петрушка и похожие на его традиционных партнеров герои,

⁶ F. Hadamowsky, Richard Teschner und sein Figurenspiegel. Wien — Stuttgart, 1956.

такие куклы вполне устраивали Ефимовых и даже больше — увлекали их. Но в 20-е годы Ефимовы стали расширять свой репертуар, вводя в него сказочные сюжеты, басни Крылова, современные сценки. И сразу же проявилась высокая степень привязанности перчаточных кукол к своей традиционной комедии — за пределами буффонады они казались маловыразительными, ограниченными в технических возможностях. «Они только и могут, что держать под мышкой палку и наносить ею удары», — разочарованно писала Н. Я. Ефимова⁷. Как было изобразить сказочную Бабу-Ягу, летающую на помеле, как передать басенные образы Журавля, Волка, как сделать фигуру «дедушки Крылова», который выходил на ширму, не смешной, а величавой, импозантной? Если



Рис. 1. Яванская плоская кукла представлений «ваянг пурво» (из коллекции ГЦТК)



Рис. 2. Яванские объемные куклы представлений «ваянг голек» (из коллекции ГЦТК)

учитывать, что Ефимовы были художниками реалистической школы, то легко представить их желание приблизить пропорции кукол к естественным формам людей и животных. Перчаточная кукла с коротенькими ручками-пальцами актера для этого не годилась. И вот в начале 20-х годов у Ефимовых зарождается прием, который очень близко подвел их к театру тростевой куклы. Прием этот заключается в том, что Ефимовы вынули свои пальцы из ручек (точнее — рукавов) перчаточной куклы и удлиненили руки персонажей, соразмерив их с пропорциями человека. А чтобы эти бутафорские руки не выглядели безжизненными, к кукольной ладони прикрепляли какой-нибудь предмет, нижний конец которого спускался за ширму и позволял манипулировать рукой куклы. Так «ходил», «опираясь на палку», дедушка Крылов, так «летала», держась обеими руками за метлу, Баба-Яга. Это еще не были

⁷ Н. Я. Симонович-Ефимова. Записки петрушечника. М.—Л., 1925, с. 106.

в полном смысле слова тростевые куклы: голова была насажена на палец актера, трость еще не стала чисто техническим элементом куклы, свободным от всякой смысловой нагрузки, жесты были ограничены очень узким назначением предмета, вложенного в руки персонажа. Но принцип тростевого управления жестом был «открыт». И когда Ефимовы встретили яванскую куклу — а встреча эта произвела на них огромное впечатление — восточная техника сразу же была ими освоена. «Увидела я древнюю куклу такой именно системы, только палочки,двигающие руки, по-видимому, не замаскированы их нужностью по теме. Эта... яванская кукла из позолоченного дерева, дышащая острой,



Рис. 3. Персонажи басни «Волк и журавль». Куклы Ефимовых (из коллекции ГЦТК)

странной красотой (нет, более того — силой!) сразу властно оттенила характер нашего семейства», — писала Н. Я. Ефимова в 1925 г., сравнивая яванскую куклу с куклами Крылова и Бабы-Яги⁸, а в следующем, 1926 г., в их театре появляются первые персонажи из спектакля «Макбет»⁹ — теперь уже безусловно тростевые куклы.

Таким образом, хотя трость в театре Ефимовых и была до некоторой степени спонтанным порождением, влияние восточной куклы на их творчество отрицать нельзя. Но, устанавливая эту связь между яванской и ефимовской куклой, я хочу подчеркнуть, что ефимовская тростевая кукла не была простым переносом восточной техники в свой театр. Тростевые куклы из «Макбета» — это сложный синтез собственного опыта Ефимовых и сильных впечатлений, оставленных восточными ваянками. Не изобрели Ефимовы до встречи с яванской куклой своего Крылова и Бабы-Яги, восточная техника управления, возможно, не нашла бы реального применения в их куклах. Усвоение восточной трости в данном случае было не механическим копированием, как у Тешнера, а творческим процессом, одним из характерных свойств которого является «избирательный интерес» к заимствуемому материалу, его переос-

⁸ Н. Я. Симонович-Ефимова. Указ. раб., с. 100.

⁹ А. Yefimov. Macbeth in Yefimov's puppet theatre. Moscow, 1964, p. 3 (рукопись доклада из архива Советского центра Международного союза кукольников — УНИМА).

мысление¹⁰. Это сказалось в нескольких специфических чертах, отличающих кукол Ефимовых от восточных. Во-первых, Ефимовы так и не ввели третью трость для управления головой — голова куклы осталась надетой на палец актера. Во-вторых, воспитанные на европейских традициях кукольного театра, в котором принято скрывать актера и технику управления, они не приняли откровенно обнаженных тростей яванской куклы. Н. Я. Ефимова настолько не была подготовлена к такому приему кукловождения, что пыталась объяснить видимость тростей их «нужностью по теме». В своих куклах Ефимовы тщательно прятали трости в складках одежды, а для того чтобы легче было маскировать эту технику управления, перенесли трость от кисти, где она



Рис. 4. «Леди Макбет». Кукла Ефимовых (из коллекции ГЦТК)

крепится в яванской кукле, выше к локтю. Рука ефимовской куклы стала менее гибкой, чем яванская, но трость была надежно скрыта от глаз зрителя.

Ефимовский «Макбет» произвел большое впечатление на московских кукольников, которые увидели его в 1930 г. Вскоре трости пробуют применять в нескольких советских театрах, а в 1939 г. кукла ефимовской конструкции пришла в Государственный центральный театр кукол. И здесь она испытала как бы вторую волну восточного влияния: в мастерских ГЦТК к ней возвратилась третья трость для управления головой (за этой тростью утвердился яванский термин «гапит»), а две другие спустились к запястью куклы, вернув руке широкий жест яванских прародителей¹¹. Под влиянием ГЦТК, ставшего в 40-х годах ведущим театром кукол в СССР, трость широко вошла в практику советских театров, а позднее, в послевоенные годы, и кукольников других стран.

Таким был путь древней восточной тростевой куклы в современный театр¹².

¹⁰ Б. Парникель. Трансформация и переосмысление заимствованного литературного материала. — «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада». М., 1974, с. 338.

¹¹ К этому времени в советской литературе появилось несколько работ по ваянгу, в том числе обстоятельная статья Л. А. Мерварт, подробно и точно описывающая технику управления и устройство яванских кукол (Л. Мерварт. Малайский театр. — «Восточный театр», Л., 1929).

¹² Подробнее об этом см. в моей статье «Древний прототип театра тростевой куклы» (сб. «Что же такое театр кукол?». М., 1980).

Если одним из фундаментальных элементов кукольного спектакля является *кукла*, то другим не менее важным элементом следует считать *способ показа куклы*. Способ показа тесно связан с устройством кукольной сцены, со сценическим аппаратом театра. Так, перчаточная кукла фактически неотделима от ширмы, над которой ее заставляют «ходить»; марионетка (кукла на нитях) «играет» на полу сцены, ограниченной задником, порталами, верхним коротким занавесом — арлекином; плоская тростевая кукла движется по экрану теневого театра; ближайшая ее родственница, объемная тростевая кукла, чаще всего появляется, как и перчаточная, на ширме¹³, и т. д.

Почти во всех традиционных представлениях способ показа был рассчитан на то, чтобы скрыть кукловода от глаз зрителей, создать иллюзию самостоятельной жизни куклы. Исключение составляют японская традиция «ниньгё дзёрури», где куклой на открытой площадке управляют три кукловода, тайландский и кампучийский «нанг», в котором плоские фигуры носят танцующие актеры¹⁴ и отчасти яванский кукольно-теневого театр «ваянг пурво», позволяющий зрителям-мужчинам сидеть за экраном, на стороне актера. Но в большинстве народных театров применяли или ширму, или экран, или коробку марионеточной сцены, ограниченную задником, порталами, арлекином, т. е. разные технические приспособления, прятавшие актеров и создававшие «чудо» живой куклы. Самым эффектным был, пожалуй, прием «черного кабинета», перенятый европейскими балаганными актерами у восточных фокусников. В дореволюционной России этот тип представлений проходил в балаганах следующим образом: «Небольшая сцена завешивалась черным бархатом. Она почти не освещалась, зато был ярко освещен зрительный зал. Выходил „кудесник“ в белом одеянии и начинал показывать на сцене превращение, исчезновение и появление различных предметов. Все манипуляции он проводил при помощи одетых в черные бархатные одежды помощников с черными бархатными масками на лицах. Публика их не видела. Предметы, которые должны были появляться, прикрывались бархатными ширмами. Ширма отодвигалась или убиралась, и предмет появлялся, яркий на глубоком черном фоне. Таким же образом, посредством ширмы или занавеса заставляли его исчезать. Главное в „черном кабинете“ были хорошо обученные помощники. Если все шло гладко, то получалось эффектное зрелище»¹⁵.

¹³ Скорее всего тростевая кукла связана своим происхождением с тeneвым театром и была первоначально плоской. На эту мысль наводит тот факт, что ее используют вне теневого способа показа — в виде объемной куклы — только в тех странах, где широко распространен театр теней, например в Китае, в странах Юго-Восточной Азии. Что же касается Явы, то там «вторичность» представлений, в которых работают с объемными тростевыми куклами без экрана теневого театра, не вызывает, кажется, разногласий у исследователей.

¹⁴ Тайландский «нанг яй» и кампучийский «нанг сбеак тхом» находятся почти на стыке кукольного театра и театра живых актеров. Куковод этих представлений был, как правило, профессиональным танцовщиком, и движения танца в нанге так же важны, как и большие (почти двухметровой высоты) кожаные резные панно, изображающие персонажи или целые сцены представления. См. *Dhaninivat. The Nang. Bangkok, 1954; M. Rutnin. Nang Yai. Bangkok, 1974; R. Nicolas. La théâtre d'ombres au Siam. — «Actualité de la scénographie», 1979, № 9. Genval (Belgique) (перепечатка из: «Journal of the Siam Society», v. XXI, pt. 1, Bangkok, 1927); B. Erda. Shadow images of Asia. N. Y., 1979; J. Brunet. Nang Sbek. Berlin. 1969; его же. The shadow theatre of Cambodia. — «Traditional Drama and Music of Southeast Asia». Kuala Lumpur, 1974; «Shadow plays in Cambodia». — Там же; M. Sheppard. The Khmer shadow play... — «Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society». Singapore, v. 41, 1968, pt. 1.*

На русском языке самые общие сведения о кампучийском и тайландском нанге см.: И. Марунова. Древний театр кхмеров. М., 1980; Е. Иванова. Театр теней в Таиланде. — «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии». Л., 1967; описание нескольких фигур нанг сбеак см.: И. Косиков. Кхмерский театр теней. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXIX, Л., 1973).

¹⁵ Д. Альперов. На арене старого цирка. М., 1936, с. 178.



Рис. 5. Прием открытого управления куклой в японском традиционном театре Бунраку

Современный театр кукол унаследовал от традиционного почти все его способы показа. Наши спектакли перчаточной, тростевой куклы, куклы на палке идут обычно на скрывающей актера ширме. Перешел в современный театр и теневой способ показа (т. е. движение силуэтов плоских кукол на экране). Сохранился в основном сценический аппарат и обусловленные им приемы театра марионеток: и в наши дни актер этого типа театра чаще всего работает на помосте, с высоты которого управляет куклами (или стоит за задником), а спускающийся перед ним короткий занавес скрывает его от публики. Очень прочно усвоен современными кукольниками и прием «черного кабинета». Но в последние десятилетия самое сильное влияние на современный театр оказал японский способ открытого кукловождения. Многие кукольники знали о нем и раньше — в любой хорошей библиотеке по кукольному театру можно найти переведенную на французский язык и выдержавшую три довоенных издания монографию японского исследователя Цунао Миядзимы¹⁶. Однако недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. Только гастроли в послевоенные годы японских трупп, работающих в традиции «ниньгё дзёрури» (главным образом театра Бунраку), по странам Европы и Северной Америки «всколыхнули умы и сердца» наших кукольников, дали импульс новому направлению в способах показа кукольного спектакля.

Вот несколько примеров, иллюстрирующих, как непосредственные контакты с восточными кукольными традициями сказывались на развитии приемов современного театра. Эти примеры не исключение. Они типичны для процесса развития современного театра кукол, и я оставаюсь на них только потому, что они связаны с моим личным опытом.

¹⁶ Tsunao Miyajima. Contribution à l'étude du théâtre Japonais de poupées. 3-ème éd. Paris, 1931.

В 1958 г. в Москву приезжала группа крестьян с японского острова Авадзи. На этом острове до второй половины XX в. сохранилась почти нетронутой старинная кукольная традиция «ниньгё дзёруи»¹⁷. Крестьяне с острова Авадзи — потомственные профессиональные кукольники, но в нашем веке, особенно во второй его половине, их кукольная деятельность приобрела сезонный характер. Жить на доходы от кукольной профессии стало невозможно, и японские актеры зарабатывают главным образом крестьянским трудом, а спектакли играют лишь в свободное от сельскохозяйственных работ время.¹⁸

В Москве театр «Авадзи» показал фрагменты из традиционных представлений «ниньгё дзёруи». Художественный прием этой традиции поразил советских кукольников неожиданными возможностями, перевернул многие их представления о «языке» кукольного искусства. Вскоре эти сильные впечатления приобрели конкретную форму. На сцене Государственного центрального театра кукол появился новый спектакль — «Божественная комедия». В нем были использованы привычные уже для советских кукольников тростевые куклы, но ширма, обычно скрывавшая кукловодов, почти исчезла — она сократилась до небольшой полукруглой декорации в центре сцены и прятала актеров, ведущих кукол, только частично и только в тех мизансценах, где актеры стояли в самой ее середине. Подчеркивая открытый прием управления куклой, главных кукловодов одели в фиолетовые комбинезоны с капюшонами на головах и негустой вуалью на лице, не скрывающей черт и мимики, а лишь смягчающей белизну лица. Вся сценическая коробка и все сценическое оборудование, кроме полукруглой выгородки — «земли», были затянуты черным бархатом. В черных бархатных костюмах, масках и перчатках работали помощники главных кукловодов и практически были не видны. Если сравнить это решение спектакля с японским способом показа, где действие идет на фоне ярких декораций и каждой куклой совершенно открыто управляют три человека (помощники одеты в черные длинные балахоны с капюшонами на головах, главный кукловод работает с открытой головой и в парадном кимоно), то здесь мы снова можем наблюдать «избирательный интерес» к заимствуемому материалу, творческую его переработку, возникновение новой формы спектакля как синтеза двух столкнувшихся традиций (к 60-м годам в ГЦТК уже безусловно сложились своя традиция, свое отношение к кукольному искусству, свои принципы постановки кукольного спектакля).

В последующие годы прием открытого показа применяется европейскими и советскими кукольниками все чаще и свободней. Иногда он сочетается с маскировкой актера-кукловода, т. е. с использованием небольших выгородок или переносных декораций, за которые актер временами прячет свое тело, но чаще всего — встречается в «чистом виде», без применения камуфлирующих одежд и декораций-ширм.

Второй пример — из истории современного театра кукол Франции. Он связан с другим древним восточным способом показа — с теневым

¹⁷ Литература об этом типе кукольного театра на японском и европейских языках очень обширна. На русском языке см.: *Н. Конрад*. Японский театр. — «Восточный театр». Л., 1929; *Л. Гришелева*. Театр современной Японии. М., 1977; *К. Гагеман*. Игры народов, в. II — Япония. Л., 1925; *К. Симонов*. Рассказы о японском искусстве. М., 1958; *Тикамацу Мондзаемон*. Драматические поэмы (пер. с яп. В. Марковой). М., 1968; «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М. — Л., 1965, с. 928—929, и др.

¹⁸ Это явление можно считать общим почти для всех сохранившихся еще традиционных театров. В таких же условиях работают и потомственные индийские кукольники из Кералы, и народные марионетчики Бангладеш, приезжавшие в 1979 г. в Ташкент на Международный фестиваль театров кукол стран Азии (о чем они мне сами рассказывали), и малайские даланги из Келантана (см. *A. Sweeney*. Malay shadow puppets. London, 1972, p. 17).



Рис. 6. Применение открытого приема кукловождения в театре Ростова-на-Дону

изображением персонажей на экране. О восточных корнях европейских теневых представлений говорит бытующее на западе их название—«китайские тени». Но этот тип театра не получил широкого распространения в западных странах, не проник в глубины европейской культуры, не стал «народным». Однако периодически теневые театры в Европе все-таки возникали, и как разновидность кукольного театра, его художественных приемов вошли в современное искусство кукол. Пример и будет относиться к возникновению одного из современных теневых театров.

Около десяти лет назад в Париже были организованы гастроли традиционного теневого театра острова Бали (Индонезия). Балийские ваянги, отличаясь от яванских, может быть, менее утонченным рисунком резьбы, в такой же степени подвижны и выразительны на экране. В их «сражениях», как и в яванских, «сыплются пинки и тумак, ставятся подножки, одни герои прибегают к оружию, другие пускают в ход зубы»; там можно увидеть великана, который силится перекусить героя пополам, подымает его, трясет, швыряет на землю. Можно видеть героя, пронзенного крисом,— он падает, катается по земле и потом на глазах у зрителей умирает¹⁹.

Среди зрителей был студент Жан-Пьер Леско, который кончал в то время парижскую Академию изящных искусств и собирался стать преподавателем рисования. Его очень интересовали народные картинки, привлекали лаконизм, выразительность жестов и поз изображаемых на них фигур. Народные картинки («лез имаж д'Эпиналь», как их называют во Франции по месту печатания) были выбраны им темой для дип-

¹⁹ Я должна оговориться: описание относится к яванскому ваянгу. Но поскольку на экране балийского театра происходит то же самое и поскольку, к сожалению, балийскому ваянгу в литературе меньше повезло, чем яванскому, я решилась привести впечатления чешского писателя Норберта Фрида, позволяющие, как мне кажется, хорошо представить, какое это захватывающее зрелище (*Н. Фрид. С куклами к экватору. М., 1962, с. 176*).

ломной работы. Встреча с балийским ваянгом изменила все жизненные планы Леско. Он не стал учителем рисования — он создал теневой театр, который сейчас считается одним из ведущих кукольных театров Франции.

Стиль кукол Леско, репертуар его театра не имеет ничего общего с древним балийским ваянгом, но тип театра, теневой способ изображения действия, родился от прямого контакта с ним. Известную роль сыграла и подготовленность Леско к встрече с балийским ваянгом. Занятия народным рисунком, накопленная в этой области эрудиция, острый глаз художника — все это сделал Леско более восприимчивым к «подвижной графике» балийского народа, чем остальных парижских зрителей. Здесь нельзя не вспомнить очень верное замечание о том, что «эффект взаимодействия зависит не столько от влияния, сколько от восприятия»²⁰. Аналогичное явление я попыталась описать, говоря об усвоении Ефимовыми техники яванских ваянгов. Те же «психологические» причины действовали, вероятно, и при столкновении ГЦТК с японской традицией: в тот момент театр напряженно искал новые формы выражения, испытывал «усталость» от натуралистически-имитационного стиля, который лежал в основе его постановок в 40—50-е годы.

Однако, уделяя столько внимания теме «встреч» современного театра с традиционным восточным, я вовсе не хотела бы создать впечатление, что считаю прямые контакты единственным и самым главным фактором, определяющим процесс развития. Я просто стремилась подчеркнуть, что они обязательно, необходимо вплетаются в сложный процесс развития любого вида искусства.

В настоящее время наблюдается очень интенсивное обратное влияние современного западного театра кукол на восточный традиционный. В связи с этим, вероятно, стоит остановиться немного подробнее на некоторых традиционных восточных приемах, заимствованных современным театром, и проследить, как они трансформируются и в каком новом виде возвращаются на свою родину. Кроме того, наблюдая процессы, протекающие в современном театре, мы можем до некоторой степени представить эволюцию «языка» искусства кукол и в прошлом. Здесь важно только учитывать, что в современном театре процессы протекают как бы с «космической скоростью» по сравнению с традиционными представлениями: то, что сегодня свершается в годы, в истории театра кукол растягивалось на века. Результатом такой эволюции, как мне кажется, было появление объемной тростевой куклы, о чем уже говорилось выше, или смешанных по технике управления форм, что мы наблюдаем, например, в бенгальских куклах на палках: к их рукам часто приделывают веревки или трости для создания жеста²¹ и т. д.

Трансформация тростевой куклы. Трансформация тростевой куклы шла главным образом по пути усложнения ее тростей, их дополнительной механизации. Примеры предельно усложненной тростевой куклы дает «Необыкновенный концерт» ГЦТК, где трости снабжены системой рычагов и тяжей, позволяющих демонстрировать очень сложные трюки: куклы могут играть на рояле, на виолончели, открывать рты, глаза, вытягивать шеи, хлопать ресницами, наливать в бокалы вино и т. д. Такого типа куклы все чаще появляются на Востоке. Я знаю, например, нескольких индийских кукольников, которые, вернувшись до-

²⁰ Ю. В. Маретин. Индийские влияния и проблема самобытности индонезийской культуры. — «Малайско-индонезийские исследования». М., 1977, с. 53.

²¹ Их описание см.: М. Contractor. Rod puppets of Bengal. — «Marg», v. XXI, № 3. Bombay, 1968, p. 16; С. Маретина. «Рамаяна» в бенгальском кукольном театре. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXI, М. — Л., 1963, с. 252—266; Ф. А. Тринич. Бенгалцы. — «Народы Южной Азии» (серия «Народы Мира. Этнографические очерки»). М., 1963, с. 451 (в очерке использованы материалы В. М. Горячева).

мой после годичной стажировки в Советском Союзе (в ГЦТК), начали выступать с номерами, сделанными по подобию «Необыкновенного концерта».

Мелькнули такого типа куклы и на Ташкентском фестивале в виде «музыкантов», играющих на разных инструментах (в спектакле кукольников Бангладеш).

Трансформация перчаточной куклы. Зона распространения перчаточной куклы тянулась длинной полосой через всю Азию, не затрагивая лишь стран юго-восточной ее части, от Японии, Монголии, Китая, через Среднюю Азию и Иран, захватывала Индию и уходила в Россию и Европу. В настоящее время она сохранилась главным образом в Японии, Советском Союзе, странах Европы и Северной Америки²², но все реже и реже встречается в своей традиционной форме — в виде трехпалой перчатки (маскирующей руку актера и в то же время изображающей платье куклы) с пришитой к ней маленькой, пропорциональной ручкам (т. е. пальцам актера), головкой.

Поиски современных кукольников шли в разных направлениях. Одни из них, сняв с руки платье-перчатку, оставляли на указательном пальце головку, как это сделал, например, С. В. Образцов в эстрадном номере «Мы сидели с тобой» (романс с куклами на музыку Чайковского). Другие заменили широкую трехпалую перчатку обыкновенной пятипалой, плотно облегающей кисть и пальцы актера. Разрушив иллюзию костюма, они перестали быть связанными законами пропорций человеческого тела и укрупнили размер головы. С такой трансформацией перчаточной куклы я встретила, например, в одном из последних спектаклей Ереванского театра кукол «Непобедимый петух». Третьи вообще сняли с пальцев головку и стали работать руками в цветных перчатках, изображая ими или персонажи, или какие-либо предметы (особенно много увлекались этим приемом в 60-е годы). Дальнейшим развитием приема «живой руки» можно считать комбинирование руки актера — в перчатке или без перчатки — с куклой, т. е. изображение персонажа куклой с живыми руками. Этот прием очень часто используется современными кукольниками, а на фестивале в Ташкенте я заметила, как он начинается «перетекать» на Восток: в программе народных кукольников из Бангладеш после традиционного марионеточного представления был показан дополнительный (уже упомянутый мною) «экспериментальный» номер — около марионеточной сцены поставили ширму, на которой рядом с механизированными тростевыми куклами — «музыкантами» появилась кукла с живыми руками — «дирижер».

Трансформация ширмы. В народном театре ширма чаще всего была связана с уличными представлениями перчаточной куклы и поэтому была рассчитана на то, чтобы спрятать со всех сторон одного актера, работающего внутри нее²³. Наиболее ранняя, известная нам форма ширмы — юбка, поднятая сверху над головой кукольника и прячущая таким образом его торс, лицо и руки. Держалась такая ширма с помощью внутренних распорок. В XVII—XVIII вв. подобная конструкция встречалась в Китае, Иране, России²⁴. К XIX в. в России она преобразо-

²² В 50-х годах театр перчаточной куклы функционировал и в Китае (С. Образцов. Указ. раб., с. 250—265); есть сведения о том, что изредка перчаточная кукла еще встречается на юге Индии (M. Contractor. Glove puppets of India.—«Marg», v. XXI, № 3. Bombay, 1968, p. 17—19) и на Тайване (M. Malkin. Traditional and folk puppets of the world. New York—London, 1977, ill., p. 66—67).

²³ Лишь в Таиланде ширма сочетается с тростевыми куклами и, вероятно, в Китае, откуда, как полагают, этот тип представлений проник в Таиланд («Thai Bamboo Puppet». Bangkok, 1979; J. Tilakasiri. The Puppet theatre of Asia. [Ceylon] [п. п., п. д.], p. 41—43).

²⁴ H. S. Rehm. Das Buch der Marionetten. Berlin, 1905, S. 70; А. Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870, с. 178—179, 545; рисунок московского представления см.:

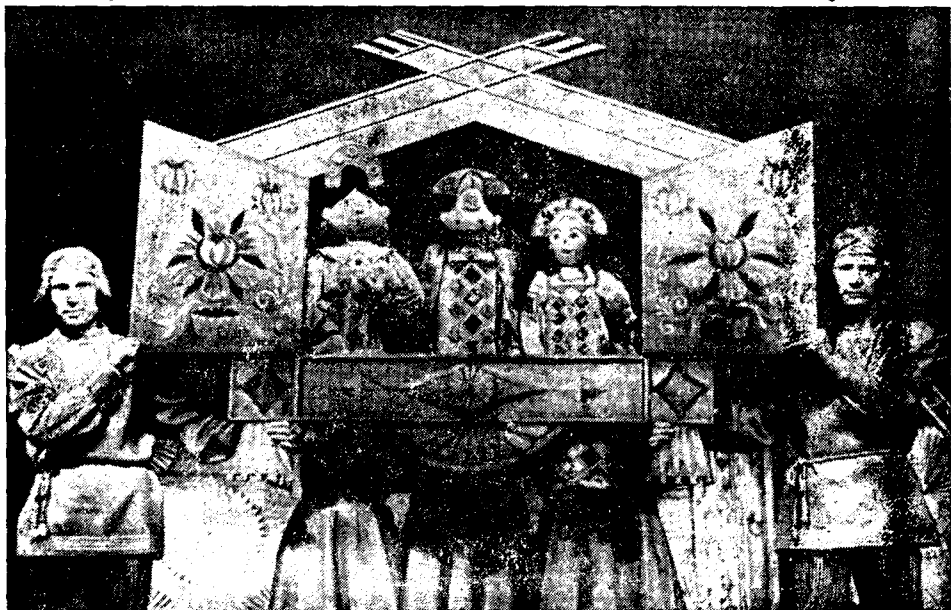


Рис. 7. Трансформация традиционной ширмы в одном из спектаклей ГЦТК

валась в четырехугольную выгородку, которую ставили прямо на землю, а в Средней Азии сохранила свою древнюю форму юбки до XX в.²⁵

В тех первых советских спектаклях, где актеры работали с перчаточными куклами, четыре створки петрушечной ширмы иногда трансформировались в круглую конструкцию (как, например, в спектакле ГЦТК «По щучьему велению»), но чаще ширма вытягивалась фронтально, вписываясь в сценическую коробку театрального зала. Такая ширма пока еще очень устойчиво держится во многих современных западных кукольных театрах и довольно часто начинает применяться в модернизирующихся театрах Востока.

В 60-е годы появилась тенденция разрывать ширму на небольшие выгородки-декорации. Это дало возможность свободнее использовать сценическую площадку, а, главное, сочетать действие кукол с игрой живых актеров. Стремление сделать ширму более гибкой и подвижной привело к приему «живой ширмы»: актеры в широких длинных балахонах, взявшись за руки и выстроившись в ряд, образуют «живую» подвижную загородку, легко меняющую свои очертания, направления, высоту. Кукольный герой на такой ширме может взбираться на крутые скалы, спускаться в пропасти, плыть по волнам, ехать по ухабам и т. д. Сейчас этот прием, позволяющий создавать очень выразительное, эффективное зрелище, все чаще используется театрами. Я видела несколько подобных спектаклей. Одним из первых был румынский «Звездный мальчик», показанный в 1976 г. в Москве на Международном фестивале театров кукол. Актеры в серых балахонах свободно двигались по пустой сцене, то надевая маски и превращаясь в персонажи, то изображая место или

А. Олгарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 189.

²⁵ Подлинная узбекская ширма хранится в музее ГЦТК. См. также фотографии и рисунки в следующих работах: А. Самойлович. Кукольный театр в Туркестане. Пг., Русский музей. Этнографический отдел (б. г.) (отдельная листовка); его же. Туркестанский устав рисоля цеха артистов. — «Этнографический отдел Государственного Русского музея. Материалы по этнографии», т. III, в. 2, Л., 1927; М. Гаврилов. Кукольный театр Узбекистана. Ташкент, 1928; Л. Перепелицына. Узбекский народный кукольный театр. Ташкент, 1959; М. Кадыров. Указ. раб., и др.

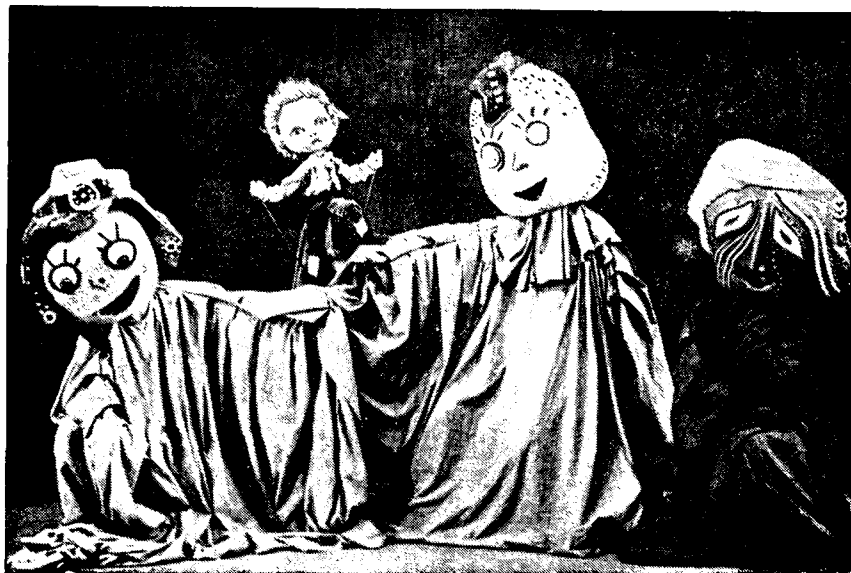


Рис. 8. «Живая ширма» в румынском театре кукол

обстоятельства действия, то просто заменяя ширму, на которой играл главный герой — кукла.

Трансформация функций живого актера. В традиционном театре публика наблюдала живого актера рядом с куклой в трех случаях:

1. Когда он выполнял техническую функцию, управляя куклой на глазах у зрителей, не будучи персонажем пьесы и принадлежа, таким образом, к плану выражения, или плану чистой формы представления. Пример формально-технической функции актера дает японская традиция «ниньгё дзёрури».

2. Когда он частично брал на себя изображение персонажа, «работая» и в плане выражения, и в плане содержания. Иначе говоря, когда образ строился на сочетании «живого» материала — актера с «неживым» — куклой. Подобное явление мы встречаем в тайландском и кампучийском нанге, а включив в искусство кукол представления масок, мы найдем там самое крайнее проявление приема: если в нанге изображение персонажа на резном панно дополняется движениями ног актера, то в театре масок «кукольная доля» сведена к одному лицу (голове), остальной образ строится на человеческом материале.

3. Когда он брал на себя функцию партнера куклы, переходя полностью в план содержания. Но партнерская функция была сравнительно узкой в народном театре в том смысле, что живой актер никогда не выходил на его сцену как самостоятельный персонаж пьесы. Партнерскую функцию выполнял обычно музыкант или рассказчик, вступавший в некоторые моменты действия в общение с куклами.

Примеры партнерской функции актера можно найти в традиционных представлениях многих стран. В одной из статей я писала, что такую переменную-партнерскую функцию выполнял шарманщик в русской кукольной комедии «Петрушка»²⁶. В народных марионеточных представлениях Индии, Средней Азии, Ирана аналогичная роль была у му-

²⁶ И. Н. Соломоник. Проблемы анализа народного театра кукол. — «Сов. этнография», 1978, № 6.

зыканта-певца, сидящего около кукольной сцены (в Иране, Узбекистане, Таджикистане он назывался «корпармон») ²⁷. В Восточной Бенгалии (на территории нынешней республики Бангладеш) этот тип представлений сохранился до наших дней, и я видела его на Ташкентском фестивале. Поскольку народные марионетки уходят из жизни, следует, вероятно, описать представление бангладешцев немного подробнее. Но прежде несколько слов о типах театра марионеток на Востоке и о месте среди них представлений кукольников из Бангладеш.

Восточные марионетки по количеству нитей и соответствующей им артикуляции отдельных частей куклы, а также по зоне распространения, можно разделить на две основные группы: куклы с большим количеством нитей (15 и больше), способные на очень сложные движения и тонкие оттенки жестов, и куклы, управляемые всего четырьмя-пятью нитями и могущие делать ограниченное число жестов, не столько имитирующих человеческие, сколько «передающих их суть». Многониточные марионетки характерны для Китая, Японии, Бирмы. В театре этого типа исполняются большие сложносюжетные драмы. В них, как правило, актер не выступает партнером куклы. Марионетки, управляемые небольшим количеством нитей, свойственны Индии, Средней Азии, Ирану. Здесь показывают обычно цирковые, танцевальные или бытовые сценки, а музыкант может вступать в общение с куклой.

Представление кукольников Бангладеш относится к этому второму типу. Оно состоит из коротеньких бытовых картинок, в которых то выезжает на норовистой лошадке наездник (лошадка всячески старается его сбросить, что ей в конце концов удается), то танцовщицы исполняют броские народные танцы (удивительно похоже воспроизводя движения бедрами и руками), то музыканты плывут в лодке, играя на национальных инструментах, то к увлеченному рыбной ловлей крестьянину подкрадывается крокодил и, разевая огромную красную пасть, заглатывает его, то бенгальский тигр сжирает неосторожного охотника, и т. д. Несмотря на «трагичность» некоторых сюжетов, все представление пропитано юмором. Действие идет на фоне живописного задника, изображающего сельский пейзаж с большой рекой. По бокам вытянутой по горизонтали сценической площадки сидят три музыканта, два слева и один, очевидно главный, справа. Они играют на флейте, барабанах и ручном органчике, а главный музыкант, помимо того, поет и разговаривает с кукольным героем. Управляет марионетками один актер, стоящий на небольшом помосте за задником, он же говорит за главного героя в «пищик».

Музыкант-певец, вступая в разговоры с кукольным героем, о чем-то с ним спорил, что-то объяснял, а иногда и «физически» вмешивался в события пьесы. Например, в представлении была сценка, в которой герой то ли «снедаемый страстью» (как русский Петрушка в сцене «Свадь-

²⁷ О театре марионеток Средней Азии и Ирана см.: *Н. Маев*. Очерки Бухарского ханства.— «Материалы для статистики Туркестанского края», в. V, СПб., 1879, с. 101; *В. Крестовский*. В гостях у эмира Бухарского. СПб., 1887, с. 143; *Н. Остроумов*. Сарты. Этнографические материалы, в. I, Ташкент, 1890, с. 48; *Е. Марков*. Россия в Средней Азии. СПб., 1901, с. 484—485; *А. Шишов*. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование, ч. I.— «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», т. XI, Ташкент, 1904, с. 456; *Н. Лыкошин*. Полжизни в Туркестане. Пг., 1916, с. 336—338; *Н. Мартинович*. Заметки о народном кукольном театре сартов.— «Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2, с. 18—23; *А. Самойлович*. Туркестанский устав рисоля цеха артистов; *М. Гаврилов*. Указ. раб.; *Н. Нурджанов*. О бухарском кукольном театре.— «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», в. 10—11, Сталинабад, 1956, с. 192—193; *Ю. Марр*. Кое-что о Пәллэван кәчәлэ и других видах народного театра в Персии.— «Иран», II, Л., 1928, с. 75—84; *Р. Галунов*. Хэймэ шаб бази.— персидский театр марионеток.— «Иран», III, Л., 1929, с. 1—50; *его же*. Народный театр Ирана.— «Сов. этнография», 1936, № 4—5, с. 55—83; «Народы Передней Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1957, с. 209—211, и др. работы.

бы») ²⁸, то ли «распаленный гневом» хочет наброситься на свою возлюбленную или жену, но со всего разбега врывается в подставленную руку музыканта. Отчаянно ругаясь и, очевидно, кляня музыканта (что можно было легко понять по интонации его пискливого голоса), он делает несколько яростных попыток протаранить эту неожиданную преграду, но всякий раз музыкант его удерживает и старается какими-то словами образумить.

В современном театре кукол все три функции живого актера, своеобразно переплетаясь, получили дальнейшее развитие. Трансформации приема «живого актера» шли несколькими путями:

1. *Совмещение одним актером функции кукловода и партнера куклы.* В современном театре актер иногда вступает в общение с куклой, которую он ведет. Приведу пример из творчества ведущих современных кукольников — нар. артиста СССР С. Образцова и А. Розера (ФРГ).

А. Розер — эстрадный актер. Он работает с марионетками, выходя на открытую сцену и управляя ими прямо на глазах у зрителей. В одном из номеров, ведя куклу, он в то же время как бы танцует с ней в паре (кажется, чарльстон). После танца, неизменно вызывающего в публике бурные аплодисменты, оба — и Розер, и его «дама» — раскланиваются, и, уходя со сцены, маленькая, изящная танцовщица дружески-нежно обнимает одной ручкой ногу Розера, а другой посылает публике воздушный поцелуй.

Еще больше развит этот прием в эстрадном номере С. В. Образцова «Колыбельная» (песня из «Детского альбома» Мусоргского). В нем Образцов также работает без ширмы, выходя на сцену с надетой на одну руку перчаточной куклой «Тяпой». Вся драматургия номера построена на общении кукловода с куклой.

2. *Изображение персонажа в двух «ипостасях»* — куклой и актером. Если в народном театре образ персонажа строился иногда на сочетании живого актера с куклой, причем это соединение живого и неживого материала было нераздельным и постоянным, то в современном театре появились спектакли, в которых актер, управляющий куклой, берет временами целиком на себя исполнение ее роли. На этом приеме основан, например, спектакль магнитогорских кукольников «Три мушкетера», где персонажи попеременно изображаются то куклами, то актерами.

3. *Расширение партнерской функции.* В современном искусстве кукол мы наблюдаем дальнейшее развитие эпизодической, непостоянной партнерской функции музыканта народного театра. В традиционном предании живой актер всегда был отстранен от мира кукол. Даже вступая с ними в общение, он как бы вклинивался «извне» в происходящее на кукольной сцене. В современном театре живой актер включен в этот мир, он вышел на кукольную сцену как постоянный, «полноправный» персонаж пьесы, получил самостоятельную роль в кукольном спектакле. Развитие партнерской функции началось давно. Еще в 1920-х годах, в спектакле Ленинградского театра марионеток «Гулливер в стране лилипутов», роль Гулливера исполнял живой актер. Но если в первых советских спектаклях присутствие человека на кукольной сцене было почти всегда сюжетно или логически оправдано, то в спектаклях последних лет эти сюжетно-логические связи очень слабы или вовсе отсутствуют.

Прием сочетания куклы с живым актером (в маске или без нее) — самый, пожалуй, распространенный в языке современного искусства

²⁸ Описание ее мы встречаем у Д. Ровинского: «Сюжета в ней никакого, зато много действия. Петрушке приводят невесту Варюшку; он осматривает ее на манер лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушке, и ждать свадьбы становится ему нетерпеливо, почему и начинает он ее упрашивать: „Пожертвуй собой, Варюшка!“ Затем происходит заключительная сцена, при которой прекрасный пол присутствовать не может» (Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. V, СПб., 1881, с. 256).

кукол. Часто живой актер даже вытесняет куклу — появились постановки, в которых живых актеров на сцене больше, чем кукол. На современном этапе кукольный театр идет на сближение с театром живого актера. Среди приемов кукольных традиций Востока, унаследованных современным театром, прием «живого актера» получил наибольшее развитие, стал одной из самых характерных черт современного искусства кукол. И когда я смотрела «Лампу Аладина» в японском театре «Хикосен», то подумала, что вряд ли этот мюзикл, исполняемый балетными девочками в огромных масках, непосредственно восходит к старинной японской традиции театра «Но» — скорее всего его рождение связано с «поисками и находками» современного театра (для которого определение «кукольный» порой становится очень большой натяжкой)²⁹.

История театра кукол — это почти непрерывный процесс взаимодействия разных театров и традиций. Наблюдая его на маленьком, протекающем на наших глазах отрезке времени, можно до некоторой степени представить, как происходили в прошлом процессы влияния — усвоения, как воспринимался чужеземный материал, как он творчески перерабатывался, и закончить эту статью несколькими обобщениями:

1. Традиционный театр кукол Востока оказал значительное влияние на «язык» современного искусства кукол. Почти все основные типы кукол и способы показа спектакля генетически восходят к древним кукольным представлениям Востока.

2. Существенная роль в процессе развития художественного языка современного театра кукол принадлежит непосредственному знакомству современных кукольников с традиционными представлениями Востока.

3. На сегодняшнем этапе истории театра кукол мы наблюдаем интенсивный процесс обратного воздействия современного западного театра на традиционный восточный.

4. Усвоение заимствуемого материала редко происходит механически — воспринимающий отбирает, как правило, только то, что ему близко, понятно, отвечает его вкусам и потребностям. Результатом процессов влияния — усвоения очень часто бывает рождение новых театральных форм, новых художественных приемов.

5. Заимствуемый материал, претерпевающий значительные изменения уже при самом усвоении, в дальнейшем неизбежно подвергается последующим трансформациям, обусловленным общим ходом развития кукольного искусства.

²⁹ Рецензию на этот спектакль см.: *Е. Гришина*. Сон из «Тысячи и одной ночи». — «Театр», 1980, № 7, с. 59—60.

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1978—1979 гг.

С 13 по 16 мая 1980 г. в Уфе проходила сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг., посвященная 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. Выбор столицы Башкирской АССР для проведения сессии не случаен. Башкирия с ее многонациональным населением, одной из первых получившая автономию, может служить яркой иллюстрацией торжества ленинской национальной политики. За годы Советской власти она из экономически отсталого района царской России превратилась в высокоразвитую индустриальную республику, в которой за последние десятилетия достигнуты большие успехи в развитии культуры и науки, в частности этнографии и смежных дисциплин.

Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Башкирским филиалом АН СССР и Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Поскольку одной из основных задач Всесоюзных сессий по итогам полевых этнографических и антропологических исследований является координация работы этнографов и антропологов в масштабах всей страны, в Уфу приехали представители всех союзных и 14 автономных республик, а также 4 автономных округов — всего свыше 150 человек. Многогранность проблематики советской этнографической науки, необходимость привлечения для разработки основных ее проблем данных смежных дисциплин, обусловили участие в работе сессии, наряду с этнографами и антропологами, специалистов разного профиля — историков, демографов, культурологов, социологов и этносоциологов, лингвистов и этнолингвистов, религиоведов, фольклористов (словесников и музыковедов), этнохореографов, искусствоведов. Среди них были сотрудники институтов Академии наук СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик и различных научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, научные сотрудники этнографических музеев. В работе сессии участвовали также представители Башкирского обкома КПСС.

На четырех пленарных заседаниях сессии было заслушано 12 докладов, на 21 заседании шести секций — 134 доклада¹.

Открывая сессию, директор Института этнографии академик Ю. В. Бромлей (Москва) подчеркнул, что проведение сессии в Уфе — свидетельство высокого уровня развития науки в республике.

Выступивший затем председатель Президиума Башкирского филиала АН СССР чл.-корр. С. Р. Рафиков (Уфа) рассказал о достижениях ученых филиала и пожелал собравшимся успешной работы.

Участников сессии приветствовали также тепло встреченные ими юные краеведы-этнографы школы-интерната № 1 Уфы.

В первый день состоялись два объединенных заседания Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. и Научного совета по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР, посвященные 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. На них были вынесены пять докладов по различным аспектам исследования национальных проблем.

Первым был заслушан доклад Ю. В. Бромлея «Национальные процессы в современном мире в свете ленинского наследия». Отметив сложность и многообразие национальной структуры населения земного шара в настоящее время, а также преобладание в мире многонациональных государств, докладчик обратился к анализу главных тенденций и закономерностей развития национальных процессов в капиталистических и развивающихся странах в свете ленинского учения о двух тенденциях в национальном процессе, одна из которых имеет интегрирующий, другая — дифференци-

¹ См. «Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Тезисы докладов». Уфа, 1980.

рующий характер. Поскольку ныне в капиталистических странах доминирует первая тенденция, в докладе особое внимание было уделено рассмотрению различных видов объединительных этнических процессов — консолидации, ассимиляции и межнациональной интеграции. Преобладание того или иного типа национальных процессов, — подчеркивалось в докладе, — во многом зависит от национальной структуры государства и от уровня его экономического развития. Так, в государствах однопациональных обычно преобладают процессы национальной консолидации, нередко сопровождающиеся процессами ассимиляции. В многонациональных государствах наряду с консолидацией и ассимиляцией в той или иной мере идут процессы межнациональной интеграции. Указывая на отсутствие в современной науке единой терминологии для обозначения общностей, возникающих в процессе межэтнической интеграции, Ю. В. Бромлей предложил использовать термины «макрэтническая» или «метаэтническая» общность, считая их более точными, чем введенные ранее С. И. Бруком и Н. Н. Чебоксаровым термины «национально-политическая» или «этнополитическая» общность.

Обратившись к рассмотрению процессов межэтнической дифференциации в государствах капиталистического мира, докладчик отметил, что они разветвляются не только в «межгосударственном» плане, но и внутри отдельных государств и нередко сопровождаются резким обострением национальных противоречий. В основе этих противоречий лежит комплекс социально-экономических, политических и идеологических факторов. Кратко охарактеризовав их, Ю. В. Бромлей в заключение сказал: «Марксистам совершенно очевидно, что полностью национальный вопрос может быть решен лишь с ликвидацией антагонистических классов, являющейся кардинальной предпосылкой уничтожения всех видов угнетения и неравенства, в том числе и в сфере национальных отношений».

Доклад С. И. Брука (Москва) был посвящен анализу этнодемографических процессов в СССР (по материалам послевоенных переписей населения). Характеризуя используемые источники, докладчик отметил, что переписи населения в СССР проводятся по более широкому программ, чем в большинстве стран мира. Учитывая нужды национального и культурного развития народов нашей страны, в программу переписей включены вопросы о национальности, родном языке и другом языке народов СССР, которым свободно владеет опрашиваемый (последний вопрос — с 1970 г.). Это, — подчеркнул докладчик, — дает возможность использовать материалы переписей в качестве одного из источников изучения этнических процессов. В докладе наряду с такими традиционными для демографов вопросами, как темпы роста населения, средний размер семьи, соотношение численности мужчин и женщин, городского и сельского населения, а также коренного и пришлого рассматривались и отдельные стороны современных этнических процессов, в том числе использование русского языка в качестве языка межнационального общения.

Завершилось первое заседание докладом Э. А. Баграмова и Ж. Г. Голотвина (Москва) — «Национальный вопрос в современной идеологической борьбе», в котором была предпринята попытка вскрыть природу национализма как идеологического течения и показана научная несостоятельность взглядов на национализм идейных противников социализма, стремящихся изобразить национальный фактор в общественном развитии как абсолютное усиление роли и значимости национализма и делающих на него ставку в своей борьбе против социализма. Авторы доклада особое внимание уделили рассмотрению опыта нашей партии по борьбе с национализмом в различных его формах. Опыт нашей, а также других марксистско-ленинских партий, — отмечали они, — показывает, что преодолеть национализм можно, лишь покончив с эксплуататорскими классами — главными носителями националистической идеологии, осуществляя интернационалистское воспитание трудящихся, т. е. лишь сплотив все нации и народности. Это сплочение в странах социализма осуществляется на основе интернационализма. Социалистический интернационализм, — подчеркивалось в докладе, — является логическим продолжением, развитием пролетарского интернационализма; нормы и принципы его — это нормы и принципы пролетарского интернационализма, возведенные на уровень межгосударственных отношений стран социализма.

На втором пленарном заседании были заслушаны два доклада.

Ю. В. Арутюнян (Москва) рассказал об этносоциологическом исследовании наций в СССР, активно развивающемся в последнее десятилетие. Как отметил докладчик, этносоциологические исследования одновременно начали вести специалисты в отдельных республиках и в общесоюзных научных центрах. Ведутся они в двух аспектах — этносоциальном («этническое в социальном») и социально-этническом («социальное в этническом»). Большой конкретный материал, собранный в разных регионах Советского Союза, свидетельствует о том, что при общей тенденции к интернационализации культуры существуют разные конкретные варианты этого процесса в этнических и социальных средах. Эти различия, — считает докладчик, — связаны как с определенными историческими посылками и конкретной ситуацией (например, интенсивностью межнациональных контактов в локальных зонах), так и с разной степенью необходимости приобщения к тем или иным элементам национальной культуры. При развитом фонде своей культуры, нации в большей мере могут «питаться» собственными источниками. Обе тенденции интернационализма, — подчеркнул Ю. В. Арутюнян, — приобщение к инопациональной культуре и расширение собственного фонда, имеющего интегрированное выражение, сочетаются и взаимно дополняют друг друга.

Коллективный доклад Р. Г. Кузеева, Т. М. Гарипова, В. А. Иванова и Н. Н. Моисеевой (Уфа) — «Волго-Уральская историко-этнографическая область (история формирования и современное функционирование)» проиллюстрировал плодотворность кооперации представителей смежных дисциплин при разработке сложных теоретических проблем современной этнографической науки. Участие в подготовке доклада этнографа, лингвиста, археолога и культуролога дало возможность наметить основные этапы формирования Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО). Отметив, что изучаемая ИЭО «результат сложного взаимодействия разновременных этнических и культурных потоков различного происхождения, в том числе принадлежащих Средней Азии и Казахстану, Северному Кавказу и другим ИЭО», авторы выделили несколько таких этапов. 1 — Складывание Волго-Уральской финно-угорской неолитической общности (приблизительно III — начало II тыс. до н. э.). 2 — Взаимодействия финно-угорских племен с индоевропейскими (ираноязычными) племенами степей (II—I тыс. до н. э.), в результате которых формируются и развиваются производящие формы хозяйства и некоторые сходные черты культуры. 3 — Взаимодействие финно-угорского населения с раннетюркской миграцией (I тыс. н. э. — начало XIII в.); превращение Среднего Поволжья в ядро формирования Волго-Уральской ИЭО. На этом этапе происходит активная интеграция в рамках ИЭО различных хозяйственно-культурных типов и определяется тенденция к преобладанию ХКТ пашенного земледелия и соответствующих культурных характеристик. 4 — Взаимодействия совокупности финно-угорского и раннетюркского населения Поволжья и Приуралья с позднетюркской (кыпчакской) миграцией (XIII—XVI вв.); консолидация современных этносов ИЭО; складывание ее основных границ, культурных и языковых характеристик. 5 — Широкая миграция восточнославянского (русского) населения на территорию ИЭО (XV—XIX вв.); активные передвижения местного населения и как результат — нарушение компактности в расселении многих этносов, активизация межэтнических контактов и формирование мощного слоя культуры под влиянием русского крестьянского населения. 6 — Национально-государственное строительство в ИЭО после Великой Октябрьской социалистической революции, когда происходит подъем национальных культур и сближение их с общесоветскими формами культуры.

Следует заметить, что в докладе обращалось внимание на отсутствие в ИЭО строгой корреляции культурных и языковых границ с этническими.

На третьем пленарном заседании были заслушаны четыре доклада по различным актуальным проблемам советской этнографической науки. Открылось оно докладом Ю. В. Бромлея «Иерархия историко-культурных общностей (историко-стадиальный аспект)». Значительное место в нем заняли вопросы типологии и классификации этнических и историко-этнографических общностей — двух основных видов историко-культурных общностей. В этнических общностях — устойчивых образованиях, обладающих не только общностью культуры, но и осознанием единства, как и в историко-этнографических общностях (традиционно-культурные ареалы), в отличие от первых не имеющих сколько-нибудь четкого национального самосознания, Ю. В. Бромлей выделил три таксономически разных уровня. В первом случае — это основные этнические подразделения, метаэтнические общности и субэтноты. Во втором — этнографическая группа, историко-этнографическая область и историко-этнографическая провинция. «В каждый данный момент, — подчеркивалось в докладе, — взаимопересечение огромного числа этих общностей самого различного вида образует сложную сеть, представляющую как бы пространственное строение культуры всего человечества. Несмотря на свою устойчивость, эта сеть постоянно находится в состоянии изменений, которые нередко сопровождаются трансформацией одного вида общности в другой». Рассмотрение различных типов таких изменений на протяжении всей этнической истории человечества — с древнейших времен до наших дней — и находилось в центре внимания докладчика. На большом фактическом материале ему удалось показать, как за счет преобразования в основные этнические подразделения метаэтнических образований, с одной стороны, и превращения историко-этнографических общностей в этнические, с другой, постепенно укрупняются масштабы этнических общностей.

Коллективный доклад С. И. Вайнштейна, А. А. Зубова, Ю. В. Ивановой, Л. Н. Терентьевой (Москва) был посвящен итогам и перспективам полевых этнографических, этносоциологических и антропологических исследований. Из полевых работ фольклористов в сферу внимания авторов доклада попали только те, которые велись совместно с этнографами либо касались изучения обрядов. В докладе была предпринята попытка дать аналитический обзор полевых исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР и соответствующими подразделениями научных центров и филиалов АН СССР в 1978—1979 гг. Значительное внимание в нем было уделено вопросам методики сбора полевого этнографического материала, особенно актуальным при изучении современности, требующем научнообоснованной выборки. Авторы доклада считают необходимым создать межведомственную комиссию по методике собирательской работы, а затем, когда будет обобщен весь имеющийся материал и разработаны соответствующие рекомендации, провести школу-семинар по методике полевых этнографических исследований.

С. Д. Зубков (Киев) познакомил участников сессии с опытом подготовки экспозиции «Современное социалистическое село» в Музее народной архитектуры и быта Украинской ССР (Киев), первой экспозиции по современности в практике музеев под

открытым небом. Для этого раздела музея,— подчеркнул докладчик,— была отведена компактная территория, на которой были возведены несколько десятков объектов. При этом часть областей представлена полными усадьбами, остальные — только жилыми постройками. Прототипы тех и других отбирались во всех 25 областях УССР представителями местных отделений Украинского общества охраны памятников истории и культуры и специальными экспедициями Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР. Наиболее типичные объекты, как отмечалось в докладе, определялись после неоднократного апробирования научно-методическим советом музея. Одновременно разрабатывался и интерьер помещений. Представленные в экспозиции характерные образцы сельского строительства 60—70-х гг. позволили не только продемонстрировать локальные особенности каждого региона и области, но и раскрыть общие черты народной культуры, складывающейся в современных условиях. Говоря о целесообразности и плодотворности создания в музеях под открытым небом разделов, посвященных современности, С. Д. Зубков акцентировал внимание на том, что этот раздел, завершающий экскурсионный маршрут по музею, дает возможность «особенно ярко увидеть и сопоставить прошлое с настоящим, наглядно убедиться в грандиозности социалистических свершений, осуществленных в стране».

В связи с ростом влияния городов и городской культуры на все области народной жизни становится необходимым этнографическое изучение городов, без которого в настоящее время всеобщей урбанизации уже нельзя представить культуру народа в целом. Основные проблемы этого нового направления в советской этнографической науке, активно развивающегося в последнее десятилетие, рассматривались в докладе М. Г. Рабиновича и М. Н. Шмелевой (Москва). Предметом изучения этнографов, по мнению авторов доклада, является в основном воспроизводственная сфера — бытовые аспекты городского образа жизни. При этом исследование современного города должно опираться на изучение города всех предшествующих исторических формаций, а каждое явление городской жизни в прошлом и настоящем следует рассматривать в сравнении с аналогичными явлениями сельской жизни, ибо теперь, как и в далеком прошлом, культура народов складывается в тесном взаимодействии сельского и городского населения. В докладе были охарактеризованы также основная тематика, источниковедческая база и методика этнографического исследования города. Доклад М. Г. Рабиновича и М. Н. Шмелевой явился своего рода вступлением к разработанной ими «Программе этнографического изучения города», обсуждение которой состоялось на совместном заседании двух секций — «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» и «Семейный и общественный быт».

На четвертом, последнем пленарном заседании были заслушаны три доклада также различной проблематики.

Ю. В. Кнорозов (Ленинград) рассказал о первых результатах дешифровки протоиндийской письменности, ведущейся под его руководством в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР.

В докладе А. И. Робакидзе (Тбилиси) «О содержании термина „этнографическая группа“», прочитанном Г. Н. Джавахишвили, значительное внимание уделялось классификации внутриэтнических групп различного происхождения и характера. Отмечая особую роль этнографической группы в этнической истории любого народа, докладчик подчеркивал необходимость дифференцированного употребления терминов «этническая» и «этнографическая» группа.

С. А. Арутюнов (Москва) и Ю. И. Мкртумян (Ереван) посвятили свой доклад проблемам изучения культуры жизнеобеспечения (на материалах исследований в Армянской ССР), рассматриваемой ими в качестве одной из сфер культуры этноса. Культура жизнеобеспечения (КЖ), отмечалось в докладе, состоит из ряда жизнеобеспечивающих систем — «жилищно-поселенческого комплекса (ЖПК), комплекса питания (КП), комплекса одежды (КО), в качестве первичных систем, и таких комплексов, как утварь, меблировка, народная медицина, носящих вторичный, дополнительный характер по отношению к первым». По мнению авторов доклада, анализ КЖ отличается от традиционного анализа материальной культуры не только частностями охвата, но прежде всего тем, что при изучении систем, направленных на поддержание нормальной жизнедеятельности, основное внимание уделяется отражению в них функций других сфер культуры, прежде всего соционормативной (престижная, ритуальная функции), а также познавательной (эстетическая функция) и производственной. Данная методика, апробированная авторами в сотрудничестве с культурологами Института философии АН АрмССР при анализе армянской сельской культуры в прошлом и настоящем, позволила выявить ряд закономерностей трансформации бытовой культуры села в процессе социалистического строительства.

Обсуждение актуальных проблем этнографии и смежных дисциплин было продолжено на заседаниях шести проблемных секций.

На четырех заседаниях секции «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» были заслушаны и обсуждены 29 докладов, три из них на совместном заседании с секцией «Семейный и общественный быт».

Доклад Т. А. Жданко (Москва) «Некоторые аспекты изучения традиций и инноваций в сфере быта сельской семьи народов Средней Азии» содержал конкретные рекомендации исследователям, имеющие важное методическое значение. Так, Т. А. Жданко указала на необходимость учета особенностей формы семьи, анализа ее

роли в воспитании подрастающего поколения (семья является «трансформатором» этнокультурных традиций), а также на важность изучения народных традиций воспитания.

И. С. Гурвич (Москва) охарактеризовал особенности этнического развития коренных народов Сибири и определил круг вопросов, требующих дальнейшего исследования.

В некоторых докладах рассматривались отдельные стороны этнических процессов, протекающих в районах со смешанным составом населения. Так, процессы консолидации освещались в докладах Э. А. Керимова (Баку) «К вопросу об этническом самосознании у населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР» и М. В. Мурзабулатова (Уфа) — «Некоторые вопросы этнодемографических процессов в Башкирской АССР»; процессы межэтнического сближения — в докладах Г. Н. Джавахишвили (Тбилиси) «Итоги полевых этнографических исследований 1978—1979 гг. по изучению современных этнических процессов в Грузии» и А. Джикиева (Ашхабад) — «Современные этнические процессы в Серахском районе Туркменской ССР».

М. Н. Губогло (Москва) рассмотрел современные тенденции в языковых процессах (по материалам переписи 1979 г.); А. А. Абдулфанова (Уфа) — башкирско-русское двуязычие в сельских школах Башкирии.

В. И. Наулко (Киев) дал сравнительно-этнографическую характеристику польского населения УССР.

Доклад Л. М. Дробижевой (Москва) был посвящен выяснению связей национально-культурных ориентаций инонациональных групп в республиках с межнациональными отношениями. Анализ материала, собранного в ходе этносоциологических исследований в Грузии и Молдавии, показал, что «разная степень включенности в культуру этнического большинства той или иной группы не связана жестко с отношением ее к межнациональному общению».

С. М. Мирхасилов (Ташкент) охарактеризовал некоторые тенденции в изменении культурного облика сельского населения Узбекистана; Р. Я. Рассудова (Ленинград) — современные культурно-бытовые процессы у узбеков (по материалам Ферганского и Ташкентского регионов). О современной культуре коренных народов восточной зоны БАМА рассказал Ч. М. Таксами (Ленинград).

В докладе Н. Н. Кучерявенко (Казань) анализировалась общественная активность сельских жителей, как проявление социалистического образа жизни. Основой для доклада послужили полевые материалы, собранные в автономных республиках Среднего Поволжья. В докладе З. З. Мухиной (Темиртау) говорилось о трудовой активности женщины-татарки (по материалам анкетных обследований). Доклад А. Б. Дзадзиева (Орджоникидзе) был посвящен анализу структуры свободного времени осетинского сельского населения в условиях развитого социалистического общества.

В докладе Л. Г. Гафт и Е. Д. Игитханян (Москва) «Некоторые особенности воспроизводства советской интеллигенции (на материалах республик Прибалтики)» освещались региональные особенности формирования советской интеллигенции.

Г. В. Старовойтова (Ленинград) рассмотрела этнические особенности демографического поведения представителей татарской этнодисперсной группы в Ленинграде.

Процессам интернационализации в сфере материальной культуры были посвящены доклады Б. Алымбаевой (Фрунзе) — о жилище киргизов, В. И. Куликаускаене (Вильнюс) — об интерьере жилищ литовских колхозников, Н. И. Шатиновой (Горно-Алтайск) — о материальной культуре алтайцев, П. М. Мезина (Саранск) — о материальной культуре мордвы.

На секции были представлены доклады, отразившие различные аспекты изучения современной семьи. А. П. Пономарев (Киев) охарактеризовал роль семьи в этнокультурных процессах (на материалах Украинской ССР). В докладе К. И. Козловой (Москва) «Современная сельская семья верхневолжских карел» выявлялось влияние урбанизации на структуру, быт и функции семьи. А. Е. Тер-Саркисянц (Москва) остановилась на структуре, брачном круге и современных семейных обрядах нахичеванских армян.

В докладе В. Калитс (Тарту) рассказывалось о новой традиции, возникшей в Эстонии в 1962 г., — празднике «весенние дни детей», приуроченном ко дню защиты детей. Это праздник тех, кто осенью пойдет в школу.

Обсуждения докладов проходили очень оживленно. Докладчикам было задано 50 вопросов. Для большинства докладов характерно было сочетание анализа конкретного материала с теоретическими обобщениями.

16 мая состоялось объединенное заседание секций «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» и «Семейный и общественный быт», на которое были вынесены 3 доклада по этнографическому изучению города, обсуждение «Программы этнографического изучения города» и программы по изучению семьи, розданный участникам Всесоюзной этнографической школы-семинара, проходившего осенью 1979 г. в Звенигороде.

О. Р. Будина (Москва) охарактеризовала роль традиционной культуры в развитии материального быта современного городского населения (по материалам русского города Центрального района РСФСР). М. Н. Шмелева (Москва) рассмот-

рела семейно-бытовые традиции и хозяйственную деятельность современного русского городского населения. К. В. Сехбосян (Ереван) остановился на некоторых особенностях проявления традиционности в культуре населения города и промышленного поселка (по этнографическим материалам Армянской ССР).

В ходе обсуждения докладов и программ выступили 9 человек (Л. М. Дробичева, С. Х. Мафедзев — Нальчик, С. М. Мирхасилов, М. Г. Рабинович, К. В. Сехбосян, Е. Н. Студенецкая — Ленинград, Л. Н. Терентьева, М. Н. Шмелева, С. Я. Цимерманис — Рига).

Значительное внимание в выступлениях было уделено обсуждению теоретико-методологических понятий, таких как межэтническая интеграция, соотношение понятий аккультурация, ассимиляция, этнокультурные взаимодействия, а также понятий и терминологии, касающихся изучения проблем семьи. Поднимался также вопрос о более активном участии этнографов в разработке новых праздничных обрядов.

На четырех заседаниях секции «Этногенез и этническая история» были заслушаны и обсуждены 25 докладов. Основное внимание в них было уделено вопросам этногенеза и этнической истории народов Поволжья и в первую очередь башкир. Большинство докладчиков пытались комплексно подойти к решению поднимаемых проблем, привлекая данные смежных наук.

Несомненный интерес представляли доклады, основанные на лингвистических материалах. Э. А. Рикман (Москва) в качестве источника для изучения этнических связей молдаван использовал антропимы села Табаны Бричанского района МССР. В. П. Кобычев (Москва) проанализировал финно-угорские и древнетюркские гидронимы и топонимы Кавказа и высказал предположение о возможности пребывания там в отдаленном прошлом урало-алтайцев. А. А. Камалов (Уфа) предпринял попытку уточнить «Кыпчакский этнический ареал» в топонимии Башкирии. С. Г. Гильманова (Уфа) рассмотрела термины родства северо-западных башкир как источник для изучения этнических процессов. У. Ф. Надергулов (Уфа) с помощью этнолингвистического анализа названий родо-племенных подразделений (*ара*) определил отдельные этнические компоненты иргизо-камеликских башкир.

Р. Х. Халикова (Уфа) привлекла внимание этнографов к активным памятникам башкир XVIII—XIX вв., в материалах которых встречается много этнонимов, в частности башкирских родо-племенных названий.

В докладе В. И. Васильева (Москва) «К вопросу об участии самодийского этнического компонента в этногенезе башкир» обращалось внимание на необходимость использования максимально широкого круга источников при работе над этногенетической проблематикой. Высказанная им гипотеза о пребывании самодийских этнических групп на территории Приуралья в VI — первой половине IX в. была подкреплена лингвистическими, фольклорными, археологическими и др. материалами. На столь же обширном и разнообразном материале был основан доклад Н. А. Томилова (Омск) «Проблемы формирования тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины».

А. В. Гадло (Ленинград) сообщил о новых материалах к этнической истории северокавказской степи, выявленных в 1979 г. археолого-этнографической экспедицией кафедры этнографии и антропологии ЛГУ в восточной части Ставропольской возвышенности.

Значительное внимание в докладах уделялось вопросам этнокультурных и языковых связей народов разных регионов в различные периоды их исторического развития. В докладе А. Х. Магомедова (Орджоникидзе) рассматривались этнические и культурно-исторические связи иранских племен (скифо-сарматов и алан) с народами Волго-Камья и Приуралья. И. В. Власова (Москва) остановилась на некоторых вопросах этнической истории и этнокультурных контактов русских и коми. Башкиро-узбекские этнокультурные связи рассматривались К. Ш. Шаниязовым (Ташкент), чувашско-башкирские — В. Ф. Каховским (Чебоксары). Доклад Ф. Г. Хисаметдиновой (Уфа) был посвящен анализу этнических и языковых связей башкир с восточными и центральноазиатскими тюрками, доклад С. Ф. Миржановой (Уфа) — этноязыковым взаимосвязям северо-западных башкир с финно-угорскими народами.

У. Х. Рахматуллин (Уфа) охарактеризовал социально-экономические факторы этнодемографических процессов у башкир в XVII—XVIII вв., а Д. М. Исхаков (Казань) — особенности этнического взаимодействия татар и башкир в XVIII—XIX вв.

Специальное заседание было посвящено проблемам антропогенеза. Особый интерес вызвал обобщающий доклад В. А. Спицина (Москва) «Этногенетические процессы в Северной Азии. Об „американоидном“ типе в Сибири», в котором была показана взаимосвязь отдельных групп этносов в антропологическом аспекте. Обобщающий характер имел и доклад В. Д. Дяченко (Киев) «К гематологической типологии (система ABO и Rh) восточноевропейских народов (сборы 1976—1979 гг.)». В докладе Н. Н. Цветковой (Ленинград) сообщались новые материалы к этнической истории мордвы, подтверждающие положение об участии в сложении мордвы трех компонентов: двух европеоидных и субуральского ослабленного монголоидного, преобладающего у мокши. Доклад Т. К. Ходжайова (Самарканд) был посвящен краниологии узбеков с родовыми делениями (кенегесы и муйтены).

Широкий круг вопросов рассматривался в докладах уфимских ученых Х. С. Рафикова, Н. Х. Юмагужиной, Р. Г. Кузеева («Генетика популяции башкир в связи с вопросами этногенеза»), Р. М. Юсупова («Антропологическая характеристика башкир по данным краниологии»), Н. Х. Юмагужиной, Х. С. Рафикова («Генетическая реконструкция древнебашкирского пласта»), свидетельствовавших о высоком уровне антропологических исследований, ведущихся в Башкирии.

Из общей проблематики секции выпадал доклад Н. В. Юхневой (Ленинград) «К итогам этнографического изучения формирования населения Петербурга (период капитализма)», представлявший несомненный интерес для тех, кто занимается этнографическим изучением города.

Работа секции, в которой участвовали антропологи, археологи, демографы, лингвисты, этнографы, была признана успешной. При подведении ее итогов высказывалось мнение о целесообразности дальнейшего расширения и укрепления связей между специалистами разного профиля, занимающимися проблемами этногенеза и этнической истории.

На трех заседаниях секции «Проблемы этнографической типологии культуры. Взаимодействие культур народов СССР» были заслушаны и обсуждены 16 докладов. Подавляющее большинство их (11) было посвящено различным аспектам типологии культуры.

Общие теоретические вопросы изучения материальной культуры и методики типологических исследований рассматривались в двух докладах: Д. С. Вардумян (Ереван) рассказал о системно-структурном и сравнительно-историческом анализе материальной культуры населения Армянского нагорья, а Я. В. Чеснов (Москва) — об опыте и перспективах этнографической типологизации жилища.

В семи докладах освещалась типология материальной культуры, главным образом жилища (5 докладов). Б.-Р. Логашова (Москва) поделилась опытом сравнительного анализа типологии переносного жилища (юрта, чаппари и шатер) кочевых и полукочевых народов Передней Азии. Г. П. Васильева (Москва) остановилась на вопросах типологической классификации юрты народов Средней Азии, Б. Х. Кармышева (Москва) — на функциях юрты в современном быту узбеков. С. Н. Шитова (Уфа) рассмотрела разновидности внутренней планировки башкирских аульных жилищ, Ю. Г. Мухаметшин (Казань) — некоторые особенности развития жилища татар, проживающих в Башкирии и на сопредельных территориях.

Доклад Л. Н. Чижиковой (Москва) был посвящен типам традиционной женской одежды, их развитию и судьбам в настоящее время на территории Белгородской области; доклад Р. В. Меркене (Вильнюс) — типологии и ареалам животноводческого инвентаря в Литве.

Доклады по типологии материальной культуры сопровождались демонстрацией типологических таблиц, карт и слайдов.

К этой группе докладов примыкал и вызвавший большой интерес доклад Н. П. Лобачевой (Москва) «Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на материалах хорезмских узбеков)», познакомивший присутствующих с разработанными докладчицей типологией и картографированием свадебной обрядности.

Проблема этнографического районирования на примере Украины и украинцев рассматривалась в докладе В. Ф. Горленко (Киев), акцентировавшего внимание на необходимости разработки теории этнографического районирования, унификации связанной с ним терминологии, уточнения иерархии терминов, чтобы исключить разнобой в их употреблении.

Проблеме взаимодействия культур народов СССР были посвящены два доклада. Т. И. Ведерникова (Москва) проанализировала культурно-бытовые контакты русского, мордовского, татарского и чувашского населения в степном Заволжье (Куйбышевская область); А. С. Лузгин (Саранск) — некоторые особенности традиционной материальной культуры русского населения Мордовии (по материалам экспедиций 1974—1979 гг.), обусловленные влиянием мордовской и татарской этнических традиций.

На материалах полевых исследований были основаны два доклада о народных ремеслах. А. Т. Нестер (Львов) сообщила новые сведения о народном ткачестве украинцев Полесья, А. С. Давыдов (Душанбе) рассказал о традиционном чугунолитейном производстве таджиков.

С живым интересом был встречен доклад преподавателя З. В. Хисматуллиной (Уфа) об этнографическом музее в школе-интернате № 1 Уфы, открытом в канун 60-летия Великого Октября.

Докладчикам было задано много вопросов. Выступавшие отмечали высокий научный уровень большинства докладов и подчеркнули своевременность и важность обсуждения проблем, связанных с разработкой этнографической типологии культуры.

На трех заседаниях секции «Семейный и общественный быт» был заслушан 21 доклад.

Особый интерес и оживленную дискуссию вызвали вопросы, связанные с типологией семьи, изучением ее форм, соотношением их в различных исторических периоды, а также с терминологией, применяемой для обозначения семейной общины, основных (большая и малая) и промежуточных форм семьи.

В докладе Я. С. Смирновой (Москва) «Большая и малая семья у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в.» была предпринята попытка уточнить еще-

ствующую типологию форм семьи. Проанализировав этнографические и статистические данные, докладчица пришла к выводу о необходимости «выделения особого типа (или типов) семьи, генетически и функционально воплощающего переход от большесемейной к малосемейной организации». А. З. Асфандияров (Уфа) рассмотрел формы семьи у башкир в конце XIX в. М. А. Хамиджанова (Душанбе) сообщила о бытовании большой семьи в верховьях Зеравшана (Ягноб, Матча) и трансформации этого древнего института в современных условиях. В. М. Шамиладзе (Ватуми) на примере горцев Грузии, занимающихся горным скотоводством, показал зависимость семейного и общественного быта от традиционных форм ведения хозяйства. В докладе С. С. Агашириновой (Махачкала) «Субстратные термины родства лезгин» обосновывалось существование у лезгин в прошлом родственной группы, более широкой чем патронимия.

В. Я. Бабенко (Уфа) охарактеризовала формы и структуру семьи, а также внутрисемейные отношения украинских переселенцев в Башкирии в конце XIX — начале XX в. Доклад К. Басаевой (Улан-Удэ) был посвящен численности и структуре современной бурятской семьи.

Н. В. Бикбулатов (Уфа) на примере кочевых тюркских народов попытался выявить историческую взаимосвязь брачных норм и принципов наследования с типами семьи. По мнению докладчика, левират, которому у кочевых тюрков обычно сопутствуют пережитки группового брака, родо-общинной собственности и демократии, является атрибутом родового общества. Майорат, — считает он, — характерен для раннего периода формирования семьи, минорат же всецело связан с ее укреплением.

В докладе В. Д. Шарова (Йошкар-Ола) сообщались новые материалы по обычному праву марийцев середины XIX — начала XX в.

А. М. Решетов (Ленинград) охарактеризовал некоторые традиционные социальные институты у советских уйгуров и дунган.

Семь докладов были посвящены различным видам традиционной и современной обрядности.

М. А. Меретуков (Майкоп) рассказал о брачных ограничениях у адыгов, связанных с различными видами родства. О древнем обряде адыгов «подвизывание копченого сыра», исполняющемся по случаю рождения ребенка, и его современном бытовании сообщалось в докладе С. Х. Мафедзева (Нальчик).

Традиции и инновации в современной обрядности прослеживались в докладах Г. А. Гулиева (Баку) — о сельских свадебных обрядах азербайджанцев, Л. З. Кунихевой (Черкесск) — об абазинской свадьбе, С. С. Курогло (Кишинев) — о преобразованиях в семейной обрядности гагаузов, а также в докладе Л. С. Христовой (Ижевск) — «Система обрядности в Удмуртии».

Широкий круг вопросов, касающихся современных народных праздников и обрядов Грузии и методов их изучения, был освещен в докладе Г. Джалабадзе и М. Хуцишвили (Тбилиси).

Таллинские этнографы рассказали о новых формах общественной жизни эстонских крестьян в конце XIX — начале XX в. (Э. Кару) и о развлечениях сельской молодежи в начале и середине XX в. (К. Тороп).

На секции были заслушаны также доклад З. Д. Гаглоевой (Цхинвали) «Василий Абаев об общественных отношениях у осетин», приуроченный к 80-летию ученого, и доклад В. З. Гумарова (Уфа) о гигиене питания башкирской семьи в конце XIX — начале XX в.

При обсуждении докладов отмечался высокий научный уровень большинства их, а также стремление докладчиков акцентировать внимание на трансформации традиционных общественных институтов и современном их бытовании.

При подведении итогов работы был высказан ряд пожеланий научного и организационного плана. Было признано целесообразным: а) провести семинар по вопросам методологии изучения семьи, семейного и общественного быта; б) уделять больше внимания разработке идентичной для этнографов всех регионов терминологии, применяемой для обозначения отдельных этнографических понятий и явлений, в частности, семейного и общественного быта; в) предусматривать при составлении программ отчетно-экспедиционных сессий отведение специального времени для обмена мнениями ученых, работающих в разных секциях.

На трех заседаниях секции «Религиозные верования в прошлом и их преодоление в современной жизни» были заслушаны и обсуждены 14 докладов по широкому кругу проблем, связанных, главным образом, с изучением традиционных верований и обрядов.

Работа секции открылась докладом И. М. Джаббарова (Ташкент) «В. И. Ленин и проблемы секуляризации в условиях некапиталистического развития», в котором раскрывалось значение философского наследия В. И. Ленина для понимания особенностей секуляризации в советский период у народов Средней Азии.

Разработке теоретических проблем были посвящены также доклады П. В. Денисова (Чебоксары), рассмотревшего на примере анализа древнетюркских элементов в религиозных верованиях чувашей вопросы методики исследования этнической специфики явлений традиционной духовной культуры, и В. М. Кулемзина (Томск), охарактеризовавшего некоторые особенности мышления хантов, отражавшие, по его мнению, очень глубокую древность, а потому представляющие интерес не только для этнографии, но и для других отраслей наук.

Значительное внимание в работе секции было уделено обсуждению проблем современного состояния религии и пережитков религиозных и патриархальных обычаев. В докладе Г. А. Носовой (Москва) анализировались причины, способствующие сохранению обряда крещения. Докладчица считает, что главным и решающим фактором участия населения в обряде крещения является сила семейно-бытовых традиций, отождествление этого религиозного обряда с национальной традицией. О влиянии семейно-бытовых традиций и ложно понимаемой престижности на сохранение пережитков религиозных и патриархальных обычаев говорилось и в докладе Г. Х. Мамбетова (Нальчик) «Некоторые пережитки в семейно-бытовых отношениях кабардинцев и балкарцев и пути их преодоления». Т. Дж. Баялиева (Фрунзе) охарактеризовала особенности современного бытования религиозных представлений и процессы их изживания у киргизов.

Ряд докладов был посвящен этнографическому изучению традиционных верований у народов СССР. Х. Есбергенов (Нукус) рассмотрел реликты культа лягушки у каракалпаков, проследивавшиеся еще в конце XIX — начале XX в. в их легендах, поверьях, приметах, а также в орнаменте вышивок женской одежды и в форме ювелирных украшений. Р. Х. Керейтов (Черкесск) рассказал о пережитках обрядов вызывания дождя у ногайцев, Г. В. Смыр (Сухуми) — о культе растений у абхазов, Е. К. Аджиджал (Сухуми) — о божестве Ареанаи — покровителе войны и военного дела у абхазов. Доклад В. Н. Баилова (Москва) «„Желтая дева“» в верованиях узбеков Зеравшанской долины» был посвящен анализу представлений о связи демона албасты с получением шаманского дара. По мнению докладчика, его материалы служат новым свидетельством сложности и неоднородности шаманского пантеонизма, складывавшегося в течение долгого периода и вобравшего в себя образы, возникшие в глубокой древности. Представление о полезной для человека связи с желтой девой подкрепляет предположение, что албасты первоначально была добрым божеством и ее функции злого демона — вторичное, сравнительно позднее явление.

В докладе З. В. Харатяна (Ереван) «Культово-функциональная структура армянского свадебного ритуала конца XIX — начала XX в.» рассматривался сложный комплекс религиозно-магических действий, в которых докладчик выделил три основных культовых мотива. Один из них — обеспечение потомства — он связывает с культом плодородия; второй — избегание и обезвреживание злых сил — с демонологическими представлениями; третий — приобщение невесты к семейному культу жениха — с cultами домашнего очага и семейно-родовых предков. Поэтому ему представляется неверным считать обряд в целом пережитком той или иной конкретной формы религии. Спорной представляется ему и правомерность употребления термина «религиозно-магический обряд».

Д. ж. Рухадзе (Тбилиси) рассказала о древнем грузинском народном карнавальном празднике «Берикаоба-кееноба» и использовании его традиций в современных народных праздниках.

А. Ээсмаа (Таллин) рассмотрела классификацию болезней, принятую в эстонской народной медицине, уделив особое внимание связям между народной медициной и верованиями.

По ряду докладов развернулись оживленные дискуссии. В выступлениях особое внимание обращалось на то, что выводы, сделанные докладчиками в результате исследования конкретного материала, имеют значение и для изучения однотипных явлений у многих других народов.

На четырех заседаниях секции «Фольклор. Народная музыка и танцы. Прикладное искусство» было заслушано 29 докладов: 15 — по словесному фольклору, 4 — по музыкальному, 6 — по этнохореографии и 4 — по прикладному искусству. Основная проблематика докладов — современное состояние различных видов народного творчества. В работе секции активно участвовали башкирские фольклористы-словесники, этномузыковеды и этнохореографы (12 докладов из 29 были сделаны учеными Уфы).

Заседание открылось докладом В. П. Кругляшов (Свердловск), в котором было охарактеризовано современное состояние русской сказочной прозы на примере анализа устных народных рассказов о В. И. Ленине, собранных в 1970-е годы на Урале. Аналогичная проблема, только на башкирском материале, рассматривалась в докладах А. М. Сулейманова (Уфа) — «Современная сказочная проза северо-восточных башкир» и Б. Г. Ахметшина (Уфа) — «Предания деревни Ильчино Учалинского района БАССР». Доклад Т. Г. Леоновой (Омск) был посвящен современному состоянию фольклора в его региональном проявлении (по материалам Омской области). В докладе М. Э. Хийемая (Тарту) рассматривались изменения в тематике эстонских сказок. Г. Г. Шаповалова (Ленинград) остановилась на проблемах методики собирания обрядовой поэзии и записи обрядов. Современное же состояние их освещалось в докладах Т. С. Макашиной (Москва) — «Устно-поэтический репертуар современной деревни (на примере свадебной поэзии и обряда Пермской области)» и К. П. Кабашикова (Минск) — «Календарная обрядность на Гомельщине». Доклад Л. И. Бряндевой (Уфа) был посвящен русской балладной традиции Архангельского района БАССР.

Одна из актуальнейших проблем современной фольклористики — классификация фольклорных жанров — рассматривалась в докладах А. М. Назиняна (Ереван) — об армянской кумулятивной сказке (по старым и новым записям) и Ф. А. Надршиной (Уфа) — о жанрах башкирской сказочной прозы.

В докладах С. С. Парсамова (Уфа) «Идеологическая структура башкирского эпоса „Урал-батыр“» и Д. Ж. Валеева (Уфа) «Народный эпос о происхождении нравственности» освещались особенности башкирского эпоса, причем по некоторым вопросам докладчики полемизировали друг с другом.

О фольклорных материалах, собранных в 1977 г. экспедицией Института истории, языка и литературы БФ АН СССР среди башкир, живущих около ста лет в инонациональном окружении в Якутии, рассказывалось в докладе М. М. Сагитова (Уфа). По свидетельству докладчика, в результате тесного общения с якутами и русскими башкиры в Якутии стали в основном трехязычными. Среди них, отмечалось в докладе, встречаются лица, владеющие традициями башкирского, якутского и русского фольклора.

Большой интерес у присутствующих вызвал доклад одного из старейших советских фольклористов Э. В. Померанцевой (Москва), посвященный собиранию и изучению фольклора в Башкирии, одним из пионеров которого была сама докладчица. Охарактеризовав работу по изучению русского фольклора Башкирии за последние 40 лет, Э. В. Померанцева подчеркнула, что в 60–70-е гг. в республике произошел не только количественный, но и качественный рост ее.

Широкий круг вопросов рассматривался в докладах уфимских этномузыковедов Л. П. Атановой («Обрядовые напевы у башкир»), Ф. К. Камаева («О взаимодействии эпических жанров в современном башкирском песенном фольклоре»), Р. С. Сулейманова («Музыкальный фольклор северо-восточных и зауральских башкир») и Э. М. Давыдовой («Народно-песенные традиции в башкирской опере»). Как и фольклористы-словесники они продемонстрировали высокое профессиональное мастерство.

Значительным разнообразием отличалась тематика докладов по этнохореографии, базировавшихся на полевых материалах, собранных докладчиками. М. Я. Жорницкая (Москва) рассказала о результатах экспедиционных исследований по изучению хореографического искусства коренного населения северо-востока Сибири. К. М. Бикбулатов (Москва) рассмотрел нардуганский цикл традиционных танцев крещеных татар, а Э. Х. Петросян (Ереван) — театрально-зрелищные представления у уйгуров. Л. И. Нагаева (Уфа) проанализировала отражение культа птиц (образы кукушки и лебедя — матери-птицы) в башкирской народной хореографии. Доклад А. С. Фомина (Новосибирск) был посвящен народному танцу Ирака. Ж. К. Хачатрян (Ереван) охарактеризовала основные принципы системы записи движения, разработанной С. С. Лисициан.

Большой интерес вызвали и доклады по народному искусству, в которых также был затронут широкий круг вопросов.

В докладе А. Ю. Заднепровской (Ленинград) «Некоторые функции украшений народов Среднего Поволжья (по материалам ГМЭ народов СССР)» рассматривались возможности использования съемных украшений конца XIX — начала XX в. в качестве исторического источника. Проанализировав этнодифференцирующую, социально-знаковую и магическую функции этих украшений, А. Ю. Заднепровская убедительно показала, что «они действительно являются самостоятельным, полноценным историческим источником и дают материал для культурно-территориального районирования, для изучения пережитков разделения населения на половозрастные группы, а также для анализа дохристианских верований этих народов».

В докладах Ф. Ф. Гуловой (Казань) о вышивке татар-кряшен (на материале женских традиционных головных уборов), Ф. М. Зыкова (Якутск) — об эволюции ювелирных украшений якутов и Е. А. Постолаки (Кишинев) — о развитии современного ковроткачества в Молдавии основное внимание уделялось художественным особенностям народного прикладного искусства и техническим приемам, используемым народными мастерами.

На этот раз, в отличие от двух предыдущих отчетно-экспедиционных сессий (Душанбе — 1976 г. и Ереван — 1978 г.), доклады по различным видам народного искусства были объединены в одной секции, что, несомненно, способствовало достижению большего взаимопонимания и установлению более тесных контактов между исследователями, работающими в смежных областях. Поэтому было признано целесообразным и в будущем отказаться от принятого ранее деления секции на предметные подсекции. В ходе обсуждения работы секции поднимался вопрос о создании координационного центра по исследованию народного искусства. Особое внимание было обращено на необходимость организации комплексных экспедиций по изучению народного искусства, в состав которых должны входить этнографы, фольклористы-словесники и музыковеды, этнохореографы и искусствоведы, а также на активизацию работы по видеозаписи разных видов народного искусства.

Одна из важнейших задач Всесоюзных сессий по итогам полевых этнографических и антропологических исследований — координация работы ученых в масштабе всей страны — предполагает возможно более полную взаимную информацию о проделанной работе, а также широкое обсуждение проблем, выдвигаемых временем и развитием науки. К сожалению, в этот раз, как и на предыдущих сессиях, в работе секций ощущался дефицит времени, что мешало развернуться широким дискуссиям. Выступая на заключительном пленарном заседании, все кураторы (Л. М. Дробизева, И. С. Гурвич, Т. А. Жданко, Я. С. Смирнова, В. Н. Басилов, В. К. Соколова) предлагали изменить сложившуюся практику работы секций и

перенести центр тяжести с чтения докладов на их обсуждение и дискуссии, потребность в которых возрастает с каждым годом.

Подводя итоги работы сессии, Ю. В. Бромлей отметил, что она продемонстрировала усиление внимания к вопросам теории, стремление сочетать решение теоретических вопросов с конкретными исследованиями. Повышение интереса к проблемам теории, — сказал он, — делает особенно актуальным устранение разноречия и путаницы в употреблении терминов, разработку единой терминологии. Отметив закономерность появления новых научных терминов, Ю. В. Бромлей предостерег от излишнего увлечения словотворчеством, напомнив, что новый термин всегда должен отражать новое понятие. Анализируя конкретные этнографические исследования, он призвал к расширению их диапазона за счет более активного изучения новых предметных областей (этнопедагогика, этноботаника, народный спорт и т. п.). Остановившись на характеристике основных направлений этнографических исследований в СССР, Ю. В. Бромлей подчеркнул необходимость дальнейшей разработки таких проблем как современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР, этнографическая типология культур, а также этногенез и этническая история.

Во время работы сессии состоялся просмотр этнографических и фольклорно-этнографических фильмов, снятых в Башкирии, Грузии и в Европейской части РСФСР. Довольно обширной была культурная программа сессии. Ее участники побывали на концерте профессиональных и самодеятельных артистов, познакомивших их с башкирскими народными песнями, танцами и музыкой, а также в Башкирском государственном театре оперы и балета, где посмотрели национальный балет «Журавлиная песнь» (муз. Л. Степанова, либретто Ф. Гаскарова). Для них были организованы экскурсии на Уфимское производственное объединение «Агидель», выпускающее сувениры, в этнографический музей школы-интерната № 1 Уфы, а также самодеятельный этнографический музей, организованный в сел. Юматово.

Хочется отметить хорошую организацию сессии и поблагодарить Оргкомитет, руководство БФ АН СССР, Башкирский обком КПСС и Совет Министров республики за создание прекрасных условий для плодотворной работы и знакомства с самобытной культурой башкирского народа.

Н. С. Полищук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(научно-практическая конференция в Москве)

В апреле 1980 г. в г. Москве состоялась научно-практическая конференция по теме «Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений в современных условиях». Она была организована и проведена Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР совместно с Московским городским советом семинаров при МГК КПСС, Ленинским и Черемушкинским райкомами КПСС, а также Институтами этнографии и философии АН СССР, и посвящена 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В ее работе приняли участие партийные работники, руководители и слушатели методологических и теоретических семинаров Дома политического просвещения МК и МГК КПСС, советов методологических семинаров при Ленинском и Черемушкинском РК КПСС Москвы, ученые — сотрудники институтов этнографии, истории СССР, всеобщей истории, философии, языкознания АН СССР, МГУ, Института марксизма-ленинизма и Академии общественных наук при ЦК КПСС и других научно-исследовательских и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Баку, Бухары, Тарту и некоторых других городов, сотрудники редакций журналов «Научный коммунизм», «История СССР», «Советская этнография», представители Советской социологической ассоциации и Философского общества СССР.

Перед началом конференции председатель Научного совета по национальным проблемам, руководитель методологического семинара Института этнографии АН СССР акад. Ю. В. Бромлей охарактеризовал огромный вклад В. И. Ленина в разработку теории и в практику решения национального вопроса в нашей стране, в обоснование и проведение интернационалистской политики КПСС, а также показал непреходящее значение ленинизма для коренной перестройки национальных отношений на принципах дружбы народов и пролетарского интернационализма.

В докладе «Ленинизм и национальные процессы в современном мире» Ю. В. Бромлей подчеркнул чрезвычайно пестроту национально-политической структуры современного человечества, проанализировал основные тенденции и закономерности ее развития. Докладчик остановился на особенностях национальных отношений в развивающихся странах и странах развитого капитализма. Особый интерес, отметил докладчик,

вызывает опыт решения национального вопроса в СССР, развитие и сближение наций и народностей нашей страны и формирование новой исторической общности — советский народ.

Подвергнув анализу сложные и многообразные национальные процессы, докладчик выделил три основных вида этих процессов: *консолидацию*, представляющую собой слияние нескольких генетически родственных по культуре этнических групп в единый народ; *ассимиляцию*, ведущую обычно к растворению отдельных групп или отдельных представителей одной национальности в среде другой (как правило, более многочисленной); *межнациональную интеграцию*, под которой понимаются процессы взаимодействия и сближения уже сложившихся наций и народностей, создания сходных черт в культуре и в образе жизни.

Сочетание интернационального и национального во взаимоотношениях стран социалистического содружества привлекает к себе все возрастающее внимание исследователей. Вполне закономерно, что эта проблема рассматривалась в ходе работы всесоюзных научных конференций, в том числе подготовленных Научным советом по национальным проблемам. Актуальность этой проблемы, как подчеркнул Ф. Т. Константинов (Ин-т философии АН СССР) в докладе «Соотношение интернационального и национального в мировом социалистическом содружестве», обуславливается тем, что в современном мире от правильного сочетания интернационального и национального в значительной мере зависят успехи социалистического строительства как каждого государства, так и мировой системы социализма в целом. В докладе были рассмотрены условия, создающие объективную возможность для органического сочетания правильно понятых коренных интересов отдельных стран с интернациональными интересами всего социалистического содружества, в том числе общность социально-экономического и политического строя социалистических государств, единство идеологии, общность целей, объективная тенденция ко все более широкой интернационализации общественного производства, жизни и быта.

Дискуссионные вопросы национальной структуры зрелого социалистического общества в СССР рассмотрел И. П. Цамерян (Ин-т философии АН СССР). Он, в частности, отметил, что, будучи многонациональной по своей структуре, новая историческая общность всемерно благоприятствует дальнейшему развитию и расцвету наций и народностей СССР, их еще более глубокому и всестороннему сближению. Эта общность представляет собой активную, действенную форму гармонического сочетания интернациональных и национальных интересов, задач и целей всех советских народов.

Решительной и аргументированной критике были подвергнуты концепции буржуазных ученых по национальному вопросу в докладе Э. А. Баграмова (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) «Интернациональное единство и его „критики“». Опираясь на позитивные итоги осуществления ленинской национальной политики в СССР, Э. А. Багров показал то сложное положение, в котором находятся сегодня ее буржуазные критики. Наиболее дальновидные отказываются от чересчур одиозных утверждений вроде измышлений о колониальном угнетении Москвой национальных окраин или «упадке» национальной жизни. Они переносят при этом центр тяжести своей критики на процессы сближения наций и народностей СССР. Рост сотрудничества и взаимодействия наций, увеличение сходных черт в образе жизни — все это расценивается ими как угроза «целостности» и самостоятельности нации. В действительности советский строй бережно относится к подлинно национальным ценностям, уважает национальные чувства народов. И это вновь со всей очевидностью подчеркнуто в новой Конституции СССР.

Положения, выдвинутые во вступительном докладе Ю. В. Бромлея, а также в остальных докладах, были затем конкретизированы и рассмотрены на значительном фактическом материале в следующих научных сообщениях: «Новая историческая общность в общественном прогрессе» (И. Ф. Аношкин, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС); «О некоторых проблемах укрепления единства советского народа» (В. М. Семенов, Ин-т философии АН СССР); «Социалистический интернационализм — основа единства советских наций» (Р. Рахманов, Бухарский пединститут); «Об основных функциях социалистического интернационализма» (А. И. Доронченков, Ленинградский электротехнический ин-т); «Некоторые проблемы научного управления национальными отношениями в СССР в условиях развитого социализма» (А. И. Холмогоров, Днепропетровский инженерно-строительный ин-т); «Интернационализация сфер общественной жизни в условиях развитого социализма» (А. П. Серцова, МГУ); «Межнациональное общение в СССР» (Л. М. Дробышева, Ин-т этнографии АН СССР); «Некоторые аспекты марксистско-ленинской концепции нации и современность» (М. В. Иордан, Ин-т философии АН СССР); «Актуальные вопросы национально-языкового развития в СССР на этапе социалистического строительства» (М. И. Исаев, Ин-т языкознания АН СССР); «Тенденции развития двуязычия в условиях развитого социализма» (М. Н. Губогло, Ин-т этнографии АН СССР); «Роль русского языка в развитии советского народа» (А. А. Басалай, Ин-т социологических исследований АН СССР); «Классовый подход к социальным явлениям — важнейший принцип интернационалистского воспитания» (М. Х. Каримов, Бухарский технологический ин-т пищевой и легкой промышленности); «Единство патриотического и интернационального воспитания» (В. С. Заика, НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР); «Повышение политической культуры советских

людей как важный фактор в борьбе с пережитками национализма» (Р. Сафаева, Ин-т философии АН СССР); «Значение ленинских идей для развития общесоветских черт культуры народов СССР» (Г. Е. Трапезников, Ин-т истории СССР АН СССР).

Председатель Секции общественных наук Московского городского совета методологических семинаров А. М. Григорьев, обобщая итоги работы конференции, отметил, что она стала одним из интересных и содержательных мероприятий научной жизни, посвященных 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Материалы этой конференции имеют не только научно-теоретическое значение, но, бесспорно, окажут важную практическую помощь слушателям методологических и теоретических семинаров в системе политического образования. Ф. Т. Константинов в заключительном слове отметил как положительную черту работы конференции содержательный обмен мнениями по ряду узловых и дискуссионных вопросов национальной проблематики.

Конференция показала необходимость полнее и глубже отражать в тематике планов работы методологических и теоретических семинаров национальную проблематику, акцентировать внимание на критике буржуазных фальсификаций советского опыта решения национального вопроса, на диалектике национального и интернационального в современном мире.

М. Н. Губогло

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ»

29—31 мая 1979 г. в столице Казахской ССР г. Алма-Ате проходила Первая республиканская научная уйгуроведческая конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения», организованная Президиумом АН КазССР и Отделом уйгуроведения Института языкознания АН КазССР. Впервые собрался столь широкий, представительный форум, объединивший всех уйгуроведов нашей страны. В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе, Новосибирска и других городов страны. Состоялись два пленарных заседания (на них заслушано пять докладов), и работали три секции: языкознания, литературоведения и истискусствоведения, истории и этнографии (прочитано 67 докладов и сообщений).

Конференцию открыл вице-президент АН КазССР, академик АН КазССР Б. А. Тулепбаев. Первым на пленарном заседании выступил Н. А. Баскаков (Москва) с докладом «Основные вехи развития уйгуроведения». Советское уйгуроведение, отметил он, сформировалось как комплексная дисциплина, охватывающая вопросы изучения языка, фольклора, литературы, национальной культуры, истории и этнографии уйгурского народа. До Великой Октябрьской социалистической революции усилиями многих ученых создан фундамент научного уйгуроведения. Большая роль в развитии как дореволюционного, так и советского уйгуроведения принадлежит члену-корреспонденту АН СССР С. Е. Малову — пионеру полевых исследований уйгурских языка, культуры и быта, автору многочисленных фундаментальных трудов, сохраняющих до наших дней важнейшее значение для уйгуроведения и тюркологии в целом.

Докладчик выделил четыре периода в развитии уйгуроведения после Великого Октября: два довоенных — 1920-е и 1930-е годы; два послевоенных — 1940—1950-е и 1960—1970-е годы. Каждый период характеризуется определенными достижениями в изучении языка, литературы и истории уйгуров. Н. А. Баскаков считает особенно актуальными следующие задачи советского уйгуроведения: издание научной нормативной грамматики современного уйгурского языка; составление диалектологического атласа и толкового словаря; создание обобщающего труда по истории уйгурской литературы; публикацию классиков уйгурской литературы; собрание, публикацию и исследование всех жанров уйгурского фольклора; создание обобщающей фундаментальной истории уйгурского народа, изучение проблем национально-освободительного движения в Восточном Туркестане¹.

В коллективном докладе Э. Н. Наджипа (Москва), А. Т. Кайдарова и Г. С. Садвакасова (Алма-Ата) «Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе. Итоги и проблемы» подчеркивалось, что в советское время бурно развивалась тюркологическая наука в целом и уйгуроведение, в частности. Важные научно-практические задачи, говорилось в докладе, были решены в связи с насущными потребностями культурной жизни советских уйгуров: созданием письменности, определением статуса литературного языка, изучением живой речи и языковых категорий и т. д. В качестве актуальных проблем уйгурского языкознания докладчики в первую очередь выделили исследования по истории, грамматическому строю, фонетике, диалектологии, лексикографии, лексикологии уйгурского языка.

¹ Подробнее см.: Н. А. Баскаков. Основные вехи развития советского уйгуроведения. — «Сов. тюркология». Баку, 1979, № 4, с. 3—9.

М. Алиева, К. Тохтамов (Алма-Ата) и У. Маматахунов (Ташкент) представили доклад «Расцвет литературы и искусства советских уйгуров». В нем отмечалось, что в условиях социалистического строя советские уйгуры получили широкие возможности для развития своей культуры. Открытие школ, издание газет и журналов на родном языке создали благоприятные возможности для формирования уйгурской советской литературы и искусства. Интенсивно и гармонично развиваются все литературные жанры, растет профессиональное мастерство уйгурских литераторов. Ныне при Союзах писателей Казахстана и Узбекистана организованы секции уйгурской литературы.

О достижениях советских ученых в историко-этнографическом исследовании уйгуров говорилось в докладе Г. М. Исхакова (Алма-Ата), С. Г. Кляшторного и А. М. Решетова (Ленинград). В нем отмечалось большое значение анализа уйгурских документов как источника для воссоздания социально-экономической, политической и отчасти культурной жизни уйгуров в древности и в средние века. В докладе охарактеризованы достижения в разработке проблем новой и новейшей истории уйгуров, особенно их борьбы против политики насильственной ассимиляции и феодального гнета китайских эксплуататоров. Далее докладчики показали успехи советских этнографов в исследовании этнокультурного развития уйгурского народа в социалистическом обществе. В последние годы совместное изучение традиционного и современного быта и культуры уйгуров проводят Институт этнографии АН СССР и Отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР. Имеются определенные успехи в антропологическом изучении уйгуров.

На секции «Языкознание» было зачитано около 20 докладов. Она начала свою работу с доклада одного из старейших советских тюркологов Е. И. Убрятовой (Новосибирск) «Следы уйгурского языка в тюркских языках Сибири». Некоторые вопросы истории языка рассматривались также в сообщениях О. Султаньяева (Кокчетав) «О терминах титулов и чинов, встречающихся в работах Ч. Валиханова о Восточном Туркестане», В. Махпирова (Алма-Ата) «О тюркской ономастике, встречающейся в „Дивану лугат-ат-турк“ Махмуда Кашгарского», Т. Т. Талипова (Алма-Ата) «К вопросу о тенденции соноризации анлаута в истории уйгурского языка».

Несомненный интерес для лингвистического изучения языков народов Казахстана имеют доклады А. Иманбаева и О. Накисбекова (Алма-Ата) о взаимодействии и взаимовлиянии уйгурского и казахского языков в регионах контактирования соответствующих народов на территории республики; Х. А. Насырова (Ленинабад) о месте таджикско-персидских взаимодействий в системе фразеологии современного уйгурского языка; О. А. Мизина (Елабуга) об обогащении уйгурского языка в современных условиях (появление омонимов как результат языковых контактов).

В докладе М. И. Трофимова (Ош) рассматривался один из вопросов, связанных с изучением взаимодействия уйгурского и русского языков — явление палатализации гласных в русизмах современного уйгурского языка.

Ряд докладов был посвящен грамматике современного уйгурского языка. Живое обсуждение вызвали доклады А. Г. Хамитовой (Ташкент) «Способы выражения степеней сравнения имен прилагательных в современном уйгурском языке» и К. А. Шариповой (Ташкент) «Аффиксальная синонимия в системе имен существительных в современном уйгурском языке».

Слабо изученные в лингвистическом и этнографическом плане проблемы были рассмотрены в обстоятельном докладе И. А. Исмаилова (Ташкент) «Изучение современного состояния системы терминов родства у уйгуров». Докладчик подчеркнул, что уйгурская терминология четко различает родство в собственном смысле этого слова и свойство. Подавляющее большинство уйгурских терминов родства имеет групповое значение и охватывает широкий круг лиц. Классификационный в основном характер системы сочетается с выделением индивидуальных терминов, например *ата, дада* — для отца, *ана, апа* — для матери, *эр* — для мужа, *хатун* — для жены и т. д. Большинство терминов различают пол называемого лица. Родственники по отцу и по матери обозначаются одними и теми же терминами. Вместе с тем у уйгуров отсутствуют устойчивые единые термины для некоторых категорий родственников и свойственников, что ставит вопрос о более углубленном изучении и воссоздании схемы развития системы родства и свойства у уйгуров.

В сообщениях Р. Ф. Тарасенко (Москва) и М. Занди (Ташкент) были затронуты вопросы, связанные с современным состоянием уйгурского литературного языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, и разоблачалась великоханьская политика китайских шовинистов, подвергающих уйгуров насильственной языковой ассимиляции.

На секции «Литературоведение и искусствоведение» было заслушано свыше 20 докладов. В докладе У. Маматахунова (Ташкент) «Некоторые вопросы изучения уйгурской классической литературы» убедительно показывалась актуальность работы по исследованию и популяризации памятников уйгурской классической литературы. Это связано главным образом с тем, что китайские шовинисты проводят в Синьцзяне политику, ущемляющую национальное достоинство уйгурского народа.

Доклад С. Моллаудова (Алма-Ата) был посвящен теме патриотизма в творчестве уйгурских поэтов XVIII в. Эта же тема развивалась в докладе И. Розыбакиева (Ташкент) «Отражение освободительной борьбы в творчестве Зунуна Кадыра».

О новонайденном Диване Хиркати рассказал А. Бакиев (Ташкент), новые сведения об уйгурском поэте XIX в. Хушхал Гариби привел Д. Джалилов (Ташкент).

В ряде докладов рассматривались проблемы взаимосвязи уйгурской литературы с литературами соседних народов. Так, Д. Рузиев (Ташкент) посвятил свой доклад влиянию традиции Навои на творчество А. Низари, П. Сабитова (Алма-Ата) — влиянию среднеазиатских советских литератур на уйгурскую литературу. В докладе М. Абдрахманова (Алма-Ата) «Традиция и новаторство в уйгурской советской поэзии» анализировались общественно-исторические предпосылки зарождения и становления уйгурской советской поэзии; выявлена преемственность некоторых тем и образов и дальнейшее их развитие в советскую эпоху. Докладчик убедительно показал активное влияние поэзии братских народов страны, особенно русской, на развитие современной советской уйгурской поэзии. Р. Кадыри (Ташкент) на примере творчества ведущих уйгурских писателей Л. Муталлиба, П. Азизи, Н. Босакова, З. Самади проанализировал неразрывную связь национального и интернационального в уйгурской литературе.

В докладе М. Алиевой (Алма-Ата) рассматривались фольклорные традиции в уйгурской классической литературе. Два доклада были посвящены музыкальному фольклору. В докладе А. Хашимова (Ташкент) говорилось об изучении уйгурских 12 мукамов, в докладе Т. М. Алибакиевой (Алма-Ата) — о связи уйгурского народного музыкального искусства и мукамов. Профессиональному музыкальному искусству уйгуров в советское время был посвящен доклад К. Ф. Кириной (Алма-Ата); «Современность на сцене Уйгурского театра музыкальной комедии» — тема сообщения А. Н. Кадырова.

Проблеме изучения классического культурного наследия — всемирно известных архитектурных сооружений Минг-уй («Пещера тысячи будд») — посвятил доклад И. Тухтияев (Ташкент). Пещерные храмы и монастыри Восточного Туркестана, созданные в период с I—II по VII—VIII вв., связаны с буддизмом, проникшим сюда во II—I вв. до н. э. из соседних западных районов. Минг-уй — гармоничный синтез архитектуры, скульптуры и живописи, является ценным источником для изучения культуры и быта древних и средневековых народов Восточного Туркестана, их этнокультурных связей с соседними народами.

О художественном оформлении изделий из металла у уйгуров рассказала Р. У. Каримова (Алма-Ата). Материалом для ее доклада послужили уйгурские коллекции Музея искусств КазССР.

Свыше 20 докладов было заслушано на секции «История и этнография». С. Г. Кляшторный (Ленинград) рассказал о новых открытиях древней уйгурских рунических памятников в Центральной Азии, Д. Д. Васильев (Москва) — об особенностях графического фонда уйгурской руники Восточного Туркестана. Как показал Д. Д. Васильев, среди памятников древнетюркской письменности рукописные и эпиграфические тексты из Восточного Туркестана могут быть выделены по нескольким различным признакам — фольклорным, функциональным, хронологическим. Эти памятники, как и ряд других из Монголии и Южной Сибири, связанных с именами представителей уйгурских династий, получили в специальной литературе определение «памятники древнеуйгурского периода». Систематизация особенностей графики и последующий анализ графического фонда позволили выделить в регионе три группы памятников, отличающихся друг от друга палеографическими характеристиками. Освоение в качестве исторического источника графического фонда древнетюркской руники дает возможность существенно пополнить сведения о внутренней этнолингвистической структуре средневековых тюркоязычных государственных образований Центральной Азии.

Д. И. Тихонов (Ленинград) охарактеризовал основные этапы развития культуры уйгуров. Он убедительно показал, что хотя цинское завоевание Восточного Туркестана в середине XVIII в. и затормозило, но не прервало развития уйгурской культуры, происшедшего в постоянных контактах с соседними народами. Великая Октябрьская социалистическая революция оказала животворное влияние на дальнейшее развитие культуры уйгуров.

В докладе Л. П. Потапова (Ленинград) впервые рассматривался вопрос о древнейших элементах в традиционной культуре современных тюркоязычных алтае-саянских народов. Докладчик привлек значительный этнографический материал, письменные уйгурские и китайские источники древнетюркского времени, лингвистические и археологические данные, что позволило выявить большой пласт древнеуйгурских элементов, особенно в шаманских верованиях алтае-саянских народов. Ему удалось не только установить параллели, но и показать полную аналогию, например, ряда свадебных обычаев, шаманских обрядов, ритуальной терминологии у древних уйгуров с явлениями, недавно существовавшими у тувинцев, алтайцев, шорцев и хакасов. Автор обоснованно отнес эти древние уйгурские элементы ко времени Уйгурского каганата (IX в.) и доказал принадлежность их тем группам уйгуров, которые именовались «он уйгур» и «токуз уйгур». Именно эти группы уйгуров явились субстратом, на основе которого в дальнейшем формировались современные тюркоязычные алтае-саянские народы. Среди них до наших дней сохранились такие родоплеменные названия, как «уйгур», «он уйгур». Доклад Л. П. Потапова представляет значительный интерес и в плане современных исследований, посвященных историческим, этнографическим и этнокультурным связям между народами СССР и их общему культурному наследию.

В Институте востоковедения АН УзССР, как стало известно из доклада М. Кутлук ова (Ташкент), хранятся рукописи и документы на уйгурском и персидском языках — ценный источник для изучения истории Восточного Туркестана с XVI в. до 60-х годов XIX в. и его взаимосвязей со Средней Азией. Эти материалы помогают, например, уточнить некоторые факты по истории Яркедского ханства, образованного в начале XVI в. и просуществовавшего почти 170 лет. Это ханство способствовало консолидации уйгурского народа, развитию его культуры, укреплению его силы, могущества. В рукописях содержится немало ценных сведений о борьбе за власть между феодальными группировками «черногорцев» и «белогорцев».

Б. П. Гуревич (Москва) представил доклад «Вопросы истории народов Синьцзяна в историографии КНР». Он подверг аргументированной критике современные «концепции» китайских ученых, пытающихся доказать, что Синьцзян всегда был составной частью Китая. С помощью таких «построений» китайская маоистская пропаганда старается обосновать «правомерность» вторжения Цинской империи в начале XVIII в. в северо-западные районы Центральной Азии, затушевать завоевательный характер политики китайских феодалов, скрыть их злодеяния на землях уйгуров, казахов и других неханьских народов, в частности почти полное физическое уничтожение ойратов. На примере некоторых работ современных китайских авторов (Люй Чжэнь-юй, Гу Юнь, Ма Юн и др.) докладчик показал, как в угоду великодержавно-шовинистическому курсу пекинского руководства подтасовываются и искажаются факты, замалчивается то, что по каким-либо соображениям невыгодно Китаю, как некоторые положения современных китайских ученых противоречат их прежним высказываниям и т. д. Некоторые историки КНР грубо фальсифицируют миграционную проблему, связанную с передачей Россией Илийского края Китаю в 1881 г., после чего значительная часть его населения, прежде всего уйгуры, бежала от маньчжуро-китайских карателей из Синьцзяна в Казахстан и Среднюю Азию.

В докладе И. И. Юсупова (Алма-Ата) «Цинское завоевание Восточного Туркестана и его последствия» был показан насильственный характер включения Алтышара в состав Китая в 1759 г. Докладчик выделил следующие факторы, способствовавшие относительно быстрому и легкому завоеванию Восточного Туркестана цинским Китаем: феодальная раздробленность и крайнее обострение внутривнутриполитической борьбы между белогорскими и черногорскими ходжами (что привело к истощению и фактическому расколу страны на два непримиримых лагеря), укрепление положения Китая в Халхе и Джунгарии после разгрома антицинского выступления князя Цэнгуньжаба Хотогойского и подавления освободительного восстания ойратов во главе с Амурсаной (1756—1757 гг.), благоприятная международная обстановка и т. д.

А. Кадырбаев (Алма-Ата) выступил с сообщением «О культурной роли уйгуров в империи Юань. XII—XIV вв. (по китайским источникам)». В юаньскую эпоху уйгуры, входившие в состав привилегированного сословия «сэму» («сэжань»), играли, по словам докладчика, значительную роль в различных областях жизни страны. По существу они наряду с монголами входили в состав полиэтнического правящего класса. Монголы не имели достаточного опыта управления такой громадной империей и, полностью не доверяя собственным китайским кадрам, привлекали уйгуров к участию в руководстве страной и ее духовной жизнью. Только в последний период правления династии (1295—1368 гг.) в китайских источниках упоминаются 47 уйгурских ученых и членов Академии Ханьлинь; из них 26 имели высшие ученые степени *цзиньши*. Уйгуры переводили на монгольский и китайский языки произведения буддийской литературы, участвовали в разработке государственных актов, служили чиновниками при дворе императора и т. д.

Доклад О. В. Зотова (Москва) был посвящен анализу отношений между двумя кашгарскими городами Комулом и Турфаном в XIV—XVI вв. и Минским Китаем. Эти нейтральные города-государства были расположены между улусом Чагатай и империей Юань. По мнению докладчика, Комул оставался в это время самостоятельным городом-государством, население которого, уйгуры, исповедовало и мусульманство и буддизм. Хотя в источниках содержатся сведения о принесении Комулом дани Минам, это еще не говорит в пользу той точки зрения, что это уйгурское государство подчинялось Китаю, так как эта «дань» по существу являлась, как установлено советскими синологами, формой меновой торговли. Комул всегда тяготел к Турфану, и Китаю не удалось сделать буддийских правителей Комула своими союзниками. С переходом власти к мусульманам китайцы после 1513 г. вообще отказались от попыток поддерживать с Комулом даже подобие политического союза.

В докладе А. И. Нарынбаева (Фрунзе) была предпринята попытка проанализировать проблемы развития уйгурской прогрессивной общественно-философской мысли второй половины XIX в.

Т. К. Бейсембиев (Алма-Ата) посвятил свое выступление известиям «Та'рхи-и Шахрухи» о Восточном Туркестане. Этот труд, официальная придворная хроника правителей Коканда от начала XVIII в. и до 70-х годов XIX в., дает возможность уточнить ряд вопросов истории Восточного Туркестана и проследить некоторые проблемы межэтнических отношений народов, живших в этом регионе.

В докладе В. С. Кузнецова (Москва) подробно рассмотрен вопрос о вкладе русских ученых в изучение материальной культуры уйгуров. Эта проблема, сказал докладчик, ныне особенно актуальна в связи с тем, что в современной западной, а тем

более в китайской историографии делаются попытки замолчать или преуменьшить вклад русской науки в изучение цивилизации народов Центральной Азии, в частности уйгурской культуры. Между тем в 1879 г. один из подлинных первооткрывателей древностей этого региона, русский естествоиспытатель Э. А. Регель не только обнаружил в Турфанском оазисе остатки г. Ходжо, бывшей столицы Уйгурского государства, но и высказал принципиально важное суждение о наличии в Турфане самобытной культуры (архитектуры и зодчества), созданной местными народами. Западноевропейские исследователи А. Стейн, А. Фон Ле Кок и др. были уже только последователями А. Регеля. В докладе говорилось об огромном вкладе во всестороннее изучение памятников материальной культуры собственно Кашгарии А. Ф. Петровского, с именем которого связано обследование таких памятников, как Хан-уй и Учма-Раван. Его выводы о самостоятельных центрах уйгурского ремесла заставили исследователей критически подойти к существовавшему прежде одностороннему представлению о Китае как о «мировой мастерской», снабжавшей ремесленными изделиями соседей. В докладе характеризовалась деятельность ученых, способствовавших искоренению ложных представлений о якобы примитивном характере земледелия и ремесла у уйгуров. Это Г. Е. Грум-Гржимайло, подробно описавший гидротехнические сооружения у уйгуров, в частности кяризы, а также Б. Л. Громбчевский, собравший материал о нефритовом ремесле у уйгуров Яркенда и Хатана. Таким образом, усилиями русских ученых были впервые прочитаны яркие страницы многовековой истории материальной культуры народов Восточного Туркестана, в том числе уйгуров.

М. Н. Кабиров (Алма-Ата) рассказал о прогрессивном значении переселения илийских уйгуров в Семиречье; Д. Исиев (Алма-Ата) — об участии уйгуров в Великой Отечественной войне, М. И. Ерзин (Алма-Ата) — о становлении и развитии уйгурской советской печати.

В сообщении М. Д. Савурова (Ташкент) был рассмотрен вопрос о межнациональных браках у уйгуров УзССР (на примере колхоза им. Ким Пенхва Ташкентской обл.). По оценочным данным, за период с 1968 по 1979 г. доля смешанных браков составила около 10%. Вступают в них преимущественно уйгуры-мужчины, которые женятся на узбечках.

Доклад на тему «Культурно-исторические и этнографические факторы в распространении садовых растений» прочитал С. Ю. Турдиев (Алма-Ата). На большом фактическом материале, основываясь на учении Н. И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений, докладчик показал вклад уйгуров в развитие садоводства и распространение садовых растений в Восточном Туркестане.

А. Акимбек (Алма-Ата) рассказал о собранной им этнографической уйгурской коллекции и продемонстрировал отдельные предметы из этой коллекции. Доклад сопровождался показом кинофильма об уйгурских народных мастерах.

На заключительном пленарном заседании конференции был заслушан доклад Т. Р. Рахимова (Москва) о современном положении в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

На заседаниях секции состоялось оживленное обсуждение заслушанных докладов. Конференция вызвала большой интерес у уйгурской общественности: прибыли делегации из основных районов наиболее компактного расселения уйгуров. На пленарных заседаниях присутствовало до 500 гостей. Участники конференции побывали в уйгурских селах, присутствовали на концертах уйгурской художественной самодеятельности, на спектакле Уйгурского театра музыкальной комедии.

Конференция показала высокий уровень развития уйгуроведения в СССР, что является одним из ярких свидетельств торжества ленинской национальной политики и братской дружбы народов СССР.

В принятой на конференции резолюции намечены практические меры по дальнейшему развитию уйгуроведческих исследований в нашей стране, совершенствованию структуры Отдела уйгуроведения Института языкознания АН КазССР, (создание лингвистического, историко-этнографического секторов, а также группы искусствоведения), обеспечению подготовки кадров уйгуроведов как на местах (в Алма-Ате и Ташкенте), так и в традиционных центрах подготовки тюркологов (Москва и Ленинград): Решено издать материалы настоящей конференции. Следующую конференцию намечено провести в г. Алма-Ате в 1982 г.

А. М. Решетов

ОДИННАДЦАТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОКЕАНИСТОВ И АВСТРАЛОВЕДОВ

Ежегодные конференции советских ученых-гуманитариев, посвященные исследованию стран и народов Австрало-Океанийского региона, становятся уже традицией¹. Очередная, одиннадцатая, научная встреча океанистов и австраловедов была проведе-

¹ О предыдущих конференциях см.: «Сов. этнография», 1968, № 6; 1969, № 5; 1970, № 6; 1971, № 5; 1974, № 3; 1975, № 5; 1976, № 3; 1978, № 4; 1979, № 6.

на в Москве 14—15 апреля 1980 г. В отличие от предыдущих, где заслушивались доклады на самые различные темы, эта конференция была ограничена проблемой «Австралия и Океания в современном мире». Как отметил председательствовавший на конференции К. В. М а л а х о в с к и й (Ин-т востоковедения АН СССР), такие тематические рамки были выбраны не случайно: неуклонно возрастает удельный вес этого региона в мировой экономике и политике, здесь возникают все новые и новые независимые государства.

Собственно этнографическая проблематика была представлена на конференции тремя докладами.

В докладе Н. А. Б у т и н о в а (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Социальная организация микронезийцев острова Понапе» было показано, как важно учитывать при оценке современного положения в Микронезии значение традиционных общественных институтов, в частности роль наследственных вождей. Проанализировав этносоциальную структуру коренного населения Понапе, докладчик пришел к выводу, что элементы традиционного жизненного уклада проявляют здесь большую устойчивость, приспосабливаясь к новым условиям. В связи с этим на Понапе как бы сосуществуют «западные» и традиционные социальные институты, причем последние все еще занимают очень важное место в жизни островитян.

Во многом сходные вопросы были рассмотрены М. С. Б у т и н о в о й (Музей истории религии и атеизма, Ленинград). Как отметила докладчица, в современной Полинезии при всех происшедших там переменах стойко сохраняется авторитет вождей, начиная от низших (главы большесемейных общин) и кончая верховными, которые в ряде случаев управляют целыми островами и архипелагами. Истоки устойчивости института вождей следует искать в доколониальном обществе, где существовал своеобразный культ вождей, связанный с выполнением ими жреческих функций. Этот культ явился следствием далеко зашедшей социальной дифференциации, усиления реальной власти вождей. Следы этого института — разумеется, в сильно видоизмененной и ослабленной форме — дают о себе знать и в современной Полинезии.

Д. Д. Т у м а р к и н (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) выступил с докладом «Современная этнокультурная ситуация в Папуа Новой Гвинее». Отметив, что в ПНГ социальная архаика усугубляется необычайной этнолингвистической дробностью, докладчик охарактеризовал основные типы этнических общностей, ныне существующие в этой стране: 1) племена-этникосы и соответствующие им по размерам мелкие этнотерриториальные группы, 2) этнотерриториальные комплексы, 3) протонародности. В ПНГ на разных уровнях развиваются сложные процессы межэтнической интеграции, высшим проявлением которых является постепенное формирование папуа-новогвинейской метаэтнической общности. В условиях крайней социально-экономической неразвитости ПНГ особенно важную роль в процессе сложения этой общности играют надстроечные, культурно-идеологические факторы, в частности единая система просвещения, новые литература и искусство. Наряду с английским в качестве основного языка межэтнической интеграции выступает *ток писин* (неомеланезийский язык). Важно также учитывать, что этот язык является формой существования особой субкультуры, которая включает черты «западной» и традиционных культур, но не сводится ни к одной из них и нередко их отрицает.

Среди других докладов, представляющих интерес для этнографов, следует прежде всего назвать доклад В. П. Н и к о л а е в а (Ин-т востоковедения АН СССР) «„Традиционалистские“ движения и политические партии в независимых государствах Океании». Как показал докладчик, антиколониальная борьба океанийских народов породила разнообразные формы массовых движений — от «традиционалистских» (религиозно-культурные, миллениаристские, особенно распространенные в Меланезии) до политических партий, появившихся в последние два десятилетия. В колониальный период «традиционалистские» движения прошли в своем развитии путь от стихийного протеста и пассивного ожидания перемен до активного сопротивления колонизаторам, борьбы за землю и местное самоуправление. Но они, как правило, не могли подняться до борьбы за независимость соответствующих территорий, а после обретения этими странами независимости нередко превращались в сепаратистские движения. Политические партии стали важным элементом социальной структуры в ПНГ, на Фиджи, на Соломоновых островах и в Вануату.

Важные вопросы развития австралийской культуры были освещены в докладе А. С. П е т р и к о в с к о й (Ин-т востоковедения АН СССР) «Государство и борьба за национальную культуру в Австралии». В послевоенный период роль австралийского буржуазного государства в сфере культуры как организатора, финансового донора и орудия контроля существенно возросла. Кульминацией движения за увеличение государственных ассигнований на нужды культуры явились реформы, проведенные лейбористским правительством в 1973—1975 гг. Сокращение этих ассигнований после прихода к власти блока консервативных партий либералов и аграриев еще более усилило зависимость писателей, художников, деятелей театра и кино от частного капитала, диктующего свои вкусы и определяющего идеологическую направленность произведений искусства.

Четыре доклада сотрудников Института востоковедения АН СССР были посвящены актуальным социальным и политическим проблемам Австралии и Новой Зеландии. Внутренняя политика лейбористских правительств этих двух стран в 1972—1975 гг.

была рассмотрена в докладах О. В. Жаровой и Л. Г. Стефанчук. Новые тенденции в рабочем движении Австралии проанализировал Н. А. Гневушев. Тема выступления И. В. Ковлер — «Буржуазные политические партии и выборы в Новой Зеландии в 70-х годах». Во всех этих докладах уделялось, в частности, внимание политике правящих кругов в отношении коренного населения, приводились данные о современном положении маори и австралийских аборигенов.

Различные аспекты экономики и внешнеполитических связей Австралии были рассмотрены в докладах В. М. Андреевой (Ин-т востоковедения АН СССР), В. В. Прокурнова (Конъюнктурный ин-т Министерства внешней торговли СССР), Б. Б. Рубцова (Московский финансовый ин-т) и А. Ю. Сучкова (Ин-т востоковедения АН СССР). Как показали докладчики, диалектика развития Австралии на современном этапе заключается в том, что эта страна не только является объектом экспансии американских, английских и японских монополий, стремящихся овладеть ее недавно открытыми огромными запасами полезных ископаемых, но и сама претендует на роль средней империалистической державы со своей «сферой влияния» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Между Австралией и Новой Зеландией усиливается экономическая интеграция при ведущей роли в этом процессе австралийской стороны. Оба государства рассматривают юго-западную часть Тихого океана в качестве зоны своих особых интересов и, проводя политику неокOLONИализма, стремятся удержать молодые освободившиеся страны Океании под своим влиянием и контролем.

В. С. Стариков (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в своем выступлении рассказал об австралийском Обществе Миклухо-Маклая, основанном в марте 1979 г. Среди учредителей Общества — внуки Н. Н. Миклухо-Маклая, живущие в Сиднее, видные деятели науки и культуры. Его коллективными членами являются Географическое общество СССР и Институт этнографии АН СССР. Общество ставит своей целью популяризировать в Австралии научную и общественную деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, поощрять исследования, продолжающие труды выдающегося русского ученого-гуманиста, способствовать развитию научных и культурных связей между Австралией и СССР.

В своем заключительном слове К. В. Малаховский справедливо отметил плодотворность регулярных встреч советских океанистов и австраликов, подчеркнув, что комплексный подход к изучению современных проблем Австралии и Океании позволяет глубже исследовать основные тенденции развития стран и народов региона. В связи с этим достойно сожаления, что на данной конференции отсутствовали доклады лингвистического и литературоведческого характера, явно недостаточно была представлена этнографическая проблематика. Вопреки традиции, на этой встрече выступали ученые только Москвы и Ленинграда. Желательно, чтобы в дальнейшем в организации таких конференций более активное участие принимали Советский национальный тихоокеанский комитет АН СССР и Институт этнографии АН СССР.

Д. Д. Тумаркин

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ III МЕЖДУНАРОДНОГО ФРАКОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

Раздел знаний, называемый фракологией, в последнее время получил особенно широкое развитие. Он посвящен изучению фракийцев — древнего этноса, с эпохи бронзы и вплоть до первых веков нашей эры игравшего весьма существенную роль в политической, экономической и культурной истории племен и народов Балкано-Карпатского региона и Малой Азии. До последнего времени фракология опиралась главным образом на исторические науки — историю, археологию, нумизматику, эпиграфику, а также лингвистику и антропологию. Уже два первых фракологических конгресса были весьма показательны в этом отношении. В последнее время все более значительное место во фракологических исследованиях начала занимать этнография.

III Фракологический конгресс проходил в Вене 2—6 июня 1980 г. Он был посвящен приближающемуся 100-летию со времени выхода в свет труда венского ученого В. Томашека о фракийцах, положившего начало фракологии как науке¹. Конгресс был весьма представительен: в нем принимали участие ученые из Австрии, НРБ, ВНР, ГДР, Греции, Италии, ПНР, СРР, СССР, ЧССР, Швейцарии, СФРЮ, Японии и других стран.

Помимо традиционных для фракологических конгрессов секций по истории, археологии и лингвистике на III Конгрессе были созданы секции этнографии и исторического культурного наследия античности — обстоятельство, озаменовавшее факт включения этнографии в круг научных дисциплин, широко и постоянно используемых во фракологических исследованиях. Об этом же свидетельствует и постановка доклада по этногра-

¹ W. Tomasek. Die alten Thraker. — «Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», Bd 128, 130, 131. Wien, 1893—1894.

фической тематике на пленарном заседании конгресса. Тенденция к расширению этнографической проблематики была заметна и в том, что в докладах по археологии эпохи энеолита и бронзы особое звучание приобрели вопросы этногенеза фракийцев, проблемы преемственности в их развитии на Балканах от древнейших эпох до периода бытования здесь исторически засвидетельствованных фракийских племен. Вероятно, этим широким выходом этнографической тематики на арену международного конгресса по фракологии объяснялось стремление докладчиков подвести некоторые итоги тому, что уже было сделано до 1980 г.

Такой подход, как нам представляется, отражен в докладе Т. Д. Златковской (СССР) «В. Томашек, фракийское наследство и современная этнография». В докладе, с одной стороны, отмечалась роль исследований В. Томашека, положившего начало изучению вклада фракийских культов и ритуалов в формирование современной обрядности народов Юго-Восточной Европы. С другой стороны, докладчица отметила расширение и углубление исследований по древнефракийскому обрядовому наследству в современной этнографической науке, что дало возможность наметить некоторые из линий преемственности, так сказать, каналы, по которым фракийское наследство вливалось в реку формирующейся обрядности южных славян и восточных романцев. Это, во-первых, такое восприятие фракийского ритуала, при котором современной обрядностью усваивается часть обрядового кода, сохраняющего специфические фракийские черты. Во-вторых, влияние фракийской обрядности проявляется также в выдвигении на первый план тех элементов, которые у некоторых древнеславянских племен до прихода на Балканы были второстепенными, или же, наоборот, в отходе на задний план под фракийским влиянием первостепенных элементов славянского обряда. Наблюдается, в-третьих, сохранение целой цепи взаимосвязанных древних фракийских (и даже индоевропейских) культовых персонажей, отдельные звенья которой могут соединяться в отличную от древней смысловую схему. Фракийская традиция в современных обрядах может проявляться, в-четвертых, также в особом приурочении обряда, объясняемом ритуальным календарем фракийцев.

Большой интерес вызвали секционные доклады, освещавшие различные аспекты фракийского влияния на европейскую культуру от эпохи поздней античности до настоящего времени. Значительную роль фракийского субстрата в формировании болгарской культуры, государства и болгарского этноса подчеркнула В. Типкова-Займова (НРБ) в докладе «Фракийское наследство. Исторические и культурные аспекты». Ею выделены два этапа фракийского влияния: первый — до формирования Болгарского государства на Балканах, когда контакт древнего оседлого населения и появившихся на Балканах племен происходил вследствие сосуществования этих двух компонентов в сельских населенных пунктах и античных городах, сохранявших древнюю специфику; второй этап охватывает период создания болгарской национальной культуры, в которой прослеживается социальное и культурное влияние античной эпохи (урбанизация, особенности церковной архитектуры, декоративного искусства, фольклора). Передача фракийских и греко-римских элементов культуры происходила, таким образом, либо прямым путем, либо опосредствованно, через византийскую культуру.

В докладе М. Станчевой (НРБ) «Некоторые явления во фракийской культуре в эпоху поздней античности» был показан расцвет творческой активности фракийцев в различных областях культуры и искусства в IV—VI вв. Упадок в этот период Римской империи был стимулирующим фактором для развития собственно фракийской культуры. Этот феномен должен объясняться ослаблением римского политического и культурного влияния в дунайских и балканских провинциях. Города и сельские виллы с IV в. заполняются местными сельскими жителями, которые были носителями традиционной фракийской культуры; они внесли особую струю в самобытное искусство (особенно в архитектурный декор и скульптуру) фракийских областей, основанное на фракийской системе эстетических ценностей, отличной от римской.

Роль фракийцев в этногенезе и культуре болгар подчеркнул и Ат. Милчев (НРБ) в докладе «Фракийское наследство в средневековой культуре болгар». Он критиковал теорию полного исчезновения фракийского этноса, отрицающую контакты между фракийцами и славянами, и присутствие элементов фракийской культуры в прото-болгарской и болгарской культуре. Напротив, докладчик увидел проявление античного влияния (которое он не отделяет от фракийского) в факте непрерывного существования фракийских поселений, культовых и крепостных сооружений от доримской до средневековой (иногда и до современной) эпохи. Производство ремесленных изделий во Фракии в позднеантичное время (сосуды, строительная керамика, изделия из металлов и камня и др.) свидетельствует о наличии высококвалифицированных местных мастеров, создавших свои собственные формы и стиль. Не менее значительно и влияние на болгарскую культуру фракийского искусства, составляющего существенную часть фракийского наследства.

На иные стороны той же проблемы фракийского влияния на болгарскую культуру обратила внимание М. Велева (НРБ) в докладе «Наследие фракийского села в народной культуре болгар». Существенная роль именно сельского населения в передаче фракийского наследства ярко ощущается в формах сельскохозяйственных (как пахотных, так и виноградарских) орудий, в организации скотоводства, домашних ремеслах (особенно в изготовлении изделий из дерева), в ткачестве (например, вязание тканей), в орнаментации тканей и в формах одежды.

И. Георгиева (НРБ) говорила о проблемах преемственности в духовной культуре болгар. Она отметила, что духовные ценности передаются двумя путями: с помощью межэтнических связей внутри одного общества и путем бытовых связей различных этносов между собой. Влияние тех и других контактов славян с фракийцами сказалось в мифологии (мифы о змее — покровительнице семьи, о добровольной жертве животного), обрядах, связанных со скотоводством (почитание св. Георгия), в свадебном и погребальном обрядах. Фракийское наследие ощущается и в фольклоре.

Весьма существенный вопрос об использовании славянами на Балканах фракийских трудовых навыков и орудий был освещен Н. Колевым (НРБ) в докладе «Фракийские орудия у болгар». Ассимиляционный процесс на Балканском полуострове в IV—VII вв. закончился победой славянских элементов в культуре болгар. Это, однако, не означало исчезновения в ней следов фракийской культуры. Они проявились и в духовной, и в материальной культуре болгар, в частности, в сельскохозяйственных орудиях. Речь идет о различных видах плугов, гладких серпах, так называемой «паламарке» (род деревянной «перчатки», используемый жнецами), «диканье» (лат. *tribulum*), а также некоторых виноградарских орудиях. Орудия и навыки, воспринятые славянскими племенами на Балканах, способствовали продуктивному развитию сельскохозяйственной техники в средневековой Болгарии.

Г. Алдеа (СРР) в докладе «Элементы гето-дакийских коммуникаций, сохраненные в народном румынском искусстве» отметил, что декоративные мотивы в народном искусстве румын сохранили орнаментальные символы; известные в Карпато-Дунайско-Понтийской области с эпохи неолита и бронзы. В некоторых из них он увидел аналогии с идеограммами или словами хеттской письменности и письменности Хараппы.

Значение образа Орфея — фракийского мифологического певца и игрока на кифаре — в творчестве европейских композиторов отметила в своем докладе Л. Брашова-ванова-Станчева (НРБ), указавшая, что этот образ вдохновлял Л. Росси, Хр. В. Глюка, И. Гайдна, Ф. Листа, Я. Оффенбаха, И. Стравинского и многих других корифеев музыкального искусства.

В докладе В. Пухнер (Австрия) «Некоторые обряды переодевания и церемонии в Южной Фракии и гипотеза греческого театра» было обращено внимание на свидетельства источников об обряде переодевания у фракийцев, совершаемом во время дионисических культовых действий. Этот обряд оказал существенное влияние на формирование раннего этапа древнегреческой драмы.

В докладе И. Нандрис (Англия) «Джебеле горы Синай. Этно-историческое исследование фракийских черт Юстиниановского изолята, оторвавшегося от влахов» была поставлена проблема, не затронутая другими докладчиками, но тем не менее представляющая значительный интерес для общей этнографии. Это проблема сохранения этноса и определяющих его признаков в инонациональной среде, рассмотренная в данном случае на материале особой группы населения Южного Синая — джебелехских бедуинов. По самосознанию и ряду этнических особенностей они отличаются от окружающего их населения горы Синай. Письменные источники и устная традиция сохранили сведения о том, что они — потомки охранников монастыря «Метаморфозис» (позднее — св. Екатерины), посланных сюда из Влахии императором Юстинианом в 535 г. Джебеле приняли ислам и многие элементы культуры бедуинов, но сохранили и некоторые свои этнические особенности. Автор полагает, что император Юстиниан, сам выходец из южнодунайских областей, для несения охраны монастыря мог выбрать нижнедунайских жителей, говорящих на латыни. Таким образом, бедуины-джебеле являются скорее всего потомками фракийцев, и изучение тех этнических особенностей, которые отличают их от окружающего населения, должно способствовать реконструкции специфики древнефракийского этноса.

Многообразие и разнообразность этнографических проблем на III Фракологическом конгрессе указывают на перспективность такого рода исследований. До настоящего времени фракология давала и дает сейчас много ценных материалов по древнейшей и древней (собственно античной) истории крупного Балкано-Карпатского региона Европы. Этнографические исследования позволяют фракологии выйти в современную тематику, указывая на роль фракийского этноса в этногенезе современных народов Юго-Восточной Европы и на преемственность древней этнокультурной традиции. Эти исследования требуют дальнейшего усиления и координации работы фракологов, занимающихся проблемами древнебалканского этнокультурного наследия народов Юго-Восточной Европы.

Т. Д. Златковская

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 24 сентября по 21 октября 1979 г. в Серахском, Кушкинском, Тахта-Базарском, Иолатанском и Марыйском районах ТССР работал этнографический отряд Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР в

составе А. Оразова (начальник отряда), А. Долгова, А. Теджева, Г. Мырадова, С. Шаманова (шофер). Цель работы — сбор новых полевых этнографических и иллюстрационных материалов по плановым

темам сектора этнографии: «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Туркменистане» и «Историко-этнографический атлас Туркменистана».

Следует отметить, что каждый участник экспедиции интересовался не только своей узкой тематикой, но и многими другими вопросами этнографии населения Юго-Восточной Туркмении в прошлом и настоящем.

А. Оразов и Г. Мырадов собирали сведения преимущественно по вопросам хозяйственной деятельности населения Юго-Восточной Туркмении в прошлом и настоящем, по традиционным и новым обычаям, обрядам и праздникам, связанным с производственной деятельностью, семейно-бытовым обрядам, этнической истории и др. Среди сведений о семейно-бытовых обрядах наибольший интерес представляют данные о магических функциях некоторых имен детей, а также об отдельных способах «лечения» от бесплодия. Так, среди туркмен-салыров Серахского оазиса существовал в прошлом ряд магических обрядов, связанных с волком. Считалось, что бездетная (бесплодная) женщина, перешагнув через волка, якобы могла родить ребенка. Если после совершения такого обряда, у нее рождался ребенок, ему давали имя, содержащее слово «волк», мальчикам — Курт, Можек, Аннакурт, Куртмурат и др., девочкам — Огулкурт, Язкурт и др. В случае, если у женщины часто умирали дети, то новорожденного проносили через пасть волчьего черепа, назывался этот обряд «моджегинг зренинден гечирмек». Если ребенок был большим, то волчьи челюсти раздвигали, специально скрепляя веревочкой. После совершения данного обряда мальчику также давали имя Гурт, Можек и др., а девочке — Огулгурт, Язгурт и др.

Получены сведения об обрядовой пище туркмен-сарыков и салыров в прошлом, об их похоронных обрядах и обрядовом фольклоре.

А. Теджев собирал материал, главным образом, по верованиям, обычаям и обрядам туркмен-салыров, сарыков, текинцев, связанным с их религиозными верованиями и семейным бытом. В частности, им собран интересный материал о детских обрядах, о шаманстве, о пережитках домусульманских верований и представлений, в частности о духах (джин, аджина и др.).

А. Долгов уже в течение ряда лет изучает туркменские ремесла и домашние промыслы. В 1979 г. он собирал материалы о

традиционных ремеслах и промыслах, а также о современном состоянии кузнечного, ювелирного, гончарного, ткацкого и др. промыслов и тех изменениях, которые произошли в них за советский период. В результате последней экспедиции А. Долговым были собраны новые сведения о технологических процессах различных видов ремесленного производства, о сбыте готовых товаров, о жизни и деятельности ремесленников, работающих ныне в обследованных районах.

Интересно отметить, что в прошлом у салыров вода и земля распределялись по количеству женатых членов общества. Значительный интерес представляют сведения об обычаях и обрядах, связанных с земледелием, — «гоша гавун», «харман той», «хыдыр кесек», «хакгулла», «хасыл той» и др., записанные в Серахском и Кушкинском районах. Так, согласно древнему обычаю земледельцев уродившуюся на бахче сдвоенную дыню («гоша говун», или «хыдыр горен гавун») хозяин должен отнести вместе с 9 дынями какому-нибудь состоятельному хозяину. Тот, кто ее получал, должен был ответить каким-либо подарком, чаще всего козленком или ягненком. Сдвоенную дыню вешали в доме на видном месте и держали до тех пор, пока она не начинала портиться, остальные 9 дынь съедали. Тот, кто получал козленка или ягненка, резал его и устраивал ритуальное угощение в честь мифического патрона земледелия Бабадайхана. Описанный обычай известен и текинцам.

Среди туркмен-салыров до недавнего времени сохранялся ряд своеобразных обычаев, связанных с хашарной работой («газы»). Так, во время хашарных работ, когда рабочие по очистке арыка — газычы шли по аулу, каждое хозяйство, к которому они подходили, давало им два чурека, а некоторые зажиточные хозяйства устраивали угощение, зарезав барана. У салыров в прошлом бытовал также древний обычай — при первом, после очистки, пуске воды в арык в нее бросали мираба, чтобы арык был многоводным, а урожай хорошим.

Изучался также скотоводческий хозяйственный цикл, связанные с ним обычаи и обряды, терминология. Так, у салыров и сарыков байские хозяйства скотоводов делились на две категории — «улы бай» и «кельте бай». Хозяйства «улы бай» имели по несколько отар овец, рабочих верблюдов и свои колодцы в песках. В скотовод-

ческих хозяйствах «кельте бай» обычно было одно стадо овец, и выпасали его на пастбищах у аула в приоазисных песках; иногда имелся свой колодец.

Мы подробно записали обычаи и обряды, связанные со строительством и эксплуатацией, чисткой колодцев, очищением воды в них.

В ходе работы экспедиции мы записали в двух местах народный календарь туркмен и связанные с ним земледельческие работы (время сева, полива, жатвы и др.). Следует отметить, что традиционный народный земледельческий и скотоводческий календарь у туркмен до сих пор не потерял своего хозяйственного значения и нередко используется дехканами и в наши дни.

Во время поездки нами собраны разнообразные сведения и о семейно-бытовых и

свадебных обрядах у туркмен-салыров, сарыков, текинцев, джемшидов, белуджей и др. Записаны интересные народные предания о происхождении туркмен-текинцев, сарыков, эрсары, об их легендарном предке богатыре Салыр-казане, об этническом составе и расселении этих групп.

Значительное внимание было уделено также изучению взаимоотношений представителей различных национальностей — туркмен, украинцев, джемшидов, казахов и сближению их культуры и быта в совхозах «Пограничник», «Чеменебит», «Кала-и-мор», «Сандыкачи», «Красное Знамя» и др.

В целом, в ходе экспедиции собран богатый новый этнографический материал, который найдет отражение в плановых работах сотрудников института.

Г. Мырадов, А. Оразов

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ДОКТОРА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК С. И. БРУКА (К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 35-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Преобразование природы и хозяйства в районах крупного гидростроительства.— «Вопросы географии», 1952, № 27, с. 110—142.

Этнический состав стран Передней Азии.— «Сов. этнография» (далее СЭ), 1955, № 2, с. 66—82 и четыре карты (издана также в США на англ. яз.).

Этнический состав и размещение населения в странах Индокитайского полуострова.— СЭ, 1956, № 1, с. 42—59 и две карты.

Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики.— СЭ, 1956, № 2, с. 89—95 и одна карта.

Карта «Народы Китая». М., 1956 (врезка к настольной карте Китая).

Рец. на книгу П. Гуру «Азия». М., 1956.— СЭ, 1957, № 2, с. 189—192.

Население Китайской Народной Республики.— «География в школе», 1957, № 2, с. 18—31.

Карты «Языки мира» и «Языки Азии» к статьям «Языки мира» и «Языкознание».— БСЭ, т. 49. М., 1957, вклейки между с. 500—501 и 504—505 (в соавторстве с В. В. Ивановым).

Карты (этнические и плотности населения) стран Передней Азии.— «Народы Передней Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1957, 11 карт (вклейки между с. 18 и 19, 36 и 37, 42 и 43, 44 и 45, 52 и 53, 54 и 55, 170 и 171, 172 и 173, 306 и 307, 380 и 381, 382 и 383).

Опыт использования источников различного типа при составлении этнических карт (по материалам Зарубежной Азии).— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», в. XXVIII. М., 1957, с. 62—68.

Карта «Народы Азии».— МСЭ, т. 1. М., 1958, с. 192.

Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики.— СЭ, 1958, № 1, с. 75—89 и две карты.

Карта «Народы Ирана». М., 1958 (врезка к настольной карте Ирана).

Население Камбоджи.— СЭ, 1958, № 3, с. 110—124 (в соавторстве с С. А. Арутюновым).

Карта «Народы Индонезии». М., 1958 (врезка к настольной карте Индонезии), в соавторстве с М. Я. Берзиной.

Карта «Народы Афганистана». М., 1958 (врезка к настольной карте Афганистана).

Рец. на «Карту народов Индостана». М., 1956.— СЭ, 1958, № 2, с. 162—165.

Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии.— «Переднеазиатский этнографический сборник» («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXIX). М., 1958, с. 73—110 и две карты (вклейки между с. 82 и 83, 86 и 87).

Карта «Народы Китая, МНР и Кореи», масштаб 1 : 5 млн. М., 1959 и брошюра (42 с.).

Карта «Народы Индокитая», масштаб 1 : 5 млн. М., 1959 и брошюра (27 с.).

Этнические карты стран Зарубежной Азии.— «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия». М., 1959 — пять карт (вклейки между с. 24 и 25, 184 и 185, 264 и 265, 344 и 345, 400 и 401; карты на вклейках между с. 264 и 265, 344 и 345 — в соавторстве с М. Я. Берзиной).

Карта «Народы Индокитая». М., 1959. (врезка к настольной карте Индокитая).

Карта «Народы Филиппин». М., 1959 (врезка к настольной карте Филиппин).

Карта «Расселение народов тибетской группы в Китайской Народной Республике». — СЭ, 1959, № 5, вклейка между с. 72 и 73.

Карта «Родоплеменной состав киргизов Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики». — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», II. М., 1959, вклейка между с. 332 и 333.

Этническая картография в Китайской Народной Республике. — СЭ, 1959, № 4, с. 147—150.

The peoples of America. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 1, с. 136—143.

Арабы Азии. — «География в школе», 1960, № 1, с. 31—46 (в соавторстве с А. И. Першицем) и три карты.

Карта «Народы Ирака». М., 1960 (врезка к настольной карте Ирака).

Карта «Плотность населения и расселение арабских племен». М., 1960 (врезка к настольной карте Аравийского полуострова).

Карта современного расселения народов группы мяо-яо. — Восточноазиатский этнографический сборник («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LX). М.—Л., 1960, вклейка между с. 8 и 9.

Карта «Народы мира», масштаб 1 : 15 млн. М., 1961 (коллект. работа) и книга «Население земного шара» (98 с.).

Карта «Народы Передней Азии», масштаб 1 : 5 млн. М., 1961 и брошюра (53 с.).

Редактирование карт к «Историко-этнографическому атласу Сибири». М.—Л., 1961; автор одной карты (с. 6).

Современное состояние исследований по этнической географии в СССР. — «Материалы I Межведомственного совещания по географии населения», в. V. М., 1961, с. 3—11 (в соавторстве с В. И. Козловым и М. Г. Левиным). Издана также в США на англ. яз.

Современный этап национального развития народов Азии и Африки. — СЭ, 1961, № 4, с. 74—100 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым).

Основные проблемы этнической картографии. — СЭ, 1961, № 5, с. 3—26 (в соавторстве с В. И. Козловым). Издана также в США на англ. яз.

Карта «Народы Индонезии, Малайзии и Филиппин», масштаб 1 : 5 млн. М., 1962 и книга (94 с.) в соавторстве с М. Я. Берзиной.

Карта «Народы СССР» (для вузов), масштаб 1 : 10 млн. М., 1962 (коллект. работа), руководитель; автор по Европейской части СССР.

Basic problems in the mapping of ethnic groups. — «Soviet Geography; Review and Translations», v. III, № 4. N. Y., 1962, p. 3—21 (в соавторстве с В. И. Козловым).

The present status of research in ethnic geography in the USSR. — Там же, с. 22—27 (в соавторстве с В. И. Козловым и М. Г. Левиным).

Карта «Народы СССР» (для средней школы), масштаб 1 : 5 млн. М., 1962 (коллект. работа), руководитель; автор по Европейской части СССР.

Редактирование кн. «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1962, автор глав I—III (совместно с В. И. Козловым), с. 5—58 и VI (с. 139—213).

Население земного шара (этно-демографические показатели). — СЭ, 1962, № 3, с. 160—178 (в соавторстве с В. И. Козловым).

Народы мира. — «Мировая экономика и международные отношения», 1962, № 9, с. 101—117 и две карты.

Карта «Плотность населения СССР», масштаб 1 : 10 млн. М., 1963 (коллект. работа); автор по Европейской части СССР.

Карта «Плотность населения СССР» (для вузов), масштаб 1 : 5 млн. М., 1963 (коллект. работа); автор по Европейской части СССР.

Карта «Народы Европы». — «Историческая энциклопедия», т. 5. М., 1963, с. 449 (в соавторстве с В. И. Козловым).

О преподавании этнографии и антропологии в высшей и средней школе. — СЭ, 1963, № 1, с. 3—11.

* Президиум АН СССР за эту работу присудил премию им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

О предмете и задачах этногеографии.— СЭ, 1963, № 1, с. 11—26 (в соавторстве с В. И. Козловым и М. Г. Левиным).

Карта «Народы мира» (для вузов), масштаб 1 : 20 млн. М., 1964 (коллект. работа) руководитель; автор по Зарубежной Азии и Европейской части СССР.

Редактирование атласа «Народы мира». М., 1964; автор 20 карт, главы «Этнический состав населения мира» (с. 130—140), таблиц и указателя (в соавторстве), с. 141—184. Легенды к картам изданы отдельной книгой в США в 1966 г. на англ. яз.

Историко-этнографические атласы.— СЭ, 1964, № 4, с. 102—118 (в соавторстве с М. Г. Рабиновичем).

Атлас народов мира. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964, 10 с. (издан также на англ. яз.).

Современное состояние исследований по этнической географии СССР.— «География населения СССР (основные проблемы)». М., 1964, с. 81—94 (в соавторстве с В. И. Козловым и М. Г. Левиным).

Основные проблемы этнической географии (методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964, 126 с.

Карта «Плотность населения».— «Народы Европейской части СССР», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964, вклейка между с. 20 и 21 (в соавторстве с Я. Р. Винниковым и В. И. Козловым).

Карты народов Европейской части СССР.— «Народы Европейской части СССР», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964, вклейки между с. 16 и 17, 336 и 337, 480 и 481, 688 и 689, 838 и 839 (в соавторстве с Я. Р. Винниковым и В. И. Козловым).

Общая характеристика языкового и национального состава населения мира.— «Население мира». М., 1965, с. 213—243 и одна карта (вклейка между с. 248 и 249).

Редактирование кн. «Население земного шара. Справочник». М., 1965; автор глав: «Общие сведения о населении мира» (совместно с В. И. Козловым) — с. 7—24 и «Зарубежная Азия», с. 120—201.

Население Восточной Азии.— «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.—Л., 1965, с. 23—35 и шесть карт (вклейки между с. 16 и 17, 448 и 449, 624 и 625, 656 и 657, 672 и 673, 704 и 705).

Основные проблемы этнического картографирования.— «Europa et Hungaria. Congresus ethnographicus in Hungaria». Budapest, 1965, p. 391—403.

Un peule aux cent noms.— «Études soviétiques», 1965, № 213, p. 3—9 (в соавторстве с П. И. Пучковым).

Природа и население стран Юго-Восточной Азии.— «Народы Юго-Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1966, с. 7—22 (в соавторстве с М. Я. Берзиной) и четыре карты (вклейки между с. 6 и 7; 10 и 11 (в соавторстве с М. Я. Берзиной); 80 и 81; с. 642).

Карта «Народы Европы», масштаб 1 : 4 млн. М., 1966 (коллект. работа).

Проблемы складания Историко-этнографических атласов.— «Народна творчість та етнографія», 1966, № 4, с. 3—12.

Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа (По материалам Международной конференции по этнологическому картографированию в Загребе 7—10 февраля 1966 года).— СЭ, 1966, № 5, с. 91—102 (в соавторстве с С. А. Токаревым).

Народы мира.— «Краткая географическая энциклопедия», т. 5. М., 1966, с. 202—276 (в соавторстве).

Картографический метод в географическом исследовании населения.— «Научные проблемы географии населения». М., 1967, с. 238—250 (в соавторстве с В. И. Козловым и О. А. Евтеевым).

Пять карт (этнические и плотности населения), из них две в соавторстве.— «Атлас учителя». М., 1967.

Этнографическая наука и перепись населения 1970 года.— СЭ, 1967, № 6, с. 3—21 (в соавторстве с В. И. Козловым).

Гражданин Страны Советов.— «Наука и жизнь», 1967, № 10, с. 66—70.

Редактирование кн. П. И. Пучкова «Население Океании». М., 1967, 258 с.

К VIII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук.— СЭ, 1968, № 3, с. 124—128 (в соавторстве с Г. Г. Стратановичем).

Вопросы о национальности и языке в предстоящей переписи населения.— «Вестник статистики», 1968, № 3, с. 32—38 (в соавторстве с В. И. Козловым).

Карта «Народы Азии», масштаб 1 : 8 млн. М., 1968 (коллект. работа), руководитель; автор по Зарубежной Азии.

Напередодні VIII Міжнародного конгресу антропологічних і етнографічних наук.— «Народна творчість та етнографія», 1968, № 3, с. 21—25 (в соавторстве с Г. Г. Стратановичем).

Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen Regionaler Geschichtlich-Ethnographischer Atlanten in der UdSSR.— «VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Proceedings», v. II. Tokyo — Kyoto, 1968, S. 3—6 (в соавторстве).

Редактирование кн. П. И. Пучкова «Формирование населения Меланезии». М., 1968, 227 с.

Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран.— СЭ, 1968, № 5, с. 149—153 (в соавторстве с С. А. Токаревым).

Демография и «третий мир».— «Азия и Африка сегодня», 1968, № 4, с. 5—10 (в соавторстве с В. И. Козловым).

Hauptprinzipien der Zusammenstellung historisch-ethnographischer Atlanten in der USSR. Bericht.— «Internationale Arbeitskonferenz über die ethnologische Kartographie». Zagreb, 1968, S. 118—126.

Карта народов Европейской части СССР.— «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР». М., 1968, вклейка между с. 464 и 465 (в соавторстве с В. И. Козловым и Я. Р. Винниковым).

Карты «Народы Вьетнама» и «Плотность населения Вьетнама». М., 1969 (врезки к настольной карте Вьетнама).

Проблемы историко-этнографического картографирования в Болгарии.— СЭ, 1969, № 4, с. 152—156 (в соавторстве с Г. С. Масловой).

Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии.— «Вопросы истории», 1969, № 1, с. 89—107 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым и Я. В. Чесновым).

Редактирование кн. В. И. Козлова «Динамика численности народов». М., 1969, 407 с. Что показала перепись населения Советского Союза.— «Природа», 1970, № 7, с. 57—62.

Общеввропейский историко-этнографический атлас (по материалам конференции в Хельсинки).— СЭ, 1970, № 6, с. 90—98.

Атлас населения мира (основные проблемы демографо-этнографического картографирования).— СЭ, 1970, № 1, с. 111—123 (перепечатан на четырех языках в журнале «Общественные науки и современность», 1971, № 3).

Карта «Плотность населения и города», масштаб 1 : 15 млн. М., 1970 и 10 врезок к ней (коллект. работа), руководитель; автор по Зарубежной Азии и Европейской части СССР.

The Atlas of the Peoples of the World.— «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 8. М., 1970, с. 380—385.

Методика составления этнографических атласов (вступительное слово на симпозиуме).— Там же, с. 511—519 (в соавторстве с М. Г. Рабиновичем).

Prinzipien der Zusammenstellung regionaler historisch-ethnographischer Atlanten in der UdSSR.— «Ethnologia slavica», t. 2, 1970, p. 259—270.

Этнодемографические процессы в СССР (по материалам переписи 1970 г.).— СЭ, 1971, № 4, с. 8—31 (издана также в США на англ. яз.— «Soviet Sociology», v. X, № 4, 1972, p. 331—374).

Редактирование кн. М. Я. Берзиной «Формирование этнического состава населения Канады». М., 1971, 194 с.

Карта «Народы мира», масштаб 1 : 20 млн. М., 1972 (коллект. работа), руководитель; автор по Зарубежной Азии и Европейской части СССР.

Национальность и язык в переписи населения СССР 1970 г.— «Вестник статистики», 1972, № 4, с. 42—54.

Population of the USSR. Changes in its demographic, social and ethnic structure.— «Geoforum», Braunschweig, 1972, № 9, p. 7—21.

Карта «Народы СССР», масштаб 1 : 5 млн. М., 1972, руководитель; автор по Европейской части СССР.

Карта «Народы Евразии», масштаб 1 : 8 млн. М., 1972, руководитель; автор по Зарубежной Азии.

Сколько народов живет на земле?—«Земля и люди», М., 1972, с. 295—304.

Карты «Народы Сирии» и «Плотность населения Сирии». М., 1973 (врезки к настольной карте Сирии).

Карта «Плотность населения и расселение арабских племен». М., 1973 (врезка к настольной карте Аравийского полуострова).

Карты «Плотность населения» и «Народы Афганистана». М., 1973 (врезки к настольной карте Афганистана).

Карта «Народы Филиппин». М., 1973 (врезка к настольной карте Филиппин).

Проблемы картографирования в этнографии. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго. М., 1973, 17 с. Издан также на англ. яз.

Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы.— СЭ, 1973, № 3, с. 3—19.

Предстоящие изменения численности и структуры населения Земли.— «Известия АН СССР, серия географическая», 1973, № 3, с. 14—25 (в соавторстве с В. И. Козловым и В. В. Покшишевским).

Редактирование кн. «Основные проблемы лингвистического и этнографического картографирования», М., 1974, 324 с.; автор главы «Основные процессы этнодемографического картографирования», с. 54—63 (в соавторстве с В. И. Козловым).

Демографические проблемы развивающихся стран и прогноз численности населения.— «Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран». М., 1974, с. 107—119 (в соавторстве с В. И. Козловым).

Atlas of the World population (Basic problems of demographic-ethnographic cartography).— «Soviet ethnology and anthropology today». The Hague — Paris, 1974, p. 203—217.

National processes in Asiatic countries outside the USSR.— «Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems». М., 1974, p. 182—211 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым и Я. В. Чесновым).

Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе.— «История СССР», 1974, № 4, с. 26—45 (в соавторстве с М. Н. Губогло).

Прогнозы численности и некоторые структурные изменения населения Земли.— «Человек и среда обитания». М., 1974, с. 12—32 (в соавторстве с В. И. Козловым и В. В. Покшишевским).

Карта «Народы Индонезии». М., 1974 (врезка к настольной карте Индонезии).

Ethnodemographic and ethnolinguistic processes in the USSR.— «The VIII World Congress of Sociology». Canada — Toronto, 1974, p. 57—69 (в соавторстве с М. Н. Губогло).

Современные проблемы советской фольклористики. «Македонски фолклор», т. VII, № 13, 1974, с. 111—116 (в соавторстве с К. В. Чистовым).

Карты «Народы Ирака» и «Плотность населения Ирака». М., 1974 (врезки к настольной карте Ирака).

Карта «Народы Пакистана». М., 1974 (врезка к настольной карте Пакистана).

Миграции населения.— БСЭ, т. 16. М., 1974, с. 208—210.

Народонаселение.— БСЭ, т. 17. М., 1974, с. 286—289.

Двуязычие и сближение наций в СССР (по материалам переписи населения СССР 1970 г.)— СЭ, 1975, № 4, с. 18—33 (в соавторстве с М. Н. Губогло).

Факторы распространения двуязычия у народов СССР (по материалам этносоциологических исследований).— СЭ, 1975, № 5, с. 17—30 (в соавторстве с М. Н. Губогло).

«Народы Индокитая». М., 1975 (врезка к настольной карте Индокитая).

Этнографические учреждения.— «Историческая энциклопедия», т. 16. М., 1976, с. 666—670 (в соавторстве с П. И. Пучковым).

Метаэтнические общности.— «Расы и народы», т. 6. М.—Л., 1976, с. 15—41 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым).

Карта «Народы Ирана». М., 1976 (врезка к настольной карте Ирана).

Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (динамика и воспроизводство населения).— СЭ, 1976, № 1, с. 23—39.

Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (возрастная и половая структура населения, миграционные процессы, урбанизация).— СЭ, 1976, № 2, с. 15—33.

Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (изменения в этническом, расовом и религиозном составе населения).— СЭ, 1976, № 3, с. 23—45.

Карты «Языки мира» и «Языки СССР».— «Детская энциклопедия», т. 9. М., 1976.

Проблемы этнического картографирования.— «Труды XXIII Международного географического конгресса». М., 1976 (в соавторстве с В. В. Покшишевским) (опубликовано на трех языках).

Этнография в Московском филиале Географического общества.— «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», VII. М., 1977, с. 12—16.

Продолжается ли «демографический взрыв»?— «Наука и жизнь», 1977, № 6, с. 84—87.

Европейский этнологический атлас.— «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Л., 1977, с. 6—22.

К истории учета этнического состава в переписях населения.— «Проблемы исторической демографии СССР». Таллин, 1977, с. 173—185 (в соавторстве с В. И. Козловым).

Население СССР.— БСЭ, т. 24, кн. II. М., 1977, с. 14—18 (в соавторстве с В. В. Покшишевским).

Этнографическая наука в СССР.— Там же, с. 375—376.

Development of ethnic cartography in the USSR.— «Social sciences», 1977, № 1, p. 114—137.

The World population today (Ethnodemographic processes) — «Problems of the Contemporary World». М., 1977, 167 p. (опубликовано на четырех языках).

Ekologia a etnografia.— «Narodopisne informacie». Bratislava, 1977, № 1, p. 19—26.

География населения в СССР.— «Известия АН СССР, серия географическая», 1977, № 5, с. 60—74 (в соавторстве с О. А. Константиновым, Ф. М. Листенгуртом, В. В. Покшишевским).

Population dynamics in the postwar world.— «Труды X Международного конгресса антропологических и этнографических наук». М., 1978.

Редактирование кн. «Земля и человечество» (серия «Страны и народы»), т. 1. М., 1978; автор глав 8—11 (с. 132—148, 153—163, 172—201, 329—342) и восьми карт.

Редактирование кн. «Проблемы этнической географии и картографии». М., 1978, 167 с.; автор введения (с. 3—6) и глав I (совместно с Б. В. Андриановым и В. И. Козловым)—с. 7—13, II и IV (совместно с В. И. Козловым)—с. 14—20 и 33—40, III, V, XII (с. 21—32, 41—48, 154—163).

Карта «Народы мира» (для средней школы), масштаб 1 : 20 млн. М., 1978, руководитель; автор по Европейской части СССР и Зарубежной Азии.

Карта «Плотность населения СССР», масштаб 1 : 5 млн. М., 1978, руководитель; автор по Европейской части СССР.

Языки мира.— БСЭ, М., 1978, т. 30, с. 467—470 и 1 карта (вклейка между с. 480 и 481, в соавторстве с В. В. Ивановым).

A second look at the «Population Explosion».— «Sputnik», 1978, № 1, p. 8—10.

Карта народов Европы.— «Литовская энциклопедия», т. III. Вильнюс, 1978.

Карты «Народы Вьетнама» и «Плотность населения Вьетнама». М., 1978 (врезки к настольной карте Вьетнама).

Zum gegenwärtigen Vorschlag für die Bearbeitung des Themas «Material und Ausführung der Wände des Wohnhauses» sowie zum Stand der Vorarbeiten in den europäischen Gebieten der UdSSR». Bericht.— «Fünfte Arbeitskonferenz der Organisationskommission für den Ethnologischen Atlas Europas». Budapest, 1978, S. 76—82.

Карта «Народы СССР».— «Детская энциклопедия», т. 11. М., 1978.

Рец. на кн. В. М. Кабузана «Заселение Новороссии в XVIII—первой половине XIX в.» М., 1976.— «Вопросы истории», 1978, № 12, с. 155—157.

Население США (этнодемографический обзор).— «Этническое развитие американской нации», ч. 1. М., 1979, с. 9—31.

Ethnic, racial and religious structure of the World population.— «Population and

Development Review», v. 5, № 3, September, 1979, p. 505—539.

Einige Probleme der Entwicklung des Ethnos (Metaethnische Gemeinschaften).— «Acta Ethnografica». Budapest, 1972, S. 2—50 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым).

Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма.— «История СССР», 1980, № 3, с. 74—93 (в соавторстве с В. М. Кабузаном).

Этнодемографические процессы в СССР (по материалам послевоенных переписей).— «История СССР», 1980, № 5, с. 24—47.

Этнический состав населения России (1719—1917).— СЭ, 1980, № 6, с. 18—34 (в соавторстве с В. М. Кабузаном).

Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1980, 872 с.

Demographical and ethnogeographical changes in the USSR according to post-war data up to 1979.— «Geojournal 1980. Supplementary issue 1», p. 7—21.

Ethnodemographische Probleme in der Welt nach 1945 und ihre Interpretation in der bürgerlichen Wissenschaft.— «Kultur und Ethnos». Berlin, 1980, S. 203—218.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Проблемы этнической географии и картографии. Отв. ред. С. И. Брук, М., 1978, 168 с., карты и картосхемы.

Описания расселения народов и карты их размещения существовали с древнейших времен. Сильный толчок таким исследованиям был дан развитием буржуазных наций и империалистическими завоеваниями XIX—XX вв., поставившими национальные проблемы в центр внимания. Можно говорить, что в этот период постепенно формируется особая дисциплина, возникшая на стыке этнографии и географии и занимающаяся проблемами территориального размещения народов и его картографического отображения.

В рассматриваемой монографии впервые делается попытка подытожить сделанное в этой области до настоящего времени и теоретически осмыслить эти достижения.

Книга состоит из введения и 12 глав. В первых пяти главах, носящих общетеоретический характер, как следует из введения, «подводятся итоги проделанной работы»; в остальных — «раскрываются нерешенные вопросы» (с. 6). Книга написана коллективом авторов, сотрудников Лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР, и является прекрасным образцом коллективной монографии, хорошо задуманной и исполненной.

Во введении (С. И. Брук) кратко передается основное содержание всей книги, формулируются основные принципиальные положения, отмечается, что карты неверно было бы рассматривать лишь как иллюстрацию к тексту: они служат одним из наиболее эффективных методов исследования и передачи информации, являясь образно-знаковыми моделями действительности (с. 4). В этих исходных положениях автор опирается на известную книгу А. Ф. Асланикашвили¹, в которой глубоко анализируется природа карты. Карты, говорит он, дают информацию, которая является знанием, предлагаемым в форме картографической модели. Одновременно картографическая модель является средством получения нового знания об объективной реальности.

Автор введения справедливо подчеркивает, что карта не исчерпывает сама по себе сведений о предмете: «наибольшая эффективность картографического метода в географических и этнографических исследованиях достигается тогда, когда карта сопровождается текстом» (с. 4). Автор вкратце останавливается на проблемах, связанных с определением самого объекта исследования — этноса (народа), с классификацией и группировкой этносов, отмечает некоторые выявившиеся в ходе этногеографических исследований закономерности. Указывается на связь между типами расселения народов и особенностями их картографирования. Отмечаются особо сложные для картографирования типы расселения — в городах, в смешанных зонах, на границах основных этнических ареалов и т. п. Ставится также вопрос о некоторых специфических трудностях, возникающих при картографировании этнических аспектов миграции населения, этнических процессов и других динамических аспектов этнического расселения. Как пишет С. И. Брук, приемами, вполне удовлетворяющими исследователя, этническая картография пока не располагает. Отдельные вопросы — выявление этнических ареалов, несовпадение политических границ с этническими, существование «спорных территорий», уточнение этнических групп, территориальные взаимоотношения народов.

В главе I (Б. В. Андрианов, С. И. Брук, В. И. Козлов) освещаются проблемы этнической географии как отрасли, возникшей на границе этнографической и географической наук. Рассмотрев историю становления этого направления, занимающегося изучением географического размещения народов, их расселения и территориального взаимоотношения с другими народами, авторы отмечают важность этнодемографических проблем, большую теоретическую и практическую значимость определения национального состава стран мира и его картографирования. Актуальность этногеографических исследований усиливается сегодня благодаря все возрастающему значению национальных (а также религиозных, расовых и др.) факторов в социально-политической жизни как развивающихся, так и целого ряда развитых стран (например, Великобритании, Бельгии и др.).

¹ А. Ф. Асланикашвили. Метакартография. Тбилиси, «Мецниереба», 1974.

В данной главе рассмотрены также проблемы определения этнических территорий (т. е. основного ареала расселения народа) и этнических границ, ставятся и решаются вопросы классификации народов по этнолингвистическим, расовым, религиозным, хозяйственно-культурным и другим признакам. В ней также отмечено, что современная концепция так называемых хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, разработанная советскими этнографами, позволяет решать на современном уровне сложнейшую проблему «включения» исторического человека в природные экологические системы. Это направление тесно соприкасается с основными задачами этнографической науки по исследованию характера размещения народов мира, их территориальных взаимоотношений, их традиционно-бытовых особенностей, их связей с природной средой.

Глава II, написанная С. И. Бруком и В. И. Козловым, озаглавлена «Этническая картография» и является одной из основных глав книги. В начале ее определяются объект и метод исследования. Уже в середине XIX в., замечают авторы, «картографирование становится особым методом научного и этнографического исследования» (с. 14). Основные требования, предъявляемые к тематическим картам (достоверность, обоснованность классификации отображаемого материала и т. д.), раскрываются применительно к этническим картам.

Картографирование рассматривается как «особый метод этнографического и этногеографического исследования» (с. 14). Указывается, что объектом этнического картографирования становятся этнические территории, этнические границы и смешанные в этническом отношении районы, изучаемые этногеографией (с. 15).

Наряду с этим перед этногеографией стоят задачи картографирования разных явлений традиционно-бытовой культуры. Авторы дают название «этнических» картам, показывающим расселение народов, и «этнографических» картам, показывающим размещение отдельных черт их материальной и духовной культуры.

Подробно освещается история развития этнических карт от древности до наших дней. При этом интересно показана роль этнических карт в политической жизни различных стран (например, манипулирование отдельными признаками при выделении и классификации народов и другие виды фальсификации, применявшиеся в капиталистических странах в борьбе за спорные территории).

Характеризуя развитие этнической картографии в России, авторы останавливаются, в частности, на деятельности П. И. Кеппена, А. Ф. Риттиха и других предшественников современной этнической картографии. По сведениям Л. С. Берга, с середины XIX в. до 1913 г. было составлено 38 этнических карт. На известной карте П. И. Кеппена (СПб., 1851) разными цветами показаны ареалы расселения 38 народностей Европейской части России. По мнению П. И. Кушнера, П. И. Кеппен впервые применил метод этнических территорий, который впоследствии был развит самим П. И. Кушнером и авторами рецензируемой книги. Отмечается картографическая деятельность «Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран». Наконец, отмечается то большое значение, которое придавал В. И. Ленин этническому картографированию.

Усиленное развитие этнической картографии после второй мировой войны связано с возросшим интересом к народностям развитых стран. С начала 50-х годов Институт этнографии (в основном совместно с Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР) опубликовал учебные карты народов СССР и мира для средней школы и вузов, в этот же период вышла серия настенных карт с текстовыми комментариями по крупным регионам мира, а затем и карта народов в масштабе 1 : 15 000 000, наиболее крупная и подробная из всех издававшихся до тех пор мировых этнических карт. В 1964 г. вышел в свет обобщающий капитальный труд — Атлас народов мира. Разрабатывались новые методы изображения, создавались принципы выделения и группировки народов.

По поводу этнографического картирования подчеркивается, что оно преследует цель не только фиксации элементов материальной и духовной культуры (выявления их ареалов) и выявления исторических изменений, но и обобщения этих материалов для решения важных этнокультурных проблем.

В главе III — «Принципы выделения народов и система их классификации», написанной С. И. Бруком, задачи этногеографии в известной мере смыкаются с задачами близкой рецензенту лингвогеографии (в части классификации и распространения языков).

Этнические общности разных социально-экономических формаций отличаются по своему типу. Наиболее ранним типом этнической общности, характерной для первобытнообщинного строя, является племя (или союз племен), позднее развиваются народности, затем буржуазные нации и социалистические нации. Существенными в советской этнографии являются положения об иерархичности этнических общностей: наряду с этносами (народами) выделяются макроэтнические единицы (общности, охватывающие несколько этносов) и микроэтнические единицы, входящие в этносы как их составные части (этнографические группы или «субэтносы», религиозные меньшинства и др.). Бесперывно действующие этнические процессы, среди которых в целом преобладают процессы объединительного характера (ассимиляция, консолидация), приводят к образованию и сосуществованию этнических общностей разного таксономического порядка, а также переходных этнических групп. Все это затрудняет выделение эт-

носов — основного объекта этногеографического и этнокартографического исследования. В целом в связи с преобладанием объединительных процессов число народов имеет тенденцию к сокращению. В качестве примера консолидации нескольких этносов в единый новый народ приведены хакасы, сформировавшиеся в начале 1920-х годов из различных родственных тюркских племен (с. 23). В главе уделяется большое внимание языковой общности как одному из важнейших условий складывания этносов, отмечается большая роль религии в историческом процессе образования многих современных народов, ставится вопрос о соотношении народов и рас, подчеркивается роль самосознания и родного языка как этнических детерминантов.

Интересны наблюдения о картографировании сложной структуры этнических общностей. С. И. Брук отмечает, что «не решена полностью и проблема выделения на этнических картах субэтносов и метаятнических общностей» (с. 25), указывает на необходимость карт более крупных масштабов для показа этнического дробления (с. 27). Анализируется связь этнического картографирования с классификацией народов, излагается этнолингвистическая система классификации, разработанная в Институте этнографии. Проводится интересное сопоставление свойств текста и карт: «В отличие от текста, где могут одновременно фигурировать несколько систем классификаций и может употребляться любое число признаков, карта требует единой системы классификации» (с. 29).

В главе IV (С. И. Брук и В. И. Козлов) подробно в историческом аспекте характеризуются основные источники этнического картографирования: данные этностатистических обследований, переписей населения, материалы, содержащиеся в разного рода книгах, справочниках и литературных описаниях, материалы о языковом, религиозном или расовом составе мира и отдельных стран и районов, топонимические данные, уже имеющиеся разные картографические материалы.

Глава V — «Способы этнического картографирования» (С. И. Брук) является одной из наиболее ценных, поскольку здесь суммируются особенности составления тематических (специальных) карт (применительно к этнической картографии), критерии выбора масштаба карты и отбора ее общегеографической нагрузки. Названы и вкратце описаны наиболее часто применяемые изобразительные приемы, анализируются их положительные и отрицательные стороны.

В рассмотренной выше первой части книги не только подводятся итоги проделанной работы, но прежде всего ставятся основные теоретические проблемы, связанные со сравнительно молодыми отраслями этнографии — этногеографией и этнокартографией. Показано место этих новых отраслей в системе этнографии и картографии, анализируется объект исследования и его внутреннее дробление (классификация народов), что определяет источники картографирования и применяемые методы картографирования.

Многие важные общекартографические определения и наблюдения существенны и для тематической картографии вообще, и, в частности, для лингвистического картографирования — области, тесно связанной с этнографическим картографированием, поскольку язык наряду с самосознанием является основной определяющей координатой этноса. В целом этнография, по-видимому, теснее связана с рядом смежных наук, чем лингвистика. Тематическая (специальная) картография в ряде других отраслей знания развивалась раньше, чем этнокартография, которая использует богатый опыт почвенных, ботанических, исторических, экономических, лингвистических и других карт (с. 64). В частности, этнографические карты известны со второй половины XIX в., в то время как карты распространения языков появились значительно ранее.

Подводя итоги первой, теоретической части рецензируемого труда, следует отметить важность проводимого авторами различия между этнической и этнографической картографией. В лингвогеографии это разделение соотносится с картографированием языков и диалектов, с одной стороны, и картографированием элементов системы языков: лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса — с другой. Однако нельзя не отметить, что этническая картография обладает гораздо более разработанными и совершенными методами составления карт, чем лингвистическая география. Представляется, что в этнокартографии способы нанесения информации на карту более логично упорядочены и разнообразны, чем в лингвогеографии, где до сих пор господствует метод простой фиксации ответа у пункта обследования.

Наряду с этим в этнографии все еще недостаточно распространено картографирование элементов материальной и особенно духовной культуры, т. е. по сравнению с весьма развитой этнической картографией, этнографическая картография заметно отстает. В этом плане языковеды опережают этнографов: лингвистическое картографирование элементов системы языков и диалектов охватило к настоящему времени большую часть языков, как индоевропейских, так и неиндоевропейских.

Главы VI—XII посвящены отдельным аспектам этнического картографирования: гл. VI — «Этнические территории, этнические границы и проблемы их картографирования» (М. Я. Берзина); гл. VII — «Проблемы картографирования этнических процессов» (В. И. Козлов); гл. VIII — «Картографирование миграций и его этнические аспекты» (В. В. Покшишевский); гл. IX — «Изучение этнической структуры населения городов и проблемы ее картографирования» (В. В. Покшишевский); гл. X — «Неоседлое население мира и опыт его картографирования» (Б. В. Андрианов); гл. XI — «Картографи-

рование лингвистическое, конфессиональное, расовое» (П. И. Пучков); гл. XII — «Картографирование материальной и духовной культуры» (С. И. Брук).

В главе VI, одной из самых больших по объему и существенных по содержанию, ставится на основе идей П. И. Кушнера проблема соотношения этноса и территории. Проводится мысль, что иерархия этносов соответствует иерархии их этнических территорий. На ряде примеров показывается необязательность совпадения этнических и государственных границ, несмотря на важную во многих случаях этноразделительную роль государственных границ. В подразделе о смешанном населении проводится типология территориального смешения. В подразделе о картографировании этнических территорий и районов смешанного расселения отмечаются особенности картографического «языка», рассматриваются проблемы, связанные с самим выделением и разграничением этнических территорий, с выбором проекции и масштаба карты, использованием источников разного типа, дается характеристика различных способов изображения; все это имеет определенную ценность и для лингвокартографов. Особое внимание здесь уделяется цветовой гамме; родственные народы показываются близкими цветами; за определенными группами народов закрепляются те или иные цвета, некоторые из них стали уже традиционными в советской этнической картографии. В главе ставятся также проблемы генерализации и приемов сочетания качественной и количественной характеристики картографируемых этносов.

Две последующие главы посвящены методическим вопросам, связанным с картографированием динамических явлений — этнических процессов (гл. VII) и миграций (гл. VIII). «Этническими процессами в широком смысле, — пишет В. И. Козлов, — называются процессы, которые выражаются в значительном изменении любого из основных элементов этноса, прежде всего — языка и культуры. Этническими процессами в узком смысле слова называются процессы, которые в конечном счете ведут к перемене этнической принадлежности» (с. 72). Этнические процессы в узком смысле, т. е. этнотрансформационные процессы, можно разбить на две группы: разделительные (дробление этносов) и объединительные (этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция). При интеграции могут образовываться метаэтнические общности — «суперэтнотосы», такие, как индийская или индонезийская «наднация». Отметим, что по отношению к «швейцарцам» В. И. Козлов полагает, что этот общий термин, нередко фигурирующий в литературе, носит преимущественно политический, а не этнический смысл². Автор указывает на трудность отображения на картах динамики явлений. На практике эта задача чаще всего решается путем составления серий однотипных по своему содержанию карт на разные даты и сопоставления их друг с другом. Приемы непосредственного отображения динамики на карте пока практически не разработаны. Автор высказывает ряд соображений о возможных направлениях дальнейших поисков.

Не менее сложно картографирование миграций и их этнических (можно добавить и языковых, в том числе лексических) аспектов. Поскольку миграция теснейшим образом связана с ростом городского населения и уменьшением сельского, то представляется логичным, что к главе о картографировании миграций примыкает следующая глава — об изучении этнической структуры населения городов и проблемах ее картографирования. Обе главы написаны одним и тем же автором — В. В. Покишичевским. Проблемы этнического картографирования городов — учет их плотности, этнической мозаичности, особенностей, характеризующих население пригородов, — требуют умелой генерализации, правильного выбора масштаба и методов нанесения на карту специальной нагрузки. Автор показывает, что сделано в этом направлении, но подчеркивает, что задача картографирования городского населения, в частности в его этнических аспектах, еще далеко не решена.

Около $\frac{1}{5}$ земной суши занимает зона с редким кочевым и полукочевым населением (пустыни и полупустыни), картографирование которого затруднено из-за его недостаточной изученности, а также малой разработанности картографических приемов и условных обозначений.

Автор Х главы, посвященной этим вопросам, Б. В. Андрианов особое внимание уделяет типологии форм подвижности у разных хозяйственно-культурных групп населения. Это охотники и собиратели лесов жаркого пояса, кочевники-скотоводы средней зоны и многие другие группы, сохраняющие до наших дней в разной степени формы подвижного быта и традиционных миграций. Глава насыщена значительным иллюстративным материалом — картами сезонных перегонов скота. Весьма оригинальна и сводная мировая карта «Формы подвижности неоседлого населения мира» (рис. 22) с матричной легендой, где выделено для 12 особых хозяйственно-культурных типов неоседлого населения 10 степеней форм подвижности — от подвижно-бродячего населе-

² Личные наблюдения и анкета, проведенные нами среди населения четырех языковых зон Швейцарии зимой 1976 г., показали, что жители франко-, итало-, германо-швейцарских зон осознают себя прежде всего как «швейцарцы», а не немцы, французы и итальянцы. Соответственно по своему внешнему облику, одежде, характеру, психологии, мировоззрению они отличаются от своих сородичей в соседних странах в силу длительности отчуждения и языковой политики, проводимой правительством Швейцарии. См. М. А. Бородина. Язык, этнос, нация (постановка вопроса). — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Л., 1978, с. 14—16.

ния до населения с годовой оседлостью и сезонной миграцией части населения. Характеристика в легенде дается сразу по двум параметрам, что позволяет уже в самой легенде показать сложные зависимости между отдельными группами неоседлого населения и формами их подвижного образа жизни.

В главе XI о лингвистическом, конфессиональном, расовом картографировании ее автор, П. И. Пучков, ставит проблему картографирования явлений и признаков, дающих дополнительные штрихи к характеристике этносов.

Особенно подробно останавливается он на вопросах составления конфессиональных карт, что вполне понятно — ведь он фактически является пионером в области конфессионального картографирования в нашей стране, автором известных карт религий³. Подробно исследуется также вопрос об особенностях религиозной общности (с точки зрения картографии) по сравнению с некоторыми другими социальными общностями людей.

Говоря о лингвистических и расовых картах, автор отмечает нецелесообразность практикуемого иногда за рубежом составления комбинированных расово-языковых карт и указывает, что между расой и языком в настоящее время нет сколько-нибудь четкой корреляции.

В последнем разделе главы подробно характеризуются зарубежные антропологические карты, особенно антропологические карты, составленные в нашей стране (работы Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, Н. Н. Чебоксарова, В. П. Алексеева).

В главе XII, посвященной картографированию материальной и духовной культуры народов (С. И. Брук), представлены основные вехи современного картографирования и показана степень охвата этим методом исследования разных стран и территорий. Подчеркивается, что атласы не ограничиваются фиксацией явлений и их ареалов; основная цель атласов — «решение важных проблем, связанных с этногенезом, этнической историей, историей культуры» (с. 155). Выявляются традиционные и инновационные аспекты этнографического картографирования и его основные методы при фиксации земледелия и животноводства, поселения и жилища; пища, одежда; социальных отношений, календарных обрядов, народных верований и т. д.

В этой главе суммируются вопросы методики собирания и обработки материалов, отмечается, что «при разработке основных методологических направлений историко-этнографического картографирования установление пространственно-временных и количественных параметров является едва ли не самым главным» (с. 158). Подчеркивается необходимость динамического показа явлений культуры: чем отдаленнее картографируемый период, тем, как правило, с меньшей точностью определяется ареал распространения. Материал наносится на карты разными способами — посредством значков, цветного фона, ареалов и т. д. Характеристика С. И. Бруком картографических процессов подводит лингвогеографа к заключению, что общим для лингво- и этногеографии является выделение ареалов в результате картографирования и их характеристика, от которой зависит синхронно-диахронная интерпретация ареалов⁴.

Книга «Проблемы этнической географии и картографии» оставляет впечатление энциклопедии знаний об этой новой дисциплине, находящейся на стыке этнографии и географии. Книга представляет интерес как для теоретической и практической картографии, так и для изучения разнообразных вопросов этнографии и смежной науки — языкознания.

В целом следует отметить, что, хотя в книге декларируется связь понятий «народ» и «язык», в ней мало внимания уделяется лингвогеографическим вопросам, которые являются связующим звеном между этногеографией и лингвистикой. Что касается теории ареальных исследований (см. с. 163), то после работ, вышедших в 1971 г., упоминаемых С. И. Бруком, появилось значительное число исследований на эту тему на материале разных языков (Н. З. Гаджиевой, А. В. Десницкой, М. А. Бородиной и др.), в которых понятия «ареал» и «ареальные исследования» интерпретируются с разных точек зрения⁵.

Выделение М. Я. Берзиной семи типов территориального смешения (с. 58—63) дает основание предположить, что в этногеографии, как и в лингвогеографии, выделяются определенные ареалы как типовые пространственно-временные, исторически обусловленные территории. Анализ карт распространения религий (конфессиональных карт), которые мы находим в книге П. И. Пучкова «Современная география религий», дает возможность сделать наблюдения ареального плана об особенностях центральных и периферийных зон.

³ См. его карты в «Настольной книге атеиста». М., 1975; а также карты в интересной книге: П. И. Пучков. Современная география религий. М., 1975.

⁴ М. А. Бородин. Ареалогия и некоторые вопросы романского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1975, № 2, с. 47—61.

⁵ См., в частности: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975; А. В. Десницкая. К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики. — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Л., 1977, с. 22—29; М. А. Бородин. Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме. — Там же, с. 107—118.

Для проблем этнической географии и картографии, по-видимому, существенно не только понятие этнических территорий, но и их границ. Характер границ, их конфигурация, их история — особая тема исследования. Очевидно, не случайно принято употреблять термины «политические, государственные границы», но «этнические рубежи». Возможно, целесообразно было бы вслед за лингвогеографами, использующими для этой цели термин «изоглоссирование», ввести специальный термин для установления границ или пограничных этнических зон, анализа этих зон⁶.

Этнографию и лингвистику связывает и изучение наименований тех или иных предметов и их распространение по карте. Таким образом, этнолингвистические процессы проходят не только по линии внешелингвистических, но и по линии внутрелингвистических системных (лексических, а иногда и фонетических и морфологических) вариаций. Нередко на этнической карте отмечаются основные лингвистические координаты этносов. Изучение рецензируемой книги показывает возможность введения терминов «лингвоэтногеография» и «лингвоэтнокартография», которые закрепляют уже существующую смешанную лингвоэтническую дисциплину.

С позиций лингвогеографии, территория, ареал — это предмет исследования, и поэтому неожиданно звучит: «метод этнических территорий» или «метод ареалов» (с. 70 и др.). Может быть, правильнее было бы писать: «метод выделения или вычисления ареалов», «метод ареализирования». Удобным в описании разных особенностей нанесения той или иной информации на карту является принятый в картографии термин «язык» карты, который нашел слабое применение в рецензируемой книге.

Все главы сопровождаются большой и интересной библиографией. Досадны в связи с этим две неточности в главе XI. На с. 142 сноска на «Atlas linguistique de la France». Paris, 1902—1919 является глухим указанием на знаменитый Лингвистический атлас Ж. Жильерона, основоположника лингвистической географии (G. Gillieron et E. Edmont. Atlas linguistique de la France, 35 fasc. Paris. Champion, 1902—1910). В этой же главе в сноске 34 упоминается впервые труд В. П. Алексеева «География человеческих рас» без выходных данных.

Книга очень выиграла бы, если бы к ней был приложен тематический указатель.

Я не этнограф и, естественно, не могу достаточно полно оценить всю новизну представленного материала, равно как и его недостатки, но, будучи убежденным приверженцем картографического метода исследования, анализа и показа материала, я согласна с теми авторами книги, которые пишут, что подчас карта дает большую (и более наглядную) информацию, чем текст (см. с. 71).

Благодаря умелому изложению, умелой компоновке, прекрасному иллюстративному материалу книги, написанная, казалось бы, на очень узкую тему, представляет интерес и для широкого круга читателей — филологов, историков, этнографов, географов. Однако она оказалась недоступной из-за небольшого тиража (1000 экземпляров). Необходимо ее переиздание с добавлением предметного (тематического), именного и географического указателей. Для массового читателя хорошо бы представить и более популярно изложенное, переработанное и сокращенное издание с сохранением значительной части иллюстративного материала.

М. А. Бородина

⁶ Применительно к этнографическим объектам картографирования Н. И. Толстой ввел термины «изопрагма» и «изодокса».

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СЕМЬИ

(О книге А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР»).

В предисловии ко второму изданию книги «Брак и семья в СССР» (М., «Мысль», 1979) А. Г. Харчев отмечает, что за пятнадцать лет, прошедших со времени первого издания, существенно изменились и сама семья, и науки, занимающиеся ее исследованием. Эти изменения наглядно ощущаются при сопоставлении двух изданий монографии А. Г. Харчева: в последней работе автор опирается на выводы значительно более широкого круга эмпирических исследований; обогатился понятийный аппарат и методология исследования, предметом анализа стали новые, определившиеся за эти годы тенденции развития семейно-брачных отношений. По существу мы имеем дело с новой работой, всесторонне отражающей как современное состояние научных исследований в данной области, так и современные, весьма динамичные процессы, определяющие развитие этой важной сферы социальной жизни.

Одна из примечательных особенностей книги А. Г. Харчева — последовательное применение комплексного, системного, междисциплинарного подхода к анализу сложных и многообразных проблем развития семьи в советском обществе. Обоснованию теоретических и методологических принципов такого подхода посвящены две первые главы книги:

«Брак и семья как объект социологического исследования» и «Социальная сущность брака и семьи». В них тщательно прослежены специфика изучения проблем семьи в различных общественных науках, а также системные, междисциплинарные связи, закономерно обнаруживающиеся при анализе многих вопросов функционирования и развития семейно-брачных отношений.

Широко используя материалы этнографических, демографических, социально-психологических, криминалогических, медицинских исследований, автор органически включает их в общую ткань социологического анализа, позволяющего представить исследуемое явление в его диалектической целостности.

Характерная для современного этапа развития научных исследований тенденция к интеграции общественно-научного знания закономерно обуславливает размытие четких границ между различными предметными областями исследования семьи, ведет к преодолению исторически сложившейся обособленности отдельных дисциплин, изучающих семью. Продуктивная разработка наиболее сложных и социально значимых проблем семьи, как и других общественных явлений, происходит ныне на «стыках» различных общественных наук. В этой связи возрастает интеграционная функция марксистско-ленинской социологии, выражающаяся в возникновении новых «пограничных» научных дисциплин или областей социологического знания. Процесс интеграции общественных наук нашел отражение, в частности, в становлении этносоциологии как науки, органически объединяющей близкие по предмету и методам исследования смежные области, занимающиеся этническими аспектами социальных, в том числе семейных, отношений.

Рассмотрение закономерностей развития семьи как одной из важнейших социальных подсистем общества осуществляется А. Г. Харчевым на основе последовательного проведения принципа марксистского историзма. В свете этого принципа в книге дается сжатый, но содержательный очерк истории изучения семьи в разных науках, а также исторический очерк развития института брака и семьи от древнейших эпох до нашего времени. Эти исторические экскурсы проводятся на основе анализа обширного материала социально-философских и специально-научных исследований, умелого использования свидетельств художественной литературы. Естественно, что наибольшее внимание автор уделяет процессам становления и развития советской семьи, рассматривая их в тесной связи с эволюцией семейного права и половой морали общества.

Многоукладность, характерная для первых этапов развития советского общества, обусловила существенные региональные особенности процессов формирования новой семьи, в частности у народов Средней Азии и Севера РСФСР. Эти особенности, определившие своеобразие социальной политики партии в данной области применительно к разным национальным регионам, освещаются в книге на основе анализа материалов многочисленных этнографических исследований.

Опыт советских этнографов оказал помощь автору в освещении социально- и национально-интеграционных процессов в сфере брачно-семейных отношений на этапе развитого социализма. Так, в книге использованы данные этнографических экспедиций, свидетельствующие об отрицании или «расшатывании» многих консервативных национальных обычаев, являвшихся непременным атрибутом заключения брака (с. 199), о расширении диапазона выбора будущего супруга, объективно обусловленном увеличением подвижности населения и интенсивной урбанизацией страны. Массовое перемещение сельских жителей в города и на новостройки, сопровождающееся все большим национальным «перемешиванием» населения, делает личный выбор в браке все более свободным от расовых, национальных и религиозных предрассудков. Вопреки утверждениям буржуазных социологов о том, что межнациональные браки обладают гораздо меньшими возможностями взаимного приспособления супругов, опыт нашей страны доказывает высокую степень устойчивости «смешанных» браков. Все эти выводы делаются автором на основе широкого использования материалов этнографических исследований последних лет. Вместе с тем в книге не отражены некоторые результаты исследований советских этнографов по этой проблематике, в частности не использованы данные, изложенные в содержательной коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1977).

Тщательно проследившая зависимость изменений в брачно-семейных отношениях и в половой морали общества от более широких сдвигов в образе жизни, А. Г. Харчев раскрывает и некоторые негативные стороны этих изменений. Так, в частности, он отмечает, что рост подвижности населения и его концентрация в крупных городах облегчают добрачную сексуальную практику и адюльтер в силу ослабления традиционных механизмов социального контроля и «анонимности» городского образа жизни (с. 230). Содержательно интерпретируя данные социальной и демографической статистики и результаты многочисленных социологических исследований, автор анализирует причины отрицательных явлений в сексуальном поведении и факторы, обуславливающие известную неустойчивость современного брака. Данный анализ убеждает в том, что социология все более активно вторгается в эту, прежде «запретную» сферу жизни и помогает представить реальную картину состояния общественных нравов, на основе которой только и возможна выработка эффективных средств социальной профилактики и терапии, способствующих стабилизации и укреплению семьи.

В книге убедительно показано, что социологические исследования обнаруживают несостоятельность многих представлений, бытующих в обыденном сознании. Так, например, вопреки широко распространенному мнению, большей способностью «исчезать совсем», обладает духовная близость супругов, а не физическая (с. 198). Автор раскрывает не-

состоятельность и другого ходячего мнения — о полной зависимости сексуальной гармонии от природных данных супругов. Сексологические исследования доказывают прямое влияние на эту сферу психологических отношений между супругами. Преодоление на первый взгляд неразрешимых сложностей и коллизий в интимной жизни оказывается в большинстве случаев вполне возможным на основе психотерапевтической помощи супругам, осуществляемой квалифицированными специалистами. Автор анализирует опыт пока еще немногочисленных в нашей стране консультативных центров по вопросам семьи и брака и делает вывод о необходимости всемерного расширения сети таких центров и подготовки соответствующих специалистов.

Рассматривая вопрос о половом воспитании молодежи, А. Г. Харчев доказывает неправомерность пренебрежения вопросами половой морали, «теоретически» обосновываемого тезисом о единстве коммунистической морали, якобы исключающем необходимость выделения такой особой сферы нравственного воспитания. Нормы морали обладают различной степенью всеобщности: от самых широких принципов до самых узких правил поведения, действительных лишь для определенных жизненных ситуаций. К таким типическим жизненным ситуациям относится половая жизнь, взаимоотношения мужчины и женщины. Данная сфера находится в нерасторжимой связи со всей нравственно-эмоциональной жизнедеятельностью личности. Поэтому осуществление эффективной системы полового воспитания должно составлять часть общей системы нравственно-эстетического воспитания.

Следует особо подчеркнуть, что книга А. Г. Харчева является одним из первых в нашей общественной науке примеров органического соединения социологического и этического анализа, строго научного аналитического рассматривания исследуемых явлений с ценностно-нормативным подходом к ним, свободным от прямолинейной назидательности и схоластического морализирования. В работе содержится много глубоких выводов этического плана, тонких наблюдений над реально складывающимися нравственными отклонениями.

Важное достоинство рассматриваемой работы заключается в том, что она направлена против вульгарно-социологического подхода, исходящего из идеи о жесткой, прямолинейной связи между образом жизни семьи и образом жизни общества. Автор показывает относительную независимость некоторых изменений в нормах сексуальной жизни, брачно-семейных отношениях и репродуктивном поведении семей от характера социально-экономической системы. Переход от традиционного типа воспроизводства населения, связанного с неограничиваемой рождаемостью, к современному, рациональному типу его воспроизводства, являющемуся результатом сознательного ограничения рождаемости, происходит под непосредственным влиянием факторов, общих для всех индустриально развитых стран: роста трудовой занятости и экономической самостоятельности женщин, широкого применения контрацептивных средств, повышения их надежности и доступности, что закономерно ведет к отграничению секса для воспроизводства от секса как выражения любви и привязанности. Однако эти тенденции, общие для разных социально-экономических систем, нельзя абсолютизировать.

Анализируя социальные проблемы семьи как первичной ячейки общества, автор закономерно приходит к анализу смежных проблем нашего образа жизни. Заслуживают серьезного внимания, в частности, соображения о том, что опыт раздельного проведения супругами отпусков вследствие нежелания предприятий считаться с интересами семьи нередко оказывает разрушительное влияние на брак.

Обращая внимание на необходимость совершенствования условий для организованного семейного досуга, А. Г. Харчев подчеркивает, что плохая организация культурного досуга влечет как экономические, так и нравственные потери для общества: отток населения в центры с более развитым культурным обслуживанием, стихийное складывание неформальных компаний подростков, в которых лидерство далеко не всегда принадлежит социально здоровым элементам, пьянство и другие формы антисоциального поведения, тяжело отражающиеся на семейных отношениях и семейном воспитании.

Как подчеркивает автор, алкоголизм и половой аморализм — практически неразлучные спутники. Одурманенность алкоголем зачастую вызывает повышенную сексуальную «озабоченность» и благоприятствует утрате всяких сдерживающих начал у искателей легких сексуальных «побед». Эта группа причин, игнорируемая до сих пор исследователями алкоголизма, должна привлекать внимание общества. Необходимо всемерное развитие семейных домов отдыха, пансионатов, турбаз, для которых характерна более здоровая атмосфера, чем для учреждений отдыха, обслуживающих отдельных отдыхающих.

Касаясь снижения роли клуба как специфического фактора досуга, автор объясняет это тем, что большинство клубов и дворцов культуры функционируют при предприятиях, тогда как преобладающее большинство трудящихся проживает сравнительно далеко от них и нуждается в территориальных центрах культуры, общения, развлечений. Господство ведомственных начал в организации клубного дела (как, добавим, и в развитии других элементов социальной инфраструктуры города) существенно снижает социальную эффективность использования средств, направленных на культурные цели.

Некоторые положения, высказываемые автором как бы походя, наводят на мысль о необходимости развертывания более широких социологических исследований, направленных на оптимизацию ряда социальных процессов, в настоящее время неблагоприятно сказывающихся на образе жизни как семьи, так и общества в целом. Это касается, в частности, вопроса об отсутствии возможностей социально рентабельного расходования

средств семьи в результате дефицита многих жизненно важных благ и услуг. Расширение существующих и открытие новых каналов использования денежных средств населения в сфере отдыха, досуга и т. д. призвано способствовать сокращению потребления алкогольных напитков, так как, по данным ряда исследований, пьянство нередко просто заполняет «вакуум» более высоких форм общения и более полезных для личности и общества развлечений» (с. 276).

Другая важная социальная проблема, к сожалению, тоже лишь попутно затрагиваемая в книге, связана с использованием определенной частью советских семей, как деликатно выражается автор, «таких средств получения дополнительных доходов, о которых они не могут заявить открыто». «Конечно,— пишет А. Г. Харчев,— эти рассуждения основываются на весьма ограниченной эмпирической базе, однако они согласуются с теми выводами, которые можно сделать из материалов судов, милиции, читательской корреспонденции, из опросов общественного мнения» (с. 276). Думается, в наши дни, когда периодическая печать все более остро поднимает вопрос о распространении практики получения нетрудовых доходов спекулянтами и взяточниками, настало время расширить «ограниченную эмпирическую базу» путем получения достоверной социологической информации о масштабах данного социального зла. Такого рода исследования имеют прямое отношение и к социальным проблемам семьи, поскольку легкая жизнь всякого рода дельцов и махинаторов, а также их чад и домочадцев на нетрудовые и «левые» доходы определяет антисоциалистический уклад жизни таких семей, оказывает социально разлагающее воздействие на окружающих, в особенности на молодежь.

По другим актуальным проблемам социального развития нашего общества позиция А. Г. Харчева выражена намного более определенно. Это относится в первую очередь к вопросам эффективной демографической политики, оживленно обсуждающимся в последние годы в советской демографической, экономической и социологической литературе. Как известно, некоторые исследователи без достаточных к тому оснований продолжают настаивать на том, что введение пособий на детей не способно существенно изменить репродуктивное поведение семей и тем самым повысить уровень рождаемости. Прямо не полемизируя с такого рода взглядами, автор тем не менее вполне четко заявляет, что «рождаемость следует повышать прежде всего путем более эффективного материального и морального стимулирования рождения первого и особенно второго и третьего ребенка в нормальных семьях. Такое стимулирование, несомненно, внесет необходимые коррективы и в планирование времени рождения детей в семье» (с. 208). Приводя многочисленные данные, характеризующие тесную обратную связь между уровнем рождаемости и уровнем разводимости, А. Г. Харчев делает еще один важный вывод — о том, что материальное и моральное поощрение рождаемости будет служить не только необходимому для страны увеличению прироста населения в ее центральных и западных регионах, но и известному уменьшению числа разводов (с. 225—227). Рассматривая проблемы стабилизации семьи и разводимости в широком социологическом контексте проблематики образа жизни, А. Г. Харчев подчеркивает, что «ни государство, ни общество не заинтересованы в том, чтобы в стране возрастала численность холостяков и незамужних, потому что это одновременно и возрастание количества неустroенных судеб и внебрачных детей» (с. 229). В этой связи им выдвигается ряд практических рекомендаций, направленных на укрепление семейных отношений. Отмечая, что нерешенность жилищных проблем является ныне одной из главных причин как высокой текучести кадров, так и высокой разводимости, А. Г. Харчев предлагает значительно расширить сферу кооперативного жилищного строительства, создав одновременно систему государственного кредитования молодых семей. «Эта мера поможет повышать не только стабильность этих семей, но и новых трудовых коллективов, ибо ничто так не привязывает человека к предприятию, как домашний очаг» (с. 229). Отрадно отметить, что эти предложения нашли отражение в недавнем постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве»¹.

Заслуживают внимания и другие научные рекомендации, содержащиеся в книге. В интересах упорядочения отношений между полами, снижения брачного возраста и более раннего начала фертильного периода в супружеской жизни женщины А. Г. Харчев предлагает создавать условия и стимулы для поступления учащейся молодежи на работу (на режимах неполного рабочего дня), начиная со старших классов средней школы (с. 208). В условиях неуклонно увеличивающейся средней продолжительности обучения молодежи такого рода меры призваны способствовать сокращению образовавшегося в связи с акселерацией разрыва между физическим (в том числе и сексуальным) созреванием молодежи и наступлением ее социальной (в том числе и нравственной) зрелости, положить конец иждивенческому статусу молодых людей, ныне затягивающемуся нередко до 22—25-летнего возраста. Указывая на актуализацию проблемы посредничества в выборе брачного партнера, автор считает необходимым развивать создающуюся ныне в ряде городов «службу знакомств». Как известно, несколько лет назад эта идея безоговорочно отвергалась как несоответствующая принципам социалистической морали. Косвенно полемизируя с такими взглядами, А. Г. Харчев резонно отмечает, что «„служба знакомств“ не претендует на то, чтобы заменить личный выбор супруга и брак по любви

¹ «Правда», 12 января 1980 г.

или восстановить некогда существовавший обычай сватовства, она лишь расширяет круг брачного выбора и, следовательно, улучшает его шансы» (с. 342, 343).

Вместе с тем в книге «Брак и семья в СССР» можно встретить некоторые спорные или неточные утверждения. Так, едва ли справедливо связывать с именем А. Коллонтай только вульгаризаторские ошибки в толковании проблемы семьи (с. 129), поскольку в ее работах по этим вопросам содержалось и немало ценных, сохраняющих положительное значение и для нашего времени суждений. Сравнение на с. 281 затрат времени на домашний труд в 20-х и 60-х годах (приводившееся и во многих других социологических работах) не вполне корректно, поскольку оно не учитывает произошедшего за эти годы значительного уменьшения числа детей в семьях. Цифра, приведенная на с. 283, характеризующая совокупные затраты времени населения СССР на бытовой труд (180 млрд. часов в год), расходится с последними расчетными данными, публикуемыми в экономической литературе, согласно которым эти затраты времени достигают 275—300 млрд. часов.

Едва ли можно согласиться с утверждением автора о том, что факты, когда дети не спрашивают у родителей разрешения на вступление в брак, а лишь информируют их об этом, свидетельствуют о недостаточном уважении к родителям и должны вызывать тревогу (с. 184, 185). На наш взгляд, такие факты отражают возросшую автономию личности, ее законное стремление в решении столь интимного вопроса, как выбор брачного партнера, полагаться на свое, а не на чужое мнение, пусть даже исходящее от близкого человека. К тому же сам автор замечает, что известная часть людей старшего поколения, в большей степени отягощенного национальными предрассудками, по тем или иным причинам не одобряет смешанных браков и возражает против выбора жениха и невесты другой национальности (с. 212, 213). Поэтому естественно желание молодых людей не идти на поводу у подобных предубеждений родителей и самим определять вопрос о своем личном счастье. Естественны и отмечаемые автором различия между поколениями в установках, касающихся семейной жизни, выражающиеся в том, что лишь незначительная часть молодоженов намерена полностью следовать в своих взаимоотношениях примеру родителей (с. 238).

Полемизируя с мнением, что для удовлетворения потребности общества в воспроизводстве населения семья не нужна, А. Г. Харчев выделяет такие функции семьи, которые никакой другой социальный институт в данных конкретных условиях выполнять не может. К ним он относит воспитание детей, требующее, особенно в раннем возрасте ребенка, повседневной заботы, граничащей с самоотверженностью, глубокой заинтересованности в судьбе ребенка, присущей родителям в гораздо большей степени, чем другим людям. Тем удивительнее звучит суждение, что «если сводить воспроизводство населения лишь к деторождению, то против такого мнения (о ненужности для этого семьи.— В. Р.) трудно что-либо возразить» (с. 74). В этой связи можно задаться вопросом: какие же мотивы могут побуждать большинство женщин выносить тяготы беременности, родов и т. д., кроме мысли о последующем воспитании ребенка, которое наиболее благоприятно может быть осуществлено в рамках семьи?

Все эти замечания носят частный характер и не снижают научной ценности, новизны и содержательности исследования. Хотелось бы пожелать, чтобы книга «Брак и семья в СССР» была переведена на иностранные языки и оказалась доступной зарубежному читателю, сознание которого отягощено многочисленными предрассудками о судьбах и тенденциях развития советской семьи.

Работа А. Г. Харчева, обобщающая накопленный за последние десятилетия опыт социологии, этнографии и других научных дисциплин в исследовании социальных проблем семьи, наглядно раскрывает творческий потенциал советской общественной науки, ее действительное участие в решении актуальных проблем социального развития социалистического общества.

В. З. Роговин

Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М., 1979, 247 с.

Рецензируемый сборник отражает определенный этап работ Института этнографии АН СССР по исследованию материальной культуры и быта сибирской деревни¹. В нем освещаются вопросы землепользования и землевладения, особенности местного строительства по отдельным регионам, дается обзор и оценка источников по этнографии русского населения Западной Сибири.

Первая группа проблем отражена в статьях И. В. Власовой, В. А. Липинской и частично в работе [А. В. Сафьяновой] (с. 115—118). Проведенные изыскания важны не только для понимания прошлого Поморья и Сибири. Их результаты имеют и общетеоретическое значение, так как затрагивают вопрос о формировании структуры производительных сил земледелия в малонаселенных регионах. Такие регионы встречались не только в нашей стране, но и в Северной Америке, Австралии и др.

Статья И. В. Власовой «Землепользование в Поморье и Западной Сибири XVII—XVIII вв. Традиции и практика» прежде всего интересна постановкой проблемы. Для сравнительного анализа взяты сходные по степени заселенности и историческим судьбам регионы. Это позволило показать, в какой мере давление «извне», порождаемое вмешательством государства, деформировало «естественный» процесс эволюции землепользования. На основании скрупулезного анализа И. В. Власова устанавливает, что обычное право отчуждения земли в индивидуальную собственность у поморских крестьян было фактически упразднено межевыми инструкциями 1754 и 1756 гг. (с. 24), а в Сибири оно сохранилось значительно дольше. Автор совершенно справедливо ограничивает свое исследование концом XIX в., когда после учреждения должностей крестьянских начальников проводились массовые переделы земли (с. 45). Однако это вмешательство «извне» здесь не привело к ликвидации принципа «заимочности» и «староместности». Сравнительный анализ землепользования свидетельствует о наличии двух «мирских» тенденций. Одна из них была связана со стремлением к закреплению участков в личную собственность, другая — с ежегодным переделом всего фонда пахотных земель между общинниками. Соотношение этих двух тенденций было непостоянным. Основой для укрепления «передельной» тенденции являлось резкое изменение демографической ситуации внутри крестьянского мира. Частной причиной могли стать акции, направленные на земельное «утеснение» общины. В такой обстановке для обеспечения жизнеспособности каждого двора «мир» вынужден был прибегать к жесткой регламентации его деятельности: вводить принудительные севообороты, «изнуряющую паренину», устанавливать сроки сева и т. д. На той же основе возникало принудительное трехполье, принципиально отличное от того, которое велось каждым земледельцем самостоятельно. Принудительное трехполье сужало личную инициативу земледельца в поиске новых агроприемов. В статье приводятся таблицы, из которых видно, что в ряде мест Поморья сложилась критическая ситуация из-за диспропорции между пахотным фондом и покосами. В наиболее обеспеченной покосами губернии на 100 дес. пашни приходилось 192 дес. покосов, в наименее обеспеченной — 16,6 дес., в остальных — от 20 до 51 дес. (с. 33). Эти цифры исключают возможность существования трехполья с индивидуально планируемым чередованием полей. Подтверждают это и приводимые в статье многочисленные факты о распространении регламентированного трехполья (с. 24, 25, 30, 59, 60 и др.). По отдельным фрагментам статьи можно заключить, что автор склонен положительно оценить значение «полеводственной практики», возникающей на таких основаниях (с. 24, 60). По нашему же мнению, такая «практика» вела к застойности агротехники, к прозябанию крестьянского хозяйства.

Создание «принудительного» трехполья являлось одним из способов сохранения крестьянского хозяйства. Другой, лучший способ, был связан с миграцией крестьянства в обеспеченные землей районы. Можно предположить, что благодаря миграциям возникла трехполька без принудительного севооборота во многих селениях Тюменско-Тобольского тракта². В статье хорошо аргументируется также соображение о том, что в Сибири «большее чувствовалась жизнеспособность обычного права в форме заимочного землевладения» (с. 45, 47, 49, 58—60 и др.), которое определяло свободу двора в выборе севооборота. Поэтому нам представляется более точным, когда речь идет о некоторых общих явлениях, свойственных Поморью и Зауралью, говорить не об «изменении или возрождении традиций» (с. 40, 52, 62), а о переносе определенных стадий сложившихся режимов землепользования в условия, которые обеспечивали их нормальное функционирование.

¹ См. сб. «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., 1974.

² В. М. Суринов. Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири по материалам историко-этнографических экспедиций (конец XIX — начало XX в.) — «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., 1974, с. 112.

Интересны данные о положении «половников» в Поморье и Сибири. «Половник» Зауралья отличался большей самостоятельностью, часто жил на отдельном от хозяина дворе (с. 53). Это обстоятельство важно для понимания типа эволюции сельского хозяйства Сибири. Общеизвестно, что при капитализме происходит отделение непосредственного производителя от средств производства. Для определения характера капитализации сельского хозяйства очень важно знание условий этого процесса. Из статьи следует, что в Зауралье население, находившееся даже на крайней ступени социальной зависимости, имело возможность пользоваться таким важным элементом сельскохозяйственного производства, как земля. В силу этого соответствующим образом должно было формироваться органическое строение капитала. Известная независимость работника заставляла капиталиста для получения прибыли более широко механизировать процесс труда.»

В статье И. В. Власовой много внимания уделяется такому интересному, общему для Поморья и Сибири явлению, как «складничество». Справедливо указывается, что оно часто возникало при освоении новых земель (с. 36). По нашему мнению, следовало бы более определенно обозначить спорадичность этого процесса. По всей вероятности, складничество было связано с определенной ступенью, уровнем адаптации земледельца к местным условиям. Когда процесс приспособления завершался, происходил распад или «полураспад» общностей, работающих «вповал». Например, начальный этап освоения целины, конечно, требовал объединенных усилий, но при наличии 3—4 лошадей и колесного плуга земледелец мог поднимать залежь и в одиночку, что, кстати сказать, часто и делалось.

Статья В. А. Липинской «„Займки“ Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения» является как бы логическим продолжением работы И. В. Власовой. Ранее эта проблема привлекала внимание исследователей лишь попутно, в связи с решением отдельных практических вопросов землеустройства, проведения сибирской дороги³ и т. д.

В работе В. А. Липинской впервые займка рассматривается как объект научно-исторического исследования. Свою задачу автор ограничивает рассмотрением займки как типа населенного пункта. В статье строится модель расселения земледельцев. Оно развивалось от крупных поселений к малодворным; созданию последних предшествовало опробование участков поселения методом сезонного пребывания. Эта схема не носит абстрактного характера, она убедительно обосновывается конкретными фактами. Есть все основания считать, что такой путь расселения был одним из наиболее распространенных. Но в то же время следует отметить, что он был и одним из наиболее медленных.

Расселение вблизи от основного пункта определялось постепенным увеличением демографического давления внутри общины и возникновением «крайних пашен» на расстоянии 10—15 верст от селения, что подтверждается также данными таблиц № 2 и 4 (с. 153, 158, 159). Из них видно, что займки создавались крестьянством главным образом для сельскохозяйственного производства. Их возникновение порождало необходимость сохранения определенного режима землепользования. Это подтверждается отсутствием связи между распространенностью займок и размером наделов и известной зависимостью данного явления от систем земледелия (с. 153, 155, 267). В силу этого представляется спорным утверждение В. А. Липинской о том, что займочные поселения «способствовали не освоению новых пространств, а уплотнению сложившегося расселения» (с. 151). Это также противоречит и логике. При перенесении усадьбы на новое место должно было меняться соотношение между «удворными» и дальними пашнями, его сохранение вело бы к интенсификации землепользования.

Наряду с земельными займками существовали и промысловые (до 18% от общего числа займок), и организуемые лицами некрестьянского звания (свыше 20%). С известной долей условности можно сказать, что их возникновение прямо не диктовалось демографическими процессами. В оценке характера этих займок в статье имеется известная противоречивость: с одной стороны, признается, что их возникновение было связано «с широким развитием капитала» (с. 186) и в целом «в займочной системе и сезонных займочных поселениях были найдены оптимальные пути освоения природных ресурсов Сибири». А с другой, — усматривается наличие в займочном хозяйстве «глубоких архаических черт» (с. 167). Архаизм объясняется «захватным способом» организации дела, «недолговременностью» производства. По нашему мнению, такая двойственность в оценках порождена тем, что введенные автором сами по себе очень интересные источники не дают ответа на этот вопрос. Так, например, имение Благодарное Заводоуковской вол. трактуется исключительно как мельничная займка; на самом деле это было образцовое полеводческое хозяйство, принимавшее участие в Курганской (1845 г.) и Нижегородской (1896 г.) выставках. Очевидно, надо использовать более подробные описания займочных хозяйств. Любопытно в этом отношении объяснительные записки агрономических служб о займках, на которых предполагалось создавать опытные и учебные заведения. Таково, например, описание займки Барсукова,

³ Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА), ф. 391, оп. 1, д. № 154; См. также: «Заметка о займочном и общинном землевладении». — «Сибирский листок» Тобольск, 1893, № 45; «О займках в Енисейской губернии». — «Енисейские губернские ведомости» Енисейск, 1892, № 50.

расположенной в Семилужской вол., в 30 км от Томска, образованной в 1894 г. В нем отмечается и добротность построек и пасека «в большой округе, известная за образцовую», и попытки владельца внедрить посевы пшеницы, и факт выписки им «человечного журнала» и т. п.⁴, т. е. по всем показателям это хозяйство нельзя отнести к заурядным явлениям. В то же время совершенно очевидно, что переписчики населенных мест трактовали бы его как самое обычное.

В статье В. А. Липинской содержатся интересные наблюдения о зоне концентрации заимок с ветряками на полосе, протянутой с северо-востока на юго-запад по территории юга бывшей Тобольской губернии. Объясняет это автор направлением господствующих ветров и наличием сырьевой базы. Не отрицая значения названных обстоятельств, все же следует отметить, что данная полоса обозначается и другими элементами материальной культуры — в частности сортами и сортовыми сельскохозяйственными растениями⁵. Такое совпадение нуждается в дополнительном истолковании.

В. А. Липинской тщательно изучается вопрос о сезонных заимочных постройках — подробно описаны палатки, шалаши, рубленые избы. Но из поля зрения автора почему-то выпало такое строение, как «крышка», состоявшее из шести столбов, огороженных плетнем и покрытых сверху «ветренниками» (жердями). Оно занимало особое место в эволюции жилища на заимке: полога заменялись балаганами, балаганы — «крышками», «крышки» — рублеными избами⁶.

Изучению жилищного строительства посвящена статья В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой «Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (конец XIX — начало XX в.)». Частично этот вопрос освещается также в статьях А. А. Лебедевой «Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт», А. В. Сафьяновой «Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX — начале XX в.». Сибирское жилище, сибирский двор издавна привлекали внимание исследователей и наблюдателей. «Основательные деревянные дома», «прочные хозяйственные застройки на дворе», наряду «с обилием скота» и «богатым хозяйственным обзаведением» служили основанием для заключения о материальной обеспеченности сибиряка⁷. Авторы, опираясь на обширные материалы, посвященные строительству в различных регионах страны, проанализировали типы построек, выявили влияние отдельных бытовых и этнографических групп населения на общий характер жилых и хозяйственных построек Восточного Алтая. Так, фиксируя как основную северорусскую планировку жилища и усадьбы, авторы указывают, что на позднейшем этапе заселения края развитие получают южнорусские элементы (с. 214, 221). В процессе взаимодействия различных культур перед местным жителем возникла возможность выбора оптимального решения. Однако, как показано в статье, во всех этих исканиях своеобразным эталоном был сибирский опыт как наиболее адаптированный к местным условиям (с. 222). Этот вывод представляется важным, потому что некоторые буржуазные публицисты, стремясь оправдать правомерность разрешения аграрного кризиса в центре за счет развития переселенческого движения, всячески принижали достижения сибирского крестьянства в развитии материальной культуры — в частности, они отмечали «непорядливость всех надворных построек»⁸. Специально следует отметить, что в статье изменение типов и форм строительства рассматривается в тесной связи с явлениями социального и общественного порядка — развитием капитализма, распадом больших семей и т. п.

Подытоживая результаты исследования жилищного строительства, можно сказать, что авторы уделили недостаточно внимания материалу построек, представляющему собой своеобразный этнодифференцирующий момент. В принципе материалы, из которых делались жилища и другие предметы быта, не обойдутся вниманием исследователей (с. 80—81, 191—192). Но здесь важно вычленил другое — насколько те или иные материалы были присущи определенной бытовой группе населения. Так, например, по сообщению, относящемуся к середине XIX в., в некоторых селениях по р. Оми и в г. Каинске многие дома строились только из кедров. Лес поступал с севера Барабы и стоил относительно дорого: сотня семиаршинных бревен — 60 руб.⁹ Следовательно, спрос, очевидно, порождался какими-то особенностями быта и традицией.

⁴ ЦГИА, ф. 398, оп. 57, II разр., д. 408, л. 81, 82 и об., 85 и об.; см. также: И. Л. Фуксман. Краткий обзор хозяйства И. Л. Фуксмана близ Томска. — «Труды Томского отдела Московского общества сельского хозяйства». Томск, 1897, кн. I; Винкевич. Описание хозяйства Г. Ерофеева близ г. Каинска. — Там же; Р. Михеев. Хозяйство Колмаковых в Омском у. Акмолинской области. — «Нужды сельского хозяйства Западной Сибири», № 1. Омск, 1915.

⁵ Г. Я. Эрдели. Отчет о деятельности по Курганно-Ялutorовскому району за 1913 г. — «Труды Тобольской губернской агрономической организации», в. 26—27. Вологда, 1915, прил. IX, с. 93—95.

⁶ Архив Ин-та этнографии, Западно-Сибирская экспедиция. Дневники по разделу «Сельское хозяйство». 1972, № 1, л. 71; № 2, л. 18, 30, 34, 45, 81 и об.

⁷ «От Кургана до Пресно горьковской». — «Дорожник по Сибири и Азиатской России». СПб., 1899, кн. 3, с. 50—51.

⁸ «Русская мысль», М., 1890, кн. XII, отд. XIII, с. 84.

⁹ «Земледельческая газета», 27 августа 1843 (№ 69).

В указанной работе А. А. Лебедевой и статье А. В. Сафьяновой о хозяйственной жизни Верхнего Прииртышья особенности формирования быта населения рассматриваются в целом.

А. А. Лебедевой освещаются различные стороны деятельности и материальной культуры жителей Притоболья. Особое внимание уделяется изготовлению и использованию транспортных средств, одежде, внешнему и внутреннему убранству жилого помещения. Достаточно подробно характеризуются орудия производства и технология изготовления различных видов тканей и изделий из них, дается описание как местных, так и заводских образцов этих изделий. Специальный раздел статьи посвящен торжкам и ярмаркам. На основании широкого охвата различных сторон жизни края, их всестороннего исследования автор приходит к убедительно аргументированному выводу о том, что русское население за сравнительно короткий срок сумело создать производительное хозяйство и развитые ремесла. Вместе с тем, по нашему мнению, в дальнейшем нужно обратить внимание на «артельные начала» как своеобразную бытовую специфику сибирской перерабатывающей промышленности, которая коренилась в самых древних традициях «складничества», и на связь кустарного производства с земледелием. Есть некоторые основания полагать, что здесь эта связь была не такой тесной, как в Европейской России.

В статье А. В. Сафьяновой характеризуются процессы, протекавшие в Верхнем Прииртышье под влиянием переселенческих движений, анализируются время и характер проведения переселений; автор выделяет следующие группы: казаки, крестьяне-новоселы, крестьяне-старожилы. Старожилы, в свою очередь, разбиваются на «полянков» и «каменщиков». Взаимное влияние этих групп составляет содержание статьи, причем, основное внимание уделяется воздействию культуры переселенцев на старожилов. В работе А. В. Сафьяновой приводится много интересных и бесспорных данных, в частности, показано, что новоселами было улучшено огородничество (новые сельскохозяйственные растения, использование тяпки и пр.); не без их влияния совершался перевод картофеля в полевой клин и т. п. (с. 129—130). Интересны данные об организации русскими земледельцами в Бельгаачской степи так называемых «снежников» (с. 127).

Однако, по нашему мнению, автор несколько преувеличил влияние переселенцев. Представляется не бесспорным и тезис о том, что хозяйство старожилов характеризовалось «большой отсталостью», что техника у новоселов была лучше. Так, вряд ли следует считать регрессивным явлением наличие залежной системы. Большие пространства позволяли восстанавливать естественным путем плодородие почвы до новой запашки. Один из наблюдателей того времени писал: «В Алтайском округе глаз на многие версты видит перед собой совершенно равнинную площадь; степи имеют вид совершенно зеленого поля, с кое-какими вкрапленными заплатами»¹⁰. Эти немногочисленные клочки вспаханной земли постоянно менялись. Невозможно допустить, что подобная вспашка могла довести почву до истощения.

Вызывает возражение утверждение о невысоком качестве культивируемых старожилами растений и животных (с. 132—134). Плохое «качество» сибирского скота не помешало появлению феномена сибирского маслоделия. Местные породы скота отличались неприхотливостью, у них было более высокое содержание жира в молоке при малой удойности. В соответствии с этим формировался и режим кормления. Таким образом, в местном животноводстве складывался определенный гармонический круг. Стихийная метисация скота, в которой автор видит заслугу переселенцев (с. 133—134), могла только нарушить его.

Специального рассмотрения заслуживает источниковая база сборника. В сферу исследования вовлекаются не только предметы материальной культуры, информация, полученная от респондентов, но и документная информация, хранящаяся в Центральном и местных архивах. В сборнике помещена специальная статья А. А. Лебедевой по историографии и источниковедению. В ней рассмотрены труды П. С. Палласа, Т. Н. Потанина, А. Принтца, Г. Катанаева и др.; показана деятельность отдельных учреждений как накопителей информации, в частности, раскрывается значение для этнографического исследования документов частного сыска. Вовлечение в сферу изучения широкого круга источников позволило автору уточнить ряд моментов в истории Южного Алтая, например, установить факт существования русского населения в Риддеровской волости до прихода «полянков».

Ценные наблюдения над источниками содержатся и в других статьях. Так, И. В. Власовой привлечена широкая и разнообразная группа источников, долгое время оставшихся вне поля зрения этнографов. Интересно с точки зрения документной эвристики использование В. А. Липинской сведений, полученных при подготовке «Списка населенных мест», не вошедших в печатное издание. В совместной статье В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой привлекают внимание размышления над проблемами репрезентативности и достоверности сохранившихся от прошлого построек (с. 191).

Изучение этих построек, являющихся «следствием коллективной мысли, коллективного творчества», — одна из актуальных задач современного источниковедения¹¹.

¹⁰ «Русская мысль». М., 1890, кн. XII, отд. XIII, с. 84.

¹¹ Ц. Бобинская. Проблемы в источниках. Методологический анализ. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 83.

В сборнике широко используются фотографии. В целом они хорошо атрибутированы и дают наглядное представление об отдельных элементах материальной культуры.

Таким образом, сборник вносит весомый вклад в изучение материальной культуры русского населения Сибири. На основе конкретного анализа отдельных групп и видов источников в нем ставятся и успешно разрешаются и вопросы общеметодологического характера.

В. М. Суринов

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ ПО РУССКОМУ ФОЛЬКЛОРУ В ИЗДАНИЯХ СИБИРСКИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В минувшем десятилетии особенно активную исследовательскую и собирательскую деятельность по фольклору в Сибири вели педагогические институты. Их студенты и преподаватели выезжали в экспедиции и собрали большой фольклорный материал. Значительная часть этого материала опубликована. Большой заслугой в деятельности педагогических институтов является выпуск серийных сборников по фольклору и литературе Сибири¹. Одно из таких изданий — тематические сборники «Литература и фольклор Забайкалья». Первый выпуск этого издания вышел с подзаголовком «краеведческий сборник в помощь учителю». В заметке от редакции сказано, что сборник рассчитан на учителей, студентов, учащихся старших классов и всех интересующихся литературной жизнью края. В нем помещены две статьи В. С. Левашова по фольклору: «Песни забайкальских казаков о военной службе» и «Свадебные песни забайкальских казаков». Статьи эти могут представить интерес не только для учителей и студентов, но и для специалистов.

Второй выпуск содержит уже больше статей по фольклору и не имеет скромного подзаголовка «в помощь учителю», что вполне справедливо. Здесь опубликованы еще три статьи В. С. Левашова о песнях забайкальских казаков: «Календарно-обрядовые песни забайкальских казаков» (с. 118—128); «Песни забайкальских казаков о любви и семейной жизни» (с. 129—150); «Роль забайкальского трудового казачества в развитии поэзии гражданской войны» (с. 151—166). Работы В. С. Левашова хорошо воссоздают картину традиционного песенного фольклора забайкальских казаков по старым и современным записям и знакомят читателя с новым фольклором, песнями гражданской войны. О художественном своеобразии песен забайкальских казаков рассказывается в статье В. С. Левашова «Поэтика лирических песен забайкальских казаков» (в. IV, с. 110—133).

Во втором выпуске помещена статья Ю. В. Курскова «Книжно-рукописная и фольклорная традиция в Восточном Забайкалье» (с. 3—15). Она содержит краткий обзор песен о первых землепроходцах Сибири, а также некоторых сибирских легенд и преданий. Несколько устных рассказов о пребывании в Сибири протопопы Аввакума и вопрос об их правдоподобии рассматриваются в статье В. И. Зоркина «О кабанском сидении Аввакума» (с. 16—26). Н. И. Кондратьев в статье «Вопросы фольклора в приложениях к „Восточному обозрению“» (к истории журнальной прессы в Восточной Сибири)» (с. 102—117) дает обзор публикаций фольклора аборигенов Сибири; приводятся сведения о русском фольклоре (преданиях и песнях о Ермаке, свадебных обрядах и песнях), рассматривается полемика В. С. Арефьева и С. В. Максимова о сибирских народных песнях.

С третьего выпуска заглавие сборника изменено, он стал называться «Литература и фольклор Восточной Сибири», что связано с расширением тематики исследований. В этом выпуске все статьи краткие. Русскому фольклору посвящены только две из них. Статья Е. И. Шастиной «Современное состояние волшебного-фантастической традиции в Восточной Сибири» (к методике исследования) (с. 24—28) построена в форме тезисов большого исследования о судьбах сказки в Сибири. Е. И. Шастина ведет успешную и плодотворную работу по собиранию и исследованию сказочной традиции Сибири. В рассматриваемых изданиях ею опубликован ряд статей на эту тему: «Сибирская школа бродячих сказочников» (в. II, с. 167—184); «О характерном и нехарактерном в современном сказительстве (по записям 1970—1973 гг. в селах Приленья)» (в. IV, с. 101—109). Кроме того, статья Е. И. Шастиной «К вопросу о социально-биографических обобщениях в волшебной сказке» помещена в сборнике «Фольклор и литература Сибири». Омск, 1976, с. 3—22.

¹ В обзоре речь пойдет об изданиях Иркутского педагогического ин-та — «Литература и фольклор Забайкалья» (в. I и II, Иркутск, 1975, 1976); «Литература и фольклор Восточной Сибири. Республиканский сборник» (в. III и IV, Иркутск, 1977, 1978); Новосибирского педагогического ин-та — «Сибирский фольклор» (в. II, III, IV, Новосибирск, 1971, 1976, 1977); Омского педагогического ин-та — «Фольклор и литература Сибири» (в. I, II, III, Омск, 1974, 1975, 1977).

Вторая фольклорная статья несколько необычна для сборников, опирающихся в основном на свежие экспедиционные материалы. В. С. Левашов описывает архивную рукопись «Фольклорные материалы из личного фонда М. А. Зензинова (к вопросу о ранних записях русского фольклора в Забайкалье)» (с. 16—23). Статья эта чрезвычайно интересна. Автор не дает определенного ответа на вопрос о характере найденной рукописи. Он не исключает возможности ее отношения к любительским альбомам; несомненным считает только то, что записи были сделаны в Забайкалье. Те краткие сведения, которые сообщены о рукописи, перечень песен и их опубликованные тексты позволяют утверждать, что найденная рукопись — часть именно любительского альбома, песенника конца XVIII — начала XIX в., подобного тем, что во множестве хранятся в центральных архивах страны.

Первый выпуск сборника Новосибирского педагогического института «Сибирский фольклор» вышел в свет в 1965 г. Это была добротная заявка на публикацию исследований по фольклору и фольклористике Сибири.

В 70-е годы появилось еще три выпуска «Сибирского фольклора». Они отличаются разнообразием фольклористической тематики статей, вниманием к местному материалу и современному состоянию традиционного и нового народного творчества, экспедиционной работе.

Фольклористике Сибири посвящены статьи Н. А. Каргаполова «Письмо Н. К. Крупской фольклористам Сибири» (в. II, с. 33—37) и П. Т. Громова «Из истории советской фольклористики. О деятельности фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук в 20-е годы» (в. III, с. 90—103). О сибирских мастерах — исполнителях произведений народного творчества рассказывают Е. А. Кобякова — «Сибирская песельница Н. Ф. Глушкова» (в. III, с. 30—35) и Н. А. Каргаполов — «Сказки А. С. Кожемякиной» (в. III, с. 69—81). Положительной чертой этих выпусков «Сибирского фольклора» можно считать внимание к новым явлениям в фольклоре и к редко изучаемым жанрам народного слова и творчества: Н. А. Каргаполов и М. Н. Мельников «Традиционное и новое в песенном творчестве сибиряков» (в. II, с. 3—21); А. П. Селявская «К проблеме гномических форм народного красноречия» (в. II, с. 56—77); М. Н. Мельников «Детский фольклор и проблемы народной педагогики» (в. II, с. 78—99), «К вопросу бытования быличек и легенд в наши дни» (в. III, с. 36—47); В. Н. Бекетова «Символический рассказ» (в. III, с. 82—89); о песенном репертуаре подростков сообщает А. С. Белова (в. II, с. 103—111).

Население Сибири складывалось из аборигенов и переселенцев из центральной России. Вопросы существования национального фольклора в инонациональном окружении, взаимовлияние фольклора различных национальных групп, смешения и устойчивости фольклорных традиций в Сибири могут быть выявлены особенно отчетливо. Поэтому вполне закономерна публикация доклада М. Н. Мельникова, прочитанного на конференции «Проблемы теории фольклора» (1972 г., Тбилиси), «Проблемы изучения межнациональных фольклорных связей в Сибири» (в. III, с. 3—20). Бытование местных традиций переселенцев освещают Л. И. Прозвицкая, М. Н. Мельников — «Смоленские свадебные традиции в Сибири» (в. III, с. 119—165) и Л. И. Болотская — «Белорусские песенные традиции в Сибири» (в. III, с. 21—29).

К литературно-фольклорным связям обращается В. Е. Рогова в статье «Фольклорные основы пьес С. Я. Маршака „Двенадцать месяцев“ и „Горя бояться — счастья не видать“» (в. III, с. 104—118).

Сообщения об экспедициях во втором и третьем выпусках неравноценны. Во втором выпуске помещена публикация Н. А. Каргаполовым и М. Н. Мельниковым песен из архива Кафедры русской литературы Новосибирского педагогического института (с. 112—151); в третьем — короткие сообщения об экспедициях 1970—1974 гг. (с. 166—169). Третий выпуск завершается статьей М. Н. Мельникова «Трудный поиск (к шестидесятилетию А. А. Мисюрева)».

В четвертом выпуске составители отступили от намеченной программы сборников, так как он посвящен памяти Лазаря Ефимовича Элиасова. Здесь напечатаны библиография трудов ученого (с. 113—117) и две статьи о нем: А. П. Окладников — «Вечный поиск» (с. 3—5), И. З. Ярневский — «Доброе дело ученого» (с. 6—24). В этом выпуске опубликованы две статьи об алтайском и тувинском фольклоре. Четыре статьи посвящены русскому фольклору: Л. В. Новоселова — «Весенний период народного календаря в Западной Сибири (пасхальный цикл)» (с. 25—45), В. С. Баевский — «Поэтика психологического параллелизма» (с. 57—75), Я. Р. Кошелев — «Эксперимент в исследовании восприятия фольклора» (с. 82—90), М. Н. Мельников — «Вечерочные песни Северной Барыбы» (с. 91—112).

Сборники Омского педагогического института «Фольклор и литература Сибири» отличаются тем, что в них больше внимания уделяется экспедициям, публикации сборанных материалов и их непосредственному анализу. Экспедиционная работа этого института с 1951 г. велась под руководством В. А. Василенко, а с 1959 г. ею руководит Т. Г. Леонова. В первом выпуске опубликован ее «Обзор материалов фольклорных экспедиций Омского педагогического института за 20 лет» (с. 69—98). Здесь сообщается о начале работы, районах, где она проводилась, ее задачах и методике, количестве собранного материала и его характере. В следующих выпусках сообщения об экспедициях меньше по объему, так как здесь охвачен меньший период времени. Положительной чертой экспедиционных обзоров является то, что они сопровождаются публикацией части

собранного материала². Обзор материалов фольклорной экспедиции 1974 г. в Знаменский и Муромцевский районы Омской области составлен Т. Г. Леоновой и Л. М. Белкиной (в. III, с. 31—46). Л. В. Новоселова писала о фольклорной экспедиции в Тарский и Седельниковский районы Омской области (в. II, с. 45—63).

Экспедиции в районы со смешанным населением позволили Т. Г. Леоновой провести интересную работу по исследованию взаимодействия и сохранности национальных традиций при близком бытовом и хозяйственном контакте разных национальных групп населения. В первом выпуске помещена ее статья «Взаимодействие фольклорных традиций в сибирских селах со смешанным населением» (с. 3—23). В статье, опирающейся на материал экспедиции 1971 г., приводятся немало интересных фактов взаимодействия национальных традиций русских и белорусов в обрядовом и необрядовом фольклоре. Тема эта была продолжена в следующих экспедициях. Об этом свидетельствует статья Т. Г. Леоновой «Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения» (в. II, с. 23—44).

Редколлегия сборников не ограничивается освещением экспедиционной работы своего института. Так, В. А. Василенко опубликовал подробный и весьма полезный обзор собирания народного творчества на Алтае в XIX в. и в наше время — «Из истории собирания русского народно-поэтического творчества на Алтае» (в. II, с. 3—22). К обзору приложена «Библиография истории собирания и изучения русской народной поэзии Алтая», содержащая 48 номеров.

Для рассмотрения различных вопросов теории и истории фольклора, состояния жанров народно-поэтического творчества привлекаются старые сибирские и новые записи, собранные экспедициями: Л. В. Новоселова — «Народный календарь и его поэзия в Западной Сибири» (в. I, с. 24—42); Н. И. Савушкина — «Народный театр в Сибири» (в. I, с. 43—68); В. А. Василенко — «Русские советские пословицы» (в. III, с. 23—30).

Фольклористике Сибири посвящена статья Л. В. Азадовской «В. И. Анучин в Сибири. Легенда и факты» (в. III, с. 145—156), проблеме литературы и фольклора — работы Л. А. Пудалова «Особенности фольклоризма в раннем творчестве Вс. Иванова» (в. III, с. 100—116), Т. В. Кривошапова «Идейно-художественные функции фольклора в прозе Валентина Распутина» (в. III, с. 133—144).

Фольклористы и этнографы найдут немало полезных сообщений и в литературоведческих статьях сборников. Так, при анализе творчества Н. М. Ядринцева (в. I, с. 99—122) рассматривается использование писателем преданий и легенд. В библиографии произведений Г. А. Мачтета (в. I, с. 140—173) приведены и произведения фольклорной тематики.

Сборники педагогических институтов показывают, какой большой и ценный материал скапливается в результате экспедиционных поездок студентов и преподавателей, какие интересные и важные проблемы могут быть поставлены на этом материале. Знакомство с сибирскими сборниками убеждает в необходимости более широко публиковать и надежно хранить собранные экспедициями пединститутов материалы. Статьи в сборниках свидетельствуют о том, что педагогические институты Сибири обладают кадрами, способными успешно вести не только педагогическую, но и научную работу. Труд педагогических институтов по выпуску тематических сборников заслуживает всемерной поддержки. Хочется пожелать, чтобы сборники эти выходили более регулярно, а их научные достоинства возрастали.

В.-В. Митрофанова

² Преподаватели Омского пединститута большое внимание уделяют публикации. Так, материалы 12-й фольклорной экспедиции с соответствующими комментариями и указателями опубликованы в сборнике «Фольклор Западной Сибири». Омск, 1974 (составила Т. Г. Леонова при участии студентов и выпускников ин-та).

Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979, 278 с.

Авторский коллектив сборника статей «Проблемы истории и этнографии Америки»¹ посвятил книгу памяти видного советского историка и этнографа-американиста А. В. Ефимова (1896—1971). На протяжении своей более чем полувековой научной деятельности А. В. Ефимов обращался к весьма широкому кругу важных и сложных проблем — от генезиса капитализма в США до истории русских географических открытий на северо-востоке Азии и северо-западе Америки, везде оставив заметный след. И все это многообразие проблематики авторы и редакторы сборника постарались отразить в книге. В результате, специалисту в какой-то одной области науки, пожалуй, просто не под силу одинаково полно рассмотреть все вошедшие в книгу исследования. Исходя из этого, в последующем главное внимание будет обращено на те из них, которые касаются вопросов этногенеза и этнической истории. И лишь попутно будут затронуты и некоторые другие.

Авторы и редакторы выделили в книге четыре части — историко-биографическую, рассматривающую деятельность А. В. Ефимова в различных областях исторического знания, и три части, построенные по географическому принципу: Северная Америка, Латинская Америка и Северо-Западная Америка — в связи с русскими исследованиями этой части континента. Против такого членения, казалось бы, трудно возражать, хотя, как мне кажется, ничуть не менее обоснованным было бы и деление по тематическому принципу, скажем, по такой схеме: история гражданская, история этническая и культурная, историография, источниковедение. Правда, в этом случае отдельные части книги оказались бы очень разными по размерам. Но зато сразу же было бы видно, что статьи, посвященные этническим процессам, этнической истории вообще, составляют ровно треть книги по числу названий — 9 из 27.

Среди этих девяти статей представлены работы, охватывающие разные периоды истории, разные страны и разные аспекты в этнических процессах — от формирования тех или иных этнических групп в составе населения стран обоих субконтинентов до сложного взаимодействия социальных и этнических факторов, определяющих социальную мобильность отдельных таких групп. Выделяется общетеоретической постановкой вопроса и характером его решения работа Ю. В. Кнорозова «Этногенетические процессы в древней Америке» (с. 133—141). Вся первая половина этой статьи — размышления об особенностях такого источника по истории этнических процессов в Центральной Америке, как устная историческая традиция, и пределах возможностей его использования в этногенетическом исследовании. Историческая традиция, подчеркивает Ю. В. Кнорозов, это не столько отражение действительной истории, сколько история идеологическая; именно в качестве таковой и подвергалась она тщательному редактированию с самого начала. И невозможность использовать сведения устной традиции для создания реальной картины прошлого того народа, которому она принадлежит, определяется вовсе не погрешностями в передаче — как раз в этом-то отношении сохранность корпуса традиции обеспечивается весьма строгими нормами, — малая заинтересованность в фактической стороне дела predetermined исходной установкой и создателей, и редакторов предания. И одним из важнейших проявлений такого подхода к традиции и к ее передаче становится то, что из нее почти никогда нельзя извлечь сколько-нибудь достоверных сведений о людях, населявших области, в которые народ — носитель традиции пришел в конечном счете после того, как покинул некую прародину. «Местные жители», — отмечает исследователь, — если упоминаются, то или в крайнем случае, или по недосмотру» (с. 136)². Но вместе с тем невозможно заниматься действительной историей без привлечения истории легендарной, «которая отражает не столько реальные исторические факты, сколько идеологические установки, также бывшие реальным историческим фактом» (с. 137). Эти мысли Ю. В. Кнорозова перекликаются с теми выводами, к которым пришли в последние десятилетия многие зарубежные исследователи (в частности Я. Вансина) прежде всего на африканском материале.

Для этнических процессов в обеих частях Америки характерна во многих случаях осложненность этнических взаимоотношений расовым фактором. Речь идет прежде всего о взаимоотношениях между населением белым и черным, в несколько меньшей степени между белыми и индейцами, белыми и индийцами (в Вест-Индии), черными и индийцами и т. д. Разные аспекты этого явления отражены в работах Ш. А. Богиной, А. Д. Дридзо и М. Г. Котовской.

Ш. А. Богина в статье «Ирландские иммигранты и гражданская война в США» (с. 72—81) убедительно показывает противоречивое развитие социальных установок ирландского населения северных штатов. В этих установках сочетались устойчивые фе-

¹ Редакционная коллегия сборника: Ю. В. Бромлей (ответственный редактор), Ю. П. Аверкиева, Н. Н. Болховитинов, Ш. А. Богина, И. Ф. Хорошаева.

² Заметим, однако, что в принципе возможен и вариант занятия мигрантами какой-либо области, не имевшей ранее постоянного населения.

дералистские настроения и резко антинегритянская направленность. При этом последняя оказывалась порой настолько сильна, что толкала широкие массы ирландской бедноты на политические действия, имевшие объективно характер открытой поддержки сепаратистов, как произошло это во время антинегритянского мятежа 1863 г. в Нью-Йорке. Характерно, однако, что в такой форме «канализовалось» законное недовольство этой бедноты условиями жизни, резко ухудшившимися во время войны. По-видимому, работа Ш. А. Богиной дает возможность поставить вопрос о закономерностях складывания отношений между различными подвергающимися дискриминации этническими группами не только в современную эпоху, но еще в рамках домонополистического капитализма.

Этот же вопрос мимоходом затрагивается и в статье А. Д. Дридзо «Из истории индийцев Тринидада (60-е — 80-е годы XIX в.)» (с. 155—162). Отсутствие контактов между индийскими и негритянскими трудящимися автор рассматривает как одну из основных причин слабости борьбы индийских рабочих (с. 161). Но главное внимание обращено в статье все же на те процессы, которые можно, видимо, определить как параллельное формирование у тринидадских индийцев осознания себя, с одной стороны, специфической этнической группой, отличной, по определению автора, «не только от окружающего населения, но и в некоторых аспектах от индийцев Индостана», а с другой — дискриминируемой и угнетаемой социальной группой. В самом деле, указанный период в истории индийской общины отмечен одновременным ростом ее численности и активизацией проявлений протеста. Иначе говоря, и здесь речь идет об обусловленности хода этнических процессов социальными факторами.

С несколько иной стороны эта же проблема рассмотрена и в работе М. Г. Котовской «Социальная мобильность негров и мулатов Бразилии (40-е — 50-е годы XX в.)» (с. 192—198). Надо сказать, что наш читатель вообще не избалован количеством отечественных работ, касающихся социальной мобильности в зарубежных странах, поэтому исследование М. Г. Котовской заслуживало бы внимания уже по одному этому. Оно, однако, интересно и в том отношении, что в бразильском варианте с наибольшей, пожалуй, обнаженностью предстает подчиненное значение этнорасового барьера по сравнению с социально-экономическим. В то же время работа интересна и в том смысле, что она хорошо отражает всю сложность положений слоев, промежуточных в этническом смысле, — разных групп мулатов. Едва ли не самым очевидным проявлением этой сложности служат приводимые автором свидетельства того, что мулаты встречают неприязненное отношение как «сверху» — со стороны белых, так и «снизу» — со стороны негров.

В определенном смысле к первым трем статьям об отдельных этнических общностях и группах примыкает и работа Л. С. Шейнбаум «Индийцы гуарани в этнической истории Аргентины» (с. 174—180). В этой статье хорошо показан диалектический характер развития индейского населения страны в условиях европейской колонизации. Однако общие результаты воздействия капиталистических отношений на социальную структуру и культуру гуарани оказываются определенно негативными. При этом едва ли не самое разрушительное воздействие на традиционную культуру народа в наши дни оказывает отмечаемый автором «коммерческий бум» вокруг культурного наследия. Противоречивы и итоги усиливающегося за последние годы внимания властей к индейцам: облегчая их положение в той или иной степени, правительство тем не менее ориентируется на скорейшую ассимиляцию индейского населения. Можно было бы к этому выводу автора добавить, что деятельность буржуазного правительства в конечном счете и не может иметь в этом отношении иной цели.

Еще один аспект соотношения этнических процессов с политической историей той или иной страны затронут Л. Н. Фурсовой в статье «Американская революция и формирование населения Канады (к этнической истории Канады)» (с. 89—100). В этой работе особенно интересна постановка вопроса о роли англо-американской войны 1812—1814 гг. в складывании общеканадского национального самосознания, отличного от ранее существовавшего самосознания франко- и англоканадцев. Видимо, Л. Н. Фурсова права, когда считает, что «война была одним из тех факторов, которые ускорили формирование единой канадской общности» (с. 98). И в то же время этот объективно революционный по своему смыслу процесс в силу противоречивости конкретно-исторических условий способствовал временному укреплению позиций Великобритании в Северной Америке, так как именно с ним в немалой степени связано успешное отражение вторжения на территорию Канады американских войск. Можно было бы, по-видимому, добавить, что успех канадцев в этой войне сослужил и определенную службу прогрессивным силам в самих Соединенных Штатах: во всяком случае преобладание рабочевладельческих элементов в администрации США практически на всем протяжении первых шести десятилетий XIX в. не распространилось на Канаду, и это принесло большую пользу абolicционистскому движению.

С работой Л. Н. Фурсовой перекликается статья В. С. Гайдука «Этническое развитие Никарагуа во второй половине XIX в.» (с. 181—188). Здесь точно так же, как и в Канаде, важнейшую роль в складывании единой национальной общности из разнородных этнических элементов и в формировании самосознания этой общности сыграло всенародное сопротивление североамериканскому экспансионизму, в особенности Национальная война 1856—1857 гг. И в то же время именно победа в этой войне определила буржуазный характер складывавшейся никарагуанской нации, так как

привела к относительно быстрому росту капиталистических элементов в экономике и культуре страны.

Заметный интерес представляет исследование В. А. Скрозниковой о такой специфической группе населения США, как пенсильванские немцы (с. 81—89). Ведь в нашей литературе, как правило, рассматривалась более поздняя немецкая иммиграция, тогда как немецкие иммигранты XVII—XVIII вв. оставались как бы в тени. Статья «О пенсильванских немцах в этническом составе населения США» особенно любопытна в том отношении, что показывает, насколько устойчивыми могут оказаться этническое самосознание и этническая культура даже в условиях нивелирующего воздействия капиталистического образа жизни. Небезынтересно также в данном случае роль религиозных воззрений сектантов — выходцев из Юго-Западной Германии и Швейцарии как фактора сохранения этнического самосознания.

Наконец, группу исследований, касающихся этнических процессов и этнического развития, завершает небольшая статья И. Ф. Хорошаевой «Г. Г. Манисер о „небразильцах“» (с. 199—202). Собственно говоря, эта работа с таким же основанием может быть сочтена и историографической, а отчасти и источниковедческой, поскольку содержит характеристику как взглядов ученого в отношении формирования бразильской нации, так и материалов, собранных им.

Следует сказать, что и историографическая, и источниковедческая группы работ данного сборника достаточно привлекательны и интересны сами по себе. Так, скажем, среди рассматриваемых в книге источников читатель встречает исследуемые в статье Ю. Е. Березкина «Идентификация трех антропоморфных мифологических персонажей на изображениях мочика» (с. 142—155) иконографические материалы. Такие же материалы легли в основу работы Р. В. Кинжалова «Миф о происхождении какао у народов Месоамерики» (с. 119—132).

Сравнение двух картин, посвященных одному и тому же событию — казни императора Максимилиана в 1867 г. — и принадлежащих одна кисти Э. Мане, другая — академика Ж.-П. Лоранса, позволило В. Л. Афанасьеву сделать очень интересные выводы об отношении различных кругов европейской интеллигенции к мексиканской авантюре Наполеона III. И не только сделать эти выводы, но и очень убедительно доказать их в своей статье «Две картины об одном событии (к истории латиноамериканской тематики в европейской живописи XIX в.)» (с. 162—174).

Более традиционные материалы рассмотрены в работе Р. Г. Ляпуновой «Записки иеромонаха Гедеона (1803—1807) — один из источников по истории и этнографии Русской Америки» (с. 215—229). В этой статье представляют немалый интерес не только сами по себе данные о просветительской деятельности Гедеона в Русской Америке. Перед читателем предстает довольно яркая картина состояния хозяйства и общественных отношений у индейцев, алеутов и эскимосов. Примечательно в статье и стремление показать тот вклад в культурное развитие коренного населения, который объективно был внесен деятелями Российско-Американской компании.

Не менее крупную фигуру рисует нам и С. Г. Федорова в статье «Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кукова» (с. 229—254). В сущности это первая подробная биография одного из виднейших строителей Русской Америки, написанная с использованием материалов фонда И. А. Кукова, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. В ней показаны те невероятно тяжелые условия, в каких приходилось работать будущему строителю Форта Росс.

Как уже говорилось, главное внимание рецензент уделяет в сборнике тем работам, которые посвящены исследованию этнических процессов и этнической истории; кроме того, он позволил себе остановиться и на тех историографических и источниковедческих статьях, которые могут быть использованы прежде всего именно в связи с этими сюжетами. Это ни в коей мере не означает, что остальные опубликованные в книге труды не представляют интереса. Напротив, они вне всякого сомнения, заслуживают самого благоприятного внимания американистов. Это относится в первую очередь к статьям, посвященным месту А. В. Ефимова в отечественной науке. С немалым интересом рецензент ознакомился и с исследованиями, в которых трактуются те или иные вопросы политической и социальной истории Соединенных Штатов или развитие географических представлений в России и Европе. Однако, не занимаясь непосредственно этим кругом проблем, он не считает себя вправе высказывать суждение о таких исследованиях, полагая, что это дело специалистов.

Но и сказанного по поводу части опубликованных в сборнике статей, по моему, вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что в сборнике «Проблемы истории и этнографии Америки» советская научная общественность получила целую серию оригинальных и интересных работ, позволяющих не только расширить наши познания, но в некоторых случаях по-новому взглянуть на важные теоретические положения этнографической науки и на приложение их к конкретным историко-этнографическим исследованиям.

Л. Е. Куббель



ЮЛИЯ ПАВЛОВНА ПЕТРОВА-АВЕРКИЕВА

9 октября 1980 г. скончалась Юлия Павловна Петрова-Аверкиева — крупный советский этнограф, доктор исторических наук, руководитель сектора народов Америки Института этнографии АН СССР, главный редактор журнала «Советская этнография». Ушел из жизни замечательный ученый-коммунист, человек, бесконечно преданный науке.

Юлия Павловна родилась 24 июля 1907 г. в небольшом поселке, затерянном среди карельских лесов, в крестьянской семье. Жизнь в смешанной русско-карельской среде, близкое знакомство с богатым и ярким фольклором местного населения пробудили у нее глубокий интерес к народной культуре, и это во многом предопределило ее будущую профессию.

В 1925 г. Юлия Павловна была послана учиться в Ленинградский университет. Поступив на этнографическое отделение Географического факультета, она прошла разностороннюю подготовку под руководством выдающихся ученых-революционеров В. Г. Тан-Богоразы и Л. Я. Штернберга. Это был период становления советской этнографической науки. Еще будучи студенткой, Юлия Павловна участвовала в этнографических экспедициях в свой родной край — в Карелию.

По окончании университета Ю. П. Петрова-Аверкиева была командирована Наркомпросом РСФСР в Колумбийский университет (США) для специализации по этнографии Северной Америки. Там ее занятиями руководил знаменитый американский этнограф Франц Боас. Осенью 1930 г. проф. Боас пригласил Юлию Павловну принять участие в возглавлявшейся им экспедиции к индейцам квакиютль, живущим на острове Ванкувер (Канада). Эта экспедиция, продолжавшаяся шесть месяцев, навсегда определила круг ее научных интересов. Ю. П. Петрова-Аверкиева со временем превратилась в крупнейшего, уникального в СССР знатока и исследователя этнографии североамериканских индейцев. Собранные ею за время экспедиции коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР.

Вся дальнейшая научная деятельность Юлии Павловны была связана с Музеем антропологии и этнографии АН СССР и возникшим на его основе Институтом этнографии АН СССР. В этом научном коллективе она заслуженно завоевала высокий авторитет и всеобщее уважение.

Для Юлии Павловны как ученого была характерна очень важная, принципиальная черта: все ее выводы и теоретические построения опирались на глубокое, доскональное знание конкретного материала. Последовательный марксист, Ю. П. Петрова-Аверкиева всегда стремилась к теоретическим обобщениям и разрабатывала большие, принципиальные проблемы в этнографии. Она не искала легких задач — ее внимание привлекали узловые моменты истории первобытности, сложные проблемы культурных контактов. Еще в 30-е годы Юлию Павловну заинтересовала проблема возникновения в недрах первобытнообщинного строя ранних форм рабовладения. В то время это была новаторская исследовательская задача.

Детальный, скрупулезный анализ с позиций исторического материализма конкретного материала по патриархальному рабству у индейцев северо-западного побережья Америки позволил ей сделать интереснейшие выводы о специфическом пути возникновения рабства в условиях развитого рыболовческого, т. е. в основе своей присваивающего хозяйства, вскрыть механизм процесса классового образования в обществе высокоспециализированных рыболовов и охотников на морского зверя. Первая книга Юлии Пав-

ловны, «Рабство у индейцев Северной Америки» (1941), была переведена на английский язык и дважды издавалась в Канаде.

В послевоенный период в научном творчестве Юлии Павловны ведущей становится проблема перехода от родового общества к классовому. Она исследует пережитки материнского рода, тотемизм и потлач у индейцев северо-запада Америки, возникновение у них частной собственности, выплавки и обработки металлов и публикует статьи по этим вопросам*. Результаты проведенных исследований обобщены ею в монографии «Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки» (1961). Отмечая противоречивые черты в общественных институтах индейцев Северо-Запада, Ю. П. Петрова-Аверкиева пришла к выводу, что у всех этих племен древнейшей формой социальной организации был материнский род. Концепцию стадияльной первичности материнского рода она защищала и в своих последующих работах.

Разрабатывая на американском материале теоретические проблемы перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, Юлия Павловна одновременно активно участвовала в подготовке двухтомника «Народы Америки», вышедшего в свет в 1959 г. Для этого обобщающего коллективного труда ею написан ряд важных глав.

Естественным продолжением исследования переходных периодов социальной истории этносов стало изучение проблемы воздействия капиталистической колонизации на индейское общество. Эта тема была особенно глубоко и всесторонне разработана Юлией Павловной в монографии «Индийское кочевое общество XVIII—XIX вв.» (1970). В ней показаны возникновение имущественного неравенства, сдвиги в социальном строе, особенности межплеменных отношений у индейцев, оттесненных колонизаторами в степи и превратившихся в конных охотников. Поскольку социальная структура кочевников-кочеводов американских степей в основном возникла и разрушалась на протяжении XVII—XIX вв., ее изучение имеет значение и для понимания эволюции кочевых обществ в ряде других регионов мира. Исследование превращения родоплеменного общества в классовое не только важно в историческом и теоретическом плане, но чрезвычайно актуально для современного мира. Работы Юлии Павловны проливают свет на процессы распада родоплеменных связей у народов многих развивающихся стран, на социальную трансформацию этих народов под воздействием мировой капиталистической системы.

По тем же причинам представляет большой интерес монография Ю. П. Петровой-Аверкиевой «Индейцы Северной Америки. От родового строя к классовому» (1974), где подробно анализируется общественная жизнь и культура племен, которые в середине XIX в. находились на разных этапах распада родового строя и испытывали сильное давление капиталистических отношений. Юлия Павловна сумела показать четыре варианта процесса зарождения и становления классового общества, пути формирования народностей. Здесь, как и в ряде ее статей, рассматривается также проблема возникновения и развития разделения труда, естественного и общественного.

Во всех своих работах Ю. П. Петрова-Аверкиева вела неустанную полемику с американскими буржуазными учеными, полемику аргументированную, основанную на глубоком изучении материала. В течение десятилетий она пристально следила за всем новым, что появлялось в американской этнографической литературе и, начиная с 1932 г., публиковала критические статьи и обзоры по этим вопросам. Итог этой долголетней работы подведен в последней книге Юлии Павловны — «История теоретической мысли в американской этнографии» (1979). Научную актуальность этой книги трудно переоценить, ибо давно уже ощущалась потребность осмысления с марксистских позиций всего сложного пути развития этнографической науки в Соединенных Штатах. Именно такой обзор и анализ развития американской антропологии (этнографии) от Л. Г. Моргана до наших дней и дан в труде Ю. П. Петровой-Аверкиевой. Подвергнув глубокой научной критике концепции всех основных направлений и школ, она вместе с тем отметила положительные, заслуживающие внимания черты и тенденции в работах ряда американских ученых, осветила их творческие искания.

Юлия Павловна придавала важное значение сотрудничеству с прогрессивными американскими этнографами. В 1971 г. она приняла участие в изданном в Нью-Йорке сборнике «North American Indians in Historical Perspective». Русское издание сборника

* См. список основных работ Ю. П. Петровой-Аверкиевой, опубликованный в журнале «Сов. этнография», 1977, № 6, с. 137—138. Уже после публикации этого списка вышли из печати следующие ее труды: У истоков современной этнографии (К 100-летию выхода в свет «Древнего общества» Л. Г. Моргана).— «Сов. этнография», 1978, № 1, с. 15—33; Национальные меньшинства: этническое и классовое самосознание.— «Проблемы социального развития». М., 1978, с. 108—119; Предисловие и вступит. статья к сб. «Североамериканские индейцы». М., 1978, с. 5—29; История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979, 288 с.; Историко-философские взгляды Лесли А. Уайта (1900—1975).— «Этнография за рубежом». М., 1979, с. 48—69; Der Neoevolutionismus in der gegenwärtigen Ethnographie der USA.— «Kultur und Ethnos», Berlin, 1980. Кроме того, находятся в печати статьи: Движение американских индейцев сегодня.— «США: экономика, политика, идеология»; Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада.— «Западные этнологические школы, идеи, концепции» (на англ. яз.); Зять — наследник у индейцев квакиутль (в сборнике статей этнографов-американцев Европы, выпускаемом издательством «Mouton» в Гааге).

статей прогрессивных этнографов США «Северо-американские индейцы» (1978) было подготовлено Юлией Павловной и снабжено ее вступительной статьей.

Как видно из уже сказанного, труды Ю. П. Петровой-Аверкиевой в области этноамериканистики представляют большой интерес для общей этнографии. Но Юлия Павловна и специально занималась теоретическими проблемами этнографии и смежных научных дисциплин. В этом плане ее внимание привлекали периодизация истории первобытного общества, ранние формы наследования, проблема военной демократии и особенно учение Л. Г. Моргана и его влияние на развитие этнографии на Западе. Она посвятила этим проблемам несколько работ, а на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964 г.) руководила специальным симпозиумом по Моргану и активно отражала нападки на его учение со стороны буржуазных ученых.

Юлия Павловна считала своим научным долгом вести непримиримую борьбу с антимарксистскими концепциями в зарубежной этнографии, с извращением марксизма буржуазными исследователями. Среди ее работ на эту тему следует особо упомянуть статьи «Проблемы историзма и современная буржуазная этнография» (1964), «О некоторых попытках интерпретации марксизма этнографами Запада» (1973), «Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада» (1973).

Юлия Павловна уделяла большое внимание современному индейскому движению в США и Канаде и положению североамериканских индейцев, чью судьбу она всегда принимала близко к сердцу. Она пользовалась большим уважением среди тех индейцев, которые лично знали ее, и еще в молодые годы была принята в один из родов квакиютлей. Ее статьи по этой проблематике печатались в журнале «США: экономика, политика, идеология» и в других изданиях. Юлия Павловна поддерживала личные контакты с некоторыми активистами индейского движения в США. Ею написаны вступительная статья и комментарии к русскому изданию книги активного участника этой борьбы, индейца-чирока Уильяма Мейера «Коренные американцы. Новое движение сопротивления индейцев» (1974).

Ю. П. Петрова-Аверкиева была ученым с мировым именем. Она принимала участие в Международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве (1964 г.), Токио (1968 г.), Чикаго (1973 г.), и лишь болезнь помешала ей в 1978 г. поехать на такой же конгресс в Дели, куда она послала свой доклад. Юлия Павловна участвовала также в Международных социологических конгрессах в Эвиане (1966 г.), Варне (1970 г.), Торонто (1974 г.) и Стокгольме (1978 г.), в Международном конгрессе психологов в Москве (1966 г.), в симпозиуме «Место этнографии в системе наук» в Бург-Вартенштейне в Австрии (1976 г.) и многих других международных научных форумах. И повсюду ее доклады носили проблемный характер, везде она была активным участником дискуссий, последовательно отстаивая марксистско-ленинскую методологию и пропагандируя достижения советской этнографической науки.

Юлия Павловна неоднократно избиралась в руководящие органы международных научных обществ. Она была членом Постоянного совета Международного союза антропологических и этнологических наук, вице-президентом Исследовательского комитета по расовым и этническим отношениям и положению национальных меньшинств при Международной социологической ассоциации.

Ю. П. Петрова-Аверкиева была не только крупным ученым, но и видным организатором науки в нашей стране. В 1966 г. она была назначена главным редактором журнала «Советская этнография», и с тех пор с нею была неразрывно связана вся деятельность этого центрального органа советских этнографов.

Под руководством Юлии Павловны работа журнала во многом изменилась: в нем появились новые разделы и рубрики, расширился авторский актив, чаще стали публиковаться статьи теоретического, проблемного характера, журнал стал ближе к практике коммунистического строительства. Особенно важное значение имело создание постоянного отдела «Дискуссии и обсуждения», в рамках которого в 1967—1980 гг. было проведено много плодотворных дискуссий по важным и актуальным проблемам этнографии и смежных научных дисциплин.

Для Юлии Павловны было характерно сочетание глубокой принципиальности, бескомпромиссности в отстаивании марксистско-ленинской идеологии с высокой человечностью, тактичностью, доброжелательностью по отношению к коллегам, авторам, сотрудникам редакции, и это благотворно сказывалось на работе редакционного коллектива.

Продолжая руководить журналом «Советская этнография», Юлия Павловна в 1975 г. возглавила в Институте этнографии АН СССР Сектор народов Америки, одним из ведущих сотрудников которого она была на протяжении нескольких десятилетий. И на этом посту она была требовательным, но чутким руководителем, щедро делилась своим богатым опытом и знаниями, проявляла заботу о подготовке научной смены.

Заслуги Ю. П. Петровой-Аверкиевой высоко оценило Советское правительство. Она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Юлия Павловна была человеком большого личного мужества, огромной силы воли и твердого характера. Именно эти качества позволили ей в последние годы жизни, уже будучи тяжело, неизлечимо больной, руководить журналом и сектором, создавать новые научные труды и готовить их к печати. Эти работы выйдут в свет уже после кончины их автора.

Комсомолка двадцатых годов, член Ленинской партии в пору творческой зрелости, Юлия Павловна являла собой пример ученого-борца, для которого служение науке было формой борьбы за светлые коммунистические идеалы. В этом она видела свое жизненное призвание. Такой она сохранится в наших сердцах.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1980 ГОДУ

Статьи

	№	Стр.
Актуальные проблемы идеологической работы и задачи советских этнографов	2	3
Алексеев В. П. Новые данные к морфологической характеристике населения Месопотамии	4	70
Афанасьева Г. М. Демографическая характеристика авамских иганасан по источникам XVIII—XIX вв.	2	25
Богина Ш. А. Начало американской нации (этнокультурные аспекты)	1	56
Большаков А. А. Коренное население Канарских островов на рубеже XV и XVI веков	5	45
Бромлей Ю. В. Ленинское наследие и этнографическая наука	3	3
Брук С. И., Кабузан В. М. Этнический состав населения России (1719—1917 гг.)	6	18
Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII—первой половине XIX в.	3	37
Гурвич И. С. Полвека автономии народностей Севера СССР	6	3
Гусев В. Е. Народное творчество в годы второй мировой войны и задачи его исследования	4	3
Дмитриева С. И. Архитектурные и декоративные особенности традиционного жилища русских Мезени (в связи с историей заселения края)	6	35
Истомин А. А. Селение Росс и калифорнийские индейцы	4	57
Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв.	4	25
Кабузан В. М.—с.м. Брук С. И., Кабузан В. М.	6	18
Кармышева Б. Х. «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX—начале XX века (По этнографическим данным)	1	46
Козлов В. И. Этнорасовые изменения в составе населения Великобритании	4	40
Красновская Н. А. Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии	5	34
Куббель Л. Е. Потестарно-политическая культура докапиталистических обществ (к постановке проблемы)	1	3
Миненко Н. А. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX в.	5	21
Нго Дык Тхинь. Традиционная пища народов Восточного Индокитая	5	59
Путилов Б. Н. В. И. Ленин и фольклористика	3	8
Рабинович М. Г. Город и традиционная народная культура	4	12
Старовойтова Г. В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга—Ленинграда	1	34
Тер-Акопян Н. Б. Подход Маркса и Энгельса к истории первобытного общества и некоторые вопросы теории Моргана	5	3
Токарев С. А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования	3	26
Толмачева М. А. Этническая история суахили и традиции ранних миграций	3	51
Трайде Б. Об изучении соотношения социальных и этнических явлений и процессов у населения Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи	2	36
Харпер Альберт Б. История алеутской популяции	6	50

Чижилова Л. Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области)	2	10
Чумаченко Н. И. Образ В. И. Ленина в произведениях народного изобразительного искусства последнего десятилетия	3	17
Юхнева Н. В. Об этнических аспектах изучения населения дореволюционного Петербурга	1	20

Дискуссии и обсуждения

Арутюнов С. А. К проблемам этничности и интерэтничности культуры	3	61
Григулевич И. Р. (Москва). О социальной роли религии (мысли религиоведа по поводу мыслей этнографа)	6	61
Громов Г. Г. Некоторые спорные вопросы изучения религии	5	72
Крывелев И. А. О существенном и несущественном в изучении религии	1	72
Маркарян Э. С. К проблеме осмысления локального разнообразия культуры	3	68
Минкявичюс Я. В. О содержании религии	4	88
Муравьев Ю. А. Религия: вера, иллюзия, знание	4	80
Семенов Ю. И. О сущности религии	2	49
Угринович Д. М. О марксистском понимании религии	1	66
Шахнович М. И. Развивать исследование проблем религии	5	84
Шердаков В. Н. О главном в понимании религии	2	64

Сообщения

Бхаттачарья С. К. К вопросу о культе деревьев в Индии	5	129
Веревкин Л. П. Тенденция сближения культуры и быта рабочих различных национальностей (на материалах Чечено-Ингушской АССР)	2	72
Галданова Г. Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме	3	94
Гинзбург А. И. О влиянии некоторых национальных традиций на миграцию из села в город (на материале Молдавской и Узбекской ССР)	4	105
Гордиенко О. В. Приокская двойная жалейка	1	128
Гохман В. И. Некоторые материалы к этнической истории сиамцев	4	122
Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Коллекция музеев США по народам Северо-Западной Америки и Сибири	5	121
Дурасов Г. П. Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа	6	87
Евсеева Н. С. Аталычество и усыновление у якутов	1	105
Ивашнева Л. Л., Разумовская Е. Н. Усвятский свадебный ритуал в его современном бытовании (По материалам экспедиций 1971—1979 гг. в Псковскую область)	1	80
Исмаилов Х.—см. Тайжанов К., Исмаилов Х.	3	87
Калашникова Н. М. Современный обрядовый костюм молдаван (зимние праздники)	5	102
Керейтов Р. Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев	2	117
Комиссаров Б. Н.—см. Шафрановская Т. К., Комиссаров Б. Н.	6	99
Кривоногов В. П. Межэтнические браки у хакасов в современный период	3	73
Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «панах» Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в.	1	117
Ляпунова Р. Г.—см. Гурвич И. С.	2	82
Мадаева З. А. Народный календарь чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX в.	5	121
	6	78

	№	Стр.
Малькова В. К. Некоторые аспекты интернационального воспитания (По материалам республиканских газет)	5	88
Меновщиков Г. А. О происхождении этнонима алеут	1	109
Мишутин Н. Н. Фестиваль искусств народов Вануату	6	107
Разумовская Е. Н.—см. Ивашнева Л. Л., Разумовская Е. Н.	1	80
Рогачевская Е. М. Проблемы изучения художественной специфики хороводных игр	5	113
Смирнова Я. С. Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация	1	96
Сулайманов Э. Киргизская традиционная металлообработка и ее этнографические параллели	2	92
Тайжанов К., Исмаилов Х. Макчам — дом для духов предков	3	87
Уорнер Э. Некоторые аспекты изучения и популяризации народной культуры в Великобритании	3	101
Урушадзе Н. Е. Серебряный кубок из Триалети как историко-этнографический источник	4	114
Фёрстер Ф. К изучению сельских промышленных рабочих в национально-смешанном районе Лужицкого бурoughольного бассейна (ГДР)	4	127
Хайкина М. Э. К вопросу о структуре межличностного общения мигрантов в иноэтнической среде (По материалам опроса ленинградских татар)	4	98
Харатьян Э. В. Традиционные демонологические представления армян (По материалам семейного быта XIX — начала XX в.)	2	103
Хомич Л. В. Ямало-Ненецкий автономный округ (К 50-летию образования)	6	67
Шафрановская Т. К., Комиссаров Б. Н. Материалы по этнографии Полинезии в дневнике Е. Е. Левенштерна	6	99
Яблонский Л. Т. К палеодемографии населения средневекового города Сарая Бату	1	142

Поиски, факты, гипотезы

Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. О чем рассказывают гарпунные наконечники	5	136
Вайнштейн С. И. Феномен музыкального искусства, рожденный в степях	1	149
Колпакова Н. П. Сразу после войны	4	131
Крюков М. В. Что такое счастье? (Опыт диахронного исследования социальной психологии в древнекитайском обществе)	2	128
Маслов В. Т., Чернов Б. П. Тайна «сольного дуэта»	1	157
Сергеев Д. А.—см. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.	5	136
Соломоник И. Н. Кукольные традиции Востока и современный театр	6	114
Чернов Б. И.—см. Маслов В. Т.	1	157

Хроника

Арутюнов С. А., Жуковская Н. Л. Заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное 80-летию С. А. Токарева	3	133
Жуковская Н. Л.—см. Арутюнов С. А., Жуковская Н. Л.	3	133
Тер-Саркисянц А. Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1979 году	3	120

Научная жизнь

Бурнацева З. Ф. О работе методологического семинара в Институте этнографии АН СССР	2	154
Васильев В. И., Томилов Н. А. Конференция «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий»	4	144
Губогло М. Н. Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений (Научно-практическая конференция в Москве)	6	141

	№	Стр.
Джарылгасинова Р. Ш. Выставка «Традиции и современность в декоративном искусстве Японии»	4	151
Дробижева Л. М. Международный симпозиум «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма»	3	136
Златковская Т. Д. Этнографические аспекты III Международного фразеологического конгресса	6	149
Зубов А. А. V Международный симпозиум по проблемам антропологической одонтологии	1	167
Иванова Л. А. Выставка «Этнография и искусство Океании»	3	148
Кармышева Б. Х. «Жизнь детей в старой венгерской деревне» (Выставка в Этнографическом музее Будапешта)	3	142
Коротко об экспедициях	1	170
Коротко об экспедициях	2	156
Коротко об экспедициях	3	156
Коротко об экспедициях	4	157
Коротко об экспедициях	5	151
Коротко об экспедициях	6	151
Кремлева И. А. Конференция «Этническая история славян и этнокультурные связи народов Центральной и Восточной Европы»	4	140
Курылев В. П., Рахимов Р. Р. Научная сессия, посвященная столетию МАЭ	5	146
Малькова В. К. Всесоюзная конференция «Национальное и интернациональное в современном мире»	3	139
Махмутов Х. Ш. Симпозиум фольклористов Поволжья и Урала	4	148
Меркене Р. В. Конференция-семинар «Этногенез литовцев»	4	150
Морохин В. Н. VI Областная фольклорная конференция «Современное состояние и проблемы собирания и исследования фольклора Горьковской области»	5	149
Полищук Н. С. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг.	6	131
Рахимов Р. Р.—см. Курылев В. П.	5	146
Решетов А. М. Научная конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения»	6	143
Сусоколов А. А. Первая Всесоюзная школа-семинар по этносоциологическим проблемам	2	150
Тер-Саркисянц А. Е. Всесоюзная этнографическая школа-семинар	2	140
Томилов Н. А.—см. Васильев В. И., Томилов Н. А.	4	144
Тумаркин Д. Д. Этнокультурная проблематика на XIV Тихоокеанском научном конгрессе	1	160
Тумаркин Д. Д. Одиннадцатая Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов	6	147

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Басилов В. Н., Аникин В. П. Новое в исследовании древнейших ритуалов (О книге Н. Н. Велецкой «Языческая символика славянских архаических ритуалов»)	4	160
Аникин В. П.—см. Басилов В. Н., Аникин В. П.	4	160
Покшишевский В. В. <i>Расы и народы. Ежегодник, т. 1—10</i>	5	153

Общая этнография

Беляев Л. А., Фролов М. В. <i>Л. С. Клейн</i> . Археологические источники	3	163
Богина Ш. А. Ю. П. <i>Аверкиева</i> . История теоретической мысли в американской этнографии	5	160
Бородина М. А. <i>Проблемы этнической географии и картографии</i> . Отв. ред. С. И. Брук	6	161

	№	Стр.
Полевой А. В. Е. В. Осипова. Социология Эмиля Дюркгейма	3	159
Пучков П. И. А. Н. Ипатов. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности)	5	162
Роговин В. З. Комплексное исследование социальных проблем семьи (О книге А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР»)	6	166
Фролов М. В.—см. Беляев Л. А., Фролов М. В.	3	163
Членов М. А. Новые книги по истории этнографической науки	4	159
Шнирельман В. А. P. J. Watson. Archaeological ethnography in Western Iran	4	169

Народы СССР

Арутюнов С. А., Шагиров А. К. Б. Х. Бгажноков. Адыгский этикет	2	169
Афанасьев Г. Е. А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.	4	176
Бакланова Е. Н. Н. А. Миненко. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII—первой половины XIX в.)	4	179
Браим И. Н. Радянські свята і обряди в комуністичному вихованні	1	175
Губогло М. Н. Формирование молдавской буржуазной нации	4	173
Гуськова Т. К. Ю. И. Кирьянов. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX—начало XX в.)	2	164
Зибарев В. А., Томилов Н. А. В. И. Васильев. Проблемы формирования северосамодийских народностей	5	170
Кобычев В. П. Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа	1	173
Конкка У. С. Pertti Virtaranta. Vienän kyllä Kiertämissä	5	168
Королюк В. Д. Н. А. Мохов. Очерки истории формирования молдавского народа	5	167
Кочешков Н. В. С. В. Иванов. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII—первая четверть XX в.	5	172
Круглов Ю. Г. Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы	1	177
Мельц М. Я. В. В. Митрофанова. Русские народные загадки	2	176
Митрофанова В. В. Статьи и публикации по русскому фольклору в изданиях сибирских педагогических институтов за последнее десятилетие	6	175
Мухамедьяров Ш. Ф. Н. А. Томилов. Современные этнические процессы среди сибирских татар	3	168
Новиков Ю. А. Новгородские былины	2	171
Новиков Н. В. Л. Р. Бараг. Сюжеты і матывы беларускіх народных казак	5	174
Померанцева Э. В. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)	2	174
Робакидзе А. И. С. С. Агаширинова. Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в.	2	175
Седова Л. В. Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 8	2	177
Соколова В. К. О. В. Курочкин. Новорічні свята українців. Традиції і сучасність	2	167
Супрунович Б. П. М. И. Исаев. О языках народов СССР	3	166
Суринов В. М. Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX в.	6	171
Толстой Н. И. В. К. Соколова. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX—начало XX в.)	3	172
Томилов Н. А.—см. Зибарев В. А., Томилов Н. А.	5	170
Устинова М. Я. Социологические очерки о Советской Эстонии	5	164
Шагиров А. К.—см. Арутюнов С. А., Шагиров А. К.	2	169

Народы зарубежной Европы

Фрейденберг М. М. Д. Ковачевич—Којић. Градска насеља средњовековне Босанске државе	2	178
--	---	-----

Вайнштейн С. И. <i>Karl Jettmar</i> . Mit Beiträgen von Schuyler Jones und Max Klimburg. Die Religionen des Hindukusch	1	180
Иванова Е. В. <i>S. H. Potter</i> . Family life in a Northern Thai village . . .	5	176
Кисляков В. Н. <i>М. Н. Серебрякова</i> . Семья и семейная обрядность в турецкой деревне	3	178

Народы Америки

Баглай В. Е. <i>N. Davies</i> . The Toltecs until the fall of Tula	2	182
Башилов В. А. <i>В. А. Кузьмищев</i> . У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков	4	181
Козлов С. Я. <i>Э. Л. Нитобург</i> . Негры США (XVII — начало XX в.) . . .	5	179
Куббель Л. Е. <i>Проблемы истории и этнографии Америки</i>	6	178
Файнберг Л. А. <i>D. Dimond</i> . The Eskimos and Aleuts	1	183
Файнберг Л. А. <i>Североамериканские индейцы</i>	2	180

Народы Африки

Калиновская К. П. <i>Domination and Resistance. Narrative songs of the Kafa Highlands</i>	2	184
Макеев Д. А. <i>Л. К. Артамонов</i> . Через Эфиопию к берегам Белого Нила . .	3	180

Народы Океании

Бутинов Н. А. <i>Jim Specht, J. Peter White</i> (eds.). Trade and exchange in Oceania and Australia	5	183
---	---	-----

Personalia

Список основных работ по фольклористике и этнографии доктора исторических наук, профессора К. В. Чистова (К 60-летию со дня рождения)	1	186
Список печатных работ С. А. Токарева (К 80-летию со дня рождения) . .	3	182
Список основных работ доктора географических наук С. И. Брука (К 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности)	6	154

<u>Србуи Лисициан (1893—1979).</u>	2	188
--	---	-----

<u>Николай Николаевич Чебоксаров</u>	4	185
--	---	-----

<u>Юлия Павловна Петрова-Аверкиева</u>	6	181
--	---	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1980 году . .	6	184
---	---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

36-49

И. С. Гурвич (Москва). Полвека автономии народностей Севера СССР . . .	3
С. И. Брук, В. М. Кабузан (Москва). Этнический состав населения России (1719—1917 гг.) . . .	18
С. И. Дмитриева (Москва). Архитектурные и декоративные особенности традиционного жилища русских Мезени (в связи с историей заселения края) . . .	35
Альберт Б. Харпер (Сторрс, Коннектикут, США). История алеутской популяции . . .	50

Дискуссии и обсуждения

И. Р. Григулевич (Москва). О социальной роли религии (мысли религиоведа по поводу мыслей этнографа) . . .	61
---	----

Сообщения

Л. В. Хомич (Ленинград). Ямало-Ненецкий автономный округ (К 50-летию образования) . . .	67
З. А. Мадаева (Грозный). Народный календарь чеченцев и ингушей в конце XIX—начале XX в. . .	78
Г. П. Дурасов (Москва). Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа . . .	87
Т. К. Шафрановская, Б. Н. Комиссаров (Ленинград). Материалы по этнографии Полинезии в дневнике Е. Е. Левенштерна . . .	99
Н. Н. Мишутин (Ви́ла, Вануату). Фестиваль искусств народов Вануату . . .	107

Поиски, факты, гипотезы

И. Н. Соломоник (Москва). Кукольные традиции Востока и современный театр . . .	114
--	-----

Научная жизнь

Н. С. Полищук (Москва). Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. . .	131
М. Н. Губогло (Москва). Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений (научно-практическая конференция в Москве) . . .	141
А. М. Решетов (Ленинград). Научная конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» . . .	143
Д. Д. Тумаркин (Москва). Одиннадцатая Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов . . .	147
Т. Д. Златковская (Москва). Этнографические аспекты III Международного фракологического конгресса . . .	149
Коротко об экспедициях . . .	151

Наши юбиляры

Список основных работ доктора географических наук С. И. Брука (К 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности) . . .	154
--	-----

Критика и библиография

Общая этнография

М. А. Бородин (Ленинград). Проблемы этнической географии и картографии. Отв. ред. С. И. Брук . . .	161
В. З. Роговин (Москва). Комплексное исследование социальных проблем семьи (О книге А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР») . . .	166

Народы СССР

В. М. Суринов (Москва). <i>Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в.</i>	171
В. В. Митрофанова (Ленинград). Статьи и публикации по русскому фольклору в изданиях сибирских педагогических институтов за последнее десятилетие	175

Народы Америки

Л. Е. Куббель (Москва). <i>Проблемы истории и этнографии Америки</i>	178
--	-----

<u>Юлия Павловна Петрова-Аверкиева</u>	181
--	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1980 году	184
---	-----

SOMMAIRE

I. S. Gourvitch (Moscou). Un demi-siècle des autonomies du Nord de l'U. R. S. S.	3
S. I. Brouk, V. M. Kabouzan (Moscou). Composition ethnique de la population de la Russie (1719—1917)	18
S. I. Dmitriéva (Moscou). Traits particuliers d'architecture et de décoration de l'habitat traditionnel des Russes de la Miezén (en rapport avec l'histoire du peuplement de la région)	35
Albert B. Harper (Storrs, Conn., USA). Histoire de la population aléoute	50

Discussions et délibérations

I. R. Grigoulievitch (Moscou). Du rôle social de la religion (réflexions d'un chercheur dans le domaine de la religion concernant les réflexions d'un ethnographe)	61
--	----

Communications

L. V. Khomitch (Léningrad). Le District autonome Yamalo-Nenets (pour le 50ème anniversaire de la formation)	67
Z. A. Madaïeva (Grozny). Calendrier populaire des Tchétchènes et Ingouchs, fin XIXe — début XXe s.	78
G. P. Dourassov (Moscou). Un essai d'interprétation de la signification de quelques images de la broderie populaire russe de type archaïque	87
T. K. Chafranovskaïa, B. N. Komissarov (Léningrad). Matériaux pour l'ethnographie de la Polynésie dans le journal de Ye. Ye. Loewenstern	99
N. N. Michoutouchkine (Vila, Vanuatu). Un Festival artistique des populations de Vanuatu	107

Recherches, faits, hypothèses

I. N. Solomonik (Moscou). Les traditions de marionnettes de l'Orient et le théâtre moderne	114
--	-----

Vie académique

N. S. Polichtchouk (Moscou). Session Nationale sur les résultats des recherches ethnographiques et anthropologiques sur le terrain en 1979	131
M. N. Gouboglo (Moscou). Problèmes actuels du développement des nations et des rapports nationaux (une conférence scientifique et pratique à Moscou)	141

A. M. Riechétov (Léningrad). Conférence scientifique dite «Problèmes actuels des études Ouïgoures en U. R. S. S.»	143
D. D. Toumarkine (Moscou). XIe Conférence Nationale des océanistes et australisants	147
T. D. Zlatkovskaïa (Moscou). Aspects ethnographiques du IIIe Congrès des études thraces	149
Missions en bref	151

Nos jubilaires

Liste des oeuvres principales de S. I. Brouk, Docteur d'Etat ès sciences géographiques (à l'occasion du 60e anniversaire et du 35e anniversaire des activités scientifiques)	154
--	-----

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

M. A. Borodina (Léningrad). <i>Problèmes de géographie et de cartographie ethniques. Edité par S. I. Brouk</i>	161
V. Z. Rogovine (Moscou). Une étude complexe des problèmes sociaux de la famille (du livre de A. G. Khartchiev intitulé «Mariage et famille en U. R. S. S.»)	166

Peuples de l'U. R. S. S.

V. M. Sourinov (Moscou). <i>Economie et mode de vie des paysans ouest-sibériens, XVIIe — début XXe s.</i>	171
V. V. Mitrofanova (Léningrad). Articles et publications des textes concernant le folklore russe dans les publications des Instituts pédagogiques de Sibérie de la décennie récente	175

Peuples de l'Amérique

L. Ye. Koubbel (Moscou). <i>Problèmes d'histoire et d'ethnographie de l'Amérique</i>	178
Julia Pavlovna Péetrova-Avierkiéva	181
Index des articles et matériaux publiés par la revue en 1980	184

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.09.80 Подписано к печати 03.12.80 Т-19627 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 16,8 Уч.-изд. л. 20,4 Бум. л. 6,0 Тираж 2840 экз. Зак. 5142

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10